

Русский национализм:

идеология и настроение

Составитель:
Александр Верховский

Москва
Октябрь 2006

Настоящий материал (информация)
произведен и (или) распространен
иностранным агентом
РОО Центр «Сова»
либо касается деятельности
иностранного агента
РОО Центр «Сова».

18+

УДК 323.14(470+571)(081.2)
ББК 66.5(2Рос)я43+63.3(2)64-38я43
Р 89

Р 89 **Русский национализм: идеология и настроение:** (сб. статей) /
Информ.-аналитический центр «Сова»; сост.: А. Верховский. – М.:
Центр «Сова», 2006. – 304 с.: табл. (Научное издание)
ISBN 5-98418-007-3

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей посвящен таким актуальным проблемам, как рост национализма, преступления на почве ненависти, противодействие этим явлениям со стороны государства и общества.

Книга содержит много фактической информации – о преступлениях национал-радикалов и о наказаниях за них, об участии националистов в выборах и т.д. Большое внимание уделено также различным идеологическим и организационным аспектам развития современного русского национализма.

Сборник следует рассматривать как продолжение выпущенной в 2005 году книги «Цена ненависти».

Сборник составлен и выпущен при поддержке
«Национального фонда за демократию»
и рекомендован
КС Российской антидискриминационной инициативы.

Веб-сайт проекта, включающий публикации
и новости, – <http://xeno.sova-center.ru>

Составитель – А. Верховский
Редактура и корректура – В. Ахметьева
Дизайн, коллаж на обложке – Н. Винник
Верстка – М. Гаврилова

Подписано в печать 6.10.2006. Формат 60x84 1/16. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 1500. Заказ .
ОО Центр «Сова». Адрес для писем: 103982, Москва, Лучников пер., д.4, под.3, к.2.
Телефон/факс: (495) 628-63-46. E-mail: mail@sova-center.ru. Веб-сайт: <http://sova-center.ru>
Типография Россельхозакадемии. 115598 Москва, ул. Ягодная, 12.

ISBN 5-98418-007-3

© Авторы, 2006
© Верховский А.М., 2006 – составление
© Винник Н.В., 2006 – оформление

Содержание

От составителя.....5

Национализм как политика и криминал

Галина Кожевникова

Радикальный национализм в России и противодействие ему8
20059
Январь–июнь 200653
Приложения. Статистика преступлений и наказаний87

Алексей Козлов

Ультраправые тенденции
в футбольных фанатских группировках в России.....94

Владимир Прибыловский

Национал-патриоты на выборах в регионах
в 2000 – первой половине 2006.....102

Дмитрий Дубровский

«Что с научной точки зрения понимается...»122

Национализм как идеология и настроение

Михаил Соколов

Национал-большевистская партия:
идеологическая эволюция и политический стиль139

Марлен Ларюэль

Александр Панарин и «цивилизационный национализм»
в России165

Виктор Шнирельман

«Несовместимость культур»: от научных концепций
и школьного образования до реальной политики 183

Андреас Умланд

Три разновидности постсоветского фашизма..... 223

Беседа со Львом Гудковым и Борисом Дубиным

Есть ли перспектива у русского национализма?..... 263

Сведения об авторах..... 299

От составителя

Проблемы ксенофобии, расизма, преступлений на почве ненависти, публичных проявлений этнической и религиозной интолерантности уже так активно обсуждаются сейчас в России, что возникает острая необходимость отделить факты и научные рассуждения от демагогии, спекуляций и политического манипулирования. Мы надеемся, предлагаемый вашему вниманию сборник поможет в этом.

Информационно-аналитический центр «СОВА» работает по всему спектру проблем, так или иначе связанных с этнорелигиозной ксенофобией, с момента своего создания в 2002 году, продолжая работу, начатую в Центре «Панорама» еще в начале 90-х.

Эта книга – часть длительного проекта, который «СОВА» реализует при поддержке «Национального фонда за демократию» (NED). Основное содержание проекта – ежедневный мониторинг деятельности националистических групп и движений, а также деятельности правоохранительных органов, иных государственных структур и общественных объединений по противодействию преступлениям и правонарушениям на почве этнической, расовой, религиозной ненависти. Мы собираем всю доступную информацию, на основании которой можно отследить эволюцию современных российских праворадикальных движений.

Предлагаемая вашему вниманию книга – это фактически продолжение выпущенного нами год назад сборника «Цена ненависти». Тогда наше внимание было сфокусировано на двух темах: с одной стороны, совершенствование законодательства и правоприменения в рассматриваемой сфере, с другой – новые идеологические и практические феномены в русском национализме. Отчасти эти темы продолжаются и в новом сборнике.

В этом кратком вступлении нет необходимости делать какой-либо обзор основных событий и тенденций последних двух лет, касающихся развития националистической активности, государственного и общественного противодействия ей, а также политическому использованию национализма и антифашизма, поскольку все это исчерпывающим образом сделано в открывающей сборник большой статье Г. Кожевниковой.

В плане собственно активности националистов материал Г. Кожевниковой дополняется двумя тематическими обзорами. Статья А. Козлова посвящена ультранационализму в субкультуре футбольных фанатов. Ста-

тья В. Прибыловского суммирует участие националистических политиков в выборах в 2000–2006 годах.

Статья Д. Дубровского, посвященная проблемам экспертизы в делах о пропаганде ненависти, продолжает тему, начатую в сборнике «Цена ненависти». Не касаясь юридических нюансов, автор поднимает неурегулированные в правовой сфере проблемы: всякий ли ученый может быть экспертом и какие методы допустимы в такой экспертизе.

Второй раздел сборника касается достаточно широкого круга тем, общим свойством которых является их мистифицированность в общественном сознании.

Официальная «антиэкстремистская» кампания сделала чуть ли не главным своим объектом Национал-большевистскую партию. Сотрудничество демократических политиков и активистов с НБП вызывает немало нареканий со всех сторон. НБП обвиняют в фашизме не только лидеры «Наших», но и некоторые активисты и исследователи либеральной ориентации, впрочем, основываясь по большей части на материалах 90-х годов. Статья М. Соколова предлагает по-новому взглянуть на суть НБП и, соответственно, на ту идейную эволюцию, которую она проделала в нынешнем десятилетии. Этот новый взгляд не предрешает «вердикт» о сегодняшней сущности НБП, но позволяет продолжить зашедшую в тупик дискуссию на эту тему.

У русского национализма (а именно он является сейчас, в отличие от начала 90-х годов, наиболее существенным национализмом в России) — широкий спектр проявлений. На самом краю этого спектра, практически на стыке с официальной идеологией, стоит так называемый цивилизационный подход, отрицающий этнический национализм, но все равно смыкающийся с ним. Статья М. Ларюэль посвящена наиболее именитому теоретику «цивилизационного национализма» — Александру Панарину.

Респектабельной формой националистических идей является также так называемый культурный расизм. О том, что этот феномен не является только плодом современной западной мысли и практики, но прекрасно приживается и в России, о его связях с более традиционными формами этнонационализма — статья В. Шнирельмана. Следует понимать, что различные формы культурного расизма давно уже существуют не только на страницах ученых трудов: они глубоко проникли в систему образования и в общественный дискурс, например, во все, что касается темы миграции. Мы должны научиться видеть основы ксенофобии и расизма не только в лозунгах неонацистов или черносотенцев.

С другой стороны, чрезмерно частое употребление ярлыка «фашизм» тоже не способствует реальному пониманию общественных процессов и ведет к манипулированию сознанием как со стороны властей, так и со стороны многих антифашистов. Дискуссия о сути и формах фашизма в науке еще далека от завершения. И мы предлагаем статью А. Умланды, пытающегося приложить удачное, на наш взгляд, определение фашизма Роджера Гриффина к таким российским феноменам, как РНЕ, ЛДПР и неоевразийство Александра Дугина.

Завершает книгу диалог — и отчасти спор — А. Верховского с известными социологами Л. Гудковым и Б. Дубиным, посвященный все более интересующему всех вопросу: есть ли будущее у русского национализма?

Галина Кожевникова

Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2005 и первой половине 2006

Введение

Этот обзор посвящен основным проявлениям радикального этно-национализма в России и противодействию ему со стороны общества и государства в 2005 году и в первой половине 2006 года. Как и прежде¹, в его основе лежат результаты ежедневного мониторинга, который осуществляет Информационно-аналитический центр «СОВА»; все материалы, использованные в данном обзоре, кроме оговоренных особо, можно найти в разделе «Национализм и ксенофобия» сайта нашего центра — <http://xeno.sova-center.ru>.

Этот период стал временем не только развития прежних (тревожных, но уже ставших привычными) тенденций деятельности праворадикалов — таких, как рост расистского и иного мотивированного ненавистью насилия, повышение агрессивности в проявлениях бытовой ксенофобии, эксплуатация этнонационалистического электорального ресурса и т.д. Этот период обозначил новые направления праворадикальной активности и недооценку этой угрозы со стороны государства, которая, на наш взгляд, может привести к очень серьезным последствиям. Более того, представители власти всех уровней все активнее стремятся использовать проблему ксенофобии для решения совершенно другой задачи — дальнейшего ограничения гражданских прав и свобод. Эта очевидная подмена цели не только не позволяет эффективно противодействовать общественно опасным формам ксенофобии, но и прямо дискредитирует любую деятельность, направленную на противодействие праворадикальной активности.

¹ Кожевникова Г. Радикальный национализм и противодействие ему в 2004 году; в первой половине 2005 года // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М.: Центр «СОВА», 2005. С. 11–74.

2005

Проявления радикального национализма

Насилие

Мотивированное ненавистью насилие в России, как и в прежние годы, было связано в основном с действиями скинхедов. Их нападения, хотя и стали в 2005 году чуть менее жестокими (в 2005 году погибло на 10 человек меньше, чем в 2004-м), зато становятся все более частыми: за 2005 год пострадало не менее 435 человек, из которых 36 погибло, в то время как жертвами 2004 года стало не менее 257 человек, из которых погибло 46. Более того, если ранее можно было говорить о неких относительно изолированных «группах риска» — например, о темнокожих или уроженцах Центральной Азии, то теперь выделить «приоритетные» для скинхедов группы становится все труднее. Для того, чтобы стать их жертвой, вовсе не обязательно быть азербайджанцем или китайцем, достаточно просто обладать более смуглой кожей или более темным цветом волос, а можно просто «попасться под руку». Активно растет насилие в отношении представителей молодежных субкультур, которых скинхеды считают «предателями идей белой расы» — рэперов, панков, скейтеров, готов и др., а также в отношении идеологических противников скин-движения — левацкой антифашистской молодежи². Кроме того, отметим, что если в 2004 году случаи признания скин-группировками ответственности за расистские нападения были единичны, то в 2005 году они начали превращаться в систему.

Более подробно статистика расистских и неонацистски мотивированных нападений отражена в Приложении 2³. Как и прежде, в эту статистику не включены бездомные и жертвы нападений, связанных с ограблениями и другими имущественными преступлениями (как, например, убийство в драке, возникшей из-за националистических оскорблений, уроженца Азербайджана в Нижнем Новгороде, когда была угнана машина погибшего), если только мотив ненависти в подобных нападениях не признан самими правоохранительными органами. Не включены также жертвы

² Строго говоря, следует различать «красных скинов», к числу которых относится часть молодых антифа, и «наци-скинов», с которыми они воюют. Но мы, следуя установившейся традиции, называем «наци-скинов», «бонхедов», просто скинхедами, а к их противникам этот термин не применяем.

³ Статистические приложения размещены в книге после обзора за первую половину 2006 года. Данные Центра «СОВА» постоянно пополняются и уточняются. В статье и в приложениях цифры приведены по состоянию на 20 сентября 2006 г.

расправ скинхедов над бывшими «соратниками» и, главное, пострадавшие в массовых драках, так как их количество обычно сложно оценить. Таким образом, наша статистика пострадавших заведомо занижена, но зато максимально достоверна, насколько это возможно без детального исследования всех конкретных случаев.

Отметим, что по сравнению с 2004 годом заметно изменилась информационная политика СМИ в освещении подобных преступлений. Все чаще о насильственных националистических инцидентах — даже об убийствах, а не только об избиениях — становится известно лишь много месяцев спустя, только когда преступление уже раскрыто, а преступник осужден. Таким образом возникает ложное впечатление высокой раскрываемости по подобным нападениям и, соответственно, наказания большинства скинхедов, причастных к насильственным преступлениям. Но это отнюдь не соответствует истине.

И даже при том, что далеко не вся информация попадает в СМИ, и при нашем довольно жестком самоограничении при определении расового мотива нападения, нельзя не увидеть, что количество жертв растет, и растет стремительно: цифры 2005 года более чем в полтора раза превышают прошлогодние показатели, и это минимальная оценка.

Нападения скинхедов стали столь привычны, что перестают становиться «новостью», превращаясь в будничные фон. Для того, чтобы преступление привлекло к себе внимание, оно должно быть либо заранее рассчитанным на общественный резонанс, как это случилось с убийством петербургского музыканта-антифашиста Тимура Качарова 13 октября 2005 г., либо вызывать стихийные акции протеста, проигнорировать которые невозможно, как это было в октябре 2005 года после убийства перуанского студента в Воронеже или после убийств африканских студентов в Петербурге.

Несмотря на то, что основными очагами насилия продолжали оставаться Москва (10 убитых и 170 пострадавших) и Петербург (4 убитых и 45 пострадавших), география насилия неуклонно расширялась. Если в 2004 году нападения были нами отмечены в 32 регионах, то в ушедшем году — уже в 42-х (см. Приложение 1). Помимо граждан России и стран СНГ, в 2005 году пострадали граждане еще как минимум 25 государств.

Хорошая новость — некоторое уменьшение количества убийств. Разница в цифрах довольно значительна, что не может быть списано на информационную политику СМИ, хотя надо отметить, что статистика убийств 2005 года продолжает пополняться и во время написания этого обзора (август 2006 года), чего раньше обычно не происходило, — все-таки о расистском убийстве, как правило, становилось известно довольно быс-

тро. И все же можно предположить, что меньшая жестокость нападений связана с заметным увеличением приговоров за убийства начиная с 2004 года (см. ниже).

Если в большинстве регионов действуют скинхеды, то в южных районах России⁴ основным субъектом националистического насилия являются казаки. Впрочем, в 2005 году казаки постепенно начинают воспринимать скинхедов в качестве «соратников». Особенно заметным это стало после того, как в южных регионах России активизировало свою деятельность Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ), никогда не скрывавшее стремления привлечь в свои ряды участников скин-движения. Можно отметить случай в Новороссийске, где во время суда над скинхедом, напавшим на цыгана, раздавались листовки с призывами «не дать засудить юного казака». Отмечено было и вполне официальное участие праворадикальных организаций, тесно связанных со скинхедами — Славянского союза (СС) Дмитрия Демушкина и Народной национальной партии (ННП) Александра Иванова (Сухаревского) — во «Всероссийском казачьем круге», состоявшемся 10 июля под Курском⁵.

С казаками связаны три крупнейших инцидента на этнической почве, произошедших в России в 2005 году. В марте в Новороссийске бытовая драка между казаками и армянской и греческой молодежью вылилась в армянский погром. На следующий после драки день, 22 марта, казаки разгромили кафе, хозяином которого был армянин, и разбили несколько машин. Только ценой мобилизации всех правоохранительных сил города властям удалось пресечь проникновение казаков из пригородов и близлежащих станиц и более массовые беспорядки. Напряжение в городе сохранялось еще несколько недель, во время которых казаки распространяли листовки с погромными призывами и угрожали перекрыть федеральную трассу.

Широко освещался СМИ чеченский погром в астраханском селе Яндыки в августе. Спровоцирован он был смягчением приговора трем чеченцам, осужденным за осквернение сельского кладбища по мотиву

⁴ В нашей работе мы не можем охватить ситуацию в республиках Северного Кавказа. Происходящее там должно быть предметом совершенно другого типа исследований. И данные по Дагестану, Кабардино-Балкарии, Ингушетии и тем более Чечне бессмысленно смешивать с данными по Ставропольскому и Краснодарскому краю. Поэтому наша статистика исключает эти республики, а под Югом России понимаются регионы Южного округа также за вычетом этих республик.

⁵ Там Д. Демушкин и А. Иванов (Сухаревский), давно конкурирующие между собой и обвиняющие друг друга в связях с российскими спецслужбами, даже подрались «за лидерство».

национальной ненависти, и бытовой дракой, в результате которой погиб житель села — этнический калмык. Его похороны и вылились в избиения чеченцев и поджоги их домов, в которых участвовали не только жители села, но и калмыки и казаки, приехавшие из соседних с селом районов области и из Калмыкии.

В результате беспорядков было госпитализировано не менее пяти человек (неофициальные сведения говорят о минимум тридцати только госпитализированных, не уточняя точного количества пострадавших); сожжено дотла не менее пяти домов, в которых проживали семьи этнических чеченцев. Для прекращения погрома в село, в котором в общей сложности проживает более трех тысяч человек, было стянуты более тысячи бойцов внутренних войск и милиции из соседних регионов; пришлось даже перекрыть административную границу с Калмыкией⁶.

Еще один чеченский погром и тоже в августе едва не произошел в с. Ремонтное Ростовской области, где этнический чеченец был обвинен в изнасиловании дочери юртового атамана. Местные казаки провели «мобилизацию», и к селу было подтянуто более четырехсот человек. Милиции удалось предотвратить беспорядки. Однако еще несколько дней казаки стояли лагерем около села.

Все три конфликта продемонстрировали способность казачьих формирований к быстрой мобилизации и их готовность к активным насильственным действиям. Кроме того, казаки прямо заявляли о готовности взять на себя функции представителей правоохранительных органов в соответствии с собственным пониманием права.

Праворадикальные организации все более решительно демонстрируют готовность к политическому террору. И речь здесь идет не только и не столько об угрозах в адрес государственных деятелей даже самого высокого ранга⁷, а уже об открытом насилии. В 2005 году произошло два крупных инцидента, в причастности к которым подозреваются национал-радикалы.

17 марта 2005 г. было совершено покушение на Анатолия Чубайса — машина, в которой он ехал, была обстреляна. По подозрению в причастности к этому покушению был арестован член Военно-Державного союза полковник Владимир Квачков, и объявлен в розыск сын экс-сопредседателя

⁶ Подробный обзор по событиям в Яндыках был подготовлен «Мемориалом» в августе 2006 года: Масштабные волнения на межэтнической почве: Справка Правозащитного центра «Мемориал» о событиях в селе Яндыки Астраханской области // Полит.Ру. 2006. 25 августа (<http://polit.ru/dossie/2006/08/25/yandik.html>).

⁷ Например, губернатора Санкт-Петербурга Валентины Матвиенко.

Национально-державной партии России (НДПР) Бориса Миронова Иван, который является активистом праворадикальных организаций.

12 июня был совершен подрыв железнодорожного полотна перед поездом «Грозный—Москва»; возможно, это была попытка подрыва самого поезда. К счастью, серьезно никто не пострадал. В организации этого теракта также обвиняются два активиста этнонационалистических группировок.

Есть серьезные основания предполагать причастность праворадикалов к давлению на участников так называемого процесса Блохина—Коноваленко. Эти два милиционера из подмосковного Долгопрудного еще в 2003 году были обвинены в превышении служебных полномочий при задержании местного криминального «авторитета», который оказался выходцем с Кавказа. Сам «авторитет» был отпущен под подписку о невыезде, скрылся и находится в федеральном розыске. Так бы это дело и осталось разбирательством очередного случая милицейского произвола, если бы в него не вмешались местные праворадикалы. В 2004 году на двух судей и прокурора, имевших отношение к процессу, были совершены покушения, в результате которых одна из судей погибла. Ответственность за все три инцидента взяло на себя местное отделение Русского национального единства (РНЕ), объявившее себя «группой поддержки русских милиционеров». В результате судебное разбирательство было перенесено в Москву, но и после этого угрозы в адрес буквально всех участников процесса не прекратились. Летом 2005 года суд присяжных оправдал подсудимых, но в сентябре Верховный суд России отменил этот приговор, официально признав, что решение присяжных было вынесено под давлением (о том, что давление оказывалось со стороны именно РНЕ, неофициально заявляли и сами сторонники подсудимых). Каковы бы ни были мотивы давления со стороны РНЕ, известного своими тесными связями с криминалом, все эти действия объявлялись защитой «русских милиционеров» от «кавказской мафии». Дело было направлено на повторное рассмотрение, а по факту угроз возбуждено новое уголовное дело. И уже в 20-х числах декабря на жену одного из участников процесса было совершено покушение⁸.

Как знак возрастающей готовности к террору можно рассматривать и призывы целого ряда этнонационалистических организаций к легально-

⁸ В 2006 году милиционеры вновь были оправданы присяжными. Как завершилось расследование, связанное с давлением на суд, нам, к сожалению, неизвестно. Известно лишь, что с одного из милиционеров, Блохина, были сняты обвинения в организации этого давления.

му (или нелегальному⁹) приобретению оружия и к созданию мобильных вооруженных отрядов. С этими инициативами в течение 2005 года выступали организаторы Всероссийского офицерского собрания, СС, РНЕ, но наибольший резонанс имела инициатива ДПНИ, выдвинутая в день рождения Гитлера, 20 апреля, и поддержанная депутатом Государственной Думы от ЛДПР Николаем Курьяновичем.

В 2005 году рост этноксенофобных и антииммигрантских настроений россиян фиксировали практически все крупнейшие социологические центры страны. И все чаще эти ксенофобные установки приводят к националистически мотивированному насилию со стороны людей, не имеющих отношения к праворадикальным группировкам. Наиболее дикий случай произошел в Иркутской области, где 10 июня жители села Московщина линчевали узбекских гастарбайтеров только за то, что они были «такими же нерусскими», как предыдущая бригада, которую подозревали в причастности к гибели нескольких сельчан. В результате нападения два человека были убиты, еще четверо попали в больницу с тяжелыми травмами. А глава района Сергей Зубарев фактически одобрил самосуд, заявив, что конфликт спровоцировал местный бизнесмен, который должен прекратить *«возить в Московщину иностранные бригады»*, присовокупив при этом, что *«мы, русский народ, терпимы, но вечно нашу терпимость испытывать нельзя»*¹⁰. К сожалению, даже такой случай все же не является качественно новым: в 2004 году в Новосибирской области были жестоко избиты около десяти гастарбайтеров из Азербайджана¹¹, причем на избиение собралось «посмотреть» около ста (!) местных жителей.

Да и в 2005 году случай в Московщине был, хоть и самым жестоким, но не единичным. Бытовое насилие, связанное с ксенофобными настроениями россиян, было отмечено в Самарской, Псковской областях. В Свердловской области в 2005 году впервые наличие мотива национальной ненависти было признано правоохранительными органами в инциденте с использованием огнестрельного оружия — при нападении на уроженца Кавказа в Нижнем Тагиле; хотя нападавшие, по всей видимости, не были членами праворадикальных группировок.

Отметим и еще один нюанс, отчетливо проявившийся именно в 2005 году. Скинхедское расовое насилие стало настолько привычным,

⁹ За нелегальное приобретение оружия выступает РНЕ.

¹⁰ Солоненко Сергей. Кто убил узбеков в Московщине? // Группа Компаний «Номер один». 2005. 16 июня. (<http://www.pressa.irk.ru/friday/2006/29/004001.html>).

¹¹ По версии, появившейся два года спустя в праворадикальном интернете, местные жители подозревали азербайджанцев в изнасиловании местной жительницы.

а его потенциальные жертвы — настолько напуганы, что страх этот все чаще начинают использовать обыкновенные уголовники, «маскируя» свои действия под неонацистские. Так, в 2005 году в Москве и Екатеринбурге были задержаны уличные грабители, которые «выглядели как скинхеды». Москвич потом объяснял милиционерам, что такая мимикрия гарантировала ему отсутствие сопротивления жертв — достаточно было пригрозить, что на помощь придут «соратники». А в октябре в Иркутске убийцы пытались направить расследование по ложному следу, нарисовав на стене рядом с трупом свастику.

Основные направления деятельности организованных праворадикальных групп

Если в начале десятилетия наиболее заметным признаком нарастания праворадикальных настроений в России был рост насилия со стороны скин-группировок, то в 2005 году активизировалась идеологическая деятельность праворадикальных групп. Они, наряду со старыми методами (митинги, издание газет, журналов, пропаганда в интернете), начали активно использовать и новые, иногда довольно неожиданные, пиар-ходы. Можно усмотреть даже признаки стратегического планирования пропагандистской работы.

В рамках «традиционных» методов продолжало оставаться, пожалуй, лишь РНЕ, деятельность которого заметно оживилась еще в 2004 году, но в 2005 году не удержала положительную динамику. В основном, как и ранее, активисты РНЕ проводили немногочисленные пикеты и распространяли листовки с призывами к политическому террору. Возглавляемая Александром Баркашовым часть РНЕ создала в начале года проект с модным тогда названием «Пора!», но он так и не обрел популярность. В целом, РНЕ по-прежнему пребывает в кризисе, ее осколки активно враждуют между собой, обвиняя друг друга в сотрудничестве со спецслужбами, и т.д. Впечатление несколько возросшей активности РНЕ обусловлено отчасти общим оживлением в праворадикальной среде, а отчасти скандалами, связанными с хулиганскими выходками членов организации: массовая драка с сотрудниками милиции 9 мая, которая была спровоцирована, по всей видимости, самими РНЕшниками; нападение А. Баркашова с «соратниками» на милиционера; осуждение в июне 2005 года в Карелии лидера местного РНЕ за бытовое убийство.

Праворадикалы давно озаботились проблемой не востребова- нности антисемитской пропаганды широкой публикой (другие этнические фобии заметно популярнее), а ведь антисемитизм традиционно является важнейшей и весьма объемной частью в агитации русских

националистов¹². Рост социального недовольства и, параллельно, мигрантофобии в России заставляет националистов задумываться об изменении риторики. Но у многих это пока не получается. Например, один из митингов в Москве принял резолюцию, где наряду с повышением зарплаты врачам и учителям содержалось требование расследования якобы совершенного хасидами ритуального убийства пятерых красноярских детей¹³.

Безусловно, перспективным является смешение социальных и этнонационалистических лозунгов. Использование митингов, проходящих под лозунгами социальной справедливости (причем, отметим, не только в январе-феврале, когда были сильны «антимонетизационные» выступления, а на протяжении всего года), даже для традиционной антисемитской пропаганды существенно расширяло аудиторию национал-радикалов.

Но наибольшего успеха добилось ДПНИ: оно не только сумело отказаться от антисемитизма в пропаганде, но и переформулировало этническую ксенофобию в социально более приемлемое отвержение «мигрантов», под которыми уже устойчиво понимаются «этнически чуждые» приезжие с Юга и Востока в «традиционно русских» областях.

Ориентация на сильные антимигрантские настроения в обществе в сочетании с активной и радикальной по форме пропагандой превратила ДПНИ в одного из ведущих, если не главного игрока на праворадикальном поле — сила ДПНИ не в относительно немногочисленном активе, а в массе сочувствующих, в том числе более уважаемых политиков и журналистов. В свою очередь, лидер движения Александр Поткин, выступающий под псевдонимом Белов¹⁴, к концу года превратился в наиболее востребованного спикера российских этнонационалистов, вытеснив с этой позиции менее харизматичного Александра Севастьянова. А. Поткин, пиарщик (в прошлом — пресс-секретарь лидера Национально-

¹² См. раздел «Антисемитизм».

Попытки избежать антисемитизма предпринимались радикальными русскими националистами и ранее: Верховский Александр. Русские националисты, уклоняющиеся от антисемитизма // *Anti-Semitism and Philo-Semitism in the Slavic World and Western Europe. Jews and Slavs*, N 13. Haifa and Jerusalem, 2004. С. 251–264. (Доступен на сайте Центра «СОВА»: <http://xeno.sova-center.ru/1ED6E3B/1ED7483/215FBBA>)

¹³ Напомним, в апреле 2005 года в Красноярске пропали пятеро мальчиков 10–11 лет. Спустя длительное время их тела были найдены в одном из городских коллекторов.

¹⁴ А. Севастьянов выразился по этому поводу так: «Из тактических соображений руководство ДПНИ присвоило ему партийный псевдоним: Белов. Что вполне укладывается в отечественную революционную традицию (Сталин, Молотов и мн. др.)». Мы же скорее видим здесь не революционную, а просто расистскую традицию («Белов» — борец за «белую расу»).

патриотического фронта «Память») и, безусловно, талантливый демагог, почти всегда корректен в риторике, что крайне затрудняет и дискуссию с ним, и попытки привлечь его к ответственности за возбуждение национальной ненависти.

Вторым стратегическим направлением деятельности праворадикалов стало стремление к объединению. Свообразными «пробными шарами» были региональные объединительные мероприятия — на Алтае¹⁵, в Пензе, Брянске, Владимире, на Дальнем Востоке. Отметим, что формирование «Русского клуба» во Владивостоке было не только объединительным мероприятием, но, по-видимому, помогло преодолеть «организационный кризис» владивостокских неонацистов, связанный с местным «делом скинхедов»¹⁶. А вслед за этим последовали и события всероссийского масштаба.

В октябре было зарегистрировано московское отделение межрегионального общественного движения «Национально-державный путь Руси» (МОД НДПР) — реинкарнации Национально-державной партии России, со скандалом лишенной регистрации в 2003 году, но по-прежнему активной. В 2002 году регистрация партии позволила НДПР стать объединительным центром для целого ряда карликовых или расколовшихся праворадикальных группировок. А на прошедшем 3 декабря 2005 г. в Москве очередном партийном съезде НДПР открыто заявила о намерении к весне зарегистрировать необходимое количество региональных отделений для преобразования в политическую партию (чтобы успеть принять участие в выборах 2007 года). Правда, эта цель, похоже, все еще далека.

21 ноября в Москве прошел «восстановительный» съезд Союза русского народа, приуроченный к столетию создания одноименной организации, более известной как «Черная сотня». В его работе приняли участие около 70 организаций православно-монархического толка. Это — первая попытка широкой коалиции этнонационалистических организаций монархистов за последние несколько лет. Съезд не оказался очередным маргинальным мероприятием: на нем выступили руководитель фракции «Родина» (Д. Рогозина) Сергей Глазьев, вице-спикер Государственной Думы Сергей Бабурин (вторая фракция «Родина») и депутат-ЛДПРовец Николай Курьянович. Бабурин и формально вступил в организацию, а

¹⁵ В конце 2004 года.

¹⁶ В 2004 году во Владивостоке по обвинению в нескольких расистских нападениях была задержана группа скинхедов. Осужден в результате был лишь один, зато остальные давали на него показания. Это сильно деморализовало владивостокских неонацистов.

возглавил ее скульптор Вячеслав Клыков. (Правда, В. Клыков умер 2 июня 2006 г.; новый председатель пока не избран, его обязанности исполняет генерал Леонид Ивашов).

Третьим стратегическим направлением деятельности праворадикалов (вполне традиционным, но в 2005 году заметно активизировавшимся) стала «борьба за молодежь» и, как частный случай, «борьба за скинхедов», обычно лишь в малой степени «охваченных партстроительством». Вообще-то, «за молодежь» после «оранжевой революции» начали бороться буквально все — от Администрации Президента, создавшей движение «Наши», до либеральных партий. Не отстают в этой активности и праворадикалы.

Совсем новым проектом стал Евразийский союз молодежи (ЕСМ), созданный весной 2005 года в качестве боевых дружин («опричного воинства») движения «Евразия», возглавляемого Александром Дугиным, который успешно сочетает статус вполне официального политолога и репутацию одного из ведущих идеологов «русского фашизма»¹⁷. ЕСМ активно заявляет о себе как об альтернативе коммерциализованной и идеологически аморфной организации «нашистов», всячески подчеркивает лояльность действующей власти и эксплуатирует лозунги противостояния «оранжевой угрозе». При этом ЕСМ уже успел отметить несколькими провокационными акциями — нападением на пикет пятидесятников в Москве¹⁸, попытками срыва мероприятий оппозиции в нескольких регионах России (Москве, Башкирии, Краснодарском крае) и формально лидирующей ролью в ноябрьском «Правом марше» в Москве.

Продолжается и пропагандистская работа в молодежной среде. Так, во Владимирской области все лето работал военизированный лагерь, организованный Русским общенациональным союзом (РОНС). В программных документах НДПР молодежь выделена как одна из основных «целевых» групп для пропаганды. Собственно, НДПР и была в этой работе наиболее активна (если, конечно, не считать собственно молодежных неонацистских группировок). Один из ее лидеров, Александр Севастьянов, занимался активной лекционной деятельностью, площадками для которой стали не только «коммерческие», но и вполне уважаемые государственные вузы.

¹⁷ См. об этом, например, статью А. Умланд в данном сборнике, а также: Ларюэль Марлен. Александр Дугин — идеологический посредник // Цена ненависти. С. 226–253.

¹⁸ См. об этом ниже.

Вновь была сделана попытка проникновения НДПР в школы. Используя опыт 2004 года¹⁹, Томское региональное отделение партии организовало конкурс школьных сочинений «Что значит быть русским в России?». Как удалось привлечь школы к конкурсу, в логотипе которого использовалась лишь слегка стилизованная фашистская свастика, остается только гадать.

О «государственной» борьбе за скинхедов будет сказано ниже²⁰, что же касается организаций праворадикалов, выступающих публично, то до 2005 года они, за редким исключением²¹, довольно настороженно относились к идее сотрудничества с неонацистскими скинхедскими группировками. Вероятно, скин-масса казалась им и неуправляемой, и недисциплинированной. Однако и в этом плане 2005 год стал переломным. Если весеннее заявление известных петербургских праворадикалов Юрия Белова и Юрия Риверова об объединении скинов в «Белый патруль» еще можно было рассматривать как саморекламу²², то этого уже никак нельзя сказать о «Правом марше», организованном 4 ноября 2005 г. в Москве коалицией праворадикальных организаций²³.

«Правый марш» стал ожидаемым результатом учрежденного в начале года государственного праздника «День национального единства», носящего ярко выраженный антизападный характер. Планировался марш, вероятно, если не как общероссийская, то хотя бы как межрегиональная акция, однако в Петербурге количество участников было традиционно небольшим, не превысив полутора сотен человек, а в Сыктывкаре марш и вовсе был запрещен местной администрацией. Но для мощного пропагандистского эффекта хватило и Москвы, где около трех тысяч человек (в подавляющем большинстве — скинхеды) прошли по улицам города под ксенофобными, расистскими и откровенно неонацистскими лозунгами. А в завершение всего вскинули руки в нацистском приветствии.

¹⁹ В 2003–2004 годах НДПР уже проводило такой конкурс во всероссийском масштабе. Подробнее об этом см.: Кожевникова Г. Радикальный национализм и противодействие ему в 2004 году // Цена ненависти. С. 13–14.

²⁰ См. раздел «Радикальный национализм от имени государства».

²¹ Эти исключения — Партия свободы Ю. Беляева, обе Народные национальные партии — С. Токмакова и А. Иванова (Сухаревского), Славянский Союз Д. Демушкина.

²² Тем более, что вскоре они и сами запутались в собственной информации.

²³ Среди фактических организаторов марша — ЕСМ, ДПНИ, НДПР. Формальным заявителем выступил ЕСМ.

Количество скинхедов и дисциплинированность, которую они проявили во время этого марша²⁴, продемонстрировали не только обширные серьезные связи легальных организаций с неонацистскими скин-группировками, но и управляемость (по крайней мере кратковременную) скин-массы, уверенности в которой до сих пор не было не только у экспертов, но, видимо, и у самих идеологов марша. Не вызывает сомнений, что теперь все идеологически активные праворадикалы активизируют работу в этой среде.

Кроме использования «социальных» митингов для собственной агитации, новым и эффективным пиар-ходом оказалось пикетирование судов. Речь идет не о защите тех, кого национал-патриоты считают «соратниками» (например, членов «Шульц-88» в Петербурге или РНЕ в Орле). Более выигрышны персонажи, к национал-патриотам отношения не имеющие, и криминальные эпизоды, не содержащие идеологической подоплеки, но включающие «представителей русского народа» и «представителей инородцев/мигрантов». Праворадикалы представляют эти дела как результат именно этнического противостояния и могут с ними обращаться к более широкой общественности. Наиболее яркими примерами являются дело двух милиционеров из подмосковного Долгопрудного (см. выше) и «дело Иванниковой» — москвички, обвиненной в убийстве мужчины, пытавшемся ее изнасиловать; мужчина был этническим армянином. Хотя действия Иванниковой явно не зависели от этничности этого мужчины, ДПНИ не ограничилось пикетами, но еще и вручило ей специальную премию, и этот неординарный ход вызвал заметный резонанс в СМИ.

Довольно эффективным способом саморекламы стали взломы интернет-сайтов, которые активно практикуют сторонники СС. Если ранее это были единичные случаи, то в 2005 году эта деятельность приобрела целенаправленный характер, особенно после широко освещенных в СМИ взломов сайта Московской Хельсинкской группы (МХГ) и сайта Федерации еврейских общин России (ФЕОР) Jewish.ru. Пресечь эту деятельность правоохранительные органы почему-то не могут, а СС открыто призывает к новым и новым взломам как к «хорошему результату» (вероятно, имеется в виду «средству» — Г.К.) для прорыва информационной блокады».

В 2005 году появилась еще одна, крайне тревожная тенденция. Все чаще становится известно о совместных мероприятиях право- и лево-

²⁴ Достаточно отметить, что они не ввязались в драку, когда небольшая группа антифашистов попыталась закидать их презервативами с водой. Милиции в этом месте было явно недостаточно для предотвращения потасовки.

радикальных, а то и либерально ориентированных организаций. Есть сведения о сотрудничестве Авангарда красной молодежи (АКМ) и РНЕ в подмосковном Раменском и в Ростове-на-Дону; в совместном пикете в защиту активистов Новгородского РНЕ участвовали представители региональных отделений Национал-большевистской партии (НБП), Партии свободы и ... «Яблока»; на одном из митингов в Москве, проходившем под этнонационалистическими лозунгами, помимо ДПНИ и ННП, участвовали активисты Союза коммунистической молодежи (СКМ) и молодежного «Яблока» и т.д. Еще больше было примеров сотрудничества демократических организаций с партией «Родина».

Антицыганские выступления

Довольно заметными стали в 2005 году антицыганские выступления. Причем обусловлены они были как бытовыми ксенофобными мифами (порой самыми дикими, типа «похищения детей»), так и целенаправленной антицыганской пропагандой.

Так, весной 2005 года городские власти Красноярска были вынуждены в срочном порядке выслать цыган из города с целью предотвращения цыганских погромов, угроза которых стали вполне реальной из-за распространившегося в городе убеждения, что цыгане виноваты в пропаже пятерых школьников²⁵. Такие действия — не лучший (и, вероятно, незаконный) способ решения проблемы. Но, по всей видимости, власти были не в состоянии обеспечить этим людям безопасность.

Нападения на цыган были зафиксированы в Ленинградской, Псковской, Московской²⁶ и Белгородской областях. В последнем случае оно было на удивление профессионально спланировано и организовано: дорога, ведущая к дому, была перекрыта под предлогом ремонта, нападавшие были в масках, в дом сначала кинули бутылку с зажигательной смесью, а потом с криками «Бей цыган!» начали избивать выбегавших из помещения людей. В результате хозяйка дома и ее сын попали в больницу, а больших жертв удалось избежать лишь случайно — у хозяев в тот день были гости, которым удалось не только прогнать нападавших, но и задержать одного из них.

Однако наиболее крупные конфликты начались еще в 2004 году, а в 2005-м лишь получили свое продолжение.

²⁵ Об их гибели — см. выше. К тому моменту еще не было известно, что дети погибли.

²⁶ За погром цыганского табора в Подмосковье, в результате которого пострадало не менее четырех человек, взяла на себя ответственность одна из подмосковных скин-группировок.

СМИ не раз писали о событиях в цыганском поселке в городе Искитим Новосибирской области. Они начались в декабре 2004 года, когда под предлогом борьбы с наркоторговлей было сожжено несколько цыганских домов. Поджоги, осуществленные местными бандитами, происходили при поддержке местных жителей и при фактическом поощрении со стороны милиции. В течение 2005 года было еще две волны поджогов — в апреле и ноябре. Все эти нападения сопровождалась интенсивной антицыганской пропагандой в местных СМИ (некоторые газеты, не ограничиваясь темой наркоторговли, договорились до обвинения цыган в самоподжогах и в связях с чеченскими террористами). Милиция долгое время просто отказывалась реагировать на происходящее — реальное расследование по фактам поджогов началось лишь после депутатского запроса заместителя председателя Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Петра Шелища («Единая Россия»), направленного в Новосибирское ГУВД в марте 2005 года. Сам Шелищ был немедленно обвинен новосибирской прессой в коррупции, а правозащитные организации, пытавшиеся помочь пострадавшим, были объявлены пособниками наркоторговцев.

После третьей волны поджогов, в ноябре 2005 года, когда погибла восьмилетняя девочка (бутылка с зажигательной смесью попала в детскую кроватку) и серьезно пострадала ее мать, выступавший по местному телевидению представитель прокуратуры прямо заявил, что поджигатели домов установлены, но наказаны не будут, так как население Искитима давно обеспокоено распространением наркотиков в регионе и очень заинтересовано в том, чтобы все цыгане уехали. Правда, несмотря на эти заявления, часть поджигателей все же была задержана, и в сентябре 2006 года в Новосибирске начался суд над 7 криминальными авторитетами — участниками поджогов, которые обвиняются по 34 (!) криминальным эпизодам.

По аналогичному сценарию едва не начали развиваться и события в Ярославской области, начало которым было положено в ноябре 2004 года, когда депутат Ярославского муниципалитета Сергей Кривнюк заявил о готовности лично возглавить цыганские погромы с целью борьбы с наркоторговлей. Тогда волну антицыганских настроений удалось пригасить публичными опровержениями антицыганских обвинений со стороны местных наркополицейских и публичным же заявлением городской прокуратуры о возможности уголовного преследования депутата²⁷. После искитимских событий весной 2005 года С. Кривнюк

²⁷ Позже появились неподтвержденные сообщения о том, что по факту этого выступления против С. Кривнюка было заведено дело по ст. 282 УК.

все же создал некую «народную дружину имени Че Гевары», которая разбила несколько машин, принадлежащих цыганам (о пострадавших ничего не известно). Однако как только С. Кривнюк заявил о своей причастности к деятельности «дружины», местное УВД немедленно начало проверку его деятельности, вновь пригрозив заведением уголовного дела. Отметим также и позицию ярославских СМИ, которые поддержали правоохранителей, разъясняя жителям области опасность заявлений Кривнюка²⁸.

Ярославская область — один из редких примеров оперативной и публичной реакции правоохранительных органов на подобные заявления и деяния. А вот в Иркутской области погромные антицыганские призывы депутата Государственной Думы и неформального лидера екатеринбургского фонда «Город без наркотиков» Евгения Ройзмана²⁹ были не только не осуждены, но и широко распропагандированы местными СМИ.

На фоне этих событий затянувшийся конфликт между цыганским табором и мэрией Архангельска по поводу законности землеотвода под строительство цыганских домов выглядит относительно «цивилизованным». Тяжба длилась более полутора лет и в конечном итоге завершилась победой мэрии — в 2006 году табор покинул Архангельск. Впрочем, мэр Архангельска Александр Донской, неоднократно выступал с антицыганскими заявлениями и обещаниями «решить вопрос» вне зависимости от решения суда.

Антисемитизм

С начала 2005 года более или менее скандальные события антисемитского толка следовали одно за другим, возвращая в публичный дискурс слегка подзабытую уже широкой общественностью тему антисемитизма.

Начало было положено 13 января антисемитским обращением 19 депутатов Государственной Думы от «Родины» и КПРФ к Генеральному

²⁸ См., например: Козловский Олег. Прежде чем жечь дома и выселять цыган // Золотое кольцо (Ярославль). 2005. 22 января (http://www.goldring.ru/podrobno.php?id_rub=15798&day=22&month=1&year=2005).

²⁹ Фонд известен антицыганскими и антитаджикскими выступлениями, похищением наркозависимых людей с целью их безмедикаментозного (!) лечения, а сам Ройзман — тесными дружескими связями с местным криминальным «авторитетом» Александром Хабаровым, погибшим в тюрьме в 2005 году. А. Ройзман был первое время членом фракции «Единая Россия», ныне он примкнул к Российской партии жизни.

прокурору с требованием закрыть все еврейские организации в России по той причине, что все они якобы руководствуются указаниями религиозного трактата «Кицур Шульхан Арух», в котором авторы обращения усмотрели проповедь ненависти к неевреям. Автором обращения, подписи под которым начали собирать еще осенью 2004 года, был радикальный православно-националистический публицист Михаил Назаров, взявший за основу статью, опубликованную им еще в 2002 году. Буквально на следующий день после депутатского запроса его текст (разбитый на главы) был размещен на сайте газеты Константина Душенова «Русь Православная» как документ, открытый к подписанию всеми желающими. К моменту размещения на сайте под обращением было собрано 500 подписей.

Скандал в СМИ, однако, разразился лишь спустя неделю после публикации, 22–23 января, накануне визита Президента России в Польшу на мемориальные мероприятия, посвященные 60-летию освобождения Освенцима. Обращает на себя внимание, что В. Путин на этот скандал отреагировал не сразу: заявление, осуждающее антисемитское письмо, подписанное 19 парламентариями, было сделано лишь 27 января, в Польше — для международной, а не для российской общественности. Впрочем, «письмо пятисот» осудили многие российский государственные деятели, МИД, обе палаты Федерального Собрания и т.д. Часть депутатов-подписантов отступилась, но некоторые, в первую очередь — Александр Крутов и Андрей Савельев, продолжали отстаивать свои идеи, так что «письмо пятисот» надолго осталось актуальной темой.

Зима 2004—2005 годов ознаменовалась также вспышкой антисемитского насилия в Москве. До декабря 2004 года идеологически мотивированные насильственные преступления в отношении евреев были крайне редки — за 11 месяцев 2004 года их было зафиксировано лишь два. Однако за зиму 2004—2005 годов произошло пять нападений, носивших ярко выраженный антисемитский характер, пострадало не менее семи человек, из них шесть — в Москве. Наибольший резонанс имело нападение 14 января на двух раввинов — Александра Лакшина и Рувэна Куравского. Почти все московские инциденты произошли в районе синагоги ФЕОР в Марьиной Роще. Но если эти нападения были, по всей видимости, результатом действий местной скин-группировки, которая объектом ненависти выбрала не только «кавказцев» или «азиатов», но и евреев (недаром после ареста подозреваемых в избиении раввина Лакшина нападения в этом районе немедленно прекратились), то дальнейшие инциденты — нападение на израильского студента и «антисемитский» поджог квартиры в Петербурге, агрессия по отношению к «Мисс Мира-1998», гражданке Израиля, в московском метро — вполне могли быть спровоцированы именно анти-

семитским письмом и, главное, проявившимся в последующей дискуссии ослаблением табу на публичные проявления антисемитизма.

Этому способствовали и неготовность части российских журналистов к профессиональному обсуждению проблемы, непонимание ими того, что национал-патриоты рассматривают СМИ не как дискуссионную площадку, а как мощнейшее средство пропаганды. Наиболее ярким примером профессионального провала стала вышедшая 14 февраля 2005 г. программа Владимира Соловьева «К барьеру» с участием Альберта Макашова.

В дальнейшем антисемитская пропаганда шла по нарастающей, приобретая все более пещерные формы. Этому в немалой степени способствовала позиция правоохранительных органов, отказавшихся даже заводить уголовное дело о признании «письма пятисот» (впоследствии переработанного и вновь направленного в прокуратуру уже как «письмо пяти тысяч») возбуждающим национальную ненависть.

Следующим шагом антисемитов была реанимация «кровавого навета» — мифа о ритуальном убийстве, совершаемом евреями. Начал все тот же Михаил Назаров — в связи с трагедией с пропажей и гибелью пятерых школьников в Красноярске. Он прямо обвинил хасидскую общину Красноярска в ритуальном убийстве, а губернатора Александра Хлопонина — в сокрытии этого преступления. Вскоре этот тезис столь же безнаказанно повторяли на одном из этнонационалистических митингов на Пушкинской площади в Москве.

Соответственно, вполне логичным и последовательным шагом выглядел начавшееся осенью 2005 года распространение документального фильма Константина Душенова «Россия с ножом в спине. Еврейский фашизм и геноцид русского народа». С тех пор Душенов размещает на своем сайте и другие фильмы подобного содержания.

А завершился год «монументальным» скандалом, связанным с попыткой установить в Белгородской области памятник князю Святославу: на макете конь князя топчет поверженного хазарского воина, на щите которого изображена звезда Давида (не использовавшаяся, конечно, в Хазарском каганате; кстати, мало кто заметил, что на щите князя изображена многолучевая свастика). В качестве курьеза можно отметить, что памятник, от которого в 2005 году отказались две области, планировалось установить на территории православного монастыря, хотя Святослав был язычником. Монтаж скульптуры был остановлен после того, как еврейские организации России выразили публичный протест. В свою очередь, автор памятника и новоиспеченный лидер Союза русского народа Вячеслав Клыков воспользовался скандалом для того, чтобы вновь публично

заявить о том, что иудеи являются «врагами России и православия» и что он не будет модифицировать памятник, поскольку «мы должны понимать суть победы князя Святослава»³⁰.

Все эти события выглядят не просто как логичная эскалация активности. Создается впечатление, что антисемиты наносят удары по неким существовавшим ранее, пусть и неформально, «границам дозволенного», проверяя, последует ли реакция на эти демарши. И отказы прокуратуры усматривать возбуждение ненависти провоцируют их на все более и более активные действия, постепенно размывая представления об этих границах. Кстати, прекрасным индикатором «дозволенности» стало изменение поведения лидера ЛДПР Владимира Жириновского, который все чаще начал позволять себе откровенные антисемитские выступления не только в регионах, но и в Москве, на вполне официальных мероприятиях³¹.

На этом фоне абсолютно не удивительны ни скандал, связанный с распространением антисемитской литературы на осенней книжной ярмарке в Москве, ни приглашение в Общественную палату известного своими антисемитскими взглядами еще во времена СССР писателя Валерия Ганичева, ни регулярный выход антисемитской программы «Наша стратегия» на петербургском телеканале ТВ-3³², ни другие антисемитские акции. Это и проявления открытой агрессии по отношению к евреям, как, например, это случилось в Тамбове, где накануне Песаха группа коротко стриженных подростков, увидев несколько религиозных евреев, стала громко выкрикивать: «Жиды!» и «Юде швайн!», или в Курске, где под угрозой теракта было сорвано выступление хора Турецкого. Это и все более нарочитый, демонстративный характер действий вандалов. Так, в Москве прямо в рабочие часы был устроен погром в кошерном магазине, а нападения на еврейское кладбище в Санкт-Петербурге стали систематическими. Всего же в 2005 году было отмечено не менее 27 актов вандализма в отношении еврейских культурных и религиозных объектов в 17 регионах России.

³⁰ Впрочем, коммерческие интересы, похоже, все-таки перевесили: в январе 2006 года памятник тихо и без помпы открыли в селе Холки Белгородской области, но скульптура все же была изменена: шестиконечная звезда то ли была заменена двенадцатиконечной, то ли вообще убрана из композиции. Дивны Холки в Диком поле. Пасхальное паломничество в Холкинский Свято-Троицкий монастырь // Русская линия. 2006. 2 мая (<http://www.rusk.ru/st.php?idar=110177>).

³¹ Например, на «круглом столе» «Национальный вопрос в структуре общественного взаимодействия», проведенном в Государственной Думе 16 мая 2005 г.

³² В 2006 году программа перестала выходить без объяснения причин. Ее более жизнеспособным, но не менее ксенофобным преемником является программа «Два против одного».

И остается только удивляться тому, что этих инцидентов все же сравнительно мало, а нападение на верующих московской синагоги произошло лишь 11 января 2006 г., а не раньше — ведь интенсивность и жесткость антисемитской пропаганды за прошедший год заметно возросла.

Исламофобия

Явно не ослабли в 2005 году и антиисламские настроения. В основном речь идет об актах вандализма по отношению к культовым сооружениям и кладбищам. Так, были осквернены мечети в Нижнем Новгороде и Пензе, а в Сыктывкаре 1 декабря 2005 г. был совершен поджог здания Духовного управления мусульман Республики Коми. Впрочем, надо отметить, что количество актов вандализма в отношении мусульманских объектов по сравнению с 2004 годом сократилось.

В 2005 году нападений на мусульман именно как таковых³³, по-видимому, было также меньше, чем в 2004 году, когда всплеск исламофобии был спровоцирован бесланской трагедией. Однако важно отметить нападение на молельный дом в Сергиевом Посаде: 14 октября 2005 г. около десятка вооруженных арматурой бритоголовых молодых людей ворвались в мусульманский молельный дом и, выкрикивая лозунги «Россия для русских!» и «В России нет места мусульманам!», напали на прихожан. В результате глава общины был госпитализирован.

Отмечены и случаи публичных оскорблений мусульман. Так, 3 сентября 2005 г. в Нижнем Новгороде на митинге молчания в память о трагедии в Беслане мусульмане — организаторы митинга были освистаны скинхедами, которые выкрикивали антимусульманские лозунги.

Однако в основном антиисламские настроения проявлялись в публичной дискуссии, которая особенно заметно усилилась во второй половине 2005 года. Начало было положено обсуждением откровенно антимусульманского романа Елены Чудиновой «Мечеть Парижской Богородицы». В дальнейшем дискуссия резко активизировалась в связи с ноябрьскими беспорядками в парижских пригородах. Эти события в российских СМИ освещались почти исключительно в терминах расового («черные иммигранты и/или арабы — белые европейцы») и религиозного (точнее, религиозно-цивилизационного) противостояния. А призывы некоторых мусульманских деятелей исключить крест из герба России, прозвучавшие в конце года, лишь усилили агрессивность антимусульманской полемики.

³³ В данном отчете мы не рассматриваем преследование мусульманских групп на Северном Кавказе, например, в Кабардино-Балкарии. Это отдельная тема, требующая самостоятельного исследования.

Показательно, что, в отличие от антисемитских, антиисламские публикации появляются не в маргинальной, а во вполне уважаемой и тиражной прессе. В презентации книги Чудиновой принимали участие не малоизвестные национал-патриоты, а телеобозреватель Михаил Леонтьев. Впрочем, после парижских погромов ссылка на «Мечеть Парижской Богородицы» стала едва ли не обязательным атрибутом комментариев антилиберального толка, а сама Чудинова на некоторое время превратилась в главного «эксперта по Франции».

Все это заставляет предположить, что если антисемитизм в общественном сознании по-прежнему неприемлем для публичной поддержки, то в отношении антимусульманских высказываний такая установка очень ослаблена и все более ослабевает.

Иная религиозная ксенофобия

Помимо антисемитских и антиисламских инцидентов, религиозно мотивированная ксенофобия³⁴ преимущественно проявлялась в многочисленных актах вандализма в отношении кладбищ и культовых сооружений. От этого страдают практически все — от малочисленных и новых религиозных объединений до доминирующей Русской православной церкви. Отметим, что в отношении последней (а нами было зафиксировано около 30 «антиправославных» актов вандализма в 18 регионах России), если речь не идет об обычном хулиганстве, действуют в основном подростки, называющие себя «сатанистами». Правда, в Вологодской области подожженная часовня была расписана лозунгами «России — русским богам!», что дает основания предполагать причастность к поджогу праворадикалов-неоязычников, у которых этот лозунг очень популярен.

Наиболее серьезный инцидент произошел под Вязьмой (Смоленская область), где 14 ноября была взорвана православная часовня, построенная рядом с мемориалом погибшим советским воинам.

Если РПЦ страдает только от вандализма, то представители других конфессий все чаще становятся жертвами насилия, причем нередко от людей, подчеркивающих свою «православность» или же мотивирующих свои действия защитой «традиционности» в их понимании.

Например, именно с активизацией деятельности нескольких радикальных православных организаций, ставящих своей целью прекращение деятельности Русской православной автономной церкви (РПАЦ) в

³⁴ В данном обзоре мы не рассматриваем дискриминацию верующих тех или иных конфессий со стороны государственных учреждений.

Суздале (Владимирской области), связывают нападение на престарелого главу РПАЦ митрополита Валентина (Русанцова) в октябре 2005 года и оскорбления, которым постоянно подвергаются монахини Ризоположенского монастыря РПАЦ.

9 апреля 2005 г. возле одного из клубов Москвы группа, вооруженная арматурой, цепями и ножами, напала на black-металлистов и их поклонников (несколько человек было госпитализировано). При этом праворадикальные сайты определяли нападавших как «православную молодежь, противостоящую сатанистам». А 10 августа на пикет пятидесятников на Пушкинской площади в Москве с криками «Еретиков на костер!» и «Наша вера — православие!» напали молодые люди в черных рубашках (по некоторым сведениям — члены Евразийского союза молодежи). Подобные нападения со стороны не религиозных, в общем-то, группировок, но мотивирующих свои нападения именно с религиозных позиций — тревожное явление, ставшее особенно заметным именно в прошедшем году.

Ксенофобия как электоральный ресурс

Как и в прежние годы, многие политики рассматривают ксенофобные настроения россиян как существенный электоральный ресурс. Практически на всех избирательных кампаниях 2005 года находились люди, так или иначе эксплуатировавшие этнонационалистические лозунги. Можно говорить о нескольких основных видах ксенофобной пропаганды.

Давно известный вид «черного пиара» — использование ксенофобных лозунгов и материалов с целью дискредитации соперника. Это может быть анонимная пропаганда, как это случилось, например, осенью на местных выборах в Бурятии, где плакаты одного из кандидатов на пост мэра города Гусиноозерска были заклеены стикером «Долой бурята!». Возможен и более тонкий прием: тиражирование и распространение ксенофобных материалов от имени «заказанного» соперника или организации: так, например, на муниципальных выборах в Туле ксенофобные листовки распространялись от имени местной национально-культурной автономии армян³⁵.

Участие в выборах является хорошей легальной возможностью расширения аудитории для мелких и малоизвестных праворадикальных организаций и группировок, в принципе, не надеющихся победить. Именно выборы дают им возможность и средства для более масштабной

³⁵ Тульские армяне требуют наказать провокаторов // Агентство национальных новостей. 2005. 25 октября (<http://www.annews.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=19554>). Выборы состоялись 30 октября 2005 г.

пропаганды и агитации, вплоть до бесплатного телевизионного эфира. Именно с этой целью шли на выборы активисты и ленинградского областного отделения НДПР, и откровенно неонацистского Национал-социалистического общества (НСО), и Партии свободы.

Случается, что по округу баллотируются несколько праворадикалов, и некоторые в конечном итоге снимают свои кандидатуры в пользу сильнейшего из них. Так, например, случилось на дополнительных выборах в Государственную Думу по 199-му Преображенскому избирательному округу, где наряду с обвиняемым в покушении на Чубайса полковником Квачковым баллотировался кандидат неонацистского толка Алексей Назаров. Поддержавшее его НСО в порядке «агитации за кандидата» провело в Москве как минимум два митинга, неонацистский характер которых не вызывал сомнений у наблюдателей, а за два дня до выборов А. Назаров снял свою кандидатуру в пользу Квачкова. В данном случае нам важны не основания, по которым А. Назаров сошел с дистанции, а то, что таким образом был продемонстрирован весьма перспективный способ увеличения масштабов ксенофобной пропаганды: агитация велась в двойном объеме, а на голосование реально вышел один, заведомо более перспективный, кандидат, что исключило даже минимальное распыление голосов.

Открыто используют ксенофобную риторику и более солидные кандидаты, имеющие вполне реальные шансы на успех. Как правило, в чисто электоральном плане ксенофобные лозунги рассматриваются ими как дополнительное преимущество, но не как основа агитации. Сейчас скандал, который неизбежно будет сопровождать ксенофобную агитацию, является эффективным пиар-ходом по преодолению мощнейшей информационной блокады, в которую попадают все альтернативные «Единой России» движения и кандидаты.

Наиболее эффективно воспользовалась этим приемом партия «Родина» на выборах в Мосгордуму. Скандал, разразившийся в связи с ее кампанией, превзошел, вероятно, самые смелые ожидания политтехнологов, выбравших эту стратегию. Лозунги «Москва для москвичей!» и «Очистим наш город от мусора!» сразу привлекли к себе внимание прессы. На пикете, проведенном партией в октябре на площади Маяковского, молодые люди «выметали» гастарбайтеров с улиц Москвы. Молодежное крыло партии назвало себя «Патриотическим Гринписом», который будет «чистить» московские рынки от недобросовестных торговцев-иностранцев. Но пиком скандала, стал, разумеется, предвыборный ролик партии «Очистим наш город от мусора», в котором под «мусором» подразумевались иноэтничные мигранты.

Избирательная стратегия «Родины» вызвала возмущение многих, кто с ней столкнулся, не говоря уже о том, что ролик едва не спровоцировал международный скандал (свое возмущение по поводу ролика выразили посольства Азербайджана и Франции³⁶). Таким образом, Д. Rogozin действительно добился желаемой цели: информационная блокада была прервана, скандал стал самым заметным событием избирательной кампании, а «Родина» начала (вне зависимости от обоснованности подобных оценок) восприниматься как реальный конкурент «Единой России».

Решение московского, а затем и Верховного суда о снятии партии с выборов за «возбуждение национальной ненависти» было для нее, скорее всего, полной неожиданностью. Это **первый** известный нам случай снятия партии с выборов с подобной формулировкой. До этого националистические списки снимались с выборов лишь по формальному признаку (как, например, это случилось на парламентских выборах 1999 года с блоком «Спас»).

Однако «Родина» была не единственной партией, использовавшей ксенофобные лозунги в этой избирательной кампании. Более того, идея фактически была позаимствована у ЛДПР, которая уже неоднократно пользовалась приемом камуфлирования этнической ксенофобии географическими и социальными понятиями (лозунги «Криминальные южане — вон из России!», «Здесь не Кавказ» и т.д.)³⁷. Не стала исключением и нынешняя избирательная кампания, где наиболее известной стала листовка ЛДПР «*Закрывать Москву от выходцев с Юга! Мы за город с русскими лицами. Нелегалам не место в столице*».

В ноябре 2005 года «Родина» и ЛДПР за принципиально схожую агитацию обратились в суд с требованием снять друг друга с гонки. Но ЛДПР суд выиграла, а «Родина» — нет. И это, к сожалению, подтверждает всеобщую убежденность в том, что реальной причиной снятия партии Rogozina с московских выборов стал отнюдь не национализм, а ее популярность в Москве и реальная конкуренция, которую она могла составить «Единой России».

³⁶ Посол Франции возмутился потому, что «Родина» после запрета на показ ролика изменила его: перевела его содержание на французский язык и заменила музыку с узнаваемо кавказской на предположительно арабскую, явно увязывая ролик с беспорядками во Франции.

Обращение посла Азербайджана спровоцировало Rogozina на крайне некорректную полемику, а вот оскорблять посла Франции Rogozin все же не решился.

³⁷ Напомним, этот прием как минимум трижды использовался ЛДПР в 2004 году. Дважды при этом он становился предметом судебного разбирательства, и оба раза агитация партии признавалась законной.

Еще один пример – выборы главы администрации города Мегион в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО). Реальным претендентом на этот пост был Александр Кузьмин, существенно опередивший в первом туре выборов действующего мэра, кандидата от «Единой России» Александра Чепайкина (49,53 % и 27,33 % соответственно). А. Кузьмин настолько активно использовал в своей избирательной кампании ксенофобную пропаганду, что 8 апреля 2005 г., буквально накануне второго тура голосования, президиум окружного суда ХМАО принял, после длительных и запутанных судебных разбирательств, решение о снятии А. Кузьмина с выборов за «подкуп, разжигание национальной вражды и расовой дискриминации». В результате выборы были фактически сорваны. Кузьмин дошел до Верховного суда, который постановил, что отмена его регистрации была незаконной из-за процессуальных нарушений. При этом Верховный суд отказался снять с кандидата обвинения в возбуждении национальной ненависти. Впрочем, 12 марта 2006 г. А. Кузьмин все же был избран мэром города, набрав 57 % голосов³⁸.

Еще раз подчеркнем, что эти случаи – «Родины» и А. Кузьмина – уникальны для российской электоральной практики. Для сравнения напомним, что в конце 2003 года признаков возбуждения ненависти не нашли даже в звучавших прямо с телеэкрана призывах Германа Стерлигова расстреливать цыган и азербайджанцев на улицах Москвы. Однако политический подтекст, который присутствует в обоих решениях, сильно нивелирует антиксенофобную составляющую этих прецедентов, формирует убеждение в избирательности правоприменения, обусловленного соперничеством с «партией власти».

Ведь в остальных случаях электоральная ксенофобия остается практически безнаказанной, даже если дело доходит до рукоприкладства, как это случилось во Владимирской области. На одну из встреч Геннадия Зюганова с избирателями пришел лидер РОНС Игорь Артемов и принялся оскорблять лидера местных комсомольцев Магомеда Ахматова, обыгрывая его чеченское происхождение. Тот, в свою очередь, назвал Артемова фашистом, за что и получил удар в челюсть. Против Артемова было возбуждено уголовное дело, хотя перспективы реального наказания популярного в области политика-националиста казались крайне сомнительными. В августе 2006 года игнорировавший следственные действия И. Артемов, депутат областного Законодательного собрания, был объявлен в федеральный розыск.

³⁸ Мэром Мегиона избран Александр Кузьмин (Югра) // ИА REGNUM. 2006. 13 марта (<http://www.regnum.ru/news/604675.html>).

Отметим, что электоральные результаты праворадикалов, как правило, ничтожны. Исключения единичны и часто обусловлены отнюдь не радикальной ксенофобией, а какими-то субъективными причинами³⁹. Однако к концу 2005 года и здесь произошли тревожные изменения. Баллотировавшийся на упомянутых выше довыборах по 199-му округу в Москве полковник В. Квачков вел свою избирательную кампанию под лозунгами национально-освободительной войны против «иностранных оккупационных властей» современной России: «Уничтожение оккупантов и их пособников есть не преступление, а долг и обязанность каждого защитника Отечества, верного воинской присяге»⁴⁰. Безусловно, все избиратели округа знали, что полковник обвиняется в политическом терроре – покушении на Чубайса. Это означает, что не менее 44167 человек, отдавших свои голоса Квачкову, этот террор одобрили. Кроме того, вынося даже за скобки игру на антипатиях к А. Чубайсу, немалая часть «квачковского электората» знала и о политических взглядах, которых придерживается полковник: ведь о его «манифесте национал-патриотического восстания» написали практически все газеты. И значит, часть голосовавших за него голосовала именно за праворадикала. В результате В. Квачков, набравший 28,9 % голосов, был единственным кандидатом национал-патриотического лагеря, составившим реальную конкуренцию «кандидату власти». Бывший спецназовец Квачков проиграл Сергею Шаврину, тоже бывшему спецназовцу, всего 7 %. В совокупности с фантастическими для малоизвестного кандидата-неонациста Владимира Попова 4,18 % голосов на выборах в Мосгордуму это дает основания говорить, что декабрьские выборы в Москве стали первым свидетельством резкой радикализации ксенофобных настроений в столице, а быть может, и в России в целом.

Радикальный национализм от имени государства

Как и прежде, в 2005 году встречались достаточно радикальные проявления этнонационализма среди представителей государства.

В основном это характерно для законодателей: их состав и поведение плюралистичнее, чем у чиновников. Имидж националистической партии по-прежнему успешно поддерживает ЛДПР. Чего стоит только законопроект депутата-«жириновца» Николая Курьяновича о лишении гражданства россиянок, выходящих замуж за иностранцев. Расистский характер проекта, с энтузиазмом, кстати, поддержанного и лидером партии, не вызывает сомнений: он обосновывается заботой о «сохра-

³⁹ См. статью В. Прибыловского в данном сборнике.

⁴⁰ Полковник Квачков: «Национальное восстание — да!» // Завтра. 2006. 19 октября.

нении генофонда», который должен считаться «испорченным» даже в том случае, если женщина впоследствии разведется и решит вернуться в Россию.

Депутаты не стесняются прямых контактов даже с откровенными неонацистами. Например, лидер СС Дмитрий Демушкин регулярно встречается с думцами, которые разрешают снимать на видео специфическое неонацистское рукопожатие (С. Бабурин) или даже открыто заявляют о «полезности» скинхедов и вскидывают руку в нацистском приветствии (тот же Н. Курьянович).

Жесткий контроль «Единой России» в парламенте отнюдь не мешает коммунисту и Краснодарскому экс-губернатору Николаю Кондратенко систематически обличать на пленарных заседаниях «сионистов»⁴¹. А на упомянутом выше ноябрьском съезде Союза русского народа, помимо ожидаемых Н. Курьяновича и С. Бабурина, выступил и Сергей Глазьев, который раньше четко дистанцировался даже от более умеренного национализма своего коллеги Дмитрия Rogozina.

Впрочем, речь идет не только о таких партиях, как «Родина», ЛДПР или КПРФ (с отпочковавшимися от нее «Патриотами России» Геннадия Семигина), известных ксенофобными установками своих членов. И даже не об участии праворадикалов в официальных мероприятиях, организованных представителями государственной власти, как это происходило, например, в Архангельской, Ленинградской и Псковской областях.

Новым тревожным явлением, отмеченным в 2005 году, стало стремление государства через различные пропрезидентские организации «приручить» скинхедов. В первую очередь — через движение «Наши». О тесных связях со скинхедами их прямых предшественников, «Идущих вместе», пресса писала еще несколько лет назад. Никаких оснований думать, что связи утрачены, нет. Лидер «Наших» Василий Якеменко неоднократно заявлял о готовности «работать» со скинхедами с целью их «перевоспитания». Как «нашисты», которым на Селигере читал лекции бывший лидер крайне правой украинской организации УНА-УНСО Дмитро Корчинский, будут «перевоспитывать» скинхедов, остается только догадываться. Более того, движение тесно сотрудничает с охранным предприятием «Гладиатор», связанным с фанатскими «фирмами»

⁴¹ Особенности ведения пленарных заседаний Государственной Думы «Единой Россией» и ксенофобная риторика депутатов были рассмотрены в докладе Екатерины Михайловской «Националистический дискурс в Думе на примере партии “Родина”» на конференции Франко-Российского центра по общественным и гуманитарным наукам «Русский национализм в официальных структурах российского государства» 25 октября 2005 г.

«Спартак», известными не только крайней агрессивностью, но и праворадикальными установками. Результатом этого сотрудничества стало как минимум одно избиение — активиста либеральной «Обороны» Ильи Яшина, «просочившегося» на учредительный съезд «нашистов». Подозревают «нашистов» и «гладиаторов» и в нападении на левацкую молодежь (в основном на нацболов) у метро «Автозаводская» в августе 2005 года. Несмотря на то, что нападавшие были задержаны в тот же день, расследование не завершено до сих пор.

С довольно странной инициативой выступило правительство Москвы. В августе 2005 года городское управление Минюста зарегистрировало новую общественную организацию — «Московское объединение болельщиков», в задачи которого входит, помимо прочего, «борьба с терроризмом, экстремизмом и шовинизмом». Предполагалось, что организация объединит болельщиков семи футбольных клубов: ЦСКА, «Спартак», «Динамо», «Торпедо», «Локомотива», ФК «Москва» и подмосковного «Сатурна». Большинство активных фанатов этих клубов, особенно «Спартак» и ЦСКА, не просто отличаются крайней агрессивностью, но и тесно связаны с целым рядом скинхедских группировок, а у правоохранительных органов слова «фанаты» и «скинхеды» являются едва ли не синонимами. Трудно представить, почему фанаты, собранные чиновниками вместе, станут от этого менее агрессивны к «чужакам» разного рода.

Эти примеры прекрасно показывают, что в государственнической «борьбе за молодежь» присутствуют либо элементарная некомпетентность, не позволяющая учитывать особенности молодежных субкультур, либо крайняя неразборчивость в средствах. В конечном итоге это ведет к одному и тому же результату — к демонстрации «дозволенности» ксенофобии при условии «патриотической лояльности» режиму. «Нашисты» и фанаты — не единственное тому подтверждение. Так, в Воронеже правоохранительные органы были сильно удивлены тем, что молодежная группировка под характерным для неонацистов названием «Белый патруль», которая «поддерживает государственность», оказалась причастна к убийству перуанского студента: «... Вот от “Витязей” и “Белого патруля” мы такого не ожидали, ребята объединились на хорошей основе — для занятий спортом и борьбы с наркотиками»⁴². А в Москве в конце лета прошел музыкальный фестиваль «тяжелой музыки» под патронатом «Единой России». Мероприятие организовали под лозунгом «Слава России!», но,

⁴² Расист, но зато государственник? // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия в России. 2005. 9 ноября (<http://xeno.sova-center.ru/45A2A1E/6597656>).

спохватившись, что это — традиционный лозунг национал-радикалов, и переформулировали его в более нейтральное: «Слава России, слава Москве». В концерте был заявлен кумир российских скинхедов Сергей «Паук» Троицкий. Название фестиваля в сочетании с присутствием на нем «Коррозии металла» выглядит заигрыванием со скинхедами.

Вряд ли оправдано бездействие некоторых статусных политиков в ситуациях, когда их имена используют для праворадикальной пропаганды. Например, в качестве рекламы своего антисемитского фильма Константин Душенов рассылал подборку цитат из выступлений различных политических, общественных и религиозных деятелей, в основном известных антисемитов, но не только: например, там использовались и выступления вице-спикера Государственной Думы от «Единой России» Любови Слиски. Вице-спикер имела все возможности узнать об этом и отреагировать, однако никакой публичной реакции с ее стороны не последовало.

Другим примером «поощрения молчанием» может служить выступление спикера Совета Федерации Сергея Миронова в программе «Два к одному», где ведущие пытались подвигнуть политика к рассуждениям о якобы существующем антироссийском *«еврейском олигархическом заговоре»* (эта фраза — цитата из разговора). Хотя сам Миронов ограничился лишь рассуждениями о политической роли Б. Березовского, никаких замечаний журналистам по поводу националистического контекста, в котором изначально велся разговор с их стороны, Сергей Миронов не сделал. Таким образом, третье лицо в государстве фактически легализовало антисемитскую пропаганду своим участием в подобной передаче.

Противодействие радикальному национализму

Деятельность неправительственных организаций и стихийное противодействие

Противодействие росту национал-радикальной активности всегда было одним из основных направлений деятельности неправительственных организаций (НПО), однако их возможности крайне ограничены. В основном НПО остаются в рамках традиционных для них сфер деятельности: это организация научных, просветительских и образовательных мероприятий, экспертная работа. Направлена вся эта деятельность на самые различные целевые аудитории: студентов и журналистов, школьников и сотрудников правоохранительных органов, педагогов и чиновников.

Однако в 2005 году НПО все чаще стали уделять внимание и публичным «уличным» мероприятиям. Особую популярность и широкое

распространение получили акции по закрашиванию ксенофобных граффити на улицах российских городов. Практиковались также антифашистские пикеты и митинги. Наиболее крупной такой акцией стал «Антифашистский марш», проведенный 18 декабря 2005 г. и собравший около полутора тысяч человек. В нем приняли участие представители не только правозащитных и общественных организаций, но и различных политических партий и движений, в основном либерального толка.

Все чаще встречаются и примеры стихийного противодействия национал-радикалам. В частности, в течение 2005 года было зафиксировано несколько случаев, когда агитаторов-националистов выгоняли с митингов социального протеста (например, в Ногинске Московской области и в Пскове), люди уничтожали националистические листовки и граффити. Несколько раз скинхедам доставалось от тех, кого они пытались агитировать. Так, например, в Курске в первый день 2005 года скинхедов избил гуляющие в центре города горожане, возмущенные неонацистскими лозунгами. В мае бритоголовых избил пассажиры подмосковной электрички, которых призывали присоединиться к некой (очевидно, насильственной) «акции». А вот в Калужской области пассажиры неонацистов бить не стали, а сдали в руки милиции и тем самым также предотвратили погром, который был запланирован на этот день.

Все более масштабным становится противостояние скин-группировок и радикальной левацкой молодежи, сопряженное с обоюдным насилием, причем зачастую спровоцированным молодыми антифашистами. Их нападения, хотя и мотивированы искренним желанием бороться с фашизмом, столь же противозаконны, как и действия их оппонентов, и, к сожалению, не ведут ни к чему, кроме эскалации насилия и новых жертв. Так, например, 16 декабря группа левацкой молодежи напала на клуб, где в это время проходил фестиваль «тяжелой музыки» с участием «Коррозии металла». В результате массовой драки пострадали в основном сами антифашисты⁴³ и обычные посетители концерта, не имевшие к скинхедам никакого отношения.

Уголовное преследование праворадикалов

Основная роль в противодействии противоправным проявлениям правого радикализма принадлежит, безусловно, правоохранительным органам. И нельзя не отметить, что в 2005 году их деятельность сущес-

⁴³ Первоначально сообщалось, что один из нападавших вскоре умер от полученных в драке травм. Однако молодой человек, пробыв несколько дней в коме, все же выжил.

твенно активизировалась, во всяком случае — в сфере уголовного преследования.

В первую очередь, это касается насильственных преступлений. Если в 2003 году было вынесено всего лишь четыре обвинительных приговора, учитывавших мотив ненависти⁴⁴, в 2004 году — восемь, то в 2005 году их было уже 15⁴⁵ (в Москве, Московской области, Петербурге (езде — по два приговора), Благовещенске, Владивостоке, Волгограде, Екатеринбурге, Липецке, Мурманске, Перми, Сургуте и Тамбове). Всего в этих процессах были признаны виновными около 55 человек, однако мотив ненависти был признан не у всех, а примерно у 45.

Подавляющее большинство осужденных получили реальные сроки лишения свободы (условно были осуждены лишь четверо фигурантов процессов против неонацистских группировок «Шульц-88» и «Mad Crowd» в Петербурге и по одному человеку в Липецке и Мурманске). Это очень важно, поскольку, как показывает опыт, условное наказание не только не отвращает скинхедов от дальнейших преступных действий, но и укрепляет в них ощущение безнаказанности: многие из осужденных в 2005 году уже имели судимости с условными сроками за нападения и вандализм. Наиболее показателен в этом смысле пример липецкого скинхеда Юрия Завершинского. В августе 2004 года он был осужден на 2 года условно за вооруженное нападение на гражданина Мозамбика по ст. 213 (хулиганство). Тогда, несмотря на то, что в ходе следствия у обвиняемого была изъята нацистская литература, следствие все-таки не посчитало нападение на африканца расово мотивированным, а следователь заявил местной прессе, что обвиняет его по ст. 282 не будут, так как подобная оценка его действий — *«это уже политика»*. А 14 марта 2005 г., то есть всего через семь месяцев после приговора, Ю. Завершинский в компании трех «соратников», один из которых также имеет неснятую судимость за разбой, избил гражданина Мали. И лишь на этот раз нападавшие были осуждены по ст. 282 ч. 2 п. «а» УК от 2 до 4,5 лет лишения свободы.

Еще одним позитивным моментом в преследовании насильственных расистских преступлений является то, что судами активно применялись не только этот пункт ст. 282 УК, но и «насильственные» статьи Уголовного

⁴⁴ И еще в одном случае, в котором можно подозревать присутствие мотива ненависти, формулировка обвинения нам, к сожалению неизвестна. Речь идет об осуждении в августе 2003 года Первомайским районным судом г. Киров двух подростков, в день рождения Гитлера забивших насмерть торговца-таджика.

⁴⁵ Летом 2005 года «Московский комсомолец» опубликовал информацию еще об одном приговоре Московского областного суда. Однако в прокуратуре Московской области эту информацию не подтвердили.

кодекса, включающие мотив ненависти как квалифицирующий признак. Из 15 приговоров не менее семи⁴⁶ было вынесено судами присяжных по ч. 2 ст.ст. 105 (убийство) и 111 (нанесение тяжких телесных повреждений) УК РФ с учетом этого квалифицирующего признака⁴⁷.

Мотив национальной ненависти присутствовал и в нескольких уголовных делах, возбужденных в 2005 году по фактам кладбищенского вандализма. Одно из этих дел завершилось в том же году обвинительным приговором — в декабре суд признал виновными двух «сатанистов» в Набережных Челнах. Судьба остальных дел, к сожалению, нам неизвестна. Здесь же отметим, что первоначальный обвинительный приговор, вынесенный за осквернение сельского кладбища в Яндыках Астраханской области трем чеченским жителям села, был пересмотрен и «мотив ненависти» суд второй инстанции посчитал недоказанным. Именно это, а отнюдь не предполагаемая коррупция судьи, послужило основанием для смягчения приговора, которое, в свою очередь, стало одной из главных причин вышеупомянутого чеченского погрома в августе 2005 года⁴⁸.

Отметим, что около половины вынесенных в 2005 году приговоров относятся к преступлениям, совершенным в 2002–2003 гг. Длительность предварительного и судебного следствия по тяжким преступлениям — не редкость для российского судопроизводства, но своеобразный «рекорд неторопливости» поставил суд в Волгограде, где группировку скинхедов из 13 человек судили за убийства и избияния уроженцев Центральной Азии, совершенные в 2002 году⁴⁹. Дело было передано в суд 30 мая 2003 г., разбирательство началось лишь в январе 2004 года, а приговор был вынесен в апреле 2005 года. За это время успел измениться Уголовный кодекс, и в результате три человека перестали быть обвиняемыми. Но все же восемь из девяти оставшихся подсудимых были осуждены на сроки

⁴⁶ Не во всех случаях известны формулировки обвинения и приговора.

⁴⁷ Еще в одном процессе — в деле о жестоком убийстве узбекских гастарбайтеров летом 2004 года — мотив ненависти московской областной прокуратуре доказать не удалось. Однако в этом случае нам важна сама готовность Московской областной прокуратуры предъявить такое, совершенно правомерное, обвинение.

⁴⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 8 февраля 2006 года (25-Г05-24) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации (http://www.supcourt.ru/arxiv_out/ТЕХТ.РНР?id_text=67996&iltext=).

⁴⁹ Впрочем, в 2006 году этот рекорд был «побит» новосибирским процессом над «группой Родошкевича» (см. ниже), обвиняемой в серии нападений на уроженцев Центральной Азии, совершенных в 2002 году. Задержаны они были в ноябре 2002 года. Судебное разбирательство началось в октябре 2003 года и завершилось в марте 2006 года.

от 4 до 10 лет лишения свободы⁵⁰. Отметим, что широкая известность процесса в сочетании с суровым приговором, вынесенным с учетом расистской мотивации преступления, в течение нескольких месяцев удерживали волгоградских скинхедов от участия в «акциях» — ведь возможность наказания для них перестала быть абстрактной угрозой.

Длительным было разбирательство и по делу группировки «Шульц-88» в Петербурге. Ее активисты были задержаны еще в 2003 году, тогда же им было предъявлено обвинение, в том числе — впервые в России — по внесенной в УК в 2002 году статье 282¹ (организация экстремистского сообщества или участие в нем). Широко разрекламированный процесс, вероятно, был призван продемонстрировать жесткость правоохранительных органов к расистам. Однако завершился он просто на удивление мягким приговором — из пятерых обвиняемых один был оправдан, а трое получили условные сроки. К тому же за время затянувшегося суда было снято за истечением срока давности обвинение в участии в экстремистском сообществе. Реальный срок лишения свободы (в том числе и за организацию экстремистского сообщества) получил лишь лидер группировки Дмитрий Бобров.

Расистские нападения в ряде случаев по-прежнему квалифицировались в 2005 году без учета мотива ненависти. Нам известно не менее шести таких приговоров (в Москве, Краснодаре⁵¹, Тольятти, Новосибирске, Свердловске и Воронеже). Наиболее странным примером стал суд в Свердловской области.

В декабре 2005 года там был вынесен приговор подросткам, убившим троих армянских рабочих в мае того же года. После совершения убийства убийцы вернулись в местное кафе, где во всеулышание заявили, что осуществили «зачистку» города⁵². Несмотря на это, версия убийства по мотиву национальной ненависти судом не рассматривалась⁵³. В данном случае присутствие в обвинительном заключении квалифицирующего признака национальной ненависти означало бы стремление не к ужесточению наказания (приговор, вынесенный убийцам, и так максимально

⁵⁰ Один был признан невиновным.

⁵¹ Впрочем, учитывая специфическую ситуацию в Краснодарском крае, позитивным следует считать уже то, что дела об убийствах турок-месхетинцев вообще дошли до суда и завершились обвинительными приговорами.

⁵² Отметим, что задержаны они были лишь после того, как дело приобрело масштабы международного скандала: в дни убийства в Свердловской области с официальным визитом находился посол Армении.

⁵³ Особенно цинично это выглядит, если учесть, что нескольким участникам убийства уже в 2006 году было предъявлено обвинение по ст. 282¹ (создание экстремистского сообщества и участие в нем).

суров — от 10 лет до пожизненного заключения), а к юридически корректной формулировке, имеющей существенный воспитательный и, если угодно, пропагандистский эффект. Ведь наказание в этом случае несут не «подростки-хулиганы», а убийцы-расисты.

Конечно, многие расистские преступления и вовсе остаются не раскрытыми, а то и попросту не регистрируются, как например, это случилось с нападением на гражданина Буркина Фасо Леандра Савадого, избитого петербургскими скинхедами и умершего от полученных травм в сентябре 2005 года: по словам его подруги, милиция отказалась принимать заявление на том основании, что сам он не смог написать заявления о нападении.

Но если насильственные преступления все активнее преследуются правоохранительными органами, то с преследованием этнонационалистической пропаганды все не столь однозначно.

Безусловно, преследование «пропагандистов» в 2005 году существенно активизировалось. За год обвинительными приговорами завершилось 11 судов⁵⁴ против 13 человек⁵⁵ (в 2004 году — лишь три приговора). Безусловным лидером в 2005 году стала Кемеровская область, где было вынесено целых четыре таких приговора, причем лишь один — условный. Кроме того, пропагандисты ненависти были признаны виновными в Кирове, Москве, Новгороде, Орле, Сыктывкаре, Свердловске и Хабаровске.

В качестве наказания суды, наконец, начали практиковать запрет на тот вид деятельности, который инкриминировался подсудимым. В 2005 году было вынесено два таких приговора. Первый, в отношении нацбола Александра Николаенко⁵⁶, был вынесен 26 апреля 2005 г. в Кемеровской области. На втором, вынесенном 31 мая 2005 г. в Новгороде, стоит остановиться особо, поскольку это первый обвинительный приговор по ст. 282¹ (организация экстремистского сообщества) в практике российского

⁵⁴ В эту статистику включены и те приговоры, в которых обвиняемые были признаны виновными, но наказания по ст. 282 не понесли из-за истечения срока давности. Таких приговоров в 2005 году было три: Виктору Корчагину в Москве, Рэму Латыпову в Хабаровске и Александру Николаенко в Кемерово — по его первому делу.

⁵⁵ Из этих 13 один человек, А. Николаенко, был осужден дважды.

⁵⁶ Против А. Николаенко одновременно шло два процесса, и в обоих ему вменялись ст.ст. 280 и 282 УК, но по разным публикациям. Первый приговор был вынесен в апреле 2005 года. Тогда по ст. 282 Николаенко был признан виновным, но срок давности истек, так что осужден он был только по ст. 280 — условно, но зато с запретом на журналистскую деятельность. Второй приговор — полгода лишения свободы — он получил в июле уже по обеим статьям.

судопроизводства, да и в целом мы считаем этот приговор лучшим по делам о пропаганде ненависти за все последние годы.

Еще в 2004 году три активиста РНЕ были обвинены в написании и распространении бюллетеня «Новгородец», тексты которого возбуждали ненависть. Обвиняемые были сочтены следствием, а потом и судом, экстремистским сообществом, а их действия были квалифицированы по ч. 2 ст. 282 и по ст. 282¹: лидер группы Михаил Пекин был осужден по ее ч. 1 (как организатор), а двое других — по ч. 2 (как участники). Приговор (к 4, 3 и 2 годам лишения свободы) был вынесен условный, но всем троим суд запретил на три года распространять СМИ, а Пекину на тот же срок — еще и заниматься журналистской деятельностью.

Кроме этих четверых, реальное наказание понесли еще три человека, и это является существенным прогрессом: ведь в 2004 году ни один из трех осужденных в конечном итоге так и не был наказан.

Из шести «реальных» приговоров (три в Кемеровской области, и по одному в Новгороде, Свердловской области и Кирове) лишь два были связаны с лишением свободы. Первый приговор был вынесен в октябре в Свердловской области, правда, подсудимый, приговоренный к полугоду колонии-поселения, и без того находится под стражей по обвинению в совершении более тяжкого преступления, связанного с насилием, мотивированным национальной ненавистью⁵⁷. Второй приговор был вынесен условно осужденному за три месяца до этого кемеровскому нацболу А. Николаенко — также полгода колонии-поселения.

Остальные четыре реальных приговора не были связаны с лишением свободы: помимо запрета на определенные виды деятельности, обвиняемые были приговорены либо к исправительным работам (фактически, для уже работающего человека — это вычет из зарплаты), либо к штрафу. И мы полагаем, что для этих обвиняемых такие решения судов были вполне правомерны. Практику, при которой за сугубо пропагандистские преступления суды приговаривают к реальным наказаниям, не прибегая при этом к лишению свободы, как это на деле происходило в 2005 году, на наш взгляд, стоит только приветствовать (хотя весьма распространено и противоположное мнение); крупные штрафы и ограничения в профессиональной деятельности являются, как нам кажется, вполне адекватным наказанием.

⁵⁷ Из сообщений СМИ ясно, что речь идет о серии поджогов «кавказских» кафе, прокатившихся осенью 2004 года по Екатеринбург и Верхней Пышме, в результате которых погиб один человек и еще как минимум один попал в больницу. Однако нам неизвестно, к какому из поджогов причастен осужденный.

Еще шесть осужденных, хотя и были признаны виновными, были либо осуждены условно, либо «дотянули» свои дела до истечения срока давности (впрочем, виноваты в этом не подсудимые, затягивающие следствие и судебный процесс к своей выгоде, а обвинение и суд, не умеющие этому противостоять⁵⁸). Между тем отсутствие реального наказания провоцирует все новые и новые волны ксенофобной пропаганды. Так, в 2005 году возобновили свою деятельность условно осужденные по ст. 282 УК Павел Иванов (Новгород) и Игорь Колодезенко (Новосибирск; у него даже два приговора за последние годы). Возобновил выпуск газеты «Славянский набат» вологодский редактор-антисемит Владимир Попов, дело против которого, видимо, было прекращено. Неоднократно признанный виновным в возбуждении национальной ненависти и ни разу так и не наказанный Виктор Корчагин⁵⁹, даже находясь под судом, не стеснялся выступать на митингах, обвиняя евреев в ритуальных убийствах. Продолжает работать условно осужденный хабаровский издатель-антисемит Сергей Лукьяненко, который в настоящее время является обвиняемым уже по третьему делу по ст. 282.

Несомненно, существуют реальные трудности ведения подобных дел: дела по ст. 282 ведут не какие-то специально подготовленные, а самые обыкновенные следователи, не имеющие совершенно никакого опыта в достаточной специфической области пропаганды. Отсюда и ошибки в привлечении экспертов, и последующие ошибки самих экспертов⁶⁰. Отсюда традиционно слабое обвинение на суде. Решение этих проблем, вероятно, следует искать через какую-то реорганизацию деятельности прокуратуры.

Но зачастую даже добиться возбуждения уголовного дела бывает почти невозможно, не говоря уже о его дальнейших судебных перспективах. Так, всем обращавшимся было отказано в возбуждении следующих дел:

— против автора и пропагандистов антисемитского «письма пяти-сот» (летом 2006 года М. Назаров объявил, что собрано уже не менее 20 тысяч подписей), в котором содержалось очевидно дискриминационное

⁵⁸ О сложности подобных дел см.: Ратинов Александр, Кроз Михаил, Ратинова Наталья. Ответственность за разжигание вражды и ненависти: Психолого-правовая характеристика. М.: Юрлитинформ, 2005. С. 12–16.

⁵⁹ В начале 2005 года кассационная инстанция подтвердила освобождение его от наказания за истечением срока давности. В данном случае истечение сроков весьма сомнительно: ведь Корчагин все это время продолжал распространять материалы, которые ему и инкриминировались.

⁶⁰ См.: Ратинов А., Кроз М., Ратинова Н. Указ. соч. С. 187–236.

требование закрыть все еврейские организации на территории России, а обосновывалось оно через набор классических антисемитских мифов (только в 2005 году отказано дважды);

– против организаторов и ораторов на антисемитском митинге на Пушкинской площади, где хасиды были обвинены в ритуальном убийстве детей;

– против М. Назарова за антисемитскую книгу и серию публикаций (почему-то одним из оснований для отказа было то, что книга *«была не только допущена в официальную церковную книготорговлю, но и была признана бестселлером 1999 г. Книги, возбуждающие ненависть, не получают благословения высшего православного духовенства для издания»*).

Ни в одном из этих случаев органы прокуратуры признаков возбуждения национальной ненависти не увидели.

Еще один, менее известный, но очень показательный случай – отказ прокуратуры в возбуждении уголовного дела по факту публикации в псковской областной прессе «Катехизиса еврея в СССР», известной с советских времен антисемитской фальшивки, за издание которой еще в 1995 году был осужден все тот же Виктор Корчагин.

Если эпизод с «Катехизисом» – яркий пример того, как одни и те же тексты по-разному расцениваются в разное время и разными представителями прокуратуры, то в 2005 году был пример, когда один и тот же текст дважды в течение месяца не смогла оценить одинаково одна прокуратура. За публикацию «письма пятисот» 4 марта 2005 г. петербургская городская прокуратура вынесла предупреждение газетам «Русь Православная» и «За русское дело», посчитав, что таким образом издания разжигают национальную рознь, а в апреле та же прокуратура отказалась возбудить уголовное дело по ст. 282 УК по тому же поводу. Но не потому, что за это уже было вынесено предупреждение, и не потому, что данное деяние не дотягивает в своей общественной опасности до уголовной статьи⁶¹, а на том, в частности, основании, что если нет «призывов, побуждающих к совершению противоправных действий против представителей той или иной нации, расы или религии», то нет и состава преступления по ст. 282, хотя такое суждение никак не основано на УК.

Отметим, что по ведущейся в НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генпрокуратуре России статистике, в 2005 году по ст. 282 УК как основной статье обвинения был осужден 31 человек, в том числе 10 – по ч. 1 и 21 – по ч. 2 этой статьи. Но, к сожалению,

⁶¹ Такое, в принципе, вполне возможно: публикация может повлечь даже закрытие издания, но не повлечь уголовного обвинения против автора или издателя.

эти данные практически невозможно сопоставить с данными мониторинга Центра «СОВА». Во-первых, из официальных сведений нельзя выделить, сколько человек осуждены по этой статье за насильственные преступления, а сколько – за пропаганду ненависти. Во-вторых, они учитывают ст. 282 только как основную статью обвинения, тогда как на практике она часто идет как дополнительная квалификация, специально подчеркивающая расистский характер нападения (наша же статистика учитывает все известные нам случаи вменения этой статьи). И в-третьих, официальная статистика, естественно, включает и осужденных в северокавказских республиках России, не являющихся объектом нашего мониторинга и, соответственно, объектом рассмотрения в данной статье.

Административное преследование и профилактическая работа

Активизировалось и административное преследование праворадикальной активности, в которой, кроме правоохранительных, принимают участие и другие уполномоченные на то государственные органы.

С 2005 года все чаще становится известно об административном преследовании за демонстрацию нацистской или сходной с ней символики и атрибутики (ст. 20.3 КоАП РФ). Такие случаи были отмечены в Орле, Мурманске, Москве (где один из участников «Правого марша» даже был приговорен к пяти суткам ареста), Рязанской области, Краснодарском крае.

После длительного перерыва, связанного с проведением административной реформы, вновь довольно активно стал использоваться такой метод влияния на СМИ, как предупреждения, выносимые прокуратурой или Росохранкультурой за проявления этнорелигиозной ксенофобии. В 2005 году нам известно об 11 таких предупреждениях (шесть – Росохранкультуры и пять – прокуратуры)⁶², в то время как в 2004 году – лишь о четырех⁶³. Как правило, это не побуждает редакции вовсе отказываться от публикации этнонационалистических материалов, но предупреждения хотя бы заставляют националистов заметно нервничать: как минимум пять из одиннадцати предупреждений были оспорены в суде. К августу 2006 года из пяти оспариваемых в суде предупреждений было снято

⁶² До сих пор неясно, получили ли газеты «Русь Православная» и «За русское дело» предупреждения от Росохранкультуры. Если оба издания имеют по два предупреждения (от Росохранкультуры и от прокуратуры на каждое), то тогда в 2005 году вынесено 13 предупреждений.

⁶³ Имеются в виду предупреждения, вынесенные лишь за возбуждение национальной и религиозной розни.

одно — остальные процессы либо пока не завершены, либо судьба их нам неизвестна.

Росохранкультура		Прокуратура	
Кому вынесено	Примечание	Кому вынесено	Примечание
«Закубань» (Адыгея)		«Московские ворота» (Калужская область)	Оспаривается в суде
«Волжская заря» (Самарская область)	Предупреждение снято судом в 2006 году	«Я – Русский в Самаре» (Самарская область)	Оспаривается в суде
«Я – Русский в Самаре» (Самарская область)	Оспаривается в суде	«Русь Православная» (Петербург)	
«Русская правда» (Москва)		«За русское дело» (Петербург)	Оспаривается в суде
«Курс» (Кемеровская область)	Вынесено за разжигание социальной розни	«Эра России» (Москва)	
Телекомпания «Невский канал» (Петербург)			

Отметим, что ранее оспаривание в суде подобных предупреждений случалось очень редко и было характерно лишь для уважаемых редакций, а не для маргинальных националистических листков; теперь же и они, видимо, осознали, что предупреждение является основанием для судебного закрытия издания. И действительно, 4 июля 2005 г. Хамовнический суд Москвы закрыл газету НБП «Генеральная линия» после трех предупреждений, вынесенных в течение нескольких месяцев 2004 года⁶⁴.

⁶⁴ Два из них были вынесены за «экстремизм», одно — за разжигание национальной розни (вполне, заметим, обоснованно).

Впрочем, список СМИ, получивших подобные предупреждения, показывает, что ксенофобные выступления уважаемых изданий в 2005 году практически не привлекали внимания прокуратуры и Росохранкультуры, хотя это и вызывает некоторое недоумение: ведь, например, «Комсомольская правда» или «Московский комсомолец», не говоря уже о целом ряде региональных СМИ, в 2005 году неоднократно «отметились» не просто ксенофобными, а откровенно расистскими статьями⁶⁵.

Не слишком большое давление ощущали на себе и праворадикальные организации. Ни одного случая судебной ликвидации подобных организаций в 2005 году (как, впрочем, и в предыдущем) нам неизвестно. В отличие от прошлых лет неизвестны нам и случаи ликвидации праворадикальных организаций по формальному признаку (из-за непредставления документов в регистрирующий орган и т.п.).

Правда, было вынесено три официальных предостережения прокуратуры за экстремистскую деятельность⁶⁶ Краснодарскому региональному отделению праворадикальной неоязыческой организации «Духовно-родовая Держава Русь». Эта группировка провозгласила свой суверенитет от Российской Федерации, произвольно «наделяет» своих членов землями и имуществом и призывает их с оружием в руках это имущество отстаивать. Несмотря на довольно своеобразную риторику и действия (внушающие сомнения в душевном здоровье членов этой организации⁶⁷), она не столь безобидна, как кажется на первый взгляд. На ее счету как минимум один погром, организованный в сентябре 2004 года в Краснодарском крае. Эта же организация, кстати, в апреле 2005 года вынесла смертный приговор вице-премьеру российского правительства Александру Жукову (за «осуществление цудонацистской оккупации») и призвала своих членов исполнить приговор «любыми средствами, в любой форме, в любое удобное время»⁶⁸.

⁶⁵ См. об этом раздел «Язык вражды в российских СМИ» на сайте Центра «СОВА» (<http://xeno.sova-center.ru/213716E>).

⁶⁶ Есть также сведения о нескольких предупреждениях, вынесенных в Татарстане. Однако кому и когда эти предупреждения были вынесены, нам неизвестно.

⁶⁷ Например, лидер организации Олег Попов, помещенный по решению суда на стационарное психиатрическое освидетельствование, требуя пересмотра судебного решения, пишет заявления в прокуратуру и, описывая свои заслуги, говорит о том, что он «прошел путь через областного, межрегионального до Царя Ордынского – или Главнокомандующего Руской Армии», и подписывается, соответственно: «Царь Ордынский, Великий Князь Духовно-Родовой Державы Русь, полковник Олег сын Николая Атаман Попов» (грамматические особенности текста сохранены – Г.К.).

⁶⁸ Есть сведения, что подобные «смертные приговоры» были вынесены и в адрес других высших должностных лиц России, включая президента Путина.

Известен случай отказа в регистрации общественного объединения: 15 сентября 2005 г. Федеральная регистрационная служба Санкт-Петербурга и Ленинградской области отказала местным активистам НДПР в регистрации региональной организации «Национально-Державный путь Руси» на том основании, что в ее уставе содержатся положения, направленные на разжигание национальной розни. Позиция регистрационной службы Петербурга тем более показательна, что месяцем позже по этим же уставным документам московское отделение было зарегистрировано без всяких проблем (см. выше).

Таким образом, юридическое давление на организации и издания праворадикального толка по-прежнему остается очень слабым. Ликвидация организаций именно за националистическую деятельность в 2004–2005 годах не практиковалась, а закрытие изданий единичны⁶⁹. Случай закрытия «Генеральной линии» — спорный: во-первых, решение до сих пор не подтверждено в суде второй инстанции и не вступило в силу, во-вторых, органу НБП пропаганда ультранационализма вменялась далеко не в первую очередь; основная юридическая (и тем более политическая) претензия к НБП — крайние проявления оппозиционности к существующей власти.

Кроме уголовного и административного преследования праворадикалов, стоит отметить и профилактическую работу по предотвращению праворадикальных акций. Например, в июле суд по делу уже упоминавшегося скинхеда Ю. Завершинского вынес специальное предписание городским властям Липецка о необходимости контроля над спортивным клубом «Витязь», посчитав его местом сбора местных неонацистов. Как пример профилактической работы милиции можно расценивать предотвращение 26 апреля 2005 г. погрома на панк-концерте в Кирове. Милиция явно действовала на основании агентурных данных: потасовку, в которой участвовало не менее 68 хорошо вооруженных (цепи, бейсбольные биты, кастеты, арматура) скинхедов, ей удалось остановить в течение считанных минут.

К сожалению, такие действия милиции являются скорее исключением, чем правилом. Наоборот, некомпетентные, а зачастую и неправовые действия правоохранительных органов порождают довольно неожиданные казусы. Например, в Петербурге скинхеды, задержанные с поличным за избиение армянина в 2002 году, избежали наказания: дело было прекращено за истечением срока давности. А вот милиционеры, их задержавшие,

⁶⁹ Подробнее о применении норм закона «О противодействии экстремистской деятельности» см.: Верховский А., Кожевникова Г. Три года противодействия // Цена ненависти. С. 111–129.

были признаны (и, вероятно, справедливо) виновными в избиении одного из задержанных и получили реальные тюремные сроки.

В качестве профилактических мер сотрудники милиции и прокуратуры в целом ряде регионов (Курске, Иваново, Екатеринбурге) начали проводить консультативные встречи с иностранными студентами, разъясняя им «правила безопасности» на улицах российских городов. Впрочем, зачастую подобная «профилактика» является не более чем демонстрацией бюрократической активности. Так, например, в Воронеже милиция совместно с управлением образования разработала «Памятку безопасности» для иностранных студентов, основной пафос которой сводится к пространственным и временным ограничениям в передвижении иностранных студентов. Иногда эта бюрократическая активность выглядит откровенным цинизмом. В том же Воронеже в ноябре 2005 года, вскоре после убийства перуанского студента, была учреждена должность советника главы города по взаимодействию с иностранцами, а одновременно в воронежских вузах, где, собственно, и учатся те самые иностранцы, выступал с лекциями лидер НДПР Александр Севастьянов.

В Петербурге, в 2004 году ставшем «пионером» в разработке «памятки безопасности» для иностранных студентов, милиционеры ставили в вину иностранцам фактическое следование этой памятке. Например, в памятке говорилось *«если вы решили бежать, делайте это как можно быстрее»*, а уже в январе 2005 года один из руководителей питерской милиции заявил: *«Само поведение иностранных граждан часто провоцирует группы молодых людей на совершение хулиганских действий. Увидев компанию молодых людей, иностранцы — обычно выходцы из стран Азии и Африки — часто бросаются в бегство, таким образом, обращают на себя внимание и становятся объектом преследования»*.

Не менее циничным выглядит и обнародование в московских газетах предвыборного заявления представителей партий — участников московских выборов с осуждением «Правого марша». Авторы заявления, среди которых были Юрий Лужков, Геннадий Зюганов, Сергей Бабурин и Владимир Жириновский, требовали *«пресекать в зародыше любые попытки травить между собой людей разной национальности и веры»*. Однако незадолго до того Жириновский и Зюганов отказались осудить своих однопартийцев, принявших в этом марше участие. Возглавляемое Лужковым московское правительство не применило никаких административных санкций для пресечения и наказания националистической пропаганды на «Правом марше» (за исключением удаления несогласованных участников, демонстрировавших свастику), а затем запретило

антифашистский марш. А Бабурин к тому моменту уже успел выступить на съезде Союза русского народа.

Кроме того, многие представители власти по-прежнему предпочитают отрицать наличие проблемы радикального национализма в России, ограничиваясь общими политическими заявлениями о необходимости борьбы с ксенофобией. Региональные «программы толерантности» в лучшем случае являются малоизвестными и малозначимыми документами. О «значимости» подобных документов свидетельствует, например, то, что московская программа толерантности⁷⁰ была только утверждена спустя семь месяцев после того, как официально должна была начаться ее реализация. Зачастую подобные документы принимаются без обсуждения с общественными организациями и в худшем своем варианте — как это случилось с программой Краснодарского края — никакой толерантности не способствуют, а, наоборот, лишь обостряют этнические проблемы⁷¹.

Борьба с ксенофобией как политический ресурс

Именно в 2005 году ясно проявилась крайне тревожная и зримо усиливающаяся тенденция использования лозунгов антифашизма и борьбы с ксенофобией в качестве инструмента подавления оппозиции или независимых организаций.

Первое направление, которое можно выделить, не ново — это использование лозунгов борьбы с ксенофобией для дискредитации внешнеполитических оппонентов. Оно и ранее широко применялось по отношению к Латвии и Эстонии в связи с общественной реабилитацией участников Waffen SS. В 2005 году самым заметным эпизодом стал случай с избиением детей российских дипломатов в Польше и последующим ответным избиением поляков в Москве.

Нападения на расовой, этнической почве равно отвратительны, где бы они ни происходили. Однако в отличие от таких же и даже более жестоких нападений, случившихся в тот же период в России, избиение в Польше вызвало немедленную и крайне эмоциональную реакцию

⁷⁰ Полное название документа: «Среднесрочная городская целевая программа «Москва многонациональная: формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия (2005–2007 гг.)»».

⁷¹ См.: Общественные организации Краснодарского края о программе гармонизации межнациональных отношений и развития национальных культур в регионе // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия в России. 2005. 7 апреля (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/53CB5A3>); Правовая и научная оценки краснодарской программы толерантности // Там же. 2005. 7 августа (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/5DDCE4D>).

высшего политического руководства страны, спровоцировало рост напряженности российско-польских отношений. С другой стороны, последовавшие затем нападения на поляков не только не стали поводом для политических заявлений, но пока и не расследованы (да скорее всего, уже и не будут), в отличие от Польши, где нападавшие были быстро задержаны. Надо отметить и позицию целого ряда СМИ, представивших избиения польских граждан в Москве едва ли не как «справедливую месть» за действия польских скинхедов и открыто требовавших «ничьей по избиениям»⁷².

Второе направление — необоснованно жестокое преследование активистов достаточно безобидных молодежных левацких организаций, вся «вина» которых состоит в оппозиционности нынешнему политическому режиму. И речь здесь идет не только и не столько о явно чрезмерном противодействии хулиганским акциям НБП и не об обвинениях этой партии в фашизме⁷³. Мы имеем в виду преследование активистов АКМ, СКМ и других левацких организаций. Ярким примером стало превентивное задержание молодых леваков накануне Дня победы, когда они только еще собирались провести свою, вполне мирную, акцию.

И, наконец, третье, основное направление — использование антифашистской риторики для дискредитации политической оппозиции.

Впервые от абстрактных конспирологических рассуждений о заговоре против России к конкретным политическим обвинениям перешли прокремлевские «Наши» в феврале 2005 года. Тогда целью своей

⁷² Бойко Александр, Чижиков Максим. Москвичи невзлюбили поляков // Комсомольская правда. 2005. 12 августа.

⁷³ В идеологии НБП, как она сложилась в 90-е годы, многие исследователи усматривают близкое родство с фашизмом; см. например, об Александре Дугине в статье А. Умланд в этом сборнике. Перемены в политике партии в последние годы не выглядят вполне убедительными, так как от прежних заявлений НБП ни в какой форме не отказалась. Поэтому относить НБП к демократической оппозиции, как это все чаще делают, нам кажется, по меньшей мере, преждевременным.

Часть актива и региональных организаций национал-большевиков действительно придерживается именно праворадикальных взглядов, но такие люди и организации постепенно вытесняются из партии. В мае 2005 года часть праворадикальных активистов даже пошла на открытый раскол, создав организацию «НБП без Лимонова»; в августе 2006 года эти раскольники создали Национал-большевистский фронт в рамках лояльного режиму Евразийского союза молодежи, действующего под патронажем того же А. Дугина. Лимоновская НБП не занимается организацией насильственных нападений на этнической, расовой почве; партия, при всей своей брутальной риторике, вообще не склонна к насильственным акциям. Поэтому перечислять нацболов через запятую с наци-скинхедами принципиально неверно.

Подробнее о трансформации НБП см. статью М. Соколова в этом сборнике.

«антифашистской» борьбы, наряду со скинхедами и НБП, «нашисты» объявили «Яблоко», «Комитет-2008», Гарри Каспарова и Ирину Хакамаду, то есть политиков и организации, находящиеся в оппозиции к президенту В. Путину, но никак не замеченные в ксенофобии. Есть основания полагать, что именно с «Нашими» связаны все более многочисленные, можно уже сказать, систематические, уличные нападения на нацболов и леваков.

Синхронно с «Нашими» выступил и спикер Совета Федерации Сергей Миронов, который мотивировал нарастанием в стране фашистской угрозы давно продвигаемую им идею модификации российской Конституции с целью предоставления В. Путину возможности остаться президентом и после 2008 года.

Самым громким был скандал, связанный с запретом проведения антифашистского марша в Москве 27 ноября, запланированного в ответ на «Правый марш». Отказ последовал по причине *«неудобств, создаваемых москвичам»* (такая причина могла бы быть и реальной, поскольку марш планировалось провести в будний день по Тверской улице, но стоит напомнить, что шествие «Наших» 15 мая 2005 года по Ленинскому проспекту никого не смутило). Московские власти разрешили проведение митинга на площади Белорусского вокзала, однако организаторы мероприятия отказались, считая, что *«шествию можно противопоставить только шествие»*. В результате 27 ноября был проведен антифашистский пикет перед зданием московского правительства. Поскольку пикет не был санкционирован, городские власти имели право его разогнать. Однако немотивированная жестокость ОМОНа при разгоне совершенно мирных пикетчиков (один человек даже был госпитализирован) в сочетании с тем, что одновременно в Москве на Преображенской площади проходил откровенно неонацистский митинг НСО, который вообще не привлек внимания чиновников и милиции, создают — независимо от реальных намерений московских властей — впечатление поощрения национал-патриотов к дальнейшим действиям.

И уж совсем возмутительными являются репрессивные действия против общественных активистов в Нижнем Новгороде. В 2005 году там начался процесс руководителя Общества российско-чеченской дружбы Станислава Дмитриевского. Ему было предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 282 УК в возбуждении национальной ненависти — за публикацию обращений Аслана Масхадова и Ахмеда Закаева. Оба эти текста, разумеется, тенденциозны и резко критичны по отношению к политической власти России, но не содержат никаких элементов возбуждения ненависти по этническому признаку; тем более нет оснований обвинять в этом публи-

катора текстов⁷⁴. Обвинитель потребовал для Ст. Дмитриевского четырех лет лишения свободы. 3 февраля 2006 г. Дмитриевский был приговорен к двум годам лишения свободы условно с четырехлетним испытательным сроком.

Январь-июнь 2006

Активность национал-радикалов

Насилие

Первая половина 2006 года не принесла позитивных изменений в динамике расистски и неонацистски мотивированного насилия. Если сравнивать статистику нападений, то можно видеть некоторую «стабилизацию»: количество пострадавших по сравнению с прошлым годом не выросло: за январь-июнь 2006 года пострадало 184 человека, 18 из которых погибли⁷⁵, а за такой же период 2005 года пострадало 213 человек, 12 из которых погибли. Однако, во-первых, цифры за 2006 год еще будут существенно скорректированы, ведь о многих инцидентах становится известно только через несколько месяцев (а то и позже). Во-вторых, эта «стабилизация» достигнута за счет весенних месяцев, когда впервые было отмечено некоторое сокращение числа пострадавших по сравнению с прошлой весной. Тем не менее, на момент завершения этой статьи все с большей степенью уверенности можно говорить, что снижение криминальной активности было связано с приближавшимся саммитом «Большой восьмерки»: уже в июне динамика нападений вновь вернулась к своему привычному росту на 30–40 % по сравнению с предыдущим годом⁷⁶.

⁷⁴ Сами обращения и основные материалы дела можно найти на сайте Русско-чеченского информационного агентства (<http://www.ria.hrnnov.ru/modules.php?name=Pages&page=3>).

⁷⁵ Правда, в число пострадавших мы не включаем жертвы массовых нападений на представителей секс-меньшинств, произошедших в Москве в мае. Тогда только 27 и 28 мая нападением подверглось не менее 50 человек. Проявления гомофобии, в том числе и насильственные, скорее всего, нередки, но у нас есть серьезные основания не включать их в общую статистику: гомофобия не является предметом наших исследований, и мы не имеем возможности проводить систематический мониторинг гомофобных нападений, часть которых, вероятно, не связана с праворадикальными настроениями.

⁷⁶ При этом не вполне понятно, реально ли скинхеды на некоторое время снизили активность под давлением правоохранительных органов или же просто информация не попадала в этот период в СМИ.

Основными субъектами этих нападений, как и прежде, остаются скинхеды. При этом атаки вновь становятся более жестокими (мы видим рост количества убийств) и приобретают все более наглый и демонстративный характер, явно рассчитанный на всеобщее внимание.

Достаточно вспомнить лишь несколько наиболее известных примеров:

- 11 января 2006 г. 21-летний москвич Александр Копцев устроил резню в московской синагоге, в результате которой пострадало 9 человек и лишь чудом никто не погиб.
- 25 марта — сразу после вынесения приговора в деле по убийству 9-летней девочки-таджички Хуршеды Султоновой — в Петербурге была ранена 9-летняя темнокожая девочка.
- 7 апреля в Петербурге из помпового ружья со скинхедской символикой (брошенного неподалеку от места преступления) был застрелен студент из Сенегала.
- 22 апреля в метро — на глазах у множества людей и под объективами камер слежения был зарезан армянский юноша.

Эти и подобные им преступления позволяют предположить, что часть скин-группировок переориентировалась с «конспиративности» на публичность. И этот расчет оправдался. Подобные преступления не просто вызвали широкий общественный резонанс. Сама тема скинхедов, или — в более широкой интерпретации — тема ксенофобии, надолго стала предметом пристального внимания масс-медиа и российского общества в целом. Причем реакция СМИ часто носила истерический характер, отнюдь не способствовавший конструктивному обсуждению проблемы. Более того, по мнению наблюдателей, во многих случаях публикации СМИ становилась прямой популяризацией скин-движения и праворадикальных организаций. Именно скинхеды долгое время оставались главными героями всех новостных и аналитических программ российского телевидения и, к сожалению, равноправными участниками дискуссии о росте ксенофобии в стране⁷⁷. Очень показателен в этом смысле отказ Славянского Союза Д. Демушкина от хакерской деятельности, которую организация ранее рассматривала как дешевый и безопасный вид саморекламы. Теперь в хакерстве просто отпала необходимость: Демушкин стал востребован более мощным рекламным инструментом — российским телевидением.

⁷⁷ См. об этом: Кожевникова Г. Скинхед телевизионный // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия в России. 2006. 15 мая (<http://xeno.sova-center.ru/213716E/21728E3/7502623>).

Отметим также, что если «нацистская» версия убийства сенегальца верна, то это — первый известный нам случай использования скинхедами огнестрельного оружия. В связи с этим стоит напомнить кампанию за приобретение легального оружия, развернутую еще весной 2005 года (именно с того времени не только призывы, но и подробные инструкции о том, какое оружие и как можно приобрести легально, распространялись Славянским Союзом, РНЕ и другими организациями, а ДПНИ даже выступило с инициативой создания вооруженных «отрядов самообороны»).

Все более и более размываются представления о «группах риска», в которые теперь попадают не только «традиционные» для скинхедов африканцы или таджики: часто жертвами скинхедских нападений становятся этнические русские, которые чем-то «не понравились» бритоголовым. Обращает на себя внимание, что среди жертв скинхедских нападений все более заметное место занимают так называемые неформалы. Последнее можно истолковать двояко. Либо представители молодежных субкультур (которых скинхеды считают «предателями идей белой расы») и левацкой молодежи постепенно становятся приоритетным объектом насилия⁷⁸, либо о нападениях на «неславян» становится известно существенно реже. Второе предположение кажется более вероятным хотя бы потому, что «неформалы» — активные участники интернет-сообществ и нападения на них, даже если и не попадают в прессу, все равно становятся известны. Информация же о других расистских нападениях стала настолько привычной, что уже не привлекает внимания прессы, если только это не убийство⁷⁹. Возможно, следует учитывать и фактор манипуляции: отсутствие информации об избиениях создает картину улучшения ситуации, в то время как на самом деле это не так.

Помимо действий скинхедов, все чаще становится известно о спонтанных проявлениях насилия, мотивированного националистическими настроениями. Так, 12 июня 2006 г. в Калининграде группа пьяных сотрудников одного из частных охранных предприятий совершила несколько нападений на гастарбайтеров из Центральной Азии, в результате которых пострадало не менее 10 человек. При этом свои действия при задержании

⁷⁸ Нам известно об одной московской скин-группе, которая декларировала эту установку.

⁷⁹ Впрочем, в последнее время мы убеждаемся, что и расистское убийство иногда бывает недостаточным поводом: если ранее «задним числом» пополнялась лишь статистика нападений, но не убийств, то теперь и об убийствах мы начинаем узнавать лишь после завершения судов, то есть спустя несколько месяцев, а то и более года после самого факта преступления.

они мотивировали следующим образом: «*Да наших ребят в Чечне убивали, теперь всем “черным” мстить нужно*».

Кроме подобных происшествий, все чаще мы видим, как бытовые конфликты стремительно перерастают в погромы и межэтническое противостояние.

Так, 18 мая 2006 г. в поселке Харагун Читинской области произошел азербайджанский погром, в результате которого один человек погиб и еще не менее четырех получили различные травмы, было сожжено восемь домов, пять машин, в том числе и грузовики, принадлежащих местным азербайджанцам (в основном, кстати, гражданам России). Поводом для погрома послужил произошедший накануне бытовой конфликт, один из участников которого оказался этническим азербайджанцем⁸⁰. Несмотря на то что участники и погрома, и спровоцировавшего его конфликта были задержаны и первые дела уже в августе были переданы в суд, азербайджанцы — свыше 80 человек — покинули поселок, очевидно, опасаясь новых погромов. Вероятно, опасения эти были не лишены оснований: читинские праворадикалы развернули активную антиазербайджанскую пропаганду, одним из элементов которой стали митинги с требованием отпустить всех участников погрома. Впрочем, как только областная прокуратура выступила с заявлением о недопустимости перевода конфликта «из уголовно-правовой сферы социально-политическую», активность местных праворадикалов сошла на нет.

Второй крупный конфликт, который показывает не только остроту межэтнических проблем, но и то, как умело праворадикалы используют эти проблемы в своих целях для эскалации именно межэтнического противостояния, произошел в городе Сальск Ростовской области.

Вечером 25 июня там произошла массовая драка между группами дагестанской и русской молодежи, в результате которой один из участников драки застрелил другого. Убитый оказался русским, а убийцей — дагестанец. Эта драка явилась лишь завершающим эпизодом целой череды развивавшихся по нарастающей криминальных инцидентов. Убийство, как и предыдущие инциденты, многие интерпретировали как межэтническое противостояние местных этнических русских и приезжих дагестанцев. Несмотря на то, что и сам стрелявший, и наиболее активные участники драки были задержаны, убийство вызвало большой общественный резонанс, впрочем, первоначально, по всей видимости, доминировало недовольство бездействием правоохранительных органов. Общественным

⁸⁰ При этом местные СМИ отмечают, что в группе, в которой он был, остальные участники были славяне.

возмущением немедленно воспользовались этнонационалистические группировки. В городе сразу началась антидагестанская агитация, начали распространяться листовки соответствующего содержания.

До сих пор⁸¹ конфликт не исчерпан и напряжение в городе не спадает. Более того, оно умело поддерживается праворадикалами, которые пытаются максимально использовать националистические настроения горожан: 9 июля 2006 г. в городе был организован антидагестанский митинг, в котором «для усиления эффекта» принял участие специально приехавший из Москвы лидер ДПНИ Александр Поткин (Белов). К антикавказским требованиям вновь, как и во время конфликта в с. Ремонтное Ростовской области в августе 2005 года (см. выше), присоединились казаки, потребовав выселения из области «антиобщественных мигрантов». А на 6 августа был намечен и весь июль активно рекламировался приезд в город депутата Курьяновича для борьбы «с нежелательной миграцией в Сальск лиц кавказской национальности»⁸².

Деятельность организованных праворадикалов

Если в действиях скинхедов очевидно проявляются новые черты, то деятельность организованных праворадикалов в первые четыре месяца 2006 года, как правило, не выходила за рамки уже привычных мероприятий и действий или освоения практик, выработанных в 2005 году. Впрочем, возможно, это впечатление возникает в сравнении с их «сверхактивностью» во время избирательной кампании в Москве (см. выше).

Самой скандальной акцией первой половины 2006 года, проведенной праворадикалами, по-видимому, должна была стать конференция «Будущее белого мира», организованная по инициативе расистских журнала «Атены» и российского центра «Европейские синергии» 8–9 июня. С российской стороны основными докладчиками были А. Севастьянов (НДПР), «расолог» Владимир Авдеев и другие. Из зарубежных участников наиболее известен в России экс-лидер Ку-Клукс-Клана Дэвид Дюк. Однако никакой серьезной реакции на проведение этой конференции не последовало. Заметим, что и Дюк, и известный немецкий ревизионист Холокоста Юрген Граф — частые гости в России, и ни разу у них не воз-

⁸¹ Статья завершена в начале сентября, уже после аналогичных, но еще более громких событий в карельском городе Кондопоге.

⁸² Митинг с участием Курьяновича, Поткина и других московских праворадикалов, намеченный на 6 августа, не состоялся. Вообще, власти Сальска оказались гораздо более эффективны в кризисной ситуации, чем власти Кондопоги. См.: Новости из Сальска // Сайт ДПНИ. 2006. 8 августа.

никогда здесь никаких проблем, ни с визой, ни с правоохранительными органами.

Наиболее распространенным видом активности праворадикалов было присоединение к социальным акциям протеста и праздничным демонстрациям, организованным другими, более уважаемыми движениями или партиями. В первую очередь это касается мероприятий КПРФ, которая все очевиднее демонстрирует свое стремление к сотрудничеству с ДПНИ. Это кардинальное изменение позиции коммунистов — еще год назад в мае 2005 года партия четко дистанцировалась от мероприятий радикальных национал-патриотов, проводимых «рядом» с коммунистами в День Победы⁸³. Нынешнее сотрудничество (вплоть до включения А. Поткина (Белова) в число официальных ораторов⁸⁴) дискредитирует КПРФ в глазах левой молодежи и усугубляет и без того серьезный внутривнутрипартийный кризис. ДПНИ легко, а главное — малыми силами (группами активистов до ста человек) — превращает массовые мероприятия коммунистов в ксенофобные демонстрации. Так, например, это случилось 1 мая, когда участие в коммунистической колонне всего нескольких десятков активистов ДПНИ, выкрикивавших националистические лозунги, превратило шествие в этнонационалистическую акцию. Показательно, что во всех этих случаях, несмотря на явно этнонационалистические, антисемитские лозунги, милиция в противоправные действия никак не вмешивалась.

Сами праворадикалы после ноябрьского «Правого марша» так и не смогли провести сколько-нибудь массовое самостоятельное мероприятие, хотя попытки такие были. То ли эта акция надолго истощила их организационные ресурсы, то ли организаторы столкнулись с более негативным отношением местных (в первую очередь московских) властей. Максимальное количество участников собственных мероприятий, которое им удавалось собрать в Москве, — это две-три сотни человек, и то около половины из них составляли «привлеченные» скинхеды из Подмосковья или соседних областей.

Однако это не означает, что публичная активность националистов снизилась. Наоборот, региональные национал-патриоты в лице местных отделений ДПНИ, НДПР, РНЕ и ассоциированных с ними местных организаций довольно активны. Повторяя тактические установки

⁸³ Митинги в честь Дня Победы: РНЕ, НДПР, лично Семен Токмаков и другие // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2005. 11 мая (<http://xeno.sova-center.ru/45A29F2/569A112>).

⁸⁴ Имеются в виду московские митинги 4 марта и 8 апреля против реформы ЖКХ.

московских организаций, они активно присоединялись к митингам социального протеста, к праздничным шествиям 23 февраля, 1 и 9 мая. Некоторые из них пытались организовывать собственные митинги, традиционно малочисленные (от 15 до 50 человек). Особенно активны были праворадикалы Коми во главе Юрием Екишевым, лидером Союза национального возрождения.

Правда, стремление повторить успех «Правого марша» подводит национал-патриотов: свои немногочисленные мероприятия они пытаются подавать как нечто более значимое, нежели локальные пикеты или митинги, как пролог чего-то большего. И завышенные ожидания иногда придают подобным мероприятиям некоторую комичность. Так, довольно активно рекламировавшийся митинг «памяти генерала Ермолова» в Орле⁸⁵, организованный совместно несколькими этнонационалистическими организациями (ДПНИ, «Народная воля», РОНС, Союз русского народа), даже вместе с иногородними участниками не смог собрать более двухсот человек⁸⁶. Не помогло и участие А. Поткина. Еще менее удачным был митинг, организованный 21 мая в Сыктывкаре: четыре организации («Союз национального возрождения», НДПР, ДПНИ и «Дорьям асьнымос»⁸⁷) не смогли собрать даже полусотни человек, причем часть из них была просто случайными прохожими⁸⁸.

Впрочем, участие в «чужих» акциях, подобных первомайской демонстрации или акции протеста против реформы ЖКХ, вполне позволяет

⁸⁵ Митинг проходил под этноцентристскими лозунгами, с призывами выселения «нерусских» мигрантов из города.

⁸⁶ Организаторы заявляют о 250 участниках, однако на всех опубликованных фоторепортажах отчетливо видно, что 200 — это максимальная оценка.

⁸⁷ «Защитим себя» (коми). Первоначально (в 90-х годах) являлась националистической партией, рассматривающей все народы за исключением коми как «мигрантов». Позже, как и большинство подобных движений 90-х, умерило риторику, отказалось от политических целей, преобразовавшись в общественную организацию, позиционирующую себя как правозащитную. См. об этом: Сажин Игорь. Республика Коми // Сборник рабочих материалов проекта «Мониторинг национализма и ксенофобии в российских регионах». 2001 год. Московская Хельсинкская группа (<http://www.mhgru/publications/2357520>); Митюшева Надежда, Нечаева Вера. Коми народ в жестких реалиях времени // Сайт коми народа. 2001. 31 августа (<http://kominarod.narod.ru/articles/articles3.htm>); Правовая регламентация и практика реализации прав национальных меньшинств в Республике Коми // Там же. 2002. Декабрь (<http://kominarod.bip.ru/php/news/archnew.phtml?id=6523&idnew=31583&start=350>).

⁸⁸ Влизков Андрей. Националисты рассказали о «прекрасной деятельности» властей // Зырянская жизнь. 2006. 22 мая (<http://www.zyryane.ru/articles/print-4037.html>). Сами праворадикалы сначала написали о нескольких сотнях участников, однако позже убрали эту информацию со своих сайтов.

поддерживать интерес к себе со стороны СМИ, а грамотная демагогия — привлекать все новых сторонников. Например, мало кто обратил внимание на то, как ДПНИ удается «этнизировать» даже вербальные конструкции, «принадлежащие» традиционным интернационалистам. Так лозунг о победе советского оружия над фашистской Германией был превращен в лозунг о победе русского оружия, а 26 миллионов советских граждан, погибших в Великой Отечественной войне, «превратились» в 26 миллионов русских. А отсюда уже вполне логично вытекает лозунг, под которым праворадикалы проводили свои мероприятия в День Победы: «Продолжить дело наших предков — очистить Русь от оккупантов»⁸⁹. Вновь приходится повторить, что А. Поткин остается весьма востребованной фигурой для российских масс-медиа и с максимальной пользой для своей организации использует предоставляемое ему медийное пространство, не встречая при этом никаких контраргументов.

Отметим также, что антимигрантская пропаганда ДПНИ активно начинает использоваться и другими организациями, близкими к движению, например, «Русским обществом», организовавшим несколько этнонационалистических пикетов в районе метро «Планерная» в конце мая 2006 года.

В городах России по-прежнему распространяются ксенофобные листовки, нападениям вандалов подвергаются культовые сооружения и кладбища, появляются неонацистские граффити.

Отметим серьезные изменения в праворадикальном сегменте русскоязычного интернета. В связи с тем, что в деле А. Копцева фигурируют экстремистские материалы из Сети, представители силовых структур, а также российские законодатели неоднократно высказывали намерение усилить контроль за интернет-ресурсами. Это ли или что-то другое повлияло на праворадикалов, однако с января на многих их ресурсах, в том числе и находящихся у зарубежных провайдеров, начали происходить довольно заметные изменения. С них начали постепенно исчезать наиболее оидозные материалы (от видеозаписей расистских нападениях до трудов нацистских идеологов). ДПНИ на время даже реконструировало свой форум, повесив на нем недвусмысленную «просьбу не приносить спички и не разжигать...», чем поначалу повергло в оторопь своих сторонников. А с марта 2006 года, после задержания двух активистов праворадикалов (в Калининграде и Астраханской области), активно пропагандировавших ненависть в интернете, на неонацистских сайтах началась настоящая паника, к концу апреля, правда, прекратившаяся: в течение марта-ап-

⁸⁹ 9 мая. Обращение ЦОС ДПНИ // Сайт ДПНИ. 2006. Май.

реля было закрыто около трех десятков сайтов, около десятка из них не восстановлены до сих пор, на восстановившихся — часть материалов убрана их редакциями.

Гей-парад и вокруг него

С конца апреля праворадикалы нащупали новое, не освоенное ранее поле для очень выгодной в пропагандистском смысле активности. Поводом стал запланированный на май и широко разрекламированный фестиваль секс-меньшинств, кульминацией которого должен был стать первый в истории России гей-парад, намеченный на 27 мая⁹⁰. Мы оставляем в стороне всю дискуссию как о действиях московских властей, запретивших это мероприятие⁹¹, так и о действиях организаторов гей-парада Николая Алексева и Евгении Дебрянской. Объектом нашего внимания являются действия праворадикалов.

Безусловно, учитывая высокий уровень гомофобии в российском обществе, выступления противников секс-меньшинств были легко предсказуемы. Однако еще в конце апреля вряд ли кто-то мог предположить, что эти выступления выльются в открытое и настолько организованное насилие. Видимо, сыграли свою роль два фактора: резкие протестные настроения против гей-парада, возникшие в среде православной общности и распространившиеся далеко за ее пределы, и личная инициатива лидера Русского общенационального союза Игоря Артемова⁹², возглавившего почти все последующие события.

Первая волна насилия прокатилась по Москве в начале мая, когда активисты РОНС вместе с радикально настроенными православными активистами и какими-то скинхедами сорвали несколько мероприятий в московских гей-клубах и одновременно сторел один из этих клубов (в свете всех майских событий это вряд ли можно считать случайностью).

⁹⁰ Точности ради следует сказать, что гей-парад планировался отдельно от фестиваля, что в организованном гей-сообществе сторонники проведения парада составляли явное меньшинство, а большинство намеревалось ограничиться фестивалем в гей-клубах, что дата парада обсуждалась давно и неоднократно переносилась. Но поскольку объектом этого доклада являются национал-радикалы, мы упрощаем изложение событий до вида, в котором они, в конечном счете, стали известны большей части общества и националистическим активистам.

⁹¹ См. об этом: Левинсон Лев. Ни мэру, ни суду закон не писан? // Права человека в России. 2006. 28 мая (<http://www.hro.org/actions/nazi/2006/05/28.php>).

⁹² И. Артемов — православный националист, один из давних, с конца 80-х, участников национал-патриотического движения, возглавляет РОНС с 1991 года. Он уже не первый созыв является депутатом Законодательного собрания Владимирской области, а однажды едва не был избран в Государственную Думу.

Поведение милиции во время первого «протеста», в ночь на 1 мая, фактически оказалось поощрением дальнейших действий гомофобов: вместо того, чтобы воспрепятствовать агрессивно настроенной, но не столь многочисленной толпе, милиция лишь защищала вход в клуб (но не подходящих к нему посетителей), а затем эвакуировала тех, кто был внутри клуба.

И хотя в последующие дни милиция уже действовала адекватно (не исключено, что разгон похода к другому клубу на следующий день был произведен чрезмерно жестко, на что жаловался РОНС), остановить гомофобов она была уже не в состоянии: погромщики почувствовали свою безнаказанность. Во время самого гей-парада 27 мая, точнее, заменившей его скромной акции у Александровского сада, праворадикалы всех мастей избивали не только геев или лесбиянок, но «заодно уже» и представителей этнических меньшинств. Всего 27–28 мая было избито около 50 человек.

Осознание безнаказанности провоцировало всплеск насилия в отношении и других групп. Например, отряд праворадикалов вполне безнаказанно сорвал семинар по изучению Каббалы в академическом институте, а затем, при полном невмешательстве милиции, напал на растаманов на Кузнецком мосту.

В этой цепи майских событий нам бы хотелось отметить следующие существенные новшества.

Во-первых, высокую скоординированность действий нападавших. Координацию эту через интернет осуществлял РОНС. Поскольку все делалось вполне открыто, поведение милиции, для которой массовые, агрессивные, а главное — подчеркнуто демонстративные действия погромщиков почему-то стали полной неожиданностью, остается загадкой.

Во-вторых, совместные действия православных радикалов и скинхедов, вероятность чего ранее была крайне невелика, так как скинхеды в подавляющем большинстве традиционно равнодушны или враждебны к православию (не говоря уже о «благословении на погром», которое давал присутствовавший среди гомофобов священник⁹³).

И в-третьих, поддержка акций извне ультраправого сектора. В нападениях участвовали некоторые леваки — активисты СКМ⁹⁴. Публичную

⁹³ Это был известный в РПЦ радикал и фундаменталист игумен Кирилл (Сахаров). Конечно, участие этого оппозиционного к Московской патриархии священника не характеризует позицию Церкви, но для участников акций и тем более для видевших это обычных граждан присутствие священника было знаковым.

⁹⁴ Сообщение об участии активистов СКМ в гомофобных нападениях были опубликованы на сайте организации 29 мая 2006 года (<http://skm-rg.ru/index.php/2006/05/29/>)

поддержку гомофобам фактически оказал и такой кумир молодежи, как Юрий Шевчук⁹⁵.

Майские события стали большим успехом национал-радикалов. Главное — это была весьма удачная пиар-акция: нет ничего лучше, чем эффектная привязка к заведомо притягательному для СМИ предмету (будь то гей-парад или «Код да Винчи»). Более того, включение маргинальных групп в популярную или потенциально популярную тему, где нет столь же активных игроков, приближает маргиналов к мейнстриму. А высокий уровень бытовой гомофобии обеспечивает доброжелательный фон для восприятия акций, которые при другом объекте атаки вызывали бы однозначное осуждение (тот же Шевчук совсем не так говорил бы с адептом погрома, если бы погром был направлен, скажем, на этническое меньшинство). Заодно праворадикалы достаточно безболезненно накапливают опыт организации погромных действий и эмпирически находят точки соприкосновения (а вернее, направления сотрудничества) ранее трудно совместимых между собой сегментов праворадикальной среды.

Противодействие радикальному национализму

Деятельность общественных организаций и стихийное противодействие

Наиболее значимым событием в противодействии национализму и ксенофобии со стороны общественных организаций стала прошедшая 14 мая 2006 г. в Москве конференция «Фашизм — угроза будущему России» и, как логическое продолжение конференции, учреждение 22 июня Российского антифашистского фронта (РАФ). В майской конференции приняли участие более 150 представителей неправительственных организаций, молодежных объединений, демократических политических партий, неформальных антифашистских групп, национально-культурных объединений, участвовали также эксперты, журналисты, деятели культуры. Участники конференции приняли «Программу действий», которая стала и программой действий РАФа. Это общественное движение, учредителями которого выступили многие члены оргкомитета майской конференции,

pi-ory-ogreblj_lulej.html?show&idnews=203) (текст содержит нецензурную брань — Ред.).

⁹⁵ Рассуждения Ю. Шевчука о гей-параде и кадры его дружеского общения с Леонидом Симоновичем, лидером Союза православных хоругвеносцев, фундаменталистской группировки, активно участвовавшей в гомофобной кампании, были продемонстрированы в программе «Неделя с Марианной Максимовской» (REN-TV) 3 июня 2006 г.

своими целями видит противодействие проявлениям расизма и дискриминации на территории России, равно как и политическим спекуляциям на этом противодействии, и консолидацию усилий всех обеспокоенных угрозой фашизма сил.

В остальном деятельность общественных организаций, как правило, оставалась в привычных рамках — реализовывались образовательные, просветительские, информационные и исследовательские проекты.

Знаковым явлением в области противодействия праворадикалам со стороны общества является позиция молодежных левых и левацких организации по отношению к все более явному сотрудничеству КПРФ и ДПНИ. СКМ, АКМ и другие молодежные организации весной неоднократно выступали с заявлениями протеста против этого сотрудничества. Отсутствие реакции на эти заявления со стороны руководства коммунистов, вероятно, приведет к дальнейшему углублению кризиса внутри самой КПРФ. Ну, а леваки, разумеется, не стали ограничиваться заявлениями: 1 мая прямо перед Государственной Думой произошла драка между скинхедами, пытавшимися вместе с коммунистической колонной пройти на митинг, и не пускавшей их левацкой антифашистской молодежью.

Отметим и случаи насильственного противодействия этнонационалистическим проявлениям. Необычный скандал произошел на записи программы «Два против одного» с участием Константина Борового 16 февраля. Ведущие этой передачи постоянно позволяют себе в эфире высказывания этнонационалистического характера (в основном антисемитские и антикавказские). В точности неизвестно, как разворачивались события⁹⁶, ясно только, что в какой-то момент К. Боровой со словами «*То, что вы говорите, — это настоящий русский фашизм*» вскочил и кинулся бить журналиста, но, промахнувшись, упал сам. По некоторым сведениям, потасовка после записи программы продолжилась. Впрочем, обе стороны заявили, что претензий друг к другу не имеют.

Участились массовые драки между скинхедами и представителями левацких молодежных организаций (не путать с организованными нападениями скинхедов на представителей молодежных субкультур). Выше уже был упомянут инцидент, произошедший 1 мая 2006 г., однако он отнюдь не единичен. Например, 22 января на станции метро «Павелецкая-кольцевая» антифашисты-леваки напали на скинхедов, направлявшихся на «свой» концерт; 25 марта в Москве после проходившего на

⁹⁶ Те фрагменты программы, которые оказались нам доступны, и неофициальная «стенограмма» передачи, размещенная на праворадикальных форумах, друг с другом не совпадают.

Октябрьской площади митинга памяти Милошевича на станции метро «Октябрьская» произошла массовая драка между антифашистской молодежью и скинхедами — участниками митинга.

Как видно на этих примерах, зачастую столкновения провоцируются самими леваками. И чем бы ни мотивировались эти атаки, они так же противозаконны, как и насильственные действия скинхедов, и ведут к еще большей эскалации насилия.

Как и прежде, расистское насилие и отсутствие адекватной реакции на эти нападения со стороны правоохранительных органов провоцируют стихийные акции протеста. Так, например, в ночь с 24 на 25 апреля представители армянской диаспоры перекрыли движение на пересечении Садового кольца и Нового Арбата, протестуя против «бытовой» версии убийства армянского юноши в московском метро⁹⁷.

Деятельность Общественной палаты

В качестве общественного противодействия, вероятно, стоит расценивать и некоторые заявления и инициативы сформированной в конце 2005 года Общественной палаты⁹⁸. Уже в начале нового года стало известно, что проблема экстремизма войдет в повестку дня первого же содержательного заседания Палаты. Так и оказалось. В ходе подготовки этого заседания проводились консультации с некоторыми экспертами и НПО, но основную часть проекта рекомендаций Палаты «О толерантности и противодействии нетерпимости и экстремизму в российском обществе» написал председатель комиссии Палаты по вопросам толерантности и свободы совести Валерий Тишков.

В целом вполне разумные рекомендации изначально имели важный недостаток: они опирались на чрезмерно расширенное соответствующим законом понятие экстремизма. После принятия Палатой и последующей коллективной доработки документ утратил ряд принципиальных позиций. В частности, наиболее существенной потерей, на наш взгляд, стал отказ от предложения устранить «*этноцентристский подход в преподавании истории и смежных предметов*»⁹⁹. Впрочем, до сих пор непонятно самое главное — кем

⁹⁷ Напомним, некоторое время московские правоохранительные органы, несмотря на показания очевидцев, пытались представить убийство армянского юноши как бытовое преступление.

⁹⁸ Мы основываемся на формальном статусе этого органа, а не на его фактической репутации.

⁹⁹ О толерантности и противодействии нетерпимости и экстремизму в российском обществе (Рекомендации Общественной палаты РФ) // Официальный сайт Общественной палаты. 2006 (<http://www.oprf.ru/rus/documents/resolutions/article-1572.html>).

и как будут использоваться эти рекомендации: они не могут иметь «установочного» характера ввиду совещательного статуса Палаты и при этом были почти лишены широкой медиа-поддержки, которая могла бы придать рекомендациям характер общественно-значимого ориентира.

К сожалению, больше никаких конструктивных инициатив по противодействию распространению этнической и религиозной ксенофобии Общественная палата не внесла. Подавляющее большинство заявлений и предложений в лучшем случае демонстрировало активную гражданскую позицию некоторых ее членов, но и тогда выдавало острый дефицит компетентности в затрагиваемой сфере. Так, например, еще в январе 2006 года Палата поддержала идею ужесточения антиэкстремистского законодательства (в той версии, которая на тот момент предлагалась в Думе; летом были приняты совсем другие поправки) и выступила за создание списка «запрещенной экстремистской литературы» (явно не сверившись с действующим законом).

В худшем же случае инициативы членов ОП либо носили характер откровенного самопиара, как требование Людмилы Нарусовой и присоединившихся к ней членов Палаты привлечь к ответственности журнал «Караван историй» за фотографию поп-певицы Ирины Аллегровой в нацистской форме, либо были ориентированы на ужесточение давления на прессу, как непродуманные заявления В. Тишкова о правовой ответственности журналиста за предоставление слова экстремистам¹⁰⁰.

Уголовное преследование праворадикалов

Тенденции в практике уголовного преследования праворадикалов в первой половине 2006 года были довольно противоречивы.

За этот период обвинительными приговорами завершилось семь судебных процессов¹⁰¹ по делам о насильственных преступлениях по мотиву национальной ненависти — в Москве, Орле, Томске, Костроме, Саратове, Петербурге и Нижнем Новгороде. Среди них — дела по таким нашумевшим в свое время преступлениям, как избиение в Орле в 2003 году команды бурятских лучниц, установка заминированного антисемитского плаката в том же году в Томске, нападение на чеченскую певицу

¹⁰⁰ Речь шла не о моральной или профессиональной ответственности, а именно о правовой. Но возложение такой ответственности за цитирование в любой форме противоречит Европейской конвенции по правам человека в интерпретации Европейского суда по правам человека (важное прецедентное дело «Йерсильд против Дании»).

¹⁰¹ В конце мая 2006 года был вынесен обвинительный приговор в отношении остававшегося на свободе участника нападений на африканцев в 2002 году. Однако присутствует ли там мотив ненависти, нам пока выяснить не удалось.

Лизу Умарову и ее сына в апреле 2006 года. Один процесс по делу об избиении граждан Судана в Воронеже был прекращен в связи с примирением сторон. И в трех судебных процессах, включая дело об убийстве Хуршеды Султоновой в Петербурге и дело группировки Родошкевича в Новосибирске, мотив ненависти по различным причинам был снят во время судебных разбирательств. Мы неоднократно писали о том, что случаи снятия мотива ненависти, и в Петербурге, и в Новосибирске, ни о чем, кроме плохой работы обвинения, не свидетельствуют¹⁰², однако нам кажется позитивным сам факт, что прокуратура перестает «бояться» предъявлять обвинение, связанное с национальной ненавистью.

Постепенно и суд, и прокуратура накапливают опыт по таким преступлениям, «учатся», а обвинение становится все более и более юридически корректным. Здесь показательными являются, на наш взгляд два процесса, которые на сегодняшний момент не завершены.

Во-первых, это дело о нападении Александра Копцева на московскую синагогу. Напомним, Александру Копцеву вменялось совершение преступлений по ч. 3 ст. 30 и пп. «а», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ (покушение на убийство двух и более лиц по мотиву национальной ненависти) и по п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ (возбуждение национальной ненависти с применением насилия). В марте 2006 года он был признан виновным по первому пункту обвинения. При этом суд посчитал недоказанным обвинение в возбуждении национальной ненависти. В итоге А. Копцев был приговорен к 13 годам заключения. На наш взгляд, подобное решение было вполне оправдано: суд признал националистический мотив нападения, но не признал Копцева виновным в пропаганде националистических идей, что является вполне логичным — ведь не пострадавших же от его рук евреев в синагоге Копцев агитировал. Однако по настоянию обвинения, которое считает необходимым осуждение А. Копцева и по ст. 282 (что, по нашему мнению, является лишь уступкой общественному мнению, которое убеждено в том, что лишь наличие в приговоре ст. 282 является признанием националистического мотива нападения), 20 июня 2006 г. Верховный суд отменил приговор А. Копцеву и направил дело на повторное рассмотрение¹⁰³. Мы же, повторимся, рассматриваем решение суда первой инстанции как пример вполне адекватной и качественной юридической квалификации преступления.

¹⁰² Более подробные комментарии см.: Эксперт: Неприменение к новосибирским скинхедам обвинения в разжигании межнациональной розни — это проблема не суда, а обвинения // ИА REGNUM. 2006. 29 марта (<http://www.regnum.ru/news/614810.html>).

¹⁰³ 15 сентября 2006 г. Мосгорсуд согласился с доводами обвинения и адвокатов потерпевших, добавил к приговору ст. 282 и увеличил срок лишения свободы с 13 до 16 лет.

Еще одним без преувеличения знаковым событием в правоприменительной практике стало обвинение, предъявленное фигурантам дела об убийстве перуанского студента в Воронеже осенью 2005 года (обвинительный приговор вынесен 26 августа 2006 г.). По делу проходило 13 человек. Одному из них было предъявлено обвинение по ст. 105 ч. 2 пп. «д» и «л» (убийство с особой жестокостью на почве национальной и расовой ненависти) и ст. 213 (хулиганство), троим — по ст. 161 ч. 2 (грабеж) и ст. 213 ч. 2 (хулиганство). Остальным — только ст. 213. Однако при этом всем в качестве отягчающего обстоятельства вменено в вину совершение преступления на почве национальной и расовой ненависти, то есть использована ст. 63 ч. 1 п. «е» УК РФ (кроме обвиняемого в убийстве, так как у него этот признак уже фигурирует как квалифицирующий, а в статьях 161 и 213 такого квалифицирующего признака нет). Это **первый известный нам случай**, когда это отягчающее обстоятельство, применимое к любым преступлениям, фигурирует в обвинении в расистском нападении. И остается только надеяться, что опыт Воронежской прокуратуры будет учтен и в остальных регионах.

Важно, что доведены до суда дела, связанные с идеологическим неонацистским насилием — о нападении на девушку-антифашистку в Саратове¹⁰⁴ и о погроме на панк-концерте в Курске в марте 2005 года. Несмотря на то, что в них не присутствует мотив ненависти в той формулировке, которая есть в нашем Уголовном кодексе, в своих публичных заявлениях правоохранительные органы признают именно идеологический, неонацистский мотив этих преступлений, что само по себе немаловажно. Все чаще в выступлениях правоохранителей неонацистский мотив признается и в случаях нападений на бездомных. А в 2006 году в Биробиджане было передано в суд дело, где и юридическая квалификация подобного преступления содержала в себе мотив ненависти¹⁰⁵.

Но не все было так хорошо в первой половине 2006 года. Еще в конце 2005 года позитивное стремление к реальному наказанию за подобные преступления, которое обозначилось было к середине того года, было сломано несообразно мягкими приговорами по делам группировок «Шульц-88» и «Mad Crowd» (см. выше; напомним, до этих приговоров лишь двое из примерно 45 человек, и то несовершеннолетние, получили условные сроки). И 2006 год подтвердил: российское правосудие вновь стремится к условному наказанию расистов, даже в тех случаях, когда

¹⁰⁴ Приговор вынесен в конце февраля 2006 года, а когда произошло само нападение, к сожалению, неизвестно.

¹⁰⁵ Суд начался 3 июля 2006 г. Двое несовершеннолетних подростков обвиняются в совершении убийства трех бездомных.

мотив ненависти признан судом, не говоря уже о тех, когда подобные преступления квалифицируются как хулиганство. Так, из 21 человека, признанного в январе-июне 2006 года виновными в насильственных преступлениях, совершенных по мотиву национальной ненависти, условно были осуждены пятеро¹⁰⁶. Хотя, еще раз повторим: анализ расистских нападений и приговоров за них показывает, что условное наказание лишь порождает у скинхедов чувство безнаказанности.

По-прежнему сохраняется стремление следствия не учитывать мотив ненависти в подобных преступлениях, даже если он не вызывает сомнения у знакомых с обстоятельствами дела. Так, например, 27 февраля был вынесен приговор скинхедам, напавшим на молеальный дом в Сергиевом Посаде в сентябре 2005 года и избившим имама. Напомним, нападавшие выкрикивали этнонационалистические и исламофобские лозунги. (А уже в дни процесса в городе распространялись антимусульманские листовки, местные праворадикалы пытались оказывать давление на присутствовавших в зале судебных заседаний пострадавших и свидетелей. Активность их была настолько велика, что было решено усилить охрану суда.) Однако мотив ненависти в обвинительном заключении не присутствовал, а двое обвиняемых в результате были осуждены на год и два года условно.

Иногда стремление «не замечать» националистический мотив в насильственных преступлениях приводит к странным юридическим казусам. 29 июня 2006 г. Верхнепышминский городской суд, в Свердловской области, вынес приговор троим жителям Верхней Пышмы, обвиняемым в создании экстремистского сообщества (как говорится в пресс-релизе прокуратуры, «для совершения преступлений по мотивам национальной ненависти и вражды в отношении выходцев из районов Кавказа и Средней Азии») и участия в нем. Это третий в правоприменительной практике России приговор по этой статье¹⁰⁷. Однако курьез заключается в том, что все трое обвиняемых одновременно были признаны виновными в убийстве уроженца Киргизии в январе 2005 года, а двое из них уже были осуждены в декабре 2005 года за демонстративно расистское убийство трех уроженцев Армении. И в обоих убийствах мотив ненависти признан не был. Таким образом получается, что экстремистское сообщество было создано «для совершения преступлений по мотивам национальной ненависти», но сами совершенные преступления мотива национальной ненависти не содержали.

¹⁰⁶ Наказание, назначенное еще двоим осужденным, неизвестно.

¹⁰⁷ Первые два — по делу членов Новгородского РНЕ и группы «Шульц-88» — были вынесены в 2005 году. См. об этом отчет за 2005 год.

Если в преследовании насильственных преступлений можно говорить о каких-то позитивных явлениях, то в отношении преследования расистской пропаганды ситуация практически не меняется. К тому же обвинения в возбуждении ненависти снова были использованы как инструмент давления на свободу слова, а не предотвращения распространения ксенофобных настроений — в приговоре Ст. Дмитриевскому (см. выше) и в «карикатурном деле» в Вологде (см. ниже).

За первые полгода 2006 года обвинительными приговорами завершилось четыре судебных разбирательства¹⁰⁸ — против лидера краснодарской организации «Держава Русь», против Александра Втулкина, угрожавшего губернатору Санкт-Петербурга Валентине Матвиенко, против самарского издателя-антисемита Олега Киттера и против жителя Саратова, осквернившего местную синагогу. Если последний пример интересен как единичный случай успешного преследования вандала-антисемита, то на остальных приговорах следует остановиться подробнее.

30 января в Краснодаре за пропаганду ненависти на 8 месяцев лишения свободы был осужден руководитель регионального отделения праворадикальной организации «Духовно-Родовая Держава Русь» (см. о ней выше) Петр Сарафанов. Именно краснодарское отделение «Державы» причастно, как минимум, к одному расистскому нападению. Членом «Державы» считает себя и некто Гаямян — владелец краснодарского книжного магазина, торговавшего нацистской и праворадикальной литературой и закрытого под давлением общественных организаций края только осенью 2005 года (как раз к началу суда над Сарафановым). Сам же Сарафанов был осужден именно за призывы к осуществлению смертных приговоров и многочисленные обращения антисемитского содержания, рассылаемые им в государственные органы на бланках, украшенных «классической» четырехлучевой свастикой, которую организация использует в качестве официального символа.

Второй приговор был вынесен в Петербурге. 10 февраля к полутора годам колонии-поселения был приговорен активист уже упоминавшейся выше карликовой праворадикальной группировки «Русская республика» Александр Втулкин, написавший в июле 2004 года письмо с угрозами в адрес петербургского губернатора Валентины Матвиенко¹⁰⁹. Прокуратура серьезно отнеслась к этим угрозам, возбудив дело по ст. 119 УК (угроза убийством), но позже переквалифицировала его на ст. 282. (Отметим для

¹⁰⁸ Без учета приговоров в отношении Станислава Дмитриевского (Нижний Новгород) и Анны Смирновой (Вологда), которые мы рассматриваем как неправомерные.

¹⁰⁹ 7 июля 2006 г. А. Втулкин был освобожден условно-досрочно и немедленно начал публиковать погромные статьи в неонацистской газете «Штурмовик».

сравнения, что дело против «общероссийского» лидера вышеупомянутой «Державы Русь» Олега Попова по фактам угроз и смертных приговоров, вынесенных руководителям России, было возбуждено в Московской области в декабре 2005 года по статье ст. 319 УК (оскорбление представителя власти).) Оба эти приговора показательны тем, что в них фигурировали угрозы высшим должностным лицам России.

И, наконец, третий приговор был вынесен 7 февраля Олегу Киттеру, многолетнему издателю антисемитской газеты «Алекс-Инфо». Он был признан виновным в возбуждении национальной ненависти за публикацию трехлетней давности, и дело было прекращено за истечением срока давности. Подобная практика — максимальное затягивание дела, заведомо влекущее уход обвиняемого от наказания, — является традиционной и никак не мешает пропагандистской деятельности активистов, подобных Олегу Киттеру, который продолжает издавать свою газету. Не будет способствовать снижению пропагандистской активности в регионе и решение Октябрьского районного суда Самары, отменившее в конце января 2006 года предупреждение Росохранкультуры газете «Волжская заря», вынесенное в марте 2005 года за публикацию агрессивных этноцентристских материалов.

Еще более традиционным является оправдание пропагандистов ненависти (как это случилось весной 2006 года с редактором одной из горно-алтайских газет Юрием Поздеевым, опубликовавшим в апреле 2004 года антисемитскую статью «Особенности антирусской охоты — 2»¹¹⁰) или прекращение дела до суда (весной 2006 года из-за истечения срока давности прекращено одно из уголовных дел против хабаровского издателя-антисемита Сергея Лукьяненко).

Многочисленные попытки общественных активистов привлечь пропагандистов ненависти к уголовной ответственности не только безрезультатны, но иногда приводят к странным последствиям. Так, представителю Коми «Мемориала» Игорю Сажину было не только отказано в проверке его заявления по поводу распространения в Сыктывкаре листовок РНЕ, воспринятых правозащитником как националистические, но его действия были расценены прокурором как «заведомо ложный донос».

В начале марта 2006 года в республике Адыгея было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 282 УК РФ против имама г. Адыгейска Неджмедина Абазии, причем единственное обвинение в отношении имама, о котором нам известно, это использование им в своих проповедях «Книги

¹¹⁰ Впрочем, если бы суд посчитал вину Ю. Поздеева доказанной, то и по этому делу срок давности также вышел.

единобожия» Аль-Ваххаба — религиозного трактата XVIII века, признанного экстремистским несколько лет назад решением московского Савеловского суда. Если это действительно единственное обвинение, то мы имеем важный прецедент уголовного преследования за использование литературы, признанной экстремистской (и прецедент весьма спорный, поскольку спорным является сам по себе запрет религиозной книги двухсотпятидесятилетней давности).

Вообще, деятельность радикальных исламистских группировок на территории России и их преследование — тема отдельного большого исследования: слишком сложны обстоятельства, и слишком сильна здесь политическая составляющая. Однако поскольку деятельность этих группировок прямо связана с пропагандой религиозной и национальной ненависти, стоит отметить, что к началу августа 2006 года, по подсчетам Правозащитного центра «Мемориал» и Комитета «Гражданское содействие», было вынесено 24 приговора по делам, в которых можно усмотреть противозаконные преследования мусульманских активистов за их деятельность, из них 18 приходятся на дела по «Хизб ут-Тахрир». Осуждено по ним 56 человек (из них 48 — по делам по «Хизб ут-Тахрир»), из них к реальным срокам лишения свободы приговорены 37 (32) человек, условные приговоры вынесены в отношении 12 человек (все по делам по «Хизб ут-Тахрир»), оштрафованы — 5 (4) человек, двое — к обязательным работам. (Эта статистика включает три приговора за дачу ложных показаний, возникшие в ситуации, когда свидетели в суде отказывались от предварительных показаний, данных, по их словам, под давлением, а суд признавал это заявление свидетелей ложным.)

Главное, что хотелось бы отметить в рамках данной статьи: в делах против радикальных исламистов фигурируют в основном ст.ст. 205 (терроризм), 205¹ (вовлечение в террористическую деятельность), 208 (участие в незаконном вооруженном формировании), 222 (незаконное хранение боеприпасов) и 282² (участие в запрещенной экстремистской организации). Попытки же предъявить подсудимым ст. 282 УК, то есть самое, казалось бы, естественное обвинение для такой идеологической организации, как «Хизб ут-Тахрир», предпринимались и предпринимаются крайне редко. А в обвинительное заключение эта статья вошла лишь в одном случае: по делу Боходира Шукурова, осужденного в июне 2005 года, но именно по ст. 282 оправданного судом¹¹¹.

¹¹¹ Подробнее см.: Завершается дело «Исламского джамаата» в Набережных Челнах. Обзор // Центр «СОВА» Религия в светском обществе. 2006. 31 июля (<http://religion.sova-center.ru/publications/4D646C9/7B57C3F>).

Иное противодействие радикальному национализму

В отличие от уголовного преследования пропагандистов-праворадикалов, административные меры в их отношении выглядят более эффективно.

Впервые с весны 2004 года за экстремистскую этнонационалистическую деятельность решением суда была ликвидирована общественная организация. После неоднократных предупреждений, вынесенных прокуратурой, 30 марта 2006 г. Первомайский районный суд Краснодарского края признал материалы уже упоминавшейся выше националистической организации «Рада земли Кубанской Духовно-Родовой Державы Русь» экстремистскими и вынес решение о ее ликвидации.

А вот при ликвидации общественной организации «Государственный Совет Балкарии», несмотря на требования республиканской прокуратуры суд экстремистскую, националистическую составляющую ее деятельности не признал, несмотря на то, что и организации, и газете, которую она издавала, неоднократно выносились прокурорские предупреждения именно за возбуждение национальной ненависти. Впрочем, организация все равно была ликвидирована 24 марта 2006 г. за деятельность, «направленную на изменение основ конституционного строя, нарушение целостности Российской Федерации». 4 июля 2006 г. это решение было подтверждено Верховным судом России.

После вынесения двух предупреждений за публикацию экстремистских материалов (в феврале и марте 2006 года) Росохранкультура обратилась в суд с иском о ликвидации газеты «Дуэль». Если не считать решения о ликвидации газеты НБП «Генеральная линия»¹¹², это первый случай с 2003 года и всего второй или третий — с использованием закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Несмотря на то что большинство предупреждений, вынесенных СМИ Росохранкультурой и прокуратурой в 2006 году, носили явный политический характер (см. ниже), как минимум три предупреждения действительно были направлены на пресечение ксенофобной (в первую очередь антисемитской) пропаганды. Это уже упомянутые предупреждение «Дуэли» и предупреждение главному редактору газеты «Русское Забайкалье» Сергею Авдееву, вынесенное 28 апреля 2006 г. Еще одно (правда, на наш взгляд, довольно странное) предупреждение было вынесено в начале весны редакции газеты «Совершенно конкретно» (Удмуртия)

¹¹² Напомним, решение суда первой инстанции было вынесено 4 июля 2005 г., однако до сих пор, по всей видимости, не вступило в силу — газета пока выходит. Кроме того, по нашему мнению, повышенное внимание Росохранкультуры к «Генеральной линии» было вызвано скорее политическими мотивами.

за публикацию рассуждений некоего психотерапевта об «обидчивости удмуртов». Отметим, что газета немедленно принесла свои извинения за публикацию.

Весна 2006 года принесла и очередные примеры профилактической работы милиции по предотвращению насильственных инцидентов. Так, в Брянске 13 и 20 апреля были предотвращены массовые акции с участием скинхедов, которые с большой вероятностью грозили вылиться в драки. «Шествие скинхедов» было предотвращено 20 апреля в Калужской области. А в Новосибирске 20 апреля благодаря бдительности вневедомственной охраны и оперативности милиционеров было предотвращено нападение на казахского студента. Однако, как и прежде, подобные примеры остаются единичными, кроме того, они явно были обусловлены традиционным усилением внимания к скинхедам в связи с днем рождения Гитлера.

Продолжилось достаточно активное преследование за демонстрацию нацистской символики. Так, за первое полугодие 2006 года административным взысканиям подверглись праворадикальные активисты в Новороссийске, на Сахалине, в Петербурге.

К сожалению, необходимо отметить, что часто позитивность «профилактики» сводится на нет методами, применяемыми милицией, которые часто затрудняют дальнейшее преследование праворадикальных активистов. В 2006 году это особенно ярко стало видно на примере Сыктывкара, когда мероприятия, проводившиеся местными националистами, зачастую прерывались милицией необоснованно жестоко. Последний эпизод произошел 22 июня 2006 г. Накануне на сыктывкарском рынке подверглась сексуальным домогательствам со стороны торговца-азербайджанца дочь священника РПЦЗ, активиста местной правой организации «Союз национального возрождения», возглавляемой уже упоминавшимся выше Юрием Екишевым¹¹³. На следующий день отец девушки в сопровождении нескольких товарищей отправился на рынок «поговорить» с обидчиком. Через четверть часа после этого на рынок подтянулась «группа поддержки» — три десятка спортивного вида мужчин (часть из них — ветераны войн в Афганистане и Чечне, мастера рукопашного боя) под предводительством Екишева. Как минимум один из «поддерживающих» был вооружен железным прутком. Охранявший рынок ОМОН, у которого были сведения о некоей готовящейся антикавказской акции (что неудивительно: ДПНИ еще задолго до 22 июня открыто заявляло

¹¹³ Помимо СНВ, Екишев представляет в Коми НДПР, ДПНИ и одновременно является членом Российской партии жизни.

о планировании на этот день серии «антимигрантских» выступлений), оперативно задержал этих людей, применив при этом явно чрезмерную силу. Дела задержанных рассматривались в административном порядке, и некоторые из задержанных (но не отец девочки) были подвергнуты административному аресту. Позже задержание того же Ю. Екишева было признано незаконным, и это дало повод праворадикалам рассуждать о неправомерности предпринятых ОМОНОм действий в целом, а отцу девочки — «клеить» «нерусскую судью», вынесшую решение об административном аресте.

К сожалению, сохраняется стремление чиновников разного уровня отрицать наличие проблемы расистских преступлений, представляя требования расследовать таковые как некий «политический заказ». Наиболее характерными в этом смысле стали заявления, сделанные практически одновременно сразу несколькими петербургскими чиновниками 21 апреля на заседании президиума Общественного совета при губернаторе Петербурга, посвященном вопросам противодействия ксенофобии и экстремизму. Прокурор города Сергей Зайцев, руководитель ГУВД Михаил Ваничкин¹¹⁴ и председатель комиссии по правам человека при губернаторе Татьяна Линева едва ли не в одних и тех же выражениях заявили, что повышенное внимание к Петербургу, связанное с серией дерзких расистских нападений — не что иное, как «провокация против города». А позже и сама губернатор В. Матвиенко говорила в связи с задержанием подозреваемых в серии расистских нападений, о неких «ниточках, ведущих в Москву».

На примере все того же Петербурга¹¹⁵ можно видеть, насколько действительно сильна политическая составляющая в самом факте признания проблемы расизма. В январе 2006 года разразился скандал, связанный с «утечкой» в СМИ аналитической записки городской прокуратуры Петербурга, направленной в адрес губернатора 31 декабря 2005 г. Авторы записки сделали попытку обобщить материалы о расистских проявлениях в городе и обратили внимание на неэффективность мер, предпринимаемых городской администрацией по противодействию расизму и ксенофобии. И сама записка, и публикация ее в СМИ вызвали

¹¹⁴ Позже М. Ваничкин выступил с откровенно расистскими заявлениями, не имевшими, отметим, для него никаких последствий. См.: Что позволено милиционеру и не позволено скинхеду // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия в России. 2006. 25 апреля (<http://xeno.sova-center.ru/45A29F2/735C779>).

¹¹⁵ Такое доминирование города в 2006 году неудивительно — он постоянно находился в центре внимания в связи с подготовкой саммита «большой восьмерки».

крайнее недовольство администрации Петербурга, которая в очередной раз попыталась отвергнуть остроту этой проблемы в городе. Однако прокуратура города достаточно долго придерживалась своего мнения (очевидно не популистского, ведь документ явно не предназначался для огласки). Однако по мере приближения саммита «Большой восьмерки» публичная позиция прокуратуры начала коренным образом меняться, сведясь в конце концов к уже упомянутой риторике о «преувеличении» проблемы расизма и о «политической провокации против города».

Другие высокопоставленные чиновники Петербурга, отрицая проблему ксенофобии, и сами позволяли себе откровенно расистские высказывания. Так, в одном из выступлений по поводу роста расистских нападений начальник Петербургского ГУВД генерал Михаил Ванчикин выразил недовольство поведением иностранных граждан следующим образом: «*За общежитие эти черные не платят, а ходят по ночным клубам, где вход 1500 рублей*».

А в июне достоянием гласности стала стенограмма заседания Совета фракций Законодательного собрания Петербурга от 24 апреля, воспроизводящая откровенно националистические высказывания некоторых петербургских депутатов от «Единой России» и ЛДПР.

«Антифашизм» как инструмент давления на гражданское общество и демократические свободы

С конца января 2006 года (после нападения А. Копцева на московскую синагогу) резко активизировалось использование антифашистской, антиксенофобной риторики в целях дискредитации политических оппонентов партии власти и дальнейшего наступления на демократические свободы и на многих деятелей демократической оппозиции и независимые общественные организации¹¹⁶. После того, как 26 января «Единая Россия» инициировала так называемый Антифашистский пакт — соглашение политических партий о противодействии национализму, ксенофобии и религиозной розни, — эта демагогическая риторика усилилась многократно.

Одновременно активизировалась и «антиэкстремистская» законодательная деятельность, которая, к сожалению, не может быть расценена иначе, как попытка дальнейшего сворачивания демократических свобод, в данном случае — под антифашистскими лозунгами.

¹¹⁶ См. о начале этой тенденции в 2005 году в главе «Борьба с ксенофобией как политический ресурс».

Законодательная деятельность

Нападение на посетителей московской синагоги резко активизировало дискуссию о необходимости увеличения эффективности российского антиэкстремистского законодательства. К сожалению, из-за весьма распространенного ошибочного мнения о чрезмерной мягкости в этой области подавляющее инициатив было направлено на ужесточение уже существующих норм и на ограничение гражданских свобод, прежде всего свободы слова.

Уже к концу января 2006 года Комитет по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы разработал законопроект, предполагающий изменение существующей нормативной базы в этой области. Законопроект резко поднимал верхнюю планку санкций по ряду статей, правоприменение по которым отнюдь не свидетельствует о том, что суды испытывают затруднения с необходимостью назначить более строгое наказание. Основной же пафос этого явно наспех составленного документа сводился к усилению контроля и ужесточению наказания, в частности, за распространение экстремистских материалов, в том числе и в интернете. Между тем эксперты неоднократно указывали на то, что проблема состоит не в недостаточной жесткости наказания, а в том, что соответствующие нормы закона неудачно сформулированы и почти не применяются.

Единственным, но действительно позитивным новшеством, содержащимся в законопроекте, было предложение ввести административные санкции, а именно штрафы для СМИ и/или его главного редактора, опубликовавшего ксенофобный материал. Ведь до сих пор фактически единственной возможностью наказания СМИ является его закрытие. Эта странная радикальность законодательства приводила до сих пор к тому, что оно практически не применялось¹¹⁷.

Законопроект был отправлен на экспертизу в Верховный суд и в Правительство и там «застрял». Зато 13 апреля Правительство выдвинуло свой законопроект, альтернативный предложенному Думой. Он предусматривал введение уголовной ответственности за вандализм, совершенный по мотивам национальной и религиозной ненависти (изменение ст. 214 УК РФ), а также ужесточение административной ответственности за изготовление и распространение нацистской атрибутики (изменение ст.

¹¹⁷ Подробнее см.: Левинсон Л. Провайдеры на страже госбезопасности // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия в России. 2006. 7 февраля (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/6D03DB7>); Верховский А. Антиэкстремистские поправки: бессмысленно жесткие и общественно опасные // Там же. 2006. 8 февраля (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/6D183E2>).

20.3 Кодекса об административных правонарушениях). Впрочем, этот законопроект даже и не рассматривался.

Дело в том, что оба эти законопроекта были «похоронены» еще одним проектом, стремительно прошедшим путь от первого чтения в Государственной Думе (28 июня) до подписания Президентом (28 июля), что дает основания полагать, что в данном случае у законопроекта была поддержка из Кремля. Законопроект с незамысловатым названием «О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности”» размывает и без того крайне широкое определение понятие «экстремизм» и вводит ответственность за его (экстремизма) «оправдание». Принятие этого закона сделало возможным преследование общественных организаций, чьи акции протеста приводят к тому или иному столкновению с государственными служащими (насилие по отношению к ним, угроза насилия, а также помехи работе государственных учреждений; речь, подчеркнем, идет о любых чиновниках), и всех СМИ, публикующих более или менее сочувственные комментарии журналистов и экспертов к таким акциям протеста¹¹⁸.

Кроме того, в июне в Государственную Думу был внесен и 28 июля был принят в первом чтении законопроект «О внесении изменений в федеральные законы “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации». Эти изменения подвергались разносторонней критике, здесь же хотелось бы отметить только два момента. Во-первых, законопроект основан на определении «экстремистской деятельности», данном в соответствующем законе, а оно становится все более и более деструктивным. Во-вторых, законопроект содержит норму, по которой гражданину может быть отказано в регистрации за «экстремистские высказывания», сделанные не только во время кампании, но и «задним числом» — за период, равный длительности каденции, на которую он баллотируется. Если такой гражданин баллотируется в партийном списке, отстранению подлежит весь список¹¹⁹. В случае принятия такая поправка дает, учитывая широту

¹¹⁸ См.: Верховский А. Понятие «экстремизм» угрожающе расширяется // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2006. 28 июня (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/78A4BA5>); Он же. Антиэкстремистский финал думской сессии — радикальное покушение на избирательные права // Там же. 2006. 10 июля (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/799D3C5>).

¹¹⁹ Подробнее об этом см.: Он же. Антиэкстремистский финал думской сессии — радикальное покушение на избирательные права // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2006. 10 июля (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/799D3C5>). Сам пакет

определения «экстремизм», идеальный механизм для отстранения любой партии от выборов¹²⁰.

Другие попытки давления

Инициативу «Единой Россией» (ЕР) о подписании Антифашистского пакта можно было бы только приветствовать: пакт призывает не допускать членства в рядах политических партий людей, открыто исповедующих расистские, ксенофобные убеждения, не поддерживать кандидатов-расистов на выборах, не принимать участия в публичных мероприятиях, на которых ведется ксенофобная агитация и т.д. Однако позитивная оценка этой инициативы была сразу поставлена под сомнение его декларативностью и политической ангажированностью, очевидно направленной на дискредитацию наиболее сильных политических оппонентов «партии власти» — «Родины» и КПРФ. Пакт был дискредитирован присоединением к нему ЛДПР, члены которой не только открыто поддерживают ДПНИ и неонацистский Славянский Союз, называют скинхедов «полезной организацией», но и выступают с откровенно расистскими законопроектами типа запрещения россиянкам выходить замуж за иностранцев. Само участие ЛДПР в пакте прямо нарушает его п. 5, требующий *«прекращать любое сотрудничество в любых формах со всеми российскими и зарубежными организациями, выступившими с ксенофобских и расистских позиций или пропагандирующими национальное превосходство, а также разжигающими межэтническую, религиозную или социальную рознь»*.

Да и у самой ЕР не все в порядке с внутривнутрипартийным «антифашизмом». Например, в середине февраля 2006 года разразился скандал, связанный с башкирским национальным центром «Урал». Секретарь Президиума Генерального совета ЕР Вячеслав Володин назвал этот центр в числе тех организаций, которые, наряду с РНЕ и скинхедами, надо исключить из respectable политического поля (БНЦ «Урал», снизивший политическую активность в последние годы, действительно расценивается многими экспертами как этнонационалистическая организация). Однако буквально в тот же день выяснилось, что активисты центра в полном составе являются членами ЕР. «Уральцы» потребовали отставки Володина, даже организовали по этому поводу митинг в Уфе, московское руководство партии заявило, что возможно исключение

документов по законопроекту можно посмотреть на сайте Государственной Думы (<http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf>).

¹²⁰ В момент завершения этой статьи появились сведения, что законопроект именно в этой части будет все-таки смягчен.

этих активистов из рядов ЕР, но не в рамках антифашистского пакта, а за нарушение внутрипартийной дисциплины.

Еще более интересна ситуация в Саратовском отделении «ЕР», членами политсовета которого (и по совместительству депутатами Саратовской городской думы) являются Андрей Ивашенко и Андрей Палазник. Первый известен тем, что в 2005 году в качестве главного редактора местной «патриотической» газеты «Земский собор» опубликовал полный текст антисемитского «письма пятисот»¹²¹, а затем и «исправленные» фрагменты второй версии документа. Второй «прославился» во время предвыборной кампании в городскую думу (выборы состоялись 12 марта 2006 года) тем, что руководить своим предвыборным штабом поручил специально приглашенному для этого из Москвы ветерану российского праворадикального движения, лидеру «Национального фронта», идеологу скандально известной «Церкви Нави» Илье Лазаренко. Никакой реакции в отношении этих единокороссов не последовало.

Не отказалась ЕР и от поддержки краснодарского губернатора Александра Ткачева, ведущего откровенно дискриминационную политику по отношению к национальным меньшинствам и публично выступающего с ксенофобными заявлениями, превратившимися уже в клише, которые он повторяет от одного выступления к другому. Так, например, 2 марта (то есть уже после объявления о пакте) А. Ткачев публично подтвердил продолжение этого дискриминационного курса и заявления эти, разумеется, остались не замеченными партийным руководством.

В контексте подобных инцидентов «Антифашистский пакт» вполне мог бы остаться не более чем очередным конфузом «партии власти». Однако «антифашистская» деятельность единокороссов приняла характер политической кампании, которая начала все заметнее реализовывать репрессивный потенциал, заложенный в антиэкстремистском законодательстве России, и о котором еще в 2002 году предупреждали эксперты. А дополнительный импульс этому придали внешнеполитические события — протесты мусульман, связанные с публикацией карикатур на пророка Мухаммеда.

Безусловно, случаи неправомерного, на наш взгляд, преследования по ст. 282 случались и ранее, до «Антифашистского пакта», (см. выше о деле Ст. Дмитриевского), но с началом «карикатурного скандала» кампания стала приобретать уже и вовсе одиозные формы.

¹²¹ Русофобия в действии. Еврейское счастье, русские слезы... // Земское обозрение. 2005. 9 февраля.

Все началось с того, что в Волгограде местные единокороссы обвинили в разжигании религиозной розни муниципальную газету «Городские вести» — за публикацию карикатуры, изображающей основателей мировых религий, но в подчеркнуто толерантном контексте (напомним, на рисунке были изображены Моисей, Христос, Будда и Мухаммед, смотрящие телевизор, в котором две группы людей готовы столкнуться стенка на стенку; все четверо говорят: «А ведь мы их этому не учили») — как иллюстрации к статье «Расистам не место во власти». Рисунок ни до, ни даже после выступления «Единой России» не вызывал протестов каких-либо религиозных деятелей или групп. Зато вслед за «партией власти» местная прокуратура тоже усмотрела в рисунке «экстремизм» и вынесла газете официальное предупреждение. Рисунок специально осудил ответственный чиновник Росохранкультуры¹²². А городская администрация газету просто закрыла.

Саморекламный характер этого скандала был очевиден. Из-за нелепых обвинений пострадала газета муниципалитета, вполне лояльная единокороссам, и уже через две недели она была восстановлена под другим именем. При этом, напомним, в Волгограде уже второе десятилетие выходит откровенно антисемитская газета «Колокол», против которой все эти годы безуспешно борется местная еврейская община.

Дальше — больше. Буквально через день после волгоградских событий стало известно, что в Вологде местная газета «Наш регион +», независимая от губернских властей, перепечатала несколько датских карикатур (закрыв как раз те фрагменты, которые более всего возмущали мусульман) в качестве иллюстраций к серии комментариев экспертов к «карикатурному скандалу». Газета была закрыта учредителем, а против редактора было возбуждено уголовное дело по ст. 282 УК.

В Алтайском крае местная прокуратура возбудила дело по той же статье уже не за карикатуры, а за публикацию антимусульманского по содержанию отклика на форуме информационного агентства «Банк-факс». А местное управление Росохранкультуры — без предварительного предупреждения — подало в суд на ликвидацию самого агентства. Подать иск о закрытии издания (равно как о ликвидации и запрете общественной организации) без предварительного вынесения предупреждения стало возможным с принятием в 2002 году закона «О противодействии экстремистской деятельности». Такие меры должны применяться при

¹²² Виноградов Дмитрий. Росохранкультура обратилась к Богу // Газета.Ру. 2006. 15 февраля (http://www.gazeta.ru/2006/02/15/oa_188767.shtml).

наличии особо опасных обстоятельств, и до этого эпизода ни разу не применялись.

Между тем форум — это открытая интерактивная площадка общения редакции сайта со своей аудиторией; вменяемый агентству постинг на форуме был удален модератором после первого же предупреждения. Сам прецедент весьма показателен, особенно если учесть, что именно в это время со стороны депутатов Государственной Думы и членов Общественной палаты неоднократно раздавались призывы ужесточить контроль над интернетом, в частности, над наиболее далекими по сути от масс-медиа секторами Сети — форумами и блогами. Следуя логике Росохранкультуры и прокуратуры в алтайском деле, при желании можно было бы закрыть любой сайт, хоть сайт Президента, если кому-то вдруг пришло бы в голову разместить на его форуме, например, цитаты из «Майн кампф». Впрочем, дело против автора записи весной 2006 года было прекращено (автор был известным местным интернет-персонажем), а Росохранкультура дело против агентства проиграла (представитель истца заявил о намерении продолжить разбирательство в Верховном суде).

Давление на СМИ, связанное с «карикатурным скандалом», не ограничилось описанными случаями. За публикацию тех же датских карикатур Росохранкультура вынесла предупреждения как минимум двум СМИ — интернет-изданию «Газета.Ру»¹²³ и брянской газете «Наш Брянск. Суббота». В отношении еще одной газеты, «Совершенно конкретно», в марте началась проверка. Мы, к сожалению, не знаем, чем она завершилась, но второе (после статьи об «обидчивых удмуртах») предупреждение газете пришло бы ему иском о закрытии.

Самым серьезным эпизодом «карикатурного скандала» в России стал факт уголовного преследования за публикацию этих же карикатур. 14 апреля редактор вологодской газеты «Наш регион +» Анна Смирнова была признана виновной по ст. 282 УК и приговорена к штрафу в 100 тыс. рублей¹²⁴. Правда, уже 25 мая приговор был признан необоснованным и отменен кассационной инстанцией.

Кроме «карикатурных» инцидентов, можно назвать также предупреждение прокуратуры газете «Зырянская жизнь» (Республика Коми). Оно было вынесено 16 марта «за возбуждение национальной ненависти». Поводом для него стала публикация репортажа о митинге, организованном местными националистами, хотя сам репортаж был вполне

¹²³ В августе 2006 года Арбитражный суд Москвы признал это предупреждение правомерным.

¹²⁴ Приговор и вся ситуация были очень похожи на дело о выставке «Осторожно, религия!».

нейтральным. В результате независимое издание потеряло источники финансирования, и его печатная версия закрылась¹²⁵.

Одновременно под предлогом борьбы с экстремизмом продолжилось и давление на правозащитников. 26 февраля 2006 г. прокуратура Москвы вынесла предупреждение правозащитному центру «Мемориал» за размещение на сайте центра экспертного заключения муфтия Нафигуллы Аширова на четыре книги движения «Хизб ут-Тахрир». Само заключение было опубликовано еще в мае 2005 года, однако внимание прокуратуры оно привлекло лишь спустя полгода, когда в качестве листовки его начали изымать во время так называемых антиваххабитских рейдов. Краткий текст Аширова утверждал, что эти четыре произведения (а не идеология организации в целом) не призывают к насилию и не возбуждают вражду по отношению к людям иного вероисповедания. Заключение не содержало ни одной цитаты из анализируемых произведений, однако прокуратура сочла, что заключение косвенно пропагандирует идеи «Хизб ут-Тахрир» и его «можно расценивать как пропагандистский материал с точки зрения социальной психологии»¹²⁶.

Продолжилась и дискредитация политических оппонентов «Единой России». В феврале очередной жертвой стал губернатор Пермского края Олег Чиркунов, один из немногих губернаторов, не являющихся единомышленником. Поводом для скандала стал инцидент на «Открытом молодежном форуме», проводимом под патронатом губернатора. На одной из секций форума, на которой он как раз и присутствовал, одним из последних выступил молодой человек, заявивший, что он является членом ННП и ДПНИ (последнее, кстати, немедленно от молодого человека отмежевалось) и что их группировка отказывается от насильственных преступлений против «инородцев» как от неэффективной и меняет тактику борьбы, отдавая приоритет легальной борьбе за власть. Адекватной реакции на это выступление на самом форуме не последовало. Однако губернатор (и, отметим, это едва ли не единственный пример подобного поведения) буквально на следующий день принес публичные извинения жителям

¹²⁵ Отметим, что преследование газеты, резко оппозиционной администрации республики, не прекратилось. В августе стало известно, что прокуратура проводит проверку трех материалов газеты (два из которых — вновь репортажи о митингах националистов и их неправомерном разгоне) на предмет возбуждения против редактора уголовного дела по ст. 282.

¹²⁶ На этом месте было размещено «Заключение Духовного управления мусульман Азиатской части России по брошюрам движения «Хизб ут-Тахрир» // Мемориал. 2006. Февраль (<http://www.memo.ru/hr/jbl/doc/2005ashirov.htm>).

региона за инцидент, а материалы форума немедленно были направлены в прокуратуру для проверки. Однако это не помешало пропрезидентским популистским организациям, «России Молодой» и «Нашим», обвинить губернатора в потворстве фашизму и устроить антигубернаторский митинг силами свезенных в Пермь иногородних «нашистов». Скандал, впрочем, вскоре сошел на нет. Зато на его фоне совершенно незамеченным осталось то, что 25 февраля в работе круглого стола «Причины роста конфликтов в молодежной среде», организованного местными активистами ЕР, приняли участие сразу несколько откровенно праворадикальных организаций — ДПНИ, Евразийского союза молодежи и «Союза славян» в лице заместителя редактора газеты «За Русское дело» известного антисемита Романа Перина. Активисты ДПНИ при этом раздавали этнонационалистические листовки с антимигрантскими лозунгами и призывами к созданию вооруженных патрулей¹²⁷.

Заключение

Выводы, к которым можно прийти, подводя итоги полутора лет, по большей части неутешительны. Расистское и иное неонацистски мотивированное насилие расширяется, становится более демонстративным и направлено на все новые и новые этнические, религиозные и социальные группы.

Праворадикалы все активнее стремятся преодолеть свой маргинальный статус, используя для этого все более разнообразные методы пропаганды. К сожалению, СМИ часто представляют праворадикалов в качестве самостоятельных медиа-фигур и тем самым частично легитимируют их в глазах телезрителей/читателей.

Важно отметить позитивные изменения: преследование противоправных действий праворадикалов со стороны государства заметно активизировалось. Очень похоже, что умножение серьезных и юридически корректных приговоров за расистские нападения в 2004–2005 гг. сказалось на уменьшении количества убийств на почве ненависти. Соответственно, можно предположить, что начало в 2005 году реальных уголовных преследований за расистскую пропаганду тоже как-то скажется на ее уровне в будущем. Но пока этого не произошло.

Противодействие со стороны государства по-прежнему существенно отстает от роста противозаконной активности неонацистов и иных радикальных этнонационалистов, особенно в отношении пропаганды и организационной деятельности. Это противодействие не носит достаточно систематического и последовательного характера, чтобы продемонстрировать серьезное стремление государства к искоренению преступлений на почве ненависти. В частности, так и не сошла на нет практика условного наказания за серьезные насильственные преступления, продолжается вынесение приговоров без учета мотива ненависти.

Динамика уголовного преследования праворадикалов, на первый взгляд, растет быстрее их противоправной активности (хотя порядок цифр, конечно, несопоставим — см. Приложения 1–3). Если количество нападений растет примерно на 30 % ежегодно, то количество обвинительных приговоров расистам увеличивается примерно вдвое год от года. Но, к сожалению, данные эти почти несопоставимы. С одной стороны, мы не видим никакой динамики преследования неонацистов в основных центрах их активности — Москве и Петербурге, с другой — видим успешные примеры наказаний в информационно закрытых регионах, в которых почти ничего неизвестно об активности праворадикалов.

Вероятно, наблюдающаяся в последнее время демонстративность убийств, совершаемых на почве ненависти, связана с провалом ряда показательных «расистских» процессов. Из-за почти полной безнаказанности этнонационалистических пропагандистов, праворадикальные группировки все успешнее используют распространенные в российском обществе ксенофобные настроения и не находящую иного выхода энергию социального протеста.

Активная и достаточно свободная деятельность радикальных группировок и полная безнаказанность ЛДПР в сочетании с успешной технологической операцией по нейтрализации «Родины» наводит на мысль, что власть озабочена только борьбой с оппозицией, но не противодействием национализму как таковому. Такая выборочность правоприменения заметно обесценивает пафос деятельности государства по противодействию распространению ксенофобных настроений, порождает правовой нигилизм и всеобщую убежденность в том, что наказуемой является не праворадикальная активность, а политическая нелояльность режиму.

Видимо, праворадикальная угроза по-прежнему не осознается государством как одна из наиболее актуальных проблем, хотя успехи националистической демагогии «Родины» и ДПНИ во время московс-

¹²⁷ Отчет секретаря политсовета Василеостровской районной организации ВПП «Единая Россия» Иванова Олега Дмитриевича // Единая Россия. Василеостровское отделение. 2006. Март (<http://www.voinf.ru/doclad1.html>); Соратники ДПНИ-Петербург приняли участие в научной конференции // ДПНИ-Петербург. 2006. 26 февраля.

кой предвыборной кампании 2005 года, а также серия погромов на этнической почве, во многих из которых не обошлось без праворадикалов, ясно показали, что речь идет уже не о маргинальных группах.

Очевидно, элита по-прежнему исходит из того, что ультранационализм не является политической угрозой, а «мягкие» формы национализма могут быть успешно и безопасно инкорпорированы в государственную идеологию. Ошибка этого суждения не только в том, что помимо политических, есть и другие угрозы — уже сейчас праворадикалы убивают десятки и калечат сотни людей и отравляют своей пропагандой сознание еще большего числа других. Но и политическую угрозу элита очевидным образом недооценивает: ультранационализм постепенно растет, и нет никаких оснований считать, что малоэффективная российская власть сможет с ним справиться в случае какого-то серьезного кризиса и сопутствующей ему активизации праворадикалов.

С другой стороны, с 2005 года тема ксенофобии превратилась в удобный инструмент политических манипуляций. Ее можно использовать и для запугивания демократического электората, и для дискредитации либеральной оппозиции, и для достижения локальных электоральных результатов, а в конечном счете — для закрепления авторитарных методов правления. Ориентированные на противодействие мифической «оранжевой угрозе», поддерживаемые собственными ксенофобными установками и стимулируемые личными интересами, представители политической элит, особенно в регионах, предпочитают в лучшем случае бездействовать, а в худшем — прямо сотрудничать с лидерами и идеологами правого радикализма в России.

Тенденция использования антифашистской риторики как инструмента давления на демократические свободы, преследования независимых СМИ и дискредитации НПО и оппозиционных политических активистов продолжает усиливаться и уже воплотилась в уголовные приговоры и антидемократические поправки в законы.

Такая тенденция очень опасна и сама по себе, но здесь необходимо подчеркнуть, что стремление к «огосударствлению антифашизма» не только не улучшит противодействие расизму и дискриминации, но очевидным образом ухудшит его, так как ограничивает возможности широкого сотрудничества разных общественных сил и направляет энергию государственного аппарата в ложное русло чрезмерно широко определяемого «антиэкстремизма».

Приложения

Статистика преступлений и наказаний

Приложение 1.

Статистика расистских и неонацистских нападений за 2004 — 30 июня 2006 г. (с разбивкой по регионам)¹²⁸

Город / регион	2004			2005			январь—июнь 2006		
	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших
Москва	14	59	73	10	170	180	10	64	74
Петербург	9	32	41	4	45	49	3	21	24
Астрахань	0	0	0	0	2	2	0	0	0
Барнаул	0	0	0	0	1	1	0	0	0
Белгород	0	2	2	0	3	3	0	0	0
Благовещенск	0	2	2	0	7	7	0	1	1
Брянск	0	0	0	0	1	1	0	0	0
Владивосток	5	9	14	0	3	3	0	1	1
Владимирская обл.	0	4	4	0	0	0	0	0	0
Волгоград	0	2	2	0	1	1	2	2	4
Воронеж	1	2	3	1	21	22	1	3	4
Иваново	0	1	1	0	0	0	0	0	0
Ижевск	0	0	0	0	1	1	0	0	0

¹²⁸ В алфавитном порядке городов, за исключением Москвы и Петербурга, как основных центров расистского насилия. Данные Центра «СОВА» постоянно пополняются и уточняются. Во всех таблицах цифры приведены по состоянию на 20 сентября 2006 г.

Город / регион	2004			2005			январь—июнь 2006		
	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших
Иркутская обл.	3	0	3	2	5	7	0	0	0
Йошкар-Ола	0	1	1	0	15	15	0	5	5
Калининград	0	1	1	0	2	2	0	10	10
Калуга	0	0	0	0	11	11	0	2	2
Киров	0	0	0	0	1	1	0	0	0
Кострома	0	5	5	0	0	0	0	5	5
Краснодарский	2	32	34	1	3	4	0	0	0
Красноярск	0	0	0	1	1	2	0	3	3
Курган	0	0	0	0	6	6	0	0	0
Курск	0	5	5	0	2	2	0	0	0
Липецк	0	1	1	0	3	3	0	0	0
Майкоп	0	3	3	0	0	0	0	0	0
Мурманск	0	0	0	0	1	1	0	0	0
Нижний Новгород	1	5	6	4	12	16	0	5	5
Новгород	0	0	0	0	5	5	0	0	0
Новосибирск	2	12	14	1	9	10	0	0	0
Омская обл.	0	3	3	0	0	0	0	3	3
Орел	0	8	8	0	0	0	0	7	7
Пермь	0	1	1	3	2	5	0	0	0
Петрозаводск	0	0	0	0	2	2	0	0	0
Псков	0	0	0	0	1	1	0	0	0
Республика Коми	0	0	0	0	3	3	0	0	0

Город / регион	2004			2005			январь—июнь 2006		
	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших
Ростов-на Дону	0	0	0	0	10	10	0	2	2
Рязань	0	0	0	0	1	1	0	1	1
Самара	1	3	4	2	4	6	0	0	0
Саратов	1	0	1	0	0	0	0	0	0
Свердловская обл.	1	7	8	6	6	12	0	4	4
Смоленск	0	0	0	0	2	2	0	0	0
Ставрополь	0	0	0	0	21	21	0	0	0
Тамбов	0	3	3	0	2	2	0	0	0
Тверская область	0	0	0	0	0	0	0	3	3
Томск	0	3	3	0	6	6	0	4	4
Тульская область	1	0	1	0	1	1	1	2	3
Тюменская обл.	3	1	4	1	0	1	0	11	11
Уфа	0	1	1	0	2	2	0	0	0
Хабаровск	0	0	0	0	3	3	0	0	0
Хакасия	0	0	0	0	2	2	0	0	0
Чебоксары	0	0	0	0	0	0	0	3	3
Челябинск	1	4	5	0	0	0	0	1	1
Читинская	0	0	0	0	0	0	1	0	1
Южно-Сахалинск	1	0	1	0	0	0	0	0	0
Ярославская обл.	0	0	0	0	0	0	0	3	3
Всего	46	212	258	36	399	435	18	166	184

Приложение 2. Обобщенная статистика расистских и неонацистских нападений за 2004—2006 (с разбивкой по времени года)

	2004			2005			2006		
	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших
Зима (декабрь / январь+февраль / без даты ¹²⁹)	9 (0/9/0) ¹³⁰	22 (0/22/0)	31 (0/31/0)	7 (3/4/0)	72 (14/52/6)	79 (17/56/6)	8 (4/4/0)	102 (53/44/5)	110 (57/48/5)
Весна	10	77	87	5	119	124	14	76	90
Лето	16	20	36	6	64	70	16	152	168
Осень	8	79	87	17	105	122	-	-	-
Всего за год	46	212	258	36	399	435	-	-	-
Примечания	Кроме того, известно о 13 убийствах бомжей, в которых правоохранительными органами подозревается идеологическая (неонацистская) составляющая								
	Кроме того, известно о 8 убийствах и 4 избиениях бомжей, в которых правоохранительными органами подозревается идеологическая (неонацистская) составляющая								
	Кроме того, 27—28 мая 2006 г. толков Москвескинхедами и другими томофобами было избито не менее 50 представителей секс-меньшинств. В статистику включены 12 погибших и 54 пострадавших при взрыве на Черкизовском рынке 21 августа 2006 г.								

¹²⁹ Все нападения, которые датируются только годом, условно относятся к январю.

¹³⁰ За январь-февраль 2004 года.

Обобщенная статистика расистских и неонацистских нападений за 2004—2006 (с разбивкой по категориям)

Год	2004		2005		январь-июнь 2006	
	Убитых	Избитых и раненых	Убитых	Избитых и раненых	Убитых	Избитых и раненых
Всего	46	212	36	399	18	166
В том числе						
Темнокожие	1	33	3	37	2	17
Уроженцы Центральной Азии	7	20	11	28	4	26
Уроженцы Кавказа	14	37	9	50	7	29
Уроженцы Ближнего Востока и Северной Африки	4	12	1	16	0	5
Уроженцы стран АТР (Китай, Вьетнам, Монголия и т.д.)	8	29	4	57	1	15
Другие люди «неславянской внешности»	2	20	3	70	3	15
Представители молодежных субкультур и левацкой молодежи	0	4	3	121	1	39
Другие или нет информации	10	57	2	20	0	20

**Приложение 3.
Статистика обвинительных приговоров, учитывающих
мотив ненависти, 2004 – 30 июня 2006**

	Количество приговоров		Количество осужденных			
	Насилие	Пропаганда	Насилие	в т.ч. условно или освобождены от наказания	Пропаганда	в т.ч. условно или освобождены от наказания
2004						
Москва	2	0	5	неизвестно	0	0
Московская область	1	0	9	6	0	0
Петербург	2	0	10	3	0	0
Воронеж	1	0	3	0	0	0
Новгород	1 ¹³¹	1	1	0	1	0
Владимирская область	1	0	1	1	0	0
Ижевск	0	1	0	0	1	1
Новосибирск	0	1	0	0	1	1
Итого	8	3	29	10	3	2
2005						
Москва	2	1	4	0	1	1
Московская область	2	0	8	0	0	0
Петербург	2	0	10	4 ¹³²	0	0
Благовещенск	1	0	4	0	0	0
Владивосток	1	0	1	0	0	0
Волгоград	1	0	7	0	0	0
Екатеринбург	1	1	3	0	1	0
Липецк	1 ¹³³	0	4	0	0	0
Мурманск	1	0	2	1	0	0

¹³¹ За угрозу взрыва синагоги.

¹³² Еще один оправдан за недоказанность вины.

¹³³ Со специальным определением суда в адрес городской администрации.

	Количество приговоров		Количество осужденных			
	Насилие	Пропаганда	Насилие	в т.ч. условно или освобождены от наказания	Пропаганда	в т.ч. условно или освобождены от наказания
2005						
Пермь	1	0	1	0	0	0
Сургут	1	0	5	0	0	0
Тамбов	1	0	1	0	0	0
Кемеровская область	0	4	0	0	4 ¹³⁴	1
Киров	0	1	0	0	1	0
Новгород	0	1	0	0	3	0
Орел	0	1	0	0	2	2
Сыктывкар	0	1	0	0	1	1
Хабаровск	0	1	0	0	1	0 ¹³⁵
Итого	15	11	50	5	14	5
1 января – 30 июня 2006						
Москва	1	0	3	1	0	0
Орел	1	0	5	2	0	0
Томск	1	0	3	0	0	0
Кострома	1	0	3	2	0	0
Саратов	1	1	5	0	1	1
Петербург	1	1	2	0	1	0
Нижний Новгород	1	0	2	неизвестно	0	0
Краснодар	0	1	0	0	1	0
Самара	0	1	0	0	1	1
Екатеринбург	1	0	3 ¹³⁶	0	0	0
Итого	7	4	23	5	4	2

¹³⁴ Один человек осужден дважды в течение года по одним и тем же статьям, но по разным эпизодам.

¹³⁵ Приговор отменен по кассации из-за истечения срока давности.

¹³⁶ Осуждены за создание экстремистского сообщества и одновременно за убийство, в котором мотив ненависти не учтен.

Алексей Козлов

Ультраправые тенденции в футбольных фанатских группировках в России

Данная статья не претендует на анализ и подробное рассмотрение футбольного хулиганства в России. Хотелось бы отметить и «высветить» одну из тенденций, а именно преобладание и развитие внутри этой субкультуры ультраправых, расистских, ксенофобных и гомофобных взглядов и представлений. Подобные взгляды находят свое выражение как в практических действиях, так и в символике, а также в многочисленных текстах, широко представленных, в частности, в интернете.

Необходимо отметить принципиальное отличие футбольных хулиганов («хулз») от скинхедов-нацистов (бонхедов, бонов). Для хулз главную ценность представляют футбол и все, что ему сопутствует («околофутбол»¹), прежде всего стычки с хулз других футбольных клубов. Основные личные цели хулз — самоутвердиться и дать выход накопившейся агрессивной энергии. Наци-скинхеды, в отличие от хулз, имеют стратегическую цель — сохранение чистоты расы, и они пытаются достичь ее всеми доступными способами. Тем не менее, эти субкультуры очень тесно взаимодействуют, символика и коды перетекают из одной в другую. Многие хулз являются расистами, но не многие бонны являются хулз.

Типология

Футбольная субкультура в целом, а фанатская и хулиганская субкультура в особенности, является полузакрытой или закрытой, поэтому для понимания дальнейшего изложения мы приводим общепринятую в фанатском мире типологию хулз.

Первая группа — болельщики, на хулиганском жаргоне «кузьмичи». Это значительная по численности группа людей, которые регулярно ходят

¹ «Околофутбол» — все процессы, которые не связаны напрямую с футбольным матчем и футболом как таковым, — музыка, фанатская символика, столкновения фирм и прочее.

на матчи своей любимой команды, покупают общедоступную атрибутику с клубной символикой и регулярно читают газету «Спорт-экспресс».

Вторая группа, менее многочисленная, но более организованная — футбольные фанаты. Отличаются от кузьмичей тем, что выезжают в другие города на матчи с участием своей команды и могут пользоваться более «продвинутой», сделанной на заказ атрибутикой.

Третья группа, самая малочисленная, но самая организованная — это футбольные хулиганы, организованные в не очень большие, но сплоченные «команды», обычно называемые «фирмами». Каждая фирма имеет наименование, собственную мифологию, включающую ее «подвиги», вполне определенные мировоззренческие и практические установки. Основная задача любой фирмы — это победить фирму или группу фанатов другой команды путем прямого физического насилия, в драке, иногда с использованием камней, бутылок, арматуры, кастетов, бейсбольных бит, цепей, ремней с бляхами, даже ножей, то есть футбольный хулиганизм прямо связан с еженедельным (в связи с матчами), а с учетом подготовки — с ежедневным, насилием.

Отдельной категорией фанатов являются так называемые карлоны. Как правило, это подростки, которые пытаются заслужить авторитет у «старших товарищей» путем особенно агрессивных выходов. Карлоны — основные участники, «рядовые бойцы» в столкновениях на стадионах. Более опытные хулиганы жертвуют ими, чтобы прикрыть свой отход, их выгоняют на поле, чтобы спровоцировать остановку матча, и т.д.

Внутри каждой фирмы существует «основа» (хардкор, top-boys), которая, собственно, и формирует взгляды, тактику и имидж фирмы. Основа является наиболее агрессивной, наиболее опытной и наиболее продвинутой в идеологическом отношении частью околофутбольного сообщества. Именно основы несут ответственность за то насилие, которое периодически выплескивается за рамки противостояния фирм. При этом основа составляет не более 30 % численности фирмы. В рамках данной статьи нас интересует в основном основа, а также влияние фирм на всех фанатов в целом.

Идеология

Спектр идеологических пристрастий футбольных хулиганов весьма широк — от полной аполитичности до антифашизма, но все при этом они практикуют насилие. Однако самый заметный сегмент занимает ультраправая идеология.

Главную роль в ультраправой идеологии футбольных хулиганов играет расизм в его российской интерпретации: хулз в качестве основного врага ви-

дят кавказцев, выходцев из Средней Азии, китайцев и вьетнамцев. Впрочем, безусловно, при удобном случае, они могут напасть и на чернокожих.

В крупных городах (Воронеж, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Волгоград, Самара) большинство преступлений на расовой и национальной почве случается именно перед футбольными матчами или после игры, в непосредственной близости от стадионов.

Из интервью лидеров основы фирмы «18th Side» (ФК «Крылья Советов», Самара):

«Вопрос: Какова идеология, политические взгляды, расовые предрассудки?»

Mihrutka_ks: Насчет расовых предрассудков каждый имеет свои представления об этом. Мы придерживаемся мнения, чтобы в нашей фирме не было представителей лишь некоторых национальностей.

TomDeLonge: Общей, на всех, идеологии нет. Каждый имеет право на свою точку зрения, есть люди, поддерживающие наци, просто расисты и просто националисты. Расовые предрассудки распространяются, в основном, на джигитов и узкоглазых типов из ближнего зарубежья. И насчет музыки еще. Многие сильно не любят рэперов. Вот так»².

Одним из самых распространенных символов у футбольных хулиганов является кельтский крест. Широко распространены также железные кресты, стилизованные и дополненные названиями фирм или команд.

Антисемитизм среди футбольных хулиганов не имеет широкого распространения, не находит отклика и идейный антикоммунизм.

Особо следует отметить сильные гомофобные тенденции, связанные с тем, что в фирмах практически нет девушек, а в основах они встречаются крайне редко. Свою роль играет и своеобразный культ уличных бойцов. Психологические аспекты данного феномена требуют отдельного изучения и выходят за рамки данной статьи.

Для многих футбольных хулиганов расизм и гомофобия — такие же составные части хулиганской моды, как одежда марок «Фред Пери» и «Лонсдейл». Они не являются идейными расистами и последовательными гомофобами, что, впрочем, не мешает им наносить увечья африканцам и геям.

Таким образом, на данный момент мы можем выделить два основных объекта атак для футбольных хулиганов, помимо других фирм. Это мигранты и геи/лесбиянки. Причем в обоих случаях речь не идет ни о какой fair play³. Еще одним объектом нападений являются антифашисты.

² Интервью цитируется с сайта UnitedRats.com.

³ Fair play — буквально «честная игра» (англ.), здесь — договоренность между лидерами двух и более фирм о количестве бойцов при согласованном месте и времени столкновения, не использовании «аргументов» (бутылок, цепей и прочего). Иными

Как это происходит

Практически в каждом региональном центре есть один, иногда несколько футбольных клубов. У каждого такого клуба есть группа фанатов, в которой существует минимум одна-две фирмы. В крупных городах (Самара, Нижний Новгород, Воронеж и т.д.) количество фирм колеблется от пяти до десяти. У известных команд, например, у московского «Спартака», может быть несколько десятков фирм, то есть в среднем на миллионный город приходится несколько десятков опытных уличных бойцов, которые участвовали во множестве столкновений, хорошо ориентируются в родном городе и, что самое главное, в любой момент способны перейти к прямому насилию. Если прибавить к ним обычных фанатов, которые не прочь «за компанию» поучаствовать в массовых беспорядках, или в нападении на мигрантов, или в погроме гей-вечеринки, то число «бойцов» возрастает до сотен. Можно сказать, что в целом по России число активных футбольных хулиганов составляет более десяти тысяч, большая часть которых сосредоточена в Москве и Петербурге. Число же нерегулярных участников «околофутбольных» акций на порядок больше.

Приведем в качестве примера краткий обзор фирм петербургского ФК «Зенит».

1. «Коалиция» существует с 2001 года. Средний возраст членов фирмы один из самых высоких. Имеет подразделение — «Молодую коалицию». Численность — более 100 человек.
2. «Гремлины» появились на околофутбольной сцене в начале 1999 года. Являются основой «зенитовского» движения. Одна из наиболее разрекламированных фирм страны, входит в число наиболее влиятельных фирм Санкт-Петербурга. Численность — 70–80 человек, имеет молодежную фирму «Mobile Group».
3. «Jolly Nevsky» — самая старая фирма в Санкт-Петербурге. Численность — около 70 человек, тоже имеет молодежную фирму — «Young Jolly Nevsky».
4. «Z-44» — одна из первых фирм, для которой хулиганизм стал реальным приоритетом.
5. «Невский фронт» — своего рода ядро питерского фанатского движения. Появился в 1996 году, когда «Зенит» вернулся в высшую лигу. Численность — около 300 человек. Одна из самых многочисленных фирм Санкт-Петербурга.

словами, фирмы выходят стенка на стенку одним и тем же количеством бойцов и с «голыми руками».

6. «Питерские волки» выделились из «Невского фронта». Сейчас эта группировка откровенно поддерживает идеи White Power и участвует во многих акциях.
7. «Бригадиры» начинали свое существование как молодежная фирма «Z-44», но через некоторое время превратились в одну из ведущих фирм города. Ее основу составляют «ветераны» околофутбола.
8. «Крымские» («Beagle Boys») — фирма, появившаяся в 2000 году.
9. «NordSide» — фирма, отколовшаяся от «Jolly Nevsky».
10. «Snake City Firm» — самая молодая фирма (средний возраст участников — 17–19 лет). Главная ее особенность состоит в том, что ее члены живут в основном в пригороде Санкт-Петербурга но, тем не менее, фирма имеет филиал и в самом городе. Идеология — White Power. Выпускает журнал «City Magazine».
11. «Mad Crowd» — возникла около пяти лет назад из распавшейся фирмы «Sindikate», выделялась тем, что постоянно ходила на домашние матчи, но редко участвовала в выездах. Идеология — White Power. Фирма поддерживала дружеские отношения с «Mobile Group» и «Snake City Firm». В настоящее время ряду ее участников предъявлены обвинения по различным статьям УК, включая ст. 282, благодаря чему фирма стала широко известна⁴.
12. «Team-12» («T-12») — фирма, образовавшаяся совсем недавно. Возрастной состав — примерно 17–19 лет. Идеология — White Power. Участвовала в совместных акциях с «Mad Crowd».
13. «Old City Firm» — первоначально ее основа была филиалом «Z-44», затем филиал откололся и вырос в автономную фирму. Чемпионы по числу столкновений с другими фирмами города.
14. Новые фирмы «Evil City», «Sprut firm», «Green Line Firm», «Inquisitors».

Итак, всего у ФК «Зенит» более 15 фирм, треть которых придерживается откровенно расистских взглядов, а общая численность фирм превышает 1000 человек.

Если учесть количество клубов в Москве в сравнении с Петербургом, то число активных участников фирм не может не настораживать.

Помимо футбола, этих людей объединяют и другие субкультурные связи, например, музыкальные пристрастия. На российской ска-сце-

⁴ О деле «Mad Crowd» см., например: Смирнов Григорий. Бешеного поймали к самиту // Газета.Ру. 2006. 14 июля (http://www.gazeta.ru/2006/07/14/oa_208026.shtml).

не есть целое направление — футбольный ска, признанным лидером которого является московская группа «Clock Work Times»⁵. Еще одной известной группой, близкой к футбольным хулиганам, менее талантливой, но откровенно нацистской, является группа «Банды Москвы». Барабанщик группы Андрей: *«Я считаю, что футбол — лучший институт для правой пропаганды и лучшая возможность проводить правую политику среди молодежи, а также лучший способ формирования правого движения. Именно на счету футбольных хулиганов все крупнейшие удачно проведенные (расистские — А.К.) акции прямого действия»*⁶.

Помимо музыки, хулз объединяют художественная литература и кино. Существует несколько десятков культовых «околофутбольных» книг и фильмов, представленных в интернете и продающихся в книжных магазинах. Самый известный из них — фильм «Фабрика футбола» (автор сценария — Джон Кинг, режиссер — Ник Лав), поставленный по одноименному роману, причем фильм гораздо популярней книги. И фильм, и книга растащены футбольными хулиганам на цитаты. «Фабрика футбола» рассказывает об унылых буднях британского рабочего класса времен Маргарет Тэтчер, расцвеченных субботними околофутбольными акциями, ради которых и живут все герои фильма. Другими культовыми авторами являются братья Бримсоны (авторы книг «Мы идем», «Бешеная армия», «Куда бы мы ни ехали» и др.). Тиражи этих произведений составляют сотни тысяч. В некоторых из них футбольное насилие описывается подробно, но осуждается, в некоторых — романтизируется.

Издается множество «околофутбольных» фэнзинов (то есть любительских журналов, посвященных любимому клубу и фанатизму как таковому), которые циркулируют внутри «околофутбола». Фэнзины делятся на фанатские и околофутбольные. Фанатские имеют больший тираж (до нескольких тысяч экземпляров) и посвящены в основном футболу и репортажам с выездов, хотя периодически в них освещаются и околофутбольные темы. Околофутбольные⁷ издаются отдельными фирмами и энтузиастами. Тиражи фэнзинов, как правило, небольшие, основные темы — околофутбол и политика (часть изданий — открыто расистская). Наиболее известным изданием такого рода был фэнзин спартаковской фирмы «Flint's Crew»

⁵ Именно с этой группой связан один из последних крупных инцидентов в Москве. См.: «Столько народа не ждали» // Новые Известия. 2006. 31 января.

⁶ Интервью с группой «Банды Москвы» // Русский образ. 2003. № 2.

⁷ Фэнзины, на данный момент реально существующие // Fanats.Ru (<http://un.fanats.ru/fanzin/vidfanzin2.htm>).

«Ultras News», который не выходит с 2001 года, но широко доступен в интернете. Следует отметить, что в целом в России культивируется так называемый английский фанатизм, ориентированный скорее на околофутбол и прямое насилие.

Таким образом, на данный момент мы имеем многотысячную (в столицах тысячи, в крупных городах – сотни) субкультуру с устойчивыми и возобновляемыми горизонтальными связями, готовую к насилию, в том числе на расовой и национальной почве. Что примечательно, данная субкультура, точнее, ее ультраправая, расистская составляющая, недостаточно известна нашим правоохранительным органам. Милиция, наблюдая только внешние проявления футбольного хулиганства, относится к нему как к явлению природы, не имеющему идеологической и организационной основы.

Приведем результаты нескольких опросов на сайте «Red-White Hooligans» (фанаты ФК «Спартак», на момент исследования (22 августа 2006 г.) – всего 733 участника).

Первый опрос: «Имеете ли Вы отношение к околофутболу, иными словами, чувствуете ли Вы в столкновениях хулиганских фирм, принадлежите ли Вы к одной из них?»

Из 699 человек, ответивших на вопрос, 447 признали, что имеют отношение к околофутболу.

Сопоставимое количество, 483 человека, ответило на следующий вопрос: «Что такое fair play?»⁸

Из этого можно сделать вывод, что не менее 400 посетителей сайта «Red-White Hooligans» регулярно участвуют в столкновениях между фирмами различных команд, то есть четыре сотни молодых людей готовы практически в любой момент применить к оппонентам насилие в жесткой форме.

Следующий опрос: «Как Вы относитесь к White Power?». 299 из 483 ответивших определили свои взгляды как расистские и только 67 – как антифашистские.

Таким образом, учитывая неточности интернет-опросов, можно сделать вывод, что среди посетителей исследуемого сайта есть более 200 человек расистских взглядов, которые готовы к прямому насилию и используют его по отношению к людям другой национальности и расы.

Заключение

Для того чтобы подчеркнуть опасность распространения и закрепления ультраправых взглядов в среде футбольных хулиганов, приведу лишь два примера.

На «Правый марш» 4 ноября 2005 г. с лозунгами Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ) и Евразийского союза молодежи (ЕСМ) вышло около трех тысяч националистов. Большую часть из них составляли наци-скинхеды и футбольные хулиганы. Об участии хулз можно прочесть на различных интернет-форумах.

Второй пример – разгон гей-парада 27 мая 2006 г. В общей сложности в контрманифестации против незаконно запрещенного московскими властями, но все же проведенного гей-парада участвовало около 1000 националистов. 300–400 из них – футбольные хулиганы, которые, наряду с бонхедами, сначала принимали участие в столкновениях с участниками гей-парада, а затем охотились за геями, лесбиянками (зафиксировано более трех десятков нападений), кавказцами и другими «врагами» на московских улицах.

Опасность ультраправых тенденций в футбольном хулиганстве тем больше, что она скрыта. В отличие от бонхедов, у которых ксенофобская, расистская риторика является основной, футбольные хулиганы являются ксенофобами лишь наряду с прочим.

Пересечение между бонами и хулз, безусловно, есть, но идейных бонов среди фанатов немного. Более того, со стороны части футбольных хулиганов культивируется пренебрежительное отношение к бонам, про них говорят: *«ненастоящие бойцы, не смогут встать 20 на 20 против основы, готовы только вдесятером хачей пенсионного возраста валить»* и т.п. Организационных пересечений также практически нет. Хотя в российской ультраправой среде существует устойчивый дискурс футбольного хулиганства, но ни одна политическая или околополитическая организация не преуспела в пропаганде среди хулз. Так что аналог Британского национального фронта в России не возник.

⁸ В редакции авторов сайта данный термин звучит следующим образом: «Честный махач без дерьма (аргументов), добивания и подстав».

Владимир Прибыловский

(Цифровые данные по выборам 2004–2006 гг. подготовлены

Григорием Белонучкиным)

Национал-патриоты на выборах в регионах в 2000 – первой половине 2006

«Национал-патриотами» в современной России сначала именовались в основном этнические националисты круга объединения «Память» и журнала «Наш современник». Однако в 90-е годы значение слова «национал-патриоты» расширилось. Термины «национал-патриотический» и «национал-патриоты» стали применяться расширительно – не только по отношению к русским этническим националистам, но и к российским имперским государственным деятелям¹.

Основные участники электорального процесса со стороны национал-патриотов

До осени 2003 года на выборах в региональные парламенты по одномандатным округам кандидаты редко декларировали свою партийную принадлежность (за исключением ЛДПР), поэтому оценить относительное влияние региональных национал-патриотических организаций и личностей в этот период возможно практически только по итогам губернаторских выборах, в которых эпизодически участвовали деятели национал-патриотических взглядов.

¹ Подробнее об истории и значении термина «национал-патриоты» см.: Прибыловский Владимир. Национал-патриоты на выборах в III Государственную Думу // Национал-патриоты, Церковь и Путин. М.: ООО «Панорама», 2000. С. 4–10.

Там же (с. 4–10) можно прочесть о национал-патриотическом спектре по состоянию на 1999 год. Эта статья может рассматриваться и как предисловие к предлагаемой в этом сборнике, наряду с двумя другими: Михайловская Екатерина. Итоги парламентских выборов 1999 года для национал-патриотов (в том числе имперской направленности). Отсчет утопленников // Там же. С. 20–32; Верховский Александр. Итоги парламентских выборов для радикальных национал-патриотов. Одномандатные округа // Там же. С. 33–46.

С конца 2003 года национал-патриоты присутствуют практически на всех региональных выборах несмотря на то, что некоторые из реально существующих национал-патриотических партий и объединений утратили официальную регистрацию (а другие не имели ее никогда).

В 2000 – первой половине 2006 года имели официальную регистрацию² и, соответственно, право участвовать в выборах под собственным именем, некоторые – временно, такие национал-патриотические партии:

- 1) Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) Владимира Жириновского;
- 2) партия «Родина» Дмитрия Рогозина (с весны 2006 года – Александра Бабакова) и одноименный блок;
- 3) Партия национального возрождения «Народная Воля» (ПНВ НВ) Сергея Бабурина;
- 4) Народно-патриотическая партия России (НППР) Игоря Родионова;
- 5) Концептуальная партия «Единение» (КПЕ) Константина Петрова;
- 6) Евразийская партия – Союз патриотов России (Абдул-Вахеда Ниязова – Павла Бородина);
- 7) Партия «Евразийский союз» Петра Суслова;
- 8) Национально-консервативная партия (НКП) Сергея Лыкошина.
- 9) Национально-державная партия России (НДПР) Александра Севастьянова – Станислава Терехова;
- 10) Партия «За Русь Святую».

Партия «Патриоты России» Геннадия Семигина и партия «Истинные патриоты России» Заура Раджабова (бывшая Исламская партия России; лишена регистрации 30 июня 2004 г.) к национал-патриотам не относятся. Их названия теоретически способны оттянуть на себя голоса части русского националистического электората, что, видимо, в случае «Патриотов России» иногда происходит (в отличие от «Истинных патриотов России», поскольку те обычно выставляли кандидатов с отчетливо мусульманскими фамилиями).

Эпизодически в выборах участвуют или пытаются участвовать представители незарегистрированных партий или организаций, зарегистрированных как общественные (неполитические) объединения:

² В настоящее время Росрегистрация проводит проверку численности ранее зарегистрированных партий. К августу 2006 года такую проверку пока прошли всего 7 партий («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Родина», «Яблоко», СПС, «Патриоты России»).

от Национал-большевистской партии (НБП) Эдуарда Лимонова до откровенно фашистских Партии Свободы (ПС) Юрия Беляева и Русского национального единства (РНЕ), а также его карликовых производных – Славянского Союза (СС) Дмитрия Демушкина, Национал-социалистического общества (НСО) Дмитрия Румянцева. Часто выдвигаются и иногда избираются активисты утратившего регистрацию Русского общенационального союза (РОНС) Игоря Артемова. Во многих случаях избиркомы стараются не допустить участия в выборах радикальных и маргинальных кандидатов – хотя отсечение от выборов применяется также и к истеблишментарным и относительно умеренным кандидатам и спискам, причем не только националистическим.

ЛДПР Жириновского

Фактически ЛДПР достаточно давно уже не националистическая организация имперско-государственнического толка (каковой она формально остается на уровне программных документов) и даже не партия праворадикальных популистов (какова она есть, если судить по речам и лозунгам самого В. Жириновского и второго человека в партии – Алексея Митрофанова). Скорее это коммерческая структура («ЛДПР лимитед»), продающая «партии власти» свои голоса в Думе. «ЛДПР лимитед» образовалась еще при Ельцине – уже тогда ЛДПР (формально оппозиционная) зачастую выступала в качестве одной из партий думского проправительственного блока. Своими избирателями она, тем не менее, воспринимается как антисистемная национал-имперская партия.

«Родина», Партия «Родина»

(до начала 2004 года – Партия российских регионов)

По происхождению – чиновничья левоцентристская партия, в качестве каковой она возникла в 1998 году под руководством Юрия Скокова. С приходом в нее Дмитрия Рогозина приобрела характер партии, исповедующей номенклатурный (то есть зависимый от позиции Кремля) национализм государственно-имперского толка. На уровне персоналий, при преобладании умеренных номенклатурных национал-империалистов (каковым является сам Рогозин) в «Родине» присутствуют как радикальные этнические националисты (депутат Андрей Савельев – белый расист и антисемит), так и левые социалисты-космополиты (депутат-«антиглобалист» Олег Шеин, женатый на французской троцкистке и сам склонный скорее к троцкизму, чем к национализму). Во-

семь депутатов Госдумы из партии «Родина» подписали в начале 2004 года антисемитское «письмо пятисот». Весной 2006 года под давлением Кремля «Родина» сменила руководство: вместо националиста Рогозина председателем партии стал довольно равнодушный к национальному вопросу Александр Бабаков (имеющий наряду с российским также израильское гражданство).

«Родина», блок

В блоке состояли три партии, являвшиеся официальными учредителями: партия «Родина», Партия национального возрождения «Народная воля», Социалистическая единая партия России (СЕПР – левоцентристская партия, в настоящее время возглавляемая личным другом президента В. Путина, спортсменом-дзюдоистом Василием Шестаковым). Кроме того, на неформальной основе в блок входила Народно-патриотическая партия (НППР) генерала Родионова и ряд других организаций. На выборах регионального уровня состав блока «Родина» зачастую отличался от федерального.

Летом 2005 года блок «Родина» окончательно раскололся, вследствие чего и сам блок, и входящие в него партии утратили возможность выдвигать кандидатов на одномандатных довыборах в Думу (так как для этого по закону требуется консенсус трех партий) и не могут воспользоваться «парламентской льготой» – правом выдвижения кандидатов на выборах всех уровней без подписей и залога (по тем же причинам).

На региональных выборах декабря 2003 – октября 2005 годов (до упразднения института избирательных блоков) создавались блоки со словом «Родина» в названии с участием или без участия учредителей одноименного федерального блока. Иногда (например, в Ярославской области к выборам в марте 2004 года) таких блоков было сразу несколько.

Партия национального возрождения «Народная Воля» (ПНВ НВ)

На уровне программных документов – умеренно-левая и умеренно имперско-националистическая партия (таких же взглядов придерживается ее лидер Сергей Бабурин). На уровне персоналий включает в себя антисемитствующих и довольно радикальных этнических националистов: бывший генерал КГБ Николай Леонов, Николай Павлов (перешедший в конце 2005 года в партию «Родина»). Шесть депутатов Госдумы от ПНВ НВ подписали в начале 2004 года «письмо пятисот». В то же время член руководства партии Виктор Алкснис – противник этнического национализма и антисемитизма.

Народно-патриотическая партия России (НППР) генерала Игоря Родионова

Партия левых, прокоммунистических и одновременно открыто антисемитствующих националистов; два депутатских мандата в Госдуме – Игорь Родионов и Олег Машченко (оба во фракции «Родина»). Оба депутата от НППР подписали в начале 2004 года «письмо пятисот».

Концептуальная партия «Единение» (КПЕ)

Маргинальная неоязыческая партия – сторонники экзотической доктрины «Мертвая вода». В качестве националистов – относительно умеренные и скорее государственно-имперские, чем этнические. Тем не менее, лидер партии генерал Константин Петров в 2005 году вступил в радикальное этнонационалистическое объединение язычников-антисемитов «Союз славянских общин» (ССО). Относительно большой процент голосов, 1,17 %, на думских выборах 7 декабря 2003 г. партия получила благодаря двум факторам: 1) сходство названия с партией «Единая Россия» и ее предшественницей «Единством» и 2) № 1 в избирательном бюллетене, полученный по итогам жеребьевки (многие избиратели просто перепутали две партии).

«Евразийская партия – Союз патриотов России» (ЕП–СПР)

Партия сторонников полного или частичного территориального восстановления СССР с заменой идеологии с коммунистической на «левоевразийскую». В думских выборах 2003 года участвовала в составе блока «Великая Россия – Евразийский Союз». Единственный депутат Госдумы, избранный от блока «Великая Россия» в одномандатном округе – Виктор Алкснис – не имеет отношения к партии и входит в руководство партии «Народная воля».

Партия «Евразийский союз» Петра Сулова

Бывшая партия «Евразия» Александра Дугина, из которой исключен Дугин. Партия имперских националистов, относительно умеренная. Мало заметна.

Национально-консервативная партия (НКП)

Карликовая национал-православная партия с монархическим уклоном, созданная литератором Сергеем Лыкошиным (зарегистрирована 21 июля 2004 г.). С. Лыкошин умер в начале 2006 года, партия малозаметна.

Национально-державная партия России (НДПР)

Партия радикальных этнических националистов, открыто антисемитская. Первоначально в партии было три крыла: православно-фундаменталистское (Борис Миронов), антихристианское и проязыческое (Александр Севастьянов), национал-коммунистическое (Станислав Терехов). Позже Б. Миронов был исключен из партии, что привело к уходу части православных (в основном в «Народную волю» и «Родину»). Как партия имела регистрацию с 16 сентября 2002 г. по 26 мая 2003 г., то есть до начала пропорциональных выборов. Осенью 2005 года зарегистрировалась как общественное движение со слегка измененным названием – «Национально-державный путь Руси» (НДПР).

Партия «За Русь Святую»

Православные фундаменталисты, относительно умеренные. Лидер – Сергей Попов. Лишена регистрации 15 апреля 2005 г.

Национал-большевистская партия (НБП)

Начиналась как партия, основанная на синтезе двух идеологий: радикально правой («новый правый» философ Александр Дугин) и радикально левой (анархистствующий и панкующий писатель Эдуард Лимонов); в этом качестве весьма напоминала ранний, догитлеровский нацизм братьев Штрассеров. С уходом Дугина НБП стала преимущественно левацкой партией; от национализма остался в основном ностальгический советский империализм, который парадоксально сочетается с анархизмом, а последнее время – также с воинствующим либерализмом. Имела регистрацию в качестве межрегиональной партии, однако лишилась ее; кроме того, по новому закону о партиях межрегиональные партии невозможны. В регистрации в качестве общероссийской партии неоднократно отказано.

Хроника и результаты участия национал-патриотов в выборах по регионам

2000 год

22 октября 2000 г.

– Первый тур выборов главы администрации Курской области. Участвовал скульптор Вячеслав Клыков, лидер ряда маргинальных православно-фундаменталистских, монархических, антисемитских и казачьих организаций. Получил 1,64 % голосов избирателей, шестое место из восьми кандидатов.

3 декабря 2000 г.

– Первый тур выборов президента Республики Марий Эл. Во второй тур вышли президент Вячеслав Кислицын (КПРФ) и зам. директора Росгосстраха Леонид Маркелов (на тот момент – еще ЛДПР, позже от нее дистанцировался); Л. Маркелов набрал 29,21 %.

– Выборы губернатора Краснодарского края. 81,78 % получил Александр Ткачев, рекомендованный прежним губернатором Николаем Кондратенко, который известен своими ксенофобскими взглядами. А. Ткачев (в то время – еще член КПРФ) считался сторонником умеренно левых и не слишком националистических взглядов, но впоследствии выяснилось, что его позиция по национальному вопросу не сильно отличается от позиции Кондратенко.

– Выборы главы администрации Астраханской области; участвовал гендиректор ООО «Виктор и сыновья» Виктор Лихобабин (ЛДПР), получивший 3,96 %.

– Выборы главы администрации Пермской области; участвовал начальник службы экономической безопасности ЗАО «Камская кабельная компания» Сергей Пархоменко (ЛДПР), получивший 0,5 %.

– Первый тур выборов главы администрации Рязанской области, во второй тур вышли губернатор Вячеслав Любимов (коммунист с некоторым национал-патриотическим уклоном) – 44,09 %, и экс-мэр Рязани, беспартийный национал-патриот Валерий Рюмин – 12,36 %.

17 декабря 2000 г.

– Во втором туре президентских выборов в Республике Марий Эл победил кандидат ЛДПР Леонид Маркелов, поддержанный во втором туре «Единством» и «Яблоком», – 58,23 %.

– Во втором туре выборов главы администрации Рязанской области национал-патриот В. Рюмин уступил коммунисту В. Любимову, набрав 26,82 %.

10 декабря 2000 г.

– Выборы Владимирского областного Законодательного собрания, избран член РОНС Алексей Андрианов; не избран лидер РОНС Игорь Артемов, получивший, однако, значительный процент и второе место.

2001 год

17 марта 2001 г.

– На дополнительных выборах в Законодательное Собрание Владимирской области депутатом избран лидер РОНС Игорь Артемов, получивший 34,4 % голосов избирателей.

В тот же день депутатом областного Законодательного Собрания избран член НБП Сергей Громов (бывший член РНЕ, будущий – Российской партии жизни).

1 июня 2001 г.

– Нижегородский избирком отказал председателю НБП Эдуарду Лимонову (находившемуся в то время под арестом) в регистрации на губернаторских выборах. Повод: из 31 тыс. 644 подписей, собранных Лимоновым в свою поддержку, 9 тыс. 294 оказались недостоверными.

2002 год

31 марта 2002 г.

– На дополнительных выборах депутата Госдумы в Дзержинском округе № 119 (Нижегородская область) Э. Лимонов набрал 6,58 % голосов избирателей, заняв четвертое место.

14 апреля 2002 г.

– Выборы главы администрации Пензенской области. Виктор Илюхин (лидер левонационалистического Движения в поддержку армии, член ЦК КПРФ) проиграл действующему губернатору Василию Бочкареву, получив 40,95 %.

2003 год

7 сентября 2003 г.

– Выборы губернатора Новгородской области. Сопредседатель Национально-державной партии России (НДПР) Александр Севастьянов получил 4,34 % (третье место после победителя, губернатора Михаила Прусака и директора петербургского филиала РСПП Владимира Дугенца).

7 декабря 2003 г.

– Выборы мэра Москвы. Руководитель гробовой конторы братьев Стерлиговых Герман Стерлигов (православно-патриотическая группа «Слово и дело») – 3,65% (третье место из четырех).

– Выборы главы администрации Московской области. Депутат Госдумы Алексей Митрофанов (ЛДПР) – 4,14 % (второе место из четырех).

– Выборы главы администрации Новосибирской области. Евгений Логинов (радикальный этнонационалист и антисемит, член ЛДПР) – 5,35 %

(четвертое место из шести), бывший министр печати Борис Миронов (Национально-державная партия России) – 0,54 % (последнее, шестое, место из шести).

– Выборы главы администрации Сахалинской области. Генерал-лейтенант Владимир Варенников (сын генерала Валентина Варенникова, сопредседателя Высшего совета блока «Родина») – 5,43 % (четвертое место из тринадцати).

– Кировская область, первый тур выборов главы администрации области. Глава Шабалинского района Сергей Добровольский (он же языческий волхв Родостав, сын Алексея Добровольского, идеолога и вождя неоязыческой секты «Стрелы Ярилы») – 1,53 % (десятое место из одиннадцати).

– Выборы депутатов Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия (15 мест; барьер 10 %); участвовала, но не прошла ЛДПР (3,96 %).

– Выборы депутатов Государственного Собрания Республики Мордовия (24 места; барьер – 5 %). Отказано в регистрации партии «За Русь Святую».

– Выборы депутатов Волгоградской областной Думы (22 места; барьер – 7 %); прошли 3 списка, в том числе ЛДПР – 12,51 % (третье место из шести, 4 мандата).

– Выборы депутатов Законодательного Собрания Вологодской области (17 мест; барьер 8 %); прошли 4 списка, в том числе ЛДПР – 10,21 % (2 мандата) – четвертое место из шести.

– Выборы депутатов Законодательного Собрания Ульяновской области (15 мандатов; барьер – 5 %); прошли 4 списка, в том числе ЛДПР – 11,12 % (четвертое место из девяти, 3 мандата). В составе блока «Народ за Фролыча» вместе с прокоммунистическим Движением матерей за социальную справедливость в выборах участвовала ПНВ «Народная воля»; блок получил 11,85 % (второе место, 3 мандата).

Для сравнения:

Итоги выборов 7 декабря 2003 в Государственную Думу IV созыва для национал-патриотов:

Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) – 6 943 885; 11,45 % (третье место), 36 мандатов по пропорциональной системе;

«Родина (народно-патриотический союз)» – 5 469 556; 9,02 (четвертое место), 29 мандатов по пропорциональной системе;

Концептуальная партия «Единение» 710 538; 1,17 % (одиннадцатое место); не преодолела 5-процентный барьер; ни одного мандата.

«За Русь Святую» – 298 795; 0,49 % (тринадцатое место); не преодолела 5-процентный барьер; ни одного мандата.

Блок «Великая Россия – Евразийский Союз» – 170 786; 0,28 % (шестнадцатое место); не преодолел 5-процентный барьер; один мандат в мажоритарном округе (Виктор Алкснис; Одицовский округ № 111; 25 % голосов).

2004 год

14 марта 2004 г.

– Довыборы в Госдуму по 162-му округу (Свердловская область); Владимир Таскаев (ЛДПР) – 2,70 % голосов избирателей (седьмое место из одиннадцати).

– Довыборы в Госдуму по 181-му округу (Ульяновская область); Юрий Коган (ЛДПР) – 9,31 % (четвертое место из двенадцати) (выборы признаны несостоявшимися – победила позиция «против всех»).

– Довыборы в Госдуму по 207-му округу (Санкт-Петербург). Сергей Тихомиров (ЛДПР) – 1,41 % (девятое место из одиннадцати). Олег Прошпкин (блок «Родина») – 1,18 % (десятое место из одиннадцати).

– Краснодарский край, выборы губернатора. Вновь избран Александр Ткачев, номенклатурный националист (член одновременно КПРФ и Высшего совета «Единой России», после выборов исключенный из КПРФ), гонитель месхетинских турок и выходцев из Армении и Грузии – 83,98 %. Александр Бондаренко (ЛДПР) – 3,36 %; второе место из четырех. С выборов был снят единственный реальный конкурент Ткачева – Олег Машенко (НППР, поддержан «Родиной»).

– Выборы депутатов Народного Собрания Карачаево-Черкесской Республики (37 мандатов по пропорциональной системе из 73; барьер – 5 %); прошли 4 списка, в том числе ЛДПР – 6,92 % (четвертое место из семи, 3 мандата) (при этом третье место заняла партия этнических мусульман Истинные патриоты России – 6,99 %, 3 мандата).

– Выборы депутатов Государственного Совета Республики Татарстан (50 мандатов по пропорциональной системе из 100; барьер – 7 %); не прошли 7 списков, в том числе Партия российских регионов – 3,74 %, ЛДПР – 2,78 % и блок «Родина (Республика Татарстан)» в составе партии «Народная Воля» и Социалистическая единая партия России – 2,36 %.

– Выборы депутатов Алтайского краевого Совета народных депутатов (34 мандата по пропорциональной системе из 68; барьер – 7 %); участвовали 6 списков, прошли 4, в том числе ЛДПР – 10,89 % (четвертое место из шести, 5 мандатов).

– Выборы депутатов Палаты Представителей Законодательного Собрания Свердловской области (14 мандатов по пропорциональной

системе из 28; барьер – 5 %); участвовали 9 списков, прошли 5, в том числе ЛДПР – 9,48 % (второе место из девяти, 2 мандата). Не прошли 4 списка, в том числе блок «Родина (Народно-патриотический союз)», не имевший отношения к национал-патриотам (состоял из Народной партии РФ и партии «Союз») – 3,07 % (седьмое место).

– Выборы депутатов Государственной Думы Ярославской области (25 мандатов по пропорциональной системе из 50; барьер – 5 %); участвовали 10 списков, прошли 6, в том числе блок «Родина (народно-патриотический союз)» («Народная воля», Народно-патриотическая партия России) – 20,02 % (второе место из десяти, 7 мандатов); а также ЛДПР – 6,27 % (шестое место из десяти, 2 мандата). Отозван список блок «За Единую Россию» (при участии «Евразийской партии – Союз патриотов России» и партии «За Русь Святую», снят с регистрации альтернативный блок «Родина», созданный партиями центристской ориентации («Союз», Республиканская партия России).

– Выборы депутатов Думы Усть-Ордынского Бурятского автономного округа (9 мандатов по пропорциональной системе из 18; процентного барьера нет); участвовали 3 списка; не прошел 1 – ЛДПР (5,41 %).

28 марта 2004 г.

– Второй тур выборов главы администрации Рязанской области: бывший главком ВДВ депутат Госдумы Георгий Шпак (на тот момент – блок «Родина») – 53,51 %; избран.

После выборов «родинец» Шпак и его соперник «едоросс» Игорь Морозов (28,94 и 40,32 в первом и втором турах соответственно) поменялись партиями.

3 октября 2004 г.

– Выборы депутатов Тульской областной Думы четвертого созыва. 24 мандата по пропорциональной системе из 48); участвовали 12 партий и блоков, прошли 7, в том числе блок «Засечный рубеж – партия Родина» (партии «Родина» и «За Русь Святую») – 12,96 % (второе место из двенадцати, 4 мандата); кроме того, три выдвиженца блока «Засечный рубеж» стали депутатами в одномандатных округах (Денис Бычков, Сергей Залетин, Галина Фомина); «Глас народа – за Родину!» (либеральная Республиканская партия России и национал-патриотическая Партия национального возрождения «Народная воля») – 5,2 % (седьмое место из двенадцати, 2 мандата; плюс 1 депутат, победивший в одномандатном округе). Не прошли 5, в том числе ЛДПР – 3,64 % (девятое место).

10 октября 2004 г.

– Выборы депутатов Государственного Собрания Республики Марий Эл четвертого созыва; участвовали 5 списков, прошли все 5, в том числе ЛДПР – 5,93 % (пятое место из шести, 2 мандата). Снята с выборов Концептуальная партия «Единение».

– Выборы депутатов Законодательного собрания Иркутской области четвертого созыва (24 мандата по пропорциональной системе из 46); участвовали 10 партий и блоков, прошли 6, в том числе «Родина» – 9,06 % (четвертое место из десяти, 3 мандата – Георгий Кузьмин, Юрий Бакштановский, Александр Тюнников). Не прошли 4 списка, в том числе СЕПР – 4,26 %, ЛДПР – 3,65 %.

– Выборы депутатов Сахалинской областной Думы четвертого созыва; участвовали 12 списков; избраны 6, в том числе блок «Наша Родина – Сахалин и Курилы» Варенникова-младшего (Аграрная партия, «Народная воля», «Евразийская партия – Союз патриотов России») – 19,94 % (первое место из двенадцати, 4 мандата); ЛДПР – 7,34 % (четвертое место из двенадцати, 2 мандата); блок «За достойную жизнь и социальную справедливость» (ОРП «Русь», «Союз») – 6,48 % (шестое место из двенадцати, 1 мандат).

24 октября 2004 г.

– Выборы депутатов Читинской областной Думы четвертого созыва (21 мандат по пропорциональной системе из 42); участвовали 5 партий, прошли 4, в том числе ЛДПР – 11,44 % (четвертое место из пяти, 3 мандата).

14 ноября 2004 г.

– Первый тур выборов главы администрации Псковской области. Депутат Госдумы Алексей Митрофанов (ЛДПР) – 8,24 %, пятое место из восьми; военный пенсионер, глава Союза Михаила Архангела (православно-антисемитская группа) Александр Солуянов – 2,80 %, седьмое место из восьми. Во второй тур вышли действующий губернатор Евгений Михайлов и Михаил Кузнецов (победил во втором туре) – оба начинали как депутаты Госдумы от ЛДПР.

– Выборы депутатов Законодательного Собрания Калужской области четвертого созыва (20 мандатов по пропорциональной системе из 40); участвовали 6 партий, прошли 5, в том числе «Родина» – 11,19 % (третье место из восьми, 3 мандата); ЛДПР – 9,91 % (четвертое место из восьми, 2 мандата). В числе не дошедших до выборов – партия «Евразия».

28 ноября 2004 г.

– Первый тур выборов главы администрации Курганской области. Лидер регионального отделения ЛДПР Александр Емелин – 3,47 %, четвертое место из пяти, председатель областной федерации профсоюзов Петр Назаров (близок к блоку «Родина») – 23,61 %, третье место из пяти.

– Выборы депутатов Курганской областной Думы четвертого созыва (17 мандатов по пропорциональной системе из 34); участвовали 9 списков, прошли 6, в том числе ЛДПР – 13,18 %, второе место из девяти. Не прошла «Родина» – 4,00 %.

5 декабря 2004 г.

– Довыборы в Госдуму по 199-му Преображенскому округу (Москва); Антон Морозов (ЛДПР) – 2,13 %, девятое место из четырнадцати. Выборы не состоялись.

– Довыборы в Госдуму по 181-му округу (Ульяновская область); Юрий Коган (ЛДПР) – 24,96 %, избран.

– Первый тур выборов главы администрации Ульяновской области: безработная Тамара Харитоновна (ЛДПР) – 0,54 %, восьмое место из девяти.

– Первый тур выборов главы администрации Волгоградской области: депутат облдумы Евгений Голубятников (ЛДПР) – 7,22 %, четвертое место из девяти.

– Первый тур выборов главы администрации Брянской области. Валерий Храменков (ЛДПР) – 0,92 % (шестое место из семи кандидатов).

– Выборы депутатов Брянской областной Думы четвертого созыва (30 мандатов по пропорциональной системе из 60); участвовали 8 списков, прошли 5, в том числе партия «Родина» – 6,05 % (пятое место из восьми, 2 мандата). Не прошли 3, в том числе ЛДПР – 2,58 % (седьмое место). 19 ноября снят с выборов блок «За достойную жизнь!» (Партия национального возрождения «Народная воля», Демократическая партия России). Блок с мимикрическим названием «За Родину! За справедливость!» (Гражданская партия России и СДПР) набрал 7,90 % (четвертое место из девяти, 3 мандата).

19 декабря 2004 г.

– Выборы депутатов Архангельского областного Собрания депутатов четвертого созыва (31 мандат по пропорциональной системе из 62); участвовали 9 списков, прошли 6, в том числе ЛДПР – 13,53 % (второе

место из девяти, 6 мандатов); «Родина» – 12,65 (третье место из девяти, 5 мандатов).

– Выборы депутатов Думы Корякского автономного округа четвертого созыва (7 мандатов по пропорциональной системе из 12); участвовали 4 списка, прошли все 4, в том числе ЛДПР – 9,89 % (четвертое место из четырех, 1 мандат).

26 декабря 2004 г.

– Выборы депутатов Верховного Совета Республики Хакасия четвертого созыва (38 мандатов по пропорциональной системе из 75); участвовали 8 списков, прошли 6, в том числе ЛДПР – 6,54 % (пятое место из восьми, 3 мандата); «Родина» – 5,35 % (шестое место из восьми, 3 мандата). Не дошел до выборов националистический блок «Местные» (партия «Национально-патриотические силы РФ» и НПРФ).

2005 год

23 января 2005 г.

– Выборы депутатов Думы Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа (7 мандатов по пропорциональной системе из 14; барьер – 8 %); участвовали 4 партии и блока, прошли все 4, в том числе ЛДПР – 11,05 % голосов избирателей (четвертое место из четырех, 1 мандат).

6 февраля 2005 г.

– Выборы депутатов Собрания депутатов Ненецкого автономного округа (10 мандатов по пропорциональной системе из 20; барьер – 7 %); прошли 5 списков, в том числе ЛДПР – 10,50 % (четвертое место из семи, 1 мандат). Не прошла «Родина» – 5,76 %.

20 марта 2005 г.

– Выборы депутатов Законодательного Собрания Владимирской области четвертого созыва (барьер – 7 %); участвовали 7 списков, прошли 5, в том числе ЛДПР – 8,22 % (пятое место из семи, 2 мандата). Отказано в регистрации партии «Родина» из-за выхода из списка более четверти его состава. Это печально сказалось на явке (всего 30 %) и вызвало массовое голосование «против всех» (18 %). В одномандатном округе снова избран лидер движения «Русский общенациональный союз» (РОНС) Игорь Артемов, получивший 39,58 % голосов избирателей. В другом одномандатном округе баллотировался, но не был избран член РОНС, Алексей Андрия-

нов (несмотря на поддержку, оказанную ему депутатом Государственной Думы, демократом Владимиром Рыжковым): 12,91 % – четвертое место (считая позицию «против всех», получившую 26,78%).

– Выборы депутатов Воронежской областной Думы четвертого созыва (28 мандатов по пропорциональной системе из 56; барьер – 5 %); участвовали 9 списков, прошли 5, в том числе «Родина» – 21,02 %, второе место из девяти; ЛДПР – 5,95 %, пятое место из девяти. Не прошла «Народная воля» – 1,15 %.

– Выборы депутатов Рязанской областной Думы четвертого созыва (18 мандатов по пропорциональной системе из 36; барьер – 5 %); участвовали 7 списков, прошли все 7, в том числе «Родина» – 12,98 %, третье место из семи; ЛДПР – 8,43 %, шестое место из семи.

27 марта 2005 г.

– Выборы депутатов Амурского областного Совета народных депутатов четвертого созыва (18 мандатов по пропорциональной системе из 36; барьер – 3 %); участвовали 9 списков, прошли 8, в том числе блок «За родное Приамурье» (с участием НППР) – 5,07 % (шестое место из девяти, 1 мандат), «Родина» – 4,02 % (седьмое место из девяти, 1 мандат) и ЛДПР – 3,63 % (восьмое место из девяти, 1 мандат). Не зарегистрирован блок «Наша родина – Амурская область» (Российская конституционно-демократическая партия, Партия национального возрождения «Народная воля»).

– Выборы депутатов Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа четвертого созыва (11 мандатов по пропорциональной системе из 22; барьер – 3 %); участвовали 4 списка, прошли 3, в том числе «Родина» – 19,82 % (второе место из четырех, 2 мандата). Отказано в регистрации списку ЛДПР.

22 мая 2005 г.

– Выборы депутатов Магаданской областной Думы (13 мандатов по пропорциональной системе из 25); участвовала ЛДПР – 16,74 % (третье место из четырех, 3 мандата). Партия «Родина», у которой нет отделения в Магадане, поддержала коммунистов.

16 октября 2005 г.

– Выборы депутатов Белгородской областной Думы четвертого созыва (18 мандатов по пропорциональной системе из 35; барьер – 5 %); участвовали 7 списков, прошли 4, в том числе ЛДПР – 6,75 % (третье место, 2 мандата), «Родина» – 6,42 % (четвертое место, 1 мандат). Не

прошли 3 списка, в том числе блок «Патриоты Белгородчины – Патриоты России» (Народная партия РФ, Партия возрождения России, «Патриоты России») – 1,80 %.

– Выборы мэра Коврова (Владимирской области). Избрана Ирина Табацкова, депутат Ковровского горсовета – ныне член Российской партии жизни (РПЖ), но ранее – самый известный член НБП в области, избранная в городской Совет Коврова под флагом НБП (жена бывшего областного депутата Сергея Громова).

30 октября 2005 г.

– Выборы депутатов Агинской Бурятской окружной Думы четвертого созыва (9 мандатов по пропорциональной системе, процентного барьера нет); участвовали 3 списка, прошли все 3, в том числе ЛДПР – 9,45 % (третье место, 1 мандат).

27 ноября 2005 г.

– Выборы депутатов нижней палаты – Народного Собрания – парламента (двухпалатного) Чеченской Республики первого созыва (20 мандатов по пропорциональной системе из 40; барьер – 5 %); участвовали 8 списков, прошли 3, не прошли 5: в том числе Евразийский союз – 3,85 % (четвертое место, избран 1 депутат в одномандатном округе), «Родина» – 2,39 % (шестое место), ЛДПР – 1,46 % (седьмое место), «Народная воля» – 1,29 % (восьмое место).

4 декабря 2005 г.

– Выборы депутатов Московской городской Думы четвертого созыва (20 мандатов по пропорциональной системе из 35; барьер – 10 %); участвовали 9 списков, прошли 3, не прошли 6: в том числе ЛДПР – 8 % (четвертое место), «Народная воля» – 0,6 % (девятое место). Снят с голосования судом список «Родины». По одномандатному округу баллотировался самозванный «Верховный Правитель» самопровозглашенной «Русской Республики», главный редактор неонацистской газеты «Эра России» (бывший член РНЕ, Народной национальной партии и Партии Свободы) Владимир Попов, набравший 4,18 % (7134 голосов избирателей) – последнее, пятое место.

– Выборы депутатов Законодательного Собрания Ивановской области четвертого созыва (24 мандата по пропорциональной системе из 48; барьер – 4 %); участвовали 8 списков, прошли 6, в том числе ЛДПР – 12,98 % (второе место, 4 мандата), «Родина» – 10,51 % (четвертое место, 3 мандата); не прошли 2, в том числе «Патриоты России» – 3,60 %.

– Выборы депутатов Костромской областной Думы четвертого созыва (18 мандатов по пропорциональной системе из 36; барьер – 4 %); участвовали 8 списков, прошли 6, в том числе «Родина» – 9,06 % (четвертое место), ЛДПР – 8,59 % (пятое место). Не прошли 2, в том числе «Народная воля» – 0,82 % (восьмое место).

– Довыборы в Госдуму по 199-му Преображенскому округу (Москва); главным героем этих выборов стал баллотировавшийся из СИЗО полковник Квачков, обвиняемый в покушении на А. Чубайса; его избирательную кампанию вела в национал-патриотическом духе Татьяна Миронова – супруга находящегося в розыске Борис Миронова; Квачков набрал 28,9 % голосов, второе место, с небольшим отрывом от первого.

11 декабря 2005 г.

– Выборы депутатов Законодательной Думы Хабаровского края четвертого созыва (13 мандатов по пропорциональной системе из 26; барьер – 5 %); участвовали 6 списков, прошли 4, в том числе ЛДПР – 11,56 % (третье место, 2 мандата), «Родина» – 10,57 % (четвертое место, 2 мандата + 1 мандат по мажоритарной системе). Не зарегистрированы списки 4 партий, в том числе «Патриоты России».

– Выборы депутатов Новосибирского областного Совета депутатов четвертого созыва (49 пропорциональных мандатов по пропорциональной системе из 98); участвовали 7, прошли 4, в том числе ЛДПР – 9,70 % (четвертое место, 8 мандатов). Не прошли 3, в том числе «Родина» – 6,89 % (пятое место), «Народная воля» – 0,9 % (седьмое место).

18 декабря 2005 г.

– Выборы депутатов Тамбовской областной Думы четвертого созыва (25 мандатов по пропорциональной системе из 50; барьер – 7 %); участвовали 11 списков, прошли 3, в том числе ЛДПР – 9,70 % (третье место). Не прошли 8, в том числе «Родина» – 6,15 % (получила 2 мандата по мажоритарной системе), Концептуальная партия «Единение» – 1,08 % (седьмое место).

– Выборы депутатов Законодательного Собрания Тверской области четвертого созыва (17 мандатов по пропорциональной системе из 33; барьер – 5 %); участвовали 8 списков, прошли 6, в том числе Родина – 8,95 % (третье место, 2 мандата + 1 мандат по мажоритарной системе), «Народная воля» – 7,75 % (четвертое место, 2 мандата), ЛДПР – 7,41 % (пятое место, 2 мандата). Особенность этих выборов – применение системы «открытых списков» (с проставлением персональных предпочтений), что дало 8 % недействительных бюллетеней.

25 декабря 2005 г.

– Выборы депутатов Законодательного Собрания Челябинской области четвертого созыва (30 мандатов по пропорциональной системе из 60); участвовали 7 списков, прошли 4, в том числе ЛДПР – 9 % (третье место, 3 мандата), «Родина» – 7,02 % (четвертое место, 3 мандата).

– Выборы депутатов Думы Чукотского АО (6 мандатов по пропорциональной системе из 12); участвовали 2 списка, прошли оба, в том числе ЛДПР – 16,9 % (второе место, 1 мандат).

2006 год

12 марта 2006 г.

– Довыборы в Госдуму по Брянскому округу № 66 (Брянская область); Валерий Храмченков (ЛДПР) – 15,81 % голосов избирателей, второе место из двух. Храмченков был единственной альтернативой кандидату-«единороссу» и был оставлен в бюллетене против своей воли (иначе выборы пришлось бы переносить).

– Довыборы в Госдуму по 196-му Медведковскому округу (Москва); Игорь Дьяков (ЛДПР) – 6,68 %, третье место из трех. Полковнику Квачкову, находившемуся в СИЗО, было отказано в регистрации под надуманным процедурным предлогом; выдвигался также издатель антисемитской «Русской Правды» Александр Аратов, снявший свою кандидатуру в пользу Квачкова.

– Выборы депутатов Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея (27 мандатов по пропорциональной системе из 54; барьер – 7 %); участвовали 8 списков, прошли 4, в том числе поддержанная снятой с выборов «Родиной» Российская объединенная промышленная партия (РОПП), фактически представлявшая Славянский союз Адыгеи (ССА) Нины Коноваловой – 12,92 % (третье место, 5 мандатов + 1 мандат по мажоритарной системе). Не прошли 4, в том числе ЛДПР – 4,78 % (пятое место). Снята с выборов избиркомом «Родина» (из списка выбыло более 50 % кандидатов, что по закону влечет снятие с выборов). Партия «Патриоты России» снята с выборов судом (в списке осталось менее 6 региональных групп).

– Выборы депутатов Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай четвертого созыва (21 мандат по пропорциональной системе из 41; барьер 5 %); участвовали 13 (все, кто выдвинул списки), прошли 6, в том числе «Родина» – 10,52 % (второе место, 3 мандата + 4 мандата по мажоритарной системе), ЛДПР – 8,26 % (шестое место, 2 мандата). Не прошли 7, в том числе «Народная воля» – 4,05 % (седьмое место), «Патриоты России» – 3,6 % (восьмое место).

– Выборы депутатов Калининградской областной Думы четвертого созыва (20 мандатов по пропорциональной системе из 40; барьер – 7 %); участвовали 7 списков, прошли 5, в том числе ЛДПР – 7,53 % (четвертое место, 2 мандата), «Патриоты России» – 7,15 % (пятое место, 2 мандата + 1 мандат по мажоритарной системе). «Родина» снята с выборов судом.

– Выборы депутатов Законодательного Собрания Кировской области четвертого созыва (27 мандатов по пропорциональной системе из 54; барьер – 6 %); участвовали 9 списков, прошли 5, в том числе ЛДПР – 14,58 % (третье место, 5 мандатов). Не прошли 4, в том числе «Патриоты России» – 4,5 % (шестое место).

– Выборы депутатов Курской областной Думы четвертого созыва (23 мандата по пропорциональной системе из 45; барьер – 7 %); участвовали 9 списков, прошли 3; не прошли 6, в том числе ЛДПР – 6,88 % (пятое место), «Патриоты России» – 1,66 % (девятое место). Снята с выборов судом партия «Родина». Отказано в регистрации «Народной воле».

– Выборы депутатов Законодательного Собрания Нижегородской области четвертого созыва (25 мандатов по пропорциональной системе из 50; барьер – 5 %); участвовали 6 списков, прошли 4, в том числе ЛДПР – 5,83 % (четвертое место, 2 мандата). Не зарегистрированы «Родина» и «Патриоты России».

– Выборы депутатов Законодательного Собрания Оренбургской области четвертого созыва (24 мандата по пропорциональной системе из 47; барьер – 5 %); участвовали 8 списков, прошли 5, в том числе ЛДПР – 8,27 % (третье место, 3 мандата), «Патриоты России» – 5,63 % (пятое место, 2 мандата + 1 мандат по мажоритарной системе).

– Выборы депутатов Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры четвертого созыва (14 мандатов по пропорциональной системе из 28; барьер – 5 %); участвовали 5 списков, прошли 4, в том числе ЛДПР – 10,53 % (второе место, 2 мандата). «Родина» снята с выборов судом.

Некоторые выводы и наблюдения

1. С введением частичной пропорциональной системы (по спискам партий и блоков) с конца 2003 года участие национал-патриотов в выборах стало более заметным.

2. Наличие двух основных конкурирующих электоральных субъектов в национал-патриотической части политического спектра (ЛДПР и «Родина») несколько ухудшило результаты ЛДПР, хотя в целом партия Жириновского сохранила ядро своего электората.

3. В 2004–2005 годах «Родина» продолжала теснить КПРФ. В Центральной России «Родина» в 2004–2005 годах стала основным соперником партии власти – «Единой России» (выборы в Ярославской, Воронежской и Владимирской областях). Успехи «Родины» вызвали опасения в Администрации Президента, что стало причиной снятия партии с выборов – начиная с выборов в Мосгордуму в декабре 2005-го и почти повсеместно в 2006 году. В единственном случае, когда «Родину» не сняли с выборов (Республика Алтай), она показала хороший результат (второе место, более 10 %, 7 мандатов из 54, считая и мажоритарные)³.

После смены Рогозина на Бабакова еще не было новых выборов, поэтому неясно, как скажется эта замена на отношении избирателей к «Родине» (ближайшие выборы, в 9 субъектах Федерации, должны пройти 8 октября 2006 г.). Пока неясно также, как скажется на результатах выборов оглашенный в конце июля 2006 года проект слияния «Родины» с центристской Российской партией жизни (РПЖ) спикера верхней палаты Сергея Миронова⁴.

4. В сумме за «Родину» и ЛДПР голосует, начиная с 2003 года, значительно больше избирателей, чем за ЛДПР и мелкие националистические партии вместе взятые в прежние годы (исключая 1993 год – наиболее успешный для ЛДПР).

5. Заметная на федеральном уровне личность значительно превосходит результаты своей партии: Шпак в Рязанской области; Митрофанов в Псковской области; Илюхин в Пензенской области.

6. Крайние радикалы, как правило, не имеют успеха. Тем не менее, ксенофобская «антимигрантская» демагогия зачастую привлекает благосклонное внимание избирателей: Ткачев в Краснодарском крае, Митрофанов в Псковской области, Рюмин в Рязанской области, Артемов во Владимирской области.

³ Поражает принципиально новый уровень управляемости выборов и партийной жизни со стороны властей: партию, чуть было не ставшую второй после «Единой России» по электоральной значимости, во-первых, бесцеремонно снимают с любых выборов, а во-вторых, легко заменяют ее харизматического лидера, ставшего проявлять признаки самостоятельности, на бесцветную, абсолютно покорную фигуру (разумеется, это характеризует и политическое качество отстраненного харизматика).

⁴ По состоянию на 20 августа 2006 г. только в одном регионе, где выборы назначены на 8 октября, список «Родины» снят в пользу РПЖ (в Липецкой области), в двух регионах (Астраханской области и Чувашии), наоборот, не выставила список партия Миронова; в шести регионах, несмотря на грядущее слияние, списки партий-союзников конкурируют.

Дмитрий Дубровский

«Что с научной точки зрения понимается...», или Как эксперты защищают ксенофобов¹

*Нет более схоластических споров, чем те, которые
возникают на процессах по статье 282 УК РФ
Ю.М. Шмидт*

*Для нормального человека кажется дико обращаться
к экспертам с вопросом, содержится или не содержится
материал, оскорбляющий национальную честь и достоинство,
в книге Гитлера «Майн Кампф»...
Н.М. Гиренко*

Фридрих Хайек в своем труде «Контрреволюция науки», написанном еще во время Второй мировой войны, убедительно показал, как слепая вера во всемогущество и во всезнание естественных наук, перенесенная на почву гуманитарного знания, стала одним из главных источников антилиберальных, тоталитарных режимов XX века. Уверенность в том, что устройство и развитие общества может быть описано и проанализировано, по сути, естественнонаучными методами, привела, как убедительно доказывает Хайек, к победе социализма и отступлению либерализма в Европе.

Одной из важных составляющих сциентистского взгляда на мир, сущностно связанного с социалистическими идеями, стала убежденность в объективности экспертного знания. Распад Советского Союза вызвал кризис представления об объективности науки, в частности, появились сведения о фальсификации истории, подтасовках и сокрытии фактов, которые стали доступны общественному мнению в конце 80-х – начале 90-х годов. Другими словами, убежденность в том, что «все было не так,

как нас учили», распространенность публикаций «подлинной истории» стала общим местом в общественном мнении.

В силу понятных причин экспертами по проблемам гуманитарного знания, таким, как, например, вопросы истории, социологии, религиоведения, с конца 80-х годов прошлого века и до сегодняшнего времени выступали и продолжают выступать люди, сформировавшиеся как ученые в 60–70-е годы XX века. Многие из них защищали свои диссертации и получали степени в полном соответствии с принципами «марксистско-ленинской науки». В то же время в постсоветском обществе, пережившем крушение социализма и связанный с ним кризис марксистско-ленинского учения, сегодня отчетливо ощущается желание найти «объективную науку», «правильных» экспертов, которые, в отличие от «неправильных», смогут «объективно» оценить пользу или вред различных научных течений и взглядов. Парадоксально, но в большинстве случаев «правильными» экспертами становятся именно те, кто в прошлом довольно успешно обслуживал идеологию гуманитарной науки «общества победившего социализма». В то же время 90-е годы, по сути, раскололи науку по идеологическому принципу. Большое количество бывших преподавателей марксизма-ленинизма стали авторами пособий по «особой ментальности» русского народа, «православной цивилизации» и т.д.

Кризис гуманитарного знания вкупе с уверенностью в существовании «объективной науки», в частности, отражается и на судебных процессах, связанных со статьей 282 УК РФ (статья 74 в старой редакции УК РСФСР). С другой стороны, понимание того, что именно является «научным доказательством», что, собственно, является в гуманитарной науке «общепризнанным», сильно варьируется в зависимости от того, к какому политическому лагерю относится тот или иной эксперт. Другими словами, понимание экспертизы по ст. 282 УК как «объективной» реально противоречит тому, что эксперты зачастую обслуживают определенную идеологию, выдавая ее за науку, а ее выводы – за общепризнанные.

В случае с так называемой специальной экспертизой, которая назначается в случае возбуждения уголовного дела по ст. 282 УК, следует обратить особое внимание на Уголовно-процессуальный кодекс РФ, в соответствии с которым, в частности, эксперт дает подписку об ответственности за «дачу заведомо ложного заключения» (п. 5 ст. 204 УПК). В случае с криминалистической экспертизой такая процедура гарантирует права обвиняемого на защиту. В случае с экспертизой по гуманитарным наукам такая формулировка выглядит по меньшей мере странно, поскольку категории «истинности» и «ложности» явно зависят от того, в рамках какой парадигмы мыслит тот или иной эксперт.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Института современных российских исследований Кеннана «Institution of Special Humanitarian Expert Examination in Russia: Struggle against Discrimination or a Tool of Discrimination?».

В случае со специальной экспертизой отсутствие у прокурорских работников ясных критериев выбора экспертов приводит к тому, что довольно часто экспертизу поручают именно тем ученым, которые разделяют политические взгляды обвиняемого, чем обеспечивает прокуратуре возможность закрыть дело.

Постоянные проблемы, которые возникают вокруг роли эксперта и экспертизы по делам, связанным с ст. 282, заставляют обратиться к следующим вопросам:

1. Кто именно, ученые каких специальностей могут выступать в качестве эксперта по данной статье?
2. Какие вопросы ставятся перед экспертом в случае со ст. 282 УК?
3. И, наконец, какие именно аргументы приводят эксперты для доказательства виновности или невиновности обвиняемых, какие риторические приемы используются для перевода проблемы очевидно ксенофобского текста в другую плоскость?

Одним из первых дел, в которых столкнулись эксперты с противоположными позициями, каждый из которых имел научную степень, правда, в разных науках, явилось дело Виктора Безверхова². Это дело важно еще и потому, что сам Безверхий к этому моменту был кандидатом философских наук, что само по себе переводило его работы из разряда публицистики в разряд «научных исследований».

Экспертизу со стороны прокуратуры по ч. 1 ст. 74 старого УК проводил один из ведущих антропологов Александр Козинцев, который в своем заключении пришел к выводу о том, что публикации Безверхова, несомненно, являются нарушением ст. 74 УК, то есть разжигают межнациональную рознь и содержат пропаганду расизма и антисемитизма. К такому выводу несложно прийти, если учитывать высказывания, содержащиеся в рассматриваемых текстах. Так, в работе Безверхова «Антропология» автор не просто одобрительно отзываясь о германском фашизме, но и призывает к использованию его опыта: «*В Германии 30-х годов умели безошибочно определять жидов. Этот опыт заслуживает самого тщательного изучения*». В этом же тексте указывается, что «*появление эволюционной теории в XIX веке выявило и настоящее место жидов в человеческом обществе: «человеческий шлак»*». В дальнейшем автор приходит к выводу, что человеческие расы — это отдельные биологические виды и

² Речь идет о следующих публикациях: Безверхий В.Н. Антропология // Волхв. 1992. № 3; Он же. Философия истории // Волхв. 1993. № 1. Подробнее о деле см.: Информационно-аналитический бюллетень ОФ «Антифашист». № 12 (<http://aha.ru/~ofa/12-1.htm>).

есть «черно-белые убудки», «*смешение которых должно быть запрещено*», по причине «*их абсолютной неспособности к социальной честности ..., не позволяющей им подняться до уровня граждан общества*».

Как кажется, только этих цитат вкуче с одобрительным цитированием Гитлера, чью теорию, собственно, автор и повторяет в своей работе, казалось бы, должно быть достаточно для интерпретации такой работы как безусловно расистской, противоречащей Конституции и ст. 74 УК. Тем не менее, прокуратура обратилась в Институт антропологии и этнологии РАН, где в тот момент работал Виктор Козлов, также доктор исторических наук, главный научный сотрудник. Вместе с кандидатом психологических наук Надеждой Лебедевой они написали другую экспертизу, которую имеет смысл рассмотреть именно с точки зрения аргументации³.

Во-первых, авторы экспертизы сразу обвинили А.Г. Козинцева в предвзятости, которая, с их точки зрения, отражается в том, что он «*еще до экспертизы имел против Безверхова отрицательное мнение*»⁴, что отражалось, в частности, в упоминании того факта, что Безверхий состоял под судом по обвинению в распространении «Майн Кампф».

Далее авторы обращаются к общей характеристике текста Безверхова и определяют его как «*относящегося к древней истории*», то есть, по их мнению, к тому времени, которое не может быть освещено достаточно объективно. Кроме того, исторические сюжеты, по мнению авторов, вообще нельзя подгонять под ст. 74 УК, поскольку тогда «*постановку оперы «Иван Сусанин» придется также квалифицировать как разжигание межнациональной розни*». Главное, авторы вообще предлагают считать появление таких трудов «*издержками свободы слова*».

Важным замечанием, которое делают авторы, относительно «предполагаемого», по их мнению, антисемитизма Безверхова, касается предлагаемого ими различия между антисемитизмом и «*антииудаизмом и антисионизмом*». С точки зрения этих экспертов, религиозное учение иудаизма относительно избранничества евреев «*заслуживает критики и осуждения*» так же, как и националистическая политика Израиля. При этом в ответ на пассаж, определяющий евреев как «человеческий шлак», авторы замечают, что «*иудеи, возвышающие себя над гоями... должны быть психологически готовы к тому, что те в ответ станут их унижать*»⁵.

³ Козлов В.И., Лебедева Н.М. Заключение экспертизы по делу № 211717. Подписано 02.08.1994. Оглашено 20.01.1995 // Личный архив Валентины Узуновой.

Пользуясь случаем, хочу выразить свою благодарность научному сотруднику МАЭ РАН В.Г. Узуновой за возможность использования материалов ее личного архива.

⁴ Здесь и далее стилистика авторов экспертизы сохранена.

⁵ Козлов В.И., Лебедева Н.М. Указ. соч. С. 4.

Авторы считают, что «жид» не является оскорблением, и предлагают поверить самому Безверхому, который в обращении к читателям слово «жид» предлагает считать «*русским названием верующего еврея*». Обращаясь к анализу статьи из газеты Союза венедов «Родные просторы» — перепечатке письма Константина Родзаевского⁶, — В.И. Козлов и Н.М. Лебедева отмечают, что характеристика некоторых сторон иудаизма в письме дана правильно; в письме отмечается, в частности, что «...звериный талмудизм превращает каждого еврея в антисоциального врага каждой самобытной нации». По сути, это лишь пересказ одного из основных положений «Майн Кампф».

Поражает логика рассуждения авторов экспертизы в отношении следующего отрывка из «Антропологии»:

«Лишь белые люди способны к совершенствованию и в наибольшей степени та их часть, которая составляет почку “снятого” социальными отношениями биологического эволюционного дерева... (граница между белыми и желтыми людьми, то есть, славянские и угорские народы, и граница между белыми и черными людьми, то есть, семитические — арабские и ассирийские народы)». Сначала эксперты замечают, что это, мол, на первый взгляд, выглядит и впрямь как расизм, однако затем оговариваются, что по некоторым причинам (большая способность «переходных рас», игнорирование автором способной «желтой расы»), таковым не является. Вывод, который делают эксперты, по крайней мере, странен: «*Настоящие современные расисты работают более тонко*». Другими словами, если бы та же мысль была подана в менее очевидном виде, то ее можно было бы считать доказательством проповеди расизма, а в данном тексте такой проповеди нет.

Примечательно, что высказывания Безверхова относительно «ублюдков» и «социальной честности», процитированные выше, авторы не обошли, и констатировали, что они «*заслуживают суровой оценки*», потому что противоречат «*современной этнологической науке*». Остается непонятным, является ли эта «суровая оценка» свидетельством виновности автора, или речь идет исключительно об отношении к тексту.

В другой части экспертизы авторы также укоряют Безверхова за «*плохое знание фактического материала*»: за фразу «*созданная белыми людьми культура усваивается желтыми людьми, деградирует у черных людей и разрушается у ублюдков*»⁷. Таким образом, расистское высказывание становится просто свидетельством «незнания», «плохой информированности».

⁶ Деятель Русской фашистской партии, существовавшей в Харбине, расстрелян в 1946 году.

⁷ Козлов В.И., Лебедева Н.М. Указ. соч. С. 6.

Сами авторы позволяют себе высказывания, которые являются в свете современных проблем весьма многозначными: «*Известно, что евреи-иудеисты и цыгане общаются внутри своих общин по другим правилам, нежели с представителями других этно-культурных общин*». Не совсем понятно, то ли это намек на будущее дело «Шульхан Арух» (см. ниже), то ли убеждение в двойной морали вообще всех представителей различных этнических групп по отношению к «этнически другим». Касаясь публикаций в газете «Родные просторы», авторы экспертизы также делают несколько примечательных заявлений. В частности, рецензия на цитату: «*У жидов нет тружеников, в их общинах — дух наживы и обмана. Эти общины — концептуальные центры жидовизма. В общинах наших тружеников — нравственная чистота и честный труд...*» выглядит так: «*Для такого заявления нет оснований применительно к прошлому... тем не менее оно правомерно по отношению к современным их общинам (в России таковых нет)*»⁸.

Показательно также, что эксперты согласны с фразой Безверхова относительно практики нацистов в Германии по идентификации евреев, поскольку «*евреи-иудеисты в Германии обычно отличались от немцев по своим антропологическим признакам*». Надо ли понимать этот аргумент так, что авторы для доказательства верности своего утверждения использовали труды идеологов немецкого расизма, которые именно это и утверждали?

Вообще, надо отметить, что отнесение каких-то соображений в область «всем известных фактов» является наиболее любимым приемом экспертов. В частности, в ответ на понятное возмущение А.Г. Козинцева по поводу ссылки на мечту Гитлера о тысячелетнем рейхе авторы замечают, что «он (Козинцев — Д.Д.) не вполне прав. Речь здесь идет о том, что этнически однородное государство — в принципе более устойчиво, чем этнически смешанное, *нравится это кому-то или не нравится*»⁹. Поразительно, но авторы экспертизы выступают как теоретики этнических чисток ради укрепления государства: «*...в целом верная мысль о том, что этно-расовое смешение оказывает неблагоприятное влияние на развитие этноса*»¹⁰. Следуя своей плохо скрываемой симпатии к автору и цитируемым им идеологам национал-социализма, Козлов и Лебедева отмечают, что «*Конечно, Гитлер и Розенберг был страшными злодеями... но они не всегда говорили только вредную чушь*»¹¹. Речь идет о гитлеровском наказе «беречь чистоту крови». Цитата из Гитлера явно расистского содержания отмечается как

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Там же. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 7.

¹¹ Там же. С. 7.

доказательство расизма Безверхова потому, что «*миф о кровном единстве этноса существует*» и даже используется по сей день для определения «национальности». Эксперты констатируют: «*Ученые могут не соглашаться с таким “принципом”, но должны учитывать его существование*». Таким образом, реализацию этнического мифа о родстве через кровь авторы сами приравнивают к гитлеровским принципам чистоты крови, что, при явном родстве представлений, явно не одно и то же.

Итак, уже один из первых опытов показал, что в текстах ученых, которые защищают откровенных ксенофобов, есть несколько общих приемов, которыми достигается конечный результат. Прежде всего, это попытка уличить экспертизу прокуратуры в необъективности и предвзятости. Затем следует апелляция к тому, что высказываемое мнение является лишь отражением свободы слова и информации.

В то же время, демонстрируя откровенное согласие с мнением Безверхова, авторы экспертизы постоянно пытаются сместить акценты с того, **какие именно** идеи высказываются в анализируемом тексте, какие авторы привлекаются для доказательства правоты расистских и ксенофобских идей, на рассуждения о слабой информированности автора, о противоречии его писаний науке. Показательно, что эксперты не обращают внимания на стилистику и терминологию («ублюдки»), а лишь констатируют незнакомство Безверхова с этнологической наукой. Вместе с тем целый ряд положений, с которым авторы экспертизы соглашались, безусловно, характеризует их как единомышленников Безверхова. В этом смысле авторитет науки кажется авторам совершенно незабываемым. Показательно рассуждение о том, что этнически однородное государство более устойчиво, «*нравится это кому-то или не нравится*».

Таким образом, одна из первых неудач, которая постигла правозащитников, пытавшихся реализовать конституционные права на защиту граждан России от дискриминации и пропаганды ненависти на этнической почве, была во многом обеспечена профессиональными учеными, которые, как явственно следует из приведенных цитат, разделяли взгляды обвиняемого, и их авторитетного мнения оказалось достаточно для того, чтобы отказать в возбуждении уголовного дела.

Это обстоятельство, равно как и постоянные скандалы, сопровождавшие дела подобного рода¹², вызвали понимание того, что требуются

¹² Достаточно вспомнить оправдание того же В.Н. Безверхова по делу в связи с распространением им «Майн Кампф». Подробнее см.: Шмидт Юрий. Год спустя // Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни. М.: «Мемориал», 1993. Цит. по: <http://www.memo.ru/hr/referats/hatespch/schmidt.htm>.

определенные навыки и умения, чтобы возбуждать и доводить до конца дела, связанные со ст. 74 УК.

В связи с этим в России возникают, по сути, две разные школы. Каждая из них сформулировала свои принципы, на которых должна основываться специальная экспертиза по делам, связанным с разжиганием межнациональной розни (в терминологии нового УК — «возбуждением ненависти и вражды»), но суть дела от этого мало поменялась).

Прежде всего, назову школу, сформировавшуюся вокруг группы по правам национальных меньшинств Союза ученых Санкт-Петербурга, во главе с Николаем Гиренко, трагически погибшим два года назад. Главной в этом смысле работой Н.М. Гиренко и его коллег является пособие «Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной и расовой вражды и ненависти»¹³. В пособии было сформулировано предложение назвать такую экспертизу, которую могут выполнять специалисты в области филологии, социологии, истории, психологии, этносоциологии, этнологии и «некоторых других наук»¹⁴, социогуманитарной. Таким образом, круг специалистов, которые могут выполнять такого рода экспертизы, был определен чрезвычайно широко. При этом особый упор делался не только на содержание текстов, рисунков, высказываний, по которым проводится экспертиза, но и на потенциальные возможности «*информационного и психологического воздействия события на индивида и группу*»¹⁵. Тем самым, как кажется, в самой экспертизе появилась потенциально уязвимая позиция в виде оценки предполагаемых последствий¹⁶ воздействия определенного текста, высказывания и т.д. на общество вместо акцента на *факт производства* самого текста. Как кажется, таким образом создается лазейка, посредством которой оценивается не *содержание* текста, а его предполагаемое воздействие на аудиторию, что дает широкий простор для различных спекуляций. Не случайно одну из задач исследования авторы пособия определяют так: «*Следует показать, какую агитационно-пропагандистскую функцию текст (материал) несет по замыслу его создателя*»¹⁷. Как кажется, тот самый

¹³ Винников А.Я., Гиренко Н.М., Коршунова О.Н., Леухин А.В., Серова Е.Б. Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной и расовой вражды и ненависти». СПб.: Санкт-Петербургский Юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2002.

¹⁴ Там же. С. 86.

¹⁵ Там же. С. 87.

¹⁶ Там же. С. 90.

¹⁷ Там же.

«умысел», который был удален из формулировки ст. 282 УК, оказался здесь «замыслом», определение которого дает самый широкий простор для любых толкований.

Наиболее важным в «Методике» является именно соображение относительно нерелевантности категории «достоверности» по отношению к исследуемому тексту. Другими словами, поскольку оценка «*смысловой направленности действий конкретного лица*», как отмечают авторы, зависит от личных убеждений эксперта¹⁸, целью исследования является выяснение не **истинности** или **ложности** приводимых фактов, а мировоззренческой модели, смысловой направленности текста, подбора фактов и их изложения.

Вместе с тем важным методологическим успехом в предложенной процедуре проведения экспертизы стали предложенные авторами пособия вопросы, которые следствие должно ставить перед экспертами¹⁹. Показательно в связи с этим, что вопросы были сформулированы так, что они постоянно адресуются, по сути, к психологической составляющей, и терминология вопросов также заимствована из психологии: «негативные установки», «как влияет на психику».

Другим путем пошла школа профессора Александра Ратинова²⁰, не только предложившая свое название для экспертизы — психолого-юридическая, но и серьезно ограничившая таким образом круг специальностей, представители которых могут выступать в качестве экспертов. Согласно представлению авторов этой монографии, экспертами в данной области могут выступать только психологи-юристы. По сути, такого рода экспертиза становится внутренним делом очень ограниченного круга лиц, при этом прописанная процедура исследования, на наш взгляд, не доказывает, что ее проведение требует именно психологических знаний, поскольку сами по себе последовательность и терминология, описанная в монографии, знакомы прежде всего филологам и лингвистам²¹.

На сегодня очевидно, что основные приемы, к которым прибегают лица, обвиняемые по ст. 282 УК, и те эксперты, которые защищают этих лиц посредством альтернативных экспертиз, основываются на следующих лакунах:

¹⁸ Там же. С. 89.

¹⁹ Там же. С. 87–88.

²⁰ Ратинов А.Р., Ратинова Н.А., Кроз М.В. Ответственность за разжигание вражды и ненависти: психолого-правовые характеристики. М.: Юрлитинформ, 2005.

²¹ Автор намерен посвятить этой проблеме отдельную статью.

1. Неопределенность статуса эксперта. Очевидно, что ни звания, ни опыт работы не гарантируют, что следователь удовлетворит свой интерес относительно наличия или отсутствия признаков ст. 282 УК даже в абсолютно очевидных с точки зрения внешнего наблюдателя текстах.

2. Неопределенность статуса научного учреждения: реальная следственная практика показывает, что следователи прокуратуры не видят разницы между Музеем антропологии и этнографии РАН и, к примеру, Международной Славянской академией. Более того, сам статус академика подобных общественных учреждений, очевидно, производит на прокуратуру серьезное впечатление.

3. Использование ссылок на свободу слова, предполагающую полемику и представление противоречащих друг другу точек зрения.

4. Попытки представить текст как научный или религиозный и, следовательно, «не содержащий умысла на разжигание».

5. При переводе текста в разряд научного или религиозного — активное использование огромного корпуса ксенофобских текстов, имеющих статус «научных исследований».

6. Адресация к литературной традиции. По сути — попытка предложить следствию посадить на скамью подсудимых Гоголя, Достоевского, Куприна и др.

Все дела последних пятнадцати лет, так или иначе связанные со ст. 282 УК, содержат экспертизы, содержание которых, на наш взгляд, полностью отражает как слабости процедуры экспертизы, так и риторические приемы научной защиты ксенофобов учеными, разделяющими их взгляды.

Прежде всего, обращает на себя внимание разнообразие названий самих экспертиз, проводимых по ст. 282. Например, психолого-религиоведческая экспертиза²², социально-психологическая²³, социально-политологическая²⁴ и др. Использование такого приема, как изменение названия экспертизы, позволяет включать туда специалистов тех специальностей, которые готовы подписаться под защитной экспертизой. С другой стороны, неопределенность в том, кто именно может и должен проводить экспертизы подобного рода, дает возможность отказывать в возбуждении уголовных дел именно по этому поводу. Так, отказ Басманной прокуратуры в возбуждении уголовного дела против статьи Михаила Назарова «Жить без страха

²² Экспертиза по делу газеты «Наш регион плюс», публикация «Карикатурная война: мнения» от 25 февраля 2006 г. // Архив автора.

²³ Экспертиза по материалам «Хизб ут-Тахрир». Москва, 16 января 2006 г. // Архив автора.

²⁴ Степанов Е.И., Самарин А.Н. Экспертиза публикаций журнала «Русич» от 8.12.2003 г. // Архив автора.

иудейска», в частности, мотивирован тем, что «...консультация выполнена ненадлежащими специалистами — филологами, в компетенцию которых не входит оценка социально-психологической направленности текста, необходимая для установления наличия либо отсутствия признаков возбуждения национальной или религиозной вражды, унижения человеческого достоинства по признакам национальной и религиозной принадлежности»²⁵.

Судя по многочисленным экспертизам, такими универсальными специалистами в последнее время становятся исключительно психологи, что не может не вызывать вопросов относительно релевантности психологических знаний, например, в области возрастной психологии по отношению к экстремистским организациям и их идеологии. Впрочем, даже специалисты в области социальной психологии, как мы уже отмечали, также делают основной упор в исследовании на предполагаемые последствия определенных действий, нежели на собственно содержание текста или материала.

С другой стороны, следователь может обратиться к самому обвиняемому для того, чтобы последний мог пояснить, что же именно он имел в виду, когда в письменной форме высказывал те или иные идеи, которые, по мнению истцов, разжигают межнациональную рознь. Скандал вокруг публикации «письма пятисот» показал, что такие пояснения часто становятся основанием для отклонения жалобы. Например, Назаров, допрошенный следователем, пояснил, что «...согласившись на подписание этого письма, он не преследовал цель унижить достоинство, оскорбить евреев, не желал возбудить национальную рознь против еврейской нации»²⁶. Другими словами, если обвиняемый свидетельствует, что совершал действие «без умысла», то само действие, в данном случае — антисемитский текст, лишается признаков действия: действием, подлежащим уголовному преследованию, в этой интерпретации данной статьи становится умысел.

Другим примером отказа в возбуждении уголовного дела может служить отказ Симоновской межрайонной прокуратуры возбудить уголовное дело против Владимира Авдеева, в котором на стороне автора, отстаивающего абсолютно расистские идеи и открыто издающего «расологические» книги, переводы работ нацистских «ученых» 30-х годов, широким фронтом выступил ряд ученых из научных и образовательных

²⁵ Очередной отказ Басманной прокуратуры возбудить уголовное дело против антисемита // Центр «СОВА». Раздел «Национализм и ксенофобия». 2006. 21 марта (<http://xeno.sova-center.ru/4DF39C9/7079CF4>).

²⁶ Басманная прокуратура о «Письме пятисот» и «Кицур Шульхан Арух» // Центр «СОВА». Раздел «Национализм и ксенофобия» (<http://xeno.sova-center.ru/4DF39C9/591546D>).

учреждений Москвы. Все они в один голос говорили о научном интересе и просветительском характере обсуждаемых изданий... В отказе также фигурирует и фраза об отсутствии у издателей «прямого умысла на возбуждение межнациональной розни»²⁷.

Примером использования приемов переключения интереса от содержания к формальной стороне текстов может явиться социально-политологическая экспертиза публикаций Виктора Корчагина в журнале «Русич», выполненная Евгением Степановым и Анатолием Самариним, которые в тексте фигурируют как президент и член секции политических конфликтов Международной ассоциации конфликтологов соответственно²⁸. Показательно, что апелляция к свободе слова и плюрализму мнений является в данной экспертизе одним из самых главных тезисов. Авторы указывают, что «специфика журнала как публицистического издания, открыто придерживающегося национально-патриотической ориентации... не противоречит законодательству РФ», поскольку печатное издание «полюбно по своей природе...». В дальнейшем авторы показывают, что для них самих ксенофобия является порождением «социального и национального унижения», как следует из текста, «русского народа», который в результате деятельности сепаратистских национализмов малых народов «расчленил свое национальное тело». В дальнейшем авторы солидаризируются с мнением Корчагина относительно важности «постановки вопроса о судьбе русских как государствообразующего народа». Авторы используют именно категорию достоверности исторических фактов для доказательства справедливости тезиса Корчагина относительно захвата власти в России евреями, при этом пишут: «Отвергая агрессивную хищническую практику новоявленных сионистских собственников, журнал “Русич” клеймит их именно как захватчиков чужой собственности, а не отнюдь не как нацию». Здесь повторяется тезис, уже знакомый нам по экспертизе в защиту Безверхова, что «...борьбу с русскими сионистами... совершенно невозможно аттестовать как антисемитизм...». И последним тезисом авторов экспертизы является «ненаучность и несостоятельность» идей Корчагина относительно роли христианства и фигуры Иисуса Христа, каковые идеи, впрочем, нужно, по мнению уважаемых конфликтологов, не «преследовать в судебном порядке, а бороться идеологическими средствами».

²⁷ Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту издания и распространения издательством «Белые Альвы» книг Э. Крика «Преодоление идеализма. Основы расовой педагогики»... и др. от 18.09.2005 г. // Архив автора.

²⁸ Степанов Е.И., Самарин А.Н. Социально-политологическая экспертиза публикаций, содержащихся в журнале «Русич», № 3 за 2002 год // Центр конфликтологии ИС РАН. Б.д. (http://conflictolog2.isras.ru/docs/expertiza_korchagin.htm).

Как в капле воды, все указанные проблемы, связанные с экспертизой, и риторические приемы защиты обвиняемых отразились в одной из последних по времени альтернативных экспертиз, на основании которой 19 июня 2006 г. следователь санкт-петербургского управления по особо важным делам отказал в возбуждении уголовного дела по ст. 282 УК в отношении Константина Душенова и его газеты «Русь Православная», а также публикаций газеты «За Русское Дело».

В этой экспертизе обращает на себя внимание прежде всего выбор экспертов и формулировка вопросов. Поразительно, но главным экспертом в этой экспертизе выступает Юрий Бегунов, хорошо известный петербургским правозащитникам не только как крайне одиозная фигура, но и как постоянный защитник обвиняемых по ст. 282 УК (см. Справку в конце статьи). Его соавторы – Ольга Бороздкина, популяризатор учений покойного митрополита Иоанна (Снычева), и Анатолий Шмелев, который в 1984 году в СПбГУ издал монографию «Исторический опыт борьбы ленинской партии против троцкизма за построение социализма в СССР (1923–1927 гг.)». Показательно, что, пожалуй, впервые в состав экспертов введен человек, который является преподавателем Богословской Академии (О. Бороздкина), и потому судебная экспертиза включает в себя еще и богословскую часть, что является, похоже, первым примером использования богословия в качестве релевантной для ст. 282 специализации.

Формулировка вопросов также позволяет сделать вывод о предварительной договоренности с экспертами, которые проводили данную экспертизу. Существенное отличие от обычно задаваемых вопросов заключается в том, что сами вопросы, по сути, предопределяют те категории, в которых в дальнейшем будут изложена экспертиза и ее выводы. Вот эти вопросы:

«1. Содержатся ли в текстах представленных на исследование газет ... призывы к межнациональной ненависти и вражде? ... В какой форме они выражены: утверждения, предположения, вопроса, субъективного мнения? ...»

3. Какое значение и смысловую нагрузку несут употребляемые в текстах слова “еврей”, “иудей”, “жид” и их производные?

4. Как охарактеризованы в текстах его²⁹ мировоззренческие, культурные, нравственно-религиозные основы?

5. Каковы наиболее существенные и значимые стилистические, риторические и психолингвистические особенности текстов?

²⁹ Так в тексте экспертизы. Очевидно, речь идет о мировоззренческих основах текстов.

6. Есть ли в составе исторических сведений, содержащихся в текстах представленных на исследование газет, несоответствия достоверным историческим фактам? Какие именно? Если есть, то имеют ли они целенаправленный характер? На формирование каких исторических стереотипов у читателей они направлены?

7. Каковы исторические особенности тех эпох и исторических фигур, которые упоминаются в публикациях газет “Русь Православная” и “За Русское Дело”, а также их общественной, политической и литературной деятельности? Какова общепринятая оценка этой деятельности в современной исторической науке? Существует ли такая общепринятая оценка?

8. Можно ли считать исторические сведения, содержащиеся в публикациях газет “Русь Православная” и “За Русское Дело” научно обоснованными?

9. Существует ли в рамках христианского (православного) религиозного мировоззрения учение о межнациональных и межрелигиозных отношениях? Если да, то каковы канонические и догматические основы официального вероучения Православной Церкви в части, касающейся межнациональных и межрелигиозных отношений?

10. Соответствует ли содержание публикаций газет “Русь Православная” и “За Русское Дело”, затрагивающих проблемы межнациональных и межрелигиозных (в частности, русско-еврейских и православно-иудейских) отношений, официальному вероучению Православной Церкви? Если да, то какие церковные документы это подтверждают? Если нет, то что именно в публикациях газеты “Русь Православная” противоречит православному вероучению?»³⁰

В формулировке вопросов отмечается, прежде всего, апелляция именно к отмеченной нами фактической достоверности: вопросы задаются об «общепринятой оценке» исторических событий, доказанности исторических сведений. Кроме того, в тексте вопросов сформулированы именно те ответы, которые должны перевести всю полемику в плоскость межконфессионального диспута и таким образом вывести из сферы действия ст. 282 УК.

Так же, как и в экспертизе по «Русичу», в тексте этой экспертизы повторяются рассуждения о полемическом характере текстов «Руси Православной». Кроме того, предлагается переместить внимание с ксенофобного смысла высказывания к форме выражения. Например, фразу «поверьте, лучше принести к себе в квартиру 10 банок с тараканами, чем

³⁰ Текст экспертизы цит. по: Жидовская сволочь вновь просчиталась // Русь Православная. 2006. Июнь (<http://www.rusprav.org/2006/new/60.htm>).

*поселить у себя в доме 10 китайцев»*³¹ предлагается интерпретировать не с точки зрения уподобления целого народа тараканам, а как литературный прием, свойственный сатире. В дальнейшем Юрий Бегунов приводит пространные цитаты из классиков русской литературы, доказывая, что ксенофобские рассуждения о «жидах» были свойственны Пушкину, Достоевскому и др. Таким нехитрым приемом предлагается перенести ответственность за разжигание розни на классиков русской литературы XIX века. Касаясь вопроса о значении слова «жид», Бегунов делает заключение, что *«слово “жид” используется в общепринятом в православии смысле как характеристика религиозных экстремистов и фанатиков, сатанистов-христоненавистников, деятельно исповедующих расистские и христорборческие положения Талмуда и Шулхан-Аруха»*. Эксперт же Бороздкина, бессвязно перечислив несколько весьма сомнительных источников, пишет о существовании *«в современной действительности таких опасных явлений, как еврейский фашизм, еврейский расизм, еврейский религиозный экстремизм»* и этим почему-то обосновывает тезис, что в исследуемых публикациях нет возбуждения национальной или религиозной вражды.

Здесь, как во всех цитированных выше экспертизах, эксперты становятся проповедником именно тех взглядов, которые должны «объективно оценивать».

Эксперт, ответственный за анализ исторической достоверности, то есть А.Н. Шмелев, отмечает, что в исторической науке не существует единого взгляда на достоверность событий, и в качестве примера приводятся дискуссии, касающиеся *«т.н. “холокоста” — массового истребления евреев, якобы произошедшего во время второй мировой войны»*. И здесь эксперт предлагает использовать именно критерий достоверности: предполагается, что данные, которые приводятся в обеих газетах, спорные, что также, по мнению авторов экспертизы, снимает с них ответственность по статье УК, а само содержание статей, приравненных к научному спору, становится лишь *«необходимым фактором выяснения исторической истины»*.

Особенно любопытно мнение О.Н. Бороздкиной, преподавателя Богословской Академии. Главным и наиболее содержательным выводом этой части экспертизы, как представляется, следует считать заключение о том, что *«содержание публикаций газеты “Русь Православная” (№ 7–8 и № 11–12, 2005 г.), затрагивающих проблемы межнациональных и межрелигиозных (в частности, русско-еврейских и православно-иудейских)*

отношений, соответствует официальному вероучению Православной Церкви». Если иметь в виду патологический антисемитизм указанных изданий, представляется чрезвычайно любопытным реакция иерархов Православной церкви, которую, таким образом, уважаемый эксперт также пытается сделать соотчетчиком по данному делу.

Экспертизы по ст. 282 УК с самого начала стали ареной ожесточенной идеологической борьбы. В этой борьбе уже очевидны основные приемы, которыми пользуются ученые, защищающие ксенофобов. В связи с этим возникает ряд практических вопросов, решение которых, на наш взгляд, позволило бы тем, кто борется в пропагандой ненависти, не только избежать поражений в судах и бесконечных отказов прокуратуры в возбуждении дел по очевидным фактам распространения идей ненависти, ксенофобии и антисемитизма, но и выработать определенные критерии как в случае выбора эксперта, так и в требованиях, предъявляемым к категориям анализа представленных на экспертизу материалов.

Справка

Бегунов Юрий Константинович. Доктор филологических наук. Определяет себя как «народный академик», а также «доктор политологии, доктор философских наук России и Болгарии, Почетный доктор Великотырновского университета, член Союза писателей, Русского исторического общества, Академик Международной Славянской, Петровской и Русской Академий наук».

Основные причины для отклонения кандидатуры Ю.К. Бегунова в качестве независимого эксперта:

1. Профессиональная некомпетентность в вопросах национализма, экстремизма. Основная область знаний — это древнерусская литература, в частности, «Слово о полку Игореве». Непонятно, каким образом его работа связана с проблемами экстремизма и национализма. Единственная публикация, которую можно рассматривать как связанную с современностью, — некое «учебное пособие по политологии» под названием «13 теорий демократии», в котором Ю.К. Бегунов доказывает связь национальности с типом демократии. С политологической точки зрения, это — весьма сомнительная работа. Остальные публикации — не в научных изданиях, а в публикациях общественно-политических журналов, в основном националистической направленности. Все академии, членом которых он является — общественные, а не научные организации, с явным националистическим духом.

³¹ Герасимов Валерий. Куда исчезли парады викингов // За русское дело. 2005. № 9.

2. Использование «Протоколов сионских мудрецов». Ю.К. Бегунов — бывший сотрудник ИРЛИ (Пушкинский дом). Из отдела древнерусской литературы был изгнан Д.С. Лихачевым после ряда сомнительных публикаций так называемого Ростовского архива Артынова (полуграмотный выдумщик-крестьянин конца XIX века из Ростова). Популяризатор сомнительной с точки зрения большинства историков «Велесовой книги». Не случайно Ю.К. Бегунов доказывает³² подлинность «Протоколов сионских мудрецов» — текста, который во всем мире признан фальшивкой. На этом тексте базируются утверждения о «всемирном масонском заговоре» и «всемирном жидовском правительстве», которое управляет всеми странами, включая современную Россию. Приводимая Бегуновым «пирамида Всемирного Тайного Правительства» начинается так: «*Всевидящий глаз Люцифера, или Трибунал Ротшильдов и Рокфеллеров; Совет 13 друидов; Совет 33 высших масонов*» — и далее по нисходящей³³. Такие построения вызывают серьезные сомнения в психической полноценности их автора.

3. Не может быть назван независимым. В полном соответствии со своими националистическими взглядами — политолог Владимир Прибыловский определяет Ю. Бегунова как неоязычника³⁴ — дает исключительно оправдательные экспертизы по ст. 282 УК (и ст. 74 старого УК):

1994. Санкт-Петербург. Оправдательная экспертиза по делу газеты «Наше Отечество» (при этом указывал, что «Протоколы сионских мудрецов» — исторический документ, а «жид» — литературное слово).

1998. Оренбург. Оправдательная экспертиза на антисемитскую газету «Русский взгляд».

2002. Санкт-Петербург. Оправдательная экспертиза на исключительно антисемитскую газету «Славянин» делалась Бегуновым вместе с другим экспертом Олегом Каратаевым, также известным в Петербурге защитником национал-экстремистов.

Михаил Соколов

Национал-большевистская партия: идеологическая эволюция и политический стиль

Национал-большевистская партия (НБП) плохо поддается интерпретации в рамках традиционных теорий политического рынка, исходящих из того, что организации конкурируют, предлагая потенциальным сторонникам свои программы, а потенциальные сторонники выбирают группу, которая делает наиболее привлекательное предложение и представляется им наиболее способной выполнить свои обещания. Применение подобной модели к анализу эволюции НБП, однако, немедленно сталкивается с серьезным препятствием. У партии, возглавляющейся Эдуардом Лимоновым, никогда не было сколько-нибудь ясной программы, а среди ее членов никогда не существовало консенсуса по поводу того развития страны, которое они считали бы желательным¹. С момента своего возникновения в 1994 году НБП заявляла, что ее двери открыты для всех противников существующего режима². И действительно, во второй половине 90-х в рядах организации состояли экологически сознательные анархисты и неонацисты, сталинисты, «новые правые» генонистского толка, маоисты и православные фундаменталисты. Лозунги, озвучивавшиеся организацией во время акций и во множестве украшавшие городские заборы, представляли собой смесь антиамериканизма («Янки, вон из России!»), антибуржуазного ressentiment («Ешь богатых!»), ностальгии

¹ Как документ программа существовала, но отношение самих членов организации к ней было в высшей степени безразличным. Так, на высказанную в 1997 году в штаб-квартире петербургского отделения партии просьбу предоставить ее автору для ознакомления, последовал ответ, смысл которого сводился к тому, что ни одного экземпляра в наличии нет и в их приобретении никто не видит смысла, поскольку «такие программы пишут специально для политологов». Кто-то из присутствовавших посоветовал зайти на один из принадлежащих организации сайтов, на котором, однако, программы также не обнаружилось.

² История НБП подробно излагается в: Shenfield Stephen. Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements. N.Y: Sharpe, 2001; Лихачев Вячеслав. Нацизм в России. М.: Центр «Панорама», 2002.

³² Бегунов Юрий. Тайные силы в истории России. СПб.: Издательство им. А.С. Суворина, 1995. С. 57–77.

³³ Он же. Россия и всемирная тайная власть // Президент. Парламент. Правительство. 2004. № 1.

³⁴ Прибыловский Владимир. Неоязыческое крыло в русском национализме // Религия и СМИ. 2002. 31 октября (<http://www.religare.ru/article490.htm>).

по величии сталинской эры («Сталин—Берия—ГУЛАГ!») и банальной ксенофобии («Убей хача!»).

Этот набор лозунгов, однако, не сохранил своей, весьма сомнительной, определенности на следующем этапе российской трансформации. В 2000 году наметился значительный сдвиг во взглядах организации и лично ее бессменного лидера. Националистические мотивы в текстах НБП постепенно исчезли, а либеральные появились. Обыватели могли проследить этот процесс по тому, как надписи типа «Убей хача! НБП» и «Сорос, вон из России!» постепенно, на протяжении 2001—2005 годов, сменялись новыми, в которых фигурировали права человека и поносилась диктатура. Сталин, впрочем, не исчез из идеологического репертуара НБП полностью, удивительным образом соседствуя с требованиями уважать политические свободы. Автор этой статьи в течение нескольких месяцев 2004 года наслаждался свидетельствами подобной идеологической всеядности, ежедневно проезжая мимо забора, на котором — явно одной рукой и из одного пересыхающего баллончика с краской — было выведено «Сталин—Берия—ГУЛАГ» и «Долой полицейское государство!» К 2006 году НБП высказывалась за предоставление независимости Чечне, сменила тотальный антиамериканизм на публичное одобрение институтов американской демократии, по крайней мере некоторых³, в целом положительно оценивала «оранжевую революцию» в Украине и активно искала союза с либеральной оппозицией путинскому режиму⁴.

Самым удивительным в истории этой трансформации может служить то, что организации удалось сохранить значительное число преданных сторонников, склонных видеть в ней носителя вполне определенной политической позиции. Данная статья посвящена анализу социальных оснований поддержки НБП. В ней высказывается несколько предположений о том, какие аспекты политической практики партии позволяли рассматривать ее как следующую неизменному политическому курсу. На основании этих предположений выдвигаются другие, относительно того, каковы были самые общие мотивы ее поддержки и каково то место,

³ Это отразилось в появлении на главном сайте партии (www.nbp-info.ru) статей с названиями типа «За что нам любить Америку» — в момент, когда подобная формулировка стала в российском политическом дискурсе крайней степенью эпатажа.

⁴ Это изменение было многократно использовано критиками НБП из числа покинувших ее интеллектуалов типа Александра Дугина и Аркадия Малера, перешедших в другой политический лагерь. Отвечая на обвинения в измене идеалам национал-большевизма и переходе на «мондиалистские» позиции, Лимонов в своей последней программной статье «Как надо понимать» (Лимонка. № 304) заявил, что не видит причин следовать букве программы, «написанной ... в бог знает каком году». Какого рода программе он собирается следовать, он не считал нужным упомянуть.

которое она занимает в российском политическом пространстве и может занимать в дальнейшем.

Анатомия политического стиля

Многие наблюдатели, как сторонние, так и принадлежащие к НБП, приходили к выводу, что, не обладая целостной идеологией, организация узнаваема прежде всего благодаря собственному уникальному политическому стилю. Ниже делается попытка описать политический стиль НБП и идентифицировать некоторые его основные темы. Для того, чтобы представить особенности этого стиля более рельефно, будут использованы сравнения с политическим стилем Русского национального единства (РНЕ), второй крупнейшей правой организации эпохи Ельцина, и различных организаций скинхедов — групп, которые в 90-е рассматривали друг друга как части единого русского радикально-националистического движения.

«Стиль» — одно из понятий, охотнее всего используемых социальными учеными. К несчастью, это понятие является при этом еще и одним из наиболее расплывчатых и многозначных. История искусства предлагает несколько подходов к его определению. В соответствии с одним из них, взятым нами за основу, стиль есть способ противопоставить то, *как* что-то сделано, тому, *что*, собственно, сделано, формы — содержанию, а средства — целям. Так, поясняя, что такое стиль, Генрих Вельфлин приводил пример нескольких художников, изображающих один и тот же ландшафт в один и тот же момент времени⁵. Картины с одинаковым сюжетом, однако, будут существенно различаться по манере исполнения — и эти отличия и есть отражение индивидуальных стилей художников. Стиль, в соответствии с определением Вельфлина, подобен языку, с помощью которого можно сказать самые разные вещи⁶.

Начинать описание стиля русской националистической организации лучше всего с указания на ключевые практики, которые рассматриваются членами группы как самый важный элемент их политической деятель-

⁵ Вельфлин Генрих. Ренессанс и Барокко. СПб.: Азбука-Классика, 2004. С. 1—3; см. также: Genova Judith. The Significance of Style // The Journal of Anthropology and Art Criticism. 1979. Vol. 37. N 4. P. 315—324.

⁶ Вельфлин Г. Указ. соч. С. 32—40. Примеры аналогичного словоупотребления в политической науке можно найти, например, в исследованиях Пола Лазарсфельда и его коллег: Lazarsfeld Paul, Berelson Bernard, McPhee Hazel. Voting. Chicago: Chicago University Press, 1954; Campbell James, Meier Kenneth. Style Issues and Vote Choice // Political Behavior, 1979. Vol. 1. N 3. P. 203—215.

ности, как что-то, в соответствие с чем должна приводиться организационная структура и повседневная жизнь организации. Для каждой крупной русской праворадикальной организации можно указать одну или несколько таких практик. НБП известна прежде всего благодаря своим театрализованным политическим представлениям, более или менее следующим нескольким основным сценариям. Нацболы врываються в некое символически значимое и закрытое для политических манифестаций пространство (на крейсер «Аврора» в 1997 году, на башни клуба моряков и Рижского собора в 1998-м, на сцену Большого театра во время инаугурации и в кабинет министра Зурабова в 2004-м, в приемную президента в 2005 году), используют его как трибуну, разбрасывая листовки и вывешивая транспаранты, одновременно сдерживая натиск подросшей охраны, после чего отправляются в отделение — чтобы быть допрошенными, и, как правило, избитыми. В последние годы именно этот сценарий стал рассматриваться как основная составляющая фирменного почерка партии, оттеснив на второй план популярные до того забрасывания яйцами или чернилами тех или иных неприятных нацболам персон (в их списке в разное время оказались Михаил Горбачев, принц Чарльз, некоторые губернаторы и, чаще всех прочих, официальный режиссер Никита Михалков). Издание газеты «Лимонка» и украшение городских стен лозунгами, хотя и признаются исключительно важными средствами политической борьбы, не являются для членов организации делом столь же исключительной, почти сакральной важности, каковыми становятся эти рискованные и запоминающиеся представления.

Ничего подобного мы не найдем в практике какой-либо другой русской праворадикальной организации. Для РНЕ и подобных ей групп, возникших преимущественно в начале 90-х (обе Русские партии, обе Народно-республиканские партии и т.д.), подобной ключевой практикой являлось наведение и охраны порядка, основанного на принципах довольно специфической нравственности. Соответственно, основные коллективные действия РНЕ были вариациями на тему «поддержания порядка» (понимаемого предельно широко), а структура организации и униформа имитировали образцы правоохранительных организаций⁷. Продолжая это сравнение, ключевой практикой скинхедов была ночная охота на людей. Многие наблюдатели удивлялись тому, что между этими группами — даже во времена, когда их члены еще безоговорочно считали друг друга участниками одного движения — очень редко имело

⁷ О политическом стиле РНЕ см.: Соколов Михаил. Русское Национальное Единство: Анализ политического стиля радикально-националистической организации // ПОЛИС / Политические исследования. 2006. № 1. С. 54–72.

место какое-либо развернутое сотрудничество. Впрочем, судя по всему, загадка разрешается весьма просто. Невозможность прочного альянса между организациями типа РНЕ, НБП и группами скинхедов была обусловлена не столько идеологическими отличиями, сколько тем, что не существовало почти ничего, что они могли бы делать вместе. Для каждой из них участие в излюбленных коллективных действиях другой стало бы вопиющей потерей стиля.

Например, отношение к незаконному насилию у РНЕ и НБП было диаметрально противоположным. До 2001 года члены НБП постоянно декларировали готовность его совершать⁸, но переходили к практике очень редко. Члены РНЕ утверждали, что принадлежат к «самой законопослушной организации» и отрицали саму возможность любой связи, например, с организованной преступностью — но постоянно попадались на таких связях. Достаточно сравнить статьи, по которым обвинялись члены этих двух организаций. В случае РНЕ преобладают обвинения в тяжких преступлениях с применением оружия, вроде заказных убийств, грабежей и избиений. Члены НБП попадали в камеру почти исключительно по статье 213 — хулиганство⁹.

Отношение к насилию у членов НБП было исключительно платоническим, чтобы не сказать мазохистским. Они постоянно оказывались

⁸ После ареста Лимонова НБП постепенно переходит к определению себя как организации, «практикующей исключительно ненасильственную борьбу».

⁹ Следует упомянуть несколько исключений. Член НБП Станислав Михайлов был осужден на 5 лет за убийство одного человека и нанесение тяжких телесных повреждений другому. Однако многие комментаторы, совершенно не сочувствовавшие НБП, сочли приговор необъяснимо жестоким, учитывая, что суд признал, что Михайлов действовал в порядке самообороны, подвергнувшись нападению со стороны двух вооруженных огнестрельным оружием хулиганов. Лидер НБП в Петербурге Андрей Гребнев был осужден по обвинению в избиении корейского студента, однако наблюдатели вновь сошлись на том, что, по всей видимости, он в избиении не участвовал. Наконец, сам Эдуард Лимонов оказался осужден по обвинению в создании террористической организации и приобретении в этих целях огнестрельного оружия. Но сама быстрота, с которой Лимонов попал на скамью подсудимых с первыми же приобретенными автоматами, свидетельствует о полном отсутствии предрасположенности к квалифицированному осуществлению незаконного насилия, которой в избытке обладает РНЕ. Партийный фольклор НБП, который описывается в статье Аглаи Топоровой (Топорова А.В. Нацболы в Санкт-Петербурге: Образ жизни и повседневность // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга / Под ред. В.В. Костюшева. СПб.: Норма, 1999. С. 117–127), содержит массу историй о бытовом насилии, в котором участвуют члены организации, например, об их столкновениях с «гопниками». Однако значительную часть этих историй надо признать вымышленными, если только не принять довольно фантастическое допущение, что члены НБП обладают особым искусством избегать столкновений с милицией.

жертвами то милиции и спецназа, то политических конкурентов (в том числе из РНЕ или белорусских националистов из БНФ). Политические атаки членов НБП всегда носили чисто символический характер. Активисты партии забрасывали свои жертвы яйцами или помидорами, давали пощечину букетом или обливали алыми чернилами — но никогда не наносили реальный телесный ущерб. Насколько нам известно, нет ни одного примера, когда акции такого рода осуществила бы РНЕ или какая-то из типологически близких к ней организаций.

Более того, легко заметить, что и сами жертвы политических атак выбираются членами этих организаций на основании совершенно разных принципов. Жертвами атак НБП неизменно становились фигуры или объекты, символизирующие абстрактные понятия. Чаще всего НБП выбирала в качестве мишеней или целые страны (Америка, Латвия, Хорватия), или еще менее материальные явления, такие как «перестройка», глобализация или «массовая культура». Те индивиды, на которых были непосредственно направлены действия НБП, попадали под обстрел помидорами лишь потому, что могли персонифицировать эти абстракции. Характерно, что едва ли не чаще, чем люди, жертвами становятся символические объекты, такие как национальные флаги или здания посольств¹⁰.

Паттерн насильственных акций, связанный с РНЕ, диаметрально противоположен описанному выше¹¹. Члены РНЕ вообще достаточно редко осуществляли политическое насилие (в отличие от криминального), но это насилие всегда принимало форму жестоких избиений представителей какой-либо из ненавидимых социальных категорий — неправославных религиозных конфессий, этнических меньшинств, наркоторговцев, либералов, белорусских националистов из БНФ или левых. Отвлечение «соратников» к символическим коллективным действиям было так велико, что даже в акциях у американских посольств в апреле 1999 года, собравших почти всю оппозицию, они не принимали участия, ссылаясь

¹⁰ Лихачев В. Национал-радикалы в современной России: Идеология, деятельность и отношения с властью // Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России. М.: Московская Хельсинская группа, 2001. С. 269.

¹¹ Едва ли не единственной мишенью, общей для НБП и РНЕ, в свое время стал Михаил Горбачев. Однако сам характер атак подчеркивает их различия. Со стороны НБП Горбачева ударила букетом гвоздик по лицу 18-летняя девушка, соратники которой тем временем раскидывали по залу листовки с объяснением смысла происходящего. Со стороны РНЕ на него в коридоре внезапно напал молодой человек, безмолвно пытавшийся ударить ребром ладони по шейному отделу позвоночника. РНЕ немедленно заявило, что нападавший никогда не состоял в его рядах и даже не мог в них состоять по причине умственного расстройства.

на то, что подобные акции не принесут никакого конкретного результата. Характерно, что противозаконные политические акции, в которые было вовлечено НБП, всегда носили тщательно спланированный характер, в то время как аналогичные действия РНЕ представляли собой преимущественно спонтанные агрессивные вспышки. Почти во всех случаях, когда против кого-то из членов РНЕ выдвигалось обвинение, организация спешила заявить, что он уже давно исключен из ее рядов или даже никогда в них не состоял.

Это различие указывает на еще одно принципиальное несходство между РНЕ и НБП — их отношения с государственными структурами. Когда РНЕ не нарушало закон, оно его охраняло. Большая часть коллективных действий РНЕ и его «соратников» описывалась ими самими как охрана порядка. У многих членов Единства было прошлое (или настоящее) милиционеров или сотрудников спецслужб, и, как правило, они сохраняли контакты, вылившиеся в известное сотрудничество в качестве народных дружинников, а также повседневную занятость в службах охраны. Напротив, НБП не имеет ничего общего с государственным аппаратом. Среди членов НБП встречались бывшие милиционеры, но их никогда не было много, и все остальные члены организации вели себя по отношению к ним едва ли не враждебно. Это вряд ли покажется удивительным, если вспомнить, что милиционеры — это действительно та группа, с которой члены НБП систематически дерутся или, вернее, та группа, которая их систематически избивает.

Отметим только несколько наиболее заметных различий между скинхедами и описанными выше праворадикальными группами. Паттерн коллективных действий скинхедов — планомерная охота на единичных представителей других социальных категорий — не имеет параллелей ни в деятельности РНЕ (где политическое насилие редко носит подготовленный характер), ни в деятельности НБП (где насильственные действия вообще почти не прослеживаются). Список жертв этих насильственных действий, на первый взгляд, носит совершенно случайный характер. Помимо членов других этнических групп, прежде всего «кавказцев» и выходцев из Средней Азии, Южной Азии и Африки, в него попадают представители других молодежных субкультур (рэперы, «алисоманы»), левых политических организаций (прежде всего анархисты), бомжи и, в ряде случаев, такие же скинхеды из числа болельщиков других футбольных команд¹². Единственное, что может служить общим знаменателем для всех этих групп, — это то, что их представители обладают некоторы-

¹² О скинхедах и фанатах см. статью А. Козлова в этом сборнике. — Прим. ред.

ми отчетливо видимыми идентифицирующими признаками, которые подчеркивали их принадлежность к другим, по отношению к скинхедам, сообществам. Этими признаками могут быть антропологические черты, маркеры в одежде, сигнализирующие о принадлежности к определенной субкультуре или выдающие другой классовый статус (в случае с лохмьями бомжей)¹³.

Характерно, что различие между НБП и РНЕ самими нацболами также обычно проводилось в эстетических категориях. Словами самого Э. Лимонова: «...существует стиль НБП, яркий и отчетливый. Наши люди ни в коем случае не похожи на людей РНЕ, люди РНЕ попроще»¹⁴. В другом месте Лимонов сравнивает себя с лидером РНЕ Александром Баркашовым и подчеркивает именно стилистические различия. Желая дискредитировать Баркашова, Лимонов описывает его как представителя другого, скучного и убогого культурного слоя, даже жиле которого выглядит как жиле «советских буржуа», «квартира типичного итээровца», для описания которого используется английское «square» («примитивный», «неинтересный», «банальный»)¹⁵. «Потому и национализмы у нас разные», — заключает он, не находя для национализма РНЕ иных слов, кроме «маразма» и «ублюдочности»¹⁶.

Последнее замечание напрямую подводит нас к тому, что составляет суть политического стиля НБП. Критерий, на основании которого традиционный антисемитизм отвергался Лимоновым и его единомышленниками, был не столько интеллектуальным, сколько эстетическим. Русские националисты из РНЕ и подобных ему организаций представлялись им скучными, банальными и старомодными — полной противоположностью тому, чем они хотели видеть сами себя. Сходными, однако, были и причины, по которым другие системы политических взглядов — традиционализм, фрейдомарксизм или теории консервативной революции — ими принимались. В этом смысле полная смена политических

¹³ Этот паттерн не является исключительно российским. То же самое наблюдал у британских скинхедов автор лучших работ о них Джон Кларк: Clarke John. The skinheads and the magical recovery of community // Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-war Britain / Ed. by Stuart Hall, Tony Jefferson. L.: HarperCollins, 1975. P. 99–103). Любопытно, что, как замечает В. Лихачев, объектами нападений российских скинхедов до самого недавнего времени практически никогда не становились евреи, вероятно, именно потому, что их визуальная идентификация была гораздо более затруднительной задачей (Лихачев В. Нацизм в России. С. 120).

¹⁴ Лимонов Эдуард. Анатомия героя. Смоленск: Русич. 1998. С. 434.

¹⁵ Там же. С. 125–131.

¹⁶ Там же. С. 46. См. также: Он же. Моя политическая биография. СПб.: Амфора, 2002. С. 52–53.

лозунгов необязательно должна была повлечь за собой разочарование в партии — разочарование не наступало до тех пор, пока партия продолжала соответствовать критериям «хорошего вкуса».

Если мы попробуем свести практики НБП к единой формуле, то такой формулой окажется беньяминовская «эстетизация политики»¹⁷. Самое лаконичное самопредставление партии, данное самим Лимоновым, выглядит так: «Сверхсовременный радикализм в искусстве и политике — вот что такое Национал-Большевизм»¹⁸. Люди из РНЕ считали, что полностью дискредитировали своих оппонентов, указав на то, что они не проводят никаких «реальных» (что обычно подразумевало применение насилия) акций. Люди из НБП приписывали такую же силу вопросам типа «Какая культура за Зюгановым?»¹⁹. Политическая жизнь должна быть внешне эффективной — этим принципом может быть описан весь набор коллективных действий НБП, эффективных и театральных. Политика как таковая в этом ракурсе превращается в творческое самовыражение значительных личностей — и политикам, которые не соответствуют эстетским критериям «значительности», отказывается в праве на национальное лидерство.

Характерно, что роль идеологического катехизиса в НБП играла не программа, излагающая политические цели организации, а биографии предполагаемых предшественников, таких как Эрнесто Че Гевара, Эрнст Рем или Юкио Мисима. Сравнение с РНЕ и здесь весьма показательно. Если попробовать подыскать аналогичную формулу для стиля РНЕ, то, вероятно, наиболее подходящим вариантом окажется «морализация политики». Члены РНЕ, как сказал один из них, верили, что «политики должны быть, прежде всего, нравственными людьми. Это решило бы все проблемы». Считать превосходство во вкусе, в способности представлять себя как интересную личность основанием для политического предпочтения — мотив, чуждый РНЕ как ничто другое²⁰.

¹⁷ Здесь следует оговориться, что хотя чеканная фраза «Фашизм — эстетизация политики», вероятно, в значительной степени и справедлива в отношении современных Вальтеру Беньямину фашистских движений, не всякая эстетизация обязательно становится основанием для фашистской — в быденном понимании этого термина — политической практики. Теми же словами можно охарактеризовать политику ренессансных деспотов в описании Якоба Буркхардта, которых вряд ли можно на этом основании записать в фашисты.

¹⁸ Лимонов Э. Книга мертвых. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. С. 404.

¹⁹ Он же. Анатомия героя. С. 122–124.

²⁰ По сравнению с текстами НБП безличность идеологической продукции РНЕ особенно бросается в глаза. В документах организации Баркашова практически не встречается ссылок на исторических персонажей и, тем более, ни на кого, кому можно было бы подражать. Единственным часто вспоминаемым историческим героем до

Баркашов и Зюганов не были единственными, кому Лимонов требовал предпочесть себя как обладателя более интересной биографии и лучшего вкуса. Вот, например, каким образом он позиционирует себя относительно Бориса Ельцина. «*Что же вы за народ такой, — обращается он к избирателям, отдавшим Ельцину голоса в 1996 году, — что выбрали такого, о ком и сказать нечего? Ни умом не блещет, ни любви, ни фронта позади*»²¹. Восприятие Лимоновым собственной судьбы как произведения искусства, достижения, которое требует таланта и заслуживает восхищения, становится особенно заметно в его атаках на покинувших его соратников. Так, он пишет об ушедшем из партии втором отце-основателе НБП Александре Дугине: «*Свою судьбу Дугин не смог срежиссировать*», — ставя тому в укор не столько политическую измену, сколько проявление дурного вкуса. К этому можно добавить только, что повседневная жизнь членов НБП, какой она предстает в книгах вождя партии, в их собственных отчетах и в описаниях исследователей²², подчинена тому же стремлению воплотить образ революционного интеллектуала со всеми его атрибутами: ежедневной готовностью к самопожертвованию, приобщением к самым прогрессивным культурным течениям и промискуитетом.

Здесь мы должны задать несколько новых вопросов. Признание эстетизации политики в качестве основного стержня политического стиля НБП объясняет в принципе, каким образом ни идеологическая всеядность, ни постепенная политическая эволюция не сказались на ее восприятии как последовательно следующей своему курсу организации. Почему, однако, такой стиль вообще был привлекателен для кого-либо прежде и остается привлекательным теперь? Этот вопрос особенно любопытен на фоне данных, свидетельствующих о том, что способность какого-то стиля очаровывать подвержена довольно быстрым истори-

последнего времени был Иван Грозный, который, однако, вряд ли мог послужить ролевой моделью для современного национального революционера. Аналогичное различие наблюдается и между способами, которыми лидеры этих организаций говорили (вернее, в случае с Баркашовым — молчали) о себе. Все, что написано Лимоновым, посвящено ему самому. Из его книг можно узнать о нем все, вплоть до длины его полового органа. Напротив, Баркашов сказал о себе за 10 лет активной политической карьеры очень мало: только в одном интервью есть несколько строк, в которые упоминаются болезни и восстановленное здоровье, которое по-прежнему позволяет ему «коньячку махнуть», когда захочется (Баркашов А.П. Россия — Империя Духа // *Завтра*. 1998. № 45). Кажется, это было пределом неформальности, который Баркашов ни разу не перешел.

²¹ Лимонов Э. *Анатомия героя*. С. 246.

²² Топорова А.В. *Указ. соч.*

ческим изменениям. «Крутой» стиль РНЕ, обеспечивавший этой организации постоянную поддержку в 90-е, почти не прослеживается после 2000 года, а организации-последователи пережили кризис. Напротив, «театральный» стиль НБП остается популярным, как и (или даже более чем) прежде. Интуитивно, кажется привлекательным предположение, в соответствии с которым каждому стилю организации соответствует определенный психологический тип ее сторонников, однако вряд ли можно всерьез предполагать, что личностные свойства российского населения изменились достаточно быстро, чтобы таким изменением можно было объяснить описываемую трансформацию. К этим вопросам мы и обратимся в следующем разделе.

Рациональные причины участия в радикальной организации

Предлагаемая ниже интерпретация социальных истоков политических стилей опирается прежде всего на работы Пьера Бурдьё. У Бурдьё позаимствована идея о том, что организация, вырабатывающая определенный стиль, и индивиды, поддающиеся его очарованию, могут быть рассмотрены как рациональные агенты, стремящиеся к восходящей социальной мобильности²³. В дальнейшем мы используем идеи этого французского социолога, хотя не всегда следуем его несколько эзотерической терминологии²⁴.

При предлагаемом подходе общество рассматривается как система рынков, в ходе торгов на которых определяется относительная ценность самых разных ресурсов — от финансового капитала до интеллектуального авторитета и от физической силы до широты семейных связей. Каждый человек и каждая социальная группа с этой точки зрения представляется подобием спекулянтов, вкладывающих деньги в накопление активов определенного типа. Их восходящая или нисходящая социальная мобильность зависит от изменения котировок тех ресурсов, которыми они

²³ Бурдьё Пьер. *Политические позиции и культурный капитал* // Бурдьё Пьер. *Социология политики*. М.: Socio-Logos, 1993. С. 99–118; Он же. *Политическое представление: Элементы теории политического поля* // Там же. С. 179–230.

²⁴ В частности, не используется основное для теории Бурдьё понятие «поля». Вместо него используется понятие «рынка». Не вдаваясь в обсуждение того, до какой степени такой перевод является адекватным, автор позволяет себе ограничиться указанием на то, что Бурдьё систематически использовал метафору рынков для того, чтобы пояснить значение этой категории (например: Он же. *Рынок символической продукции* // *Вопросы социологии*. 1993. № 1–2).

обладают. Множество ресурсов, обеспечивающих преимущества в разного рода социальных взаимодействиях, можно сравнить с видами валют, имеющими хождение на той или иной территории. Общество, с этой точки зрения, распадается на множество локальных валютных рынков, более похожие на средиземноморские валютные рынки раннего Нового времени, описанные Фернаном Броделем, на которых использовалось огромное количество типов денег и курсы их демонстрировали все виды расхождений, чем на современные биржи, связанные средствами моментальной передачи информации. Курсы, существующие на каждом из этих рынков, приводимы к общему знаменателю лишь очень приблизительно. Как, например, можно сравнить владение дифференциальной геометрией с умением фехтовать на ножах или со связями в министерстве торговли — ценные в принципиально разных ситуациях ресурсы? Тем не менее, существуют какие-то общие представления об их относительной стоимости, отражающиеся прежде всего в том социальном престиже, которым пользуются их обладатели.

Обобщенные курсы эти, однако, подвержены постоянным колебаниям. События на каждом из рынков, хотя бы в минимальной степени, отражаются на всех остальных рынках — как падение курса доллара в Токио может ударить по тем в Аргентине, кто хранит свои сбережения в американской валюте, и, наоборот, улучшить положение тех, чья зарплата не привязана к доллару. Каждая пара игроков — как бы далеко друг от друга они ни находились — связана взаимозависимостью, определяемой тем, в какой степени измерение котировок одного отразится на котировках активов другого. Наши морально-политические интуиции, заставляющие нас ощущать почти рефлекторную солидарность с одними политическими агентами и такое же неприятие других, есть, по Бурдые, результат способности моментально оценивать такие взаимозависимости, развитой всем нашим социальным опытом. Так объясняется, например, глубокая озабоченность и заинтересованность, которую ученые всего мира испытывают по отношению к своим коллегам, чья свобода выражать свои мысли оказывается под угрозой со стороны военного диктатора в каком-нибудь маленьком африканском государстве²⁵. Эта солидарность

²⁵ Наиболее выразительной иллюстрацией этой тенденции из недавней российской истории может служить поддержка, оказывавшаяся в течение первого десятилетия реформ нелиберальным экономистам со стороны особенно тяжело пострадавшей бюджетной интеллигенции, в особенности учителей и преподавателей. С точки зрения предложенного подхода, ими в основном двигало не рациональное ожидание благ от развития рыночных институтов, а почти инстинктивное предпочтение интеллектуалов — то есть тех, кто опирается в борьбе за власть в

возникает потому, что в их собственном обществе курсы акции интеллектуалов и военных также постоянно колеблются, и, даже если они редко принимают характер прямых столкновений, между ними почти всегда существует известная степень антагонизма²⁶. Именно в политических аттитюдах мы можем угадывать всех многообразие взаимозависимостей, которые связывают членов данного сообщества, иногда в самых неожиданных формах.

Здесь необходимо сделать важную оговорку. Такое чутье не бывает безошибочным. Разумеется, система разрозненных локальных рынков, на которых сравнивается почти бесконечное количество ресурсов, слишком сложна, чтобы кто бы то ни было мог проследить все взаимозависимости между ними. Однако любая существующая система институтов создает некие немногочисленные стабильные конфигурации «валют», ресурсов, которые чаще всего приобретаются одновременно друг с другом. Умением искусно пользоваться огнестрельным оружием чаще всего обладают те, кто в то же время имеет и навыки маршировки, а также до определенной степени впитали военный этос — поскольку все эти качества распространяются в рамках одних и тех же силовых институтов. В наших целях можно выделить несколько таких стабильных конфигураций ресурсов, которые

первую очередь на культурные ресурсы, в данном случае ресурсы владения макроэкономическими знаниями, поскольку сами они обладали преимущественно ресурсами именно этого типа. То, что на отношении к Егору Гайдару (как негативном, так и позитивном) сказывалось использование им малоупотребительной лексики, было вполне рациональным, поскольку пресловутое «отнюдь» однозначно указывало на его принадлежность к классу обладателей определенной конфигурации ресурсов.

Конечно, это не означает, что ученые всегда будут голосовать за ученого, а военные — за военного. Такая теория была бы очевидно далека от истины. Чаще всего взаимозависимости связывают пары агентов весьма неоднозначным образом. Обращаясь к тому же примеру, утверждение авторитета ученого вне сферы науки неизбежно приведет не только к тому, что вырастет политическое влияние институтов науки, но и к тому, что внутри науки укрепятся позиции обладателей тех специфических видов ресурсов, которые непосредственно причастны к этому успеху. Вмешательство ученых в политику, особенно такое, которое принесло свои плоды, имеет свойство делать лагерь политически ангажированных интеллектуалов влиятельнее по сравнению с лагерем их ученых оппонентов, провозгласивших свою лояльность идеалу науки в «башнях из слоновой кости» — таким образом, превращая уже валюту политического влияния в академический капитал. По понятным причинам последние не могут не испытывать по этому поводу весьма амбивалентного отношения к успеху коллег.

²⁶ Таково одно из возможных объяснений таинственного эффекта гомологии, о котором писал Бурдые: Бурдые П. Политические позиции и культурный капитал.

мы будем называть «культурным», «социальным», «экономическим» и «силовым» капиталами²⁷.

По самому общему определению, «культурный капитал» есть мастерство в обращении с символическим материалом — навыки в производстве и использовании «высокой культуры» данного сообщества²⁸. «Социальный капитал» представляет собой совокупность связей (не в последнюю очередь родственных), которые могут быть использованы для получения каких-либо преимуществ. Экономический капитал вряд ли требует определения, а «силовой» представляет собой обладание навыками и ресурсами, необходимыми для осуществления насилия.

Политические институты представляются уникальным рынком в смысле разнообразия типов ресурсов, которые могут быть в них использованы — обаяние знаменитого артиста здесь может быть брошено на чашу весов против связей старого партийного функционера, а затем — сравниваться с весом активов банкира. Любое политическое действие осуществляется с привлечением неких ресурсов, и поэтому его успех или неуспех неизбежно затрагивает все группы, владеющие сходными ресурсами. Так, установление котировок морального авторитета ученого по отношению к другим ресурсам, задействованным в политическом поле, в достаточной степени затрагивает всех ученых, обладающих сходным авторитетом, и можно привлечь их сочувственное внимание к каждому случаю его использования. Следует подчеркнуть,

²⁷ Все эти типы капиталов, за исключением силового, описываются в работах Бурдьё: Bourdieu Pierre. The forms of capital. // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J.G. Richardson. N.Y.: Greenwood Press, 1986. P. 241–258. Отсутствие силового капитала в его зрелых текстах, посвященных Франции второй половины XX века, неудивительно, поскольку его практическое использование, скажем, в политических или экономических целях там было крайне затруднено. В этом пункте Франция, как и все стабильные западные общества, коренным образом отличается от России — и именно это обстоятельство является принципиально важным в интерпретации динамики русского радикального национализма.

²⁸ Другие его определения включают в себя «престижные культурные ресурсы». См.: DiMaggio Paul, Mohr John. Cultural Capital, Educational Attainment, and Marital Selection // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 90. P. 1233. В соответствии с другим определением, это — «институционализированные, то есть широко распространенные культурные сигналы, ... используемые для социального и культурного исключения». См.: Lamont Michele, Lareau Annette. Cultural Capital: Allusions, Gaps and Glissandos in Recent Theoretical Development // Sociological Theory. 1988. Vol. 6. P. 153–68. Наиболее общая теория функционирования «культурного капитала» содержится в работах Бурдьё: Bourdieu P. The field of cultural production, or the economic world reversed // Poetics. 1983. Vol. 12. P. 311–356; Idem. Distinction: The Social Critique of the Judgment of Taste. L.: Routledge/Kegan Paul, 1984.

что в этой интерпретации наибольшее значение имеет как раз средства, которые пускаются в ход, а не конкретные цели, которые при этом преследуются.

Это подводит нас к выводу, который можно считать ключевым для интерпретации стилистического разнообразия внутри радикально-националистического движения. В своей основе стиль представляет собой *демонстративные конвертации*²⁹ какого-то одного, достаточно специфического вида ресурсов (например капитала) в политическое влияние — и наоборот. Действия каждой из организаций выявляют, с ресурсами какого рода она совершает операции и какие обменные курсы она способна предложить тем, кто ее поддержит. Стиль НБП в своей основе имеет превращение культурного капитала в политический, и наоборот. Стиль РНЕ, отличия которого от стиля НБП были описаны выше, в этих же терминах может быть описан как демонстрации способности организации к проведению аналогичных операций с силовым капиталом.

Самое важное подтверждение этот тезис находит в описании состава организаций. Костяк РНЕ состоял из бывших сотрудников силовых структур — военных, милиционеров и спецслужбистов — младших чинов, то есть тех, кто обладал силовым капиталом во всех его проявлениях, но не обладал ни экономическим, ни социальным, ни культурным капиталом. Все социальные шансы, которыми располагали «соратники», были связаны с возможностью выгодного использования силовых ресурсов. Именно это обещало им РНЕ, последовательно описывавшее армию как «авангард нации» и обещавшее переустроить общество так, чтобы носители героического военного этоса заняли в нем доминирующие позиции³⁰. Ситуация в НБП была иной. С самого начала организация Лимонова пользовалась поддержкой студентов, молодых профессионалов и части божественной публики в крупнейших российских городах. Все эти группы были схожи с сочувствующими РНЕ в том, что в структуре

²⁹ Термин «демонстративные конвертации» обязан своим возникновением Торстейну Веблену: Веблен Торстейн. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

³⁰ В другой статье настоящего автора обсуждаются причины того, что эти политические претензии были представлены на языке этнического национализма: Соколов Михаил. Классовое как этническое: Риторика русского радикально-националистического движения // ПОЛИС / Политические исследования. 2005. № 2. С. 127–138. Ограничимся здесь только указанием на то, что евреи, с предполагаемым засильем которых антисемиты из РНЕ и подобных ему организаций боролись, представлялись им как группой, доминирующей благодаря обширным связям, позволяющим им контролировать доступ к экономическим и культурным благам — иными словами, обладающей теми социальными, культурными и экономическими капиталами, которых сами антисемиты были лишены.

их ресурсов безусловно преобладал какой-то один вид капитала, однако в случае членов НБП этот капитал был не силовым, а культурным³¹.

Рассмотрим под этим углом зрения описание тех социальных групп, которым НБП устами Эдуарда Лимонова эксплицитно противопоставляло себя. Вполне ожидаемо, список этот весьма существенно отличался от списка РНЕ и подобных ему групп. Общим являлась только ненависть к «классу старой партийной номенклатуры», которой удалось успешно воспроизвести свое положение в новых условиях. В своеобразном манифесте, помещенном в «Анатомию героя», Лимонов писал: «Те, кто не имел доступа в элиту до 1985, сегодня его не имеют тоже. Молодежь и провинциалы вообще не имеют шансов. Диктатура Железной Пяты — номенклатуры — каменной гнусной коркой лежит на нации — земле, скрывая, запирая, давя собой плодородный слой. Только плуг революции способен его освободить»³². Эта ненависть, как и у РНЕ, распространяется прежде всего на конкурентов из КПРФ, которую Лимонов определяет как «не партию, но социальный класс мелких князьков»³³.

Как и члены РНЕ, Лимонов враждебно настроен к обладателям значительного культурного капитала — но только к той их части, которая получила его по наследству вместе с социальным капиталом, позволившим им защищать самые выгодные позиции в институтах культурного производства от покушений «новых людей», включая его самого. Говоря о династиях, передающих культурный капитал по наследству, таких как Михалковы или Боровики, пишет: «Нет, я не испытываю личной неприязни к этим ребятам, я испытываю классовую ненависть»³⁴. И далее приводятся основания для нее: «я отпрыск бедного простого рода... Всем, что у меня есть, я обязан только себе». Династии деятелей искусства играют такую же роль для Лимонова, какую евреи — для членов РНЕ. И те и другие, пользуясь большим унаследованным капиталом, закрывают доступ к самым выгодным областям культурного производства. Разница здесь, конечно же, в уровне — в то время как в РНЕ речь идет о невозможности без связей поступить в университет,

³¹ Как мы видели, на ранних этапах эволюции НБП также культивировала образ революционного интеллектуала, способного параллельно участвовать в символической и вооруженной борьбе. Однако очевидно плачевные результаты, к которым привели попытки воплотить этот образ в жизнь, заставили ее пересмотреть свою стратегию.

³² Лимонов Э. Анатомия героя. С. 402. Интересно также начало «Политической биографии» (С. 5–16). Там, как и в других местах, Лимонов, противопоставляет себя номенклатуре и ФСБ.

³³ Он же. Анатомия героев. С. 348.

³⁴ Он же. Книга мертвых. С. 303.

в НБП обсуждается невозможность без связей стать официально признанными чемпионами в поле культуры.

Если критика номенклатуры и выросшей из нее современной элиты объединяет РНЕ и НБП (несмотря на различие в позициях, с которых эта критика ведется), то следующая группа, которую Лимонов атакует со своих эстетских позиций, принципиально противопоставляет его РНЕ. Этой целью оказывается народ. Говоря о проигранных им выборах 1995 года в Твери, лидер НБП обвиняет избирателей в том, что они предпочли «хитрых воров, приспособленцев, беспомощных чиновников-тупиц, но своих, от неряшливых лохм за ушами до мягких животов, заканчивающихся под горлом — вот кого они выбирали. Похожих на себя. Таких, как они». «Стилевое различие — вот почему я не подходил им»³⁵.

Далее он утверждает, что провинциальная, тусклая, «серая», не имеющая ничего своего, уродливая «нация не нашла своего стиля» и что ей надо «менять даже выражение лиц» — под руководством НБП, конечно же³⁶. В статье, носящей характерное название «Лимонка в народ», претензии партии, стилистически отстоящей так далеко от народа, обосновываются тем, что «народ погрешим» и ему нужны умные пастыри³⁷. «Вера в свою непогрешимость развращает народ». «Народу должно быть преподано уважение к разуму, к духовной мужественности, к генетически исключительным личностям, время от времени появляющихся среди народа (да, они — лучшие, но плоть от плоти его), и в этом его величие — рожать таких». Если сравнить этот список добродетелей с аналогичным списком РНЕ, то станет заметно отсутствие в нем моральных добродетелей или религиозной веры — и присутствие указаний на талант и личностную исключительность, которые, кажется, нигде не встречаются у РНЕ. Элитистская тема врожденного превосходства над «народом» для РНЕ кажется совершенно невозможной.

Третья группа, которая удостоивается критики Лимонова, — это советская интеллигенция, «пастернаки». Самый интересный из направленных против них текстов включен в «Анатомию героя»³⁸. В нем говорится, что «уже с начала 60-х годов «пастернаки» пытались предъявить свои права на участие во власти». «...Главным в их поведении было не несогласие (диссидентство) с политикой и государственным строем страны, но коренное эстетическое и этическое отличие их от стоявших у власти «лохов». Эта борьба была выиграна в эпоху «перестройки», поскольку «Горбачев

³⁵ Он же. Анатомия героя. С. 219–224.

³⁶ Там же. С. 240.

³⁷ Там же. С. 243–247.

³⁸ Там же. С. 248–255.

оказался настоящим покровителем «пастернаков», потому что, будучи настоящим «лохом», все же тайно мечтал всю жизнь стать более развитым существом, «пастернаком». Однако в настоящее время стилистическая фракция «лохов», включающая как номенклатуру, так и простой народ, вновь вернула себе власть, которую потерявшие всякую волю к власти «пастернаки» и не пытаются себе вернуть. Именно этот последний пункт является поводом для главных претензий к ним со стороны Лимонова (не выражающего, кстати, никакого сомнения в реальности превосходства «пастернаков» над «лохами»).

Прочитанная таким образом, националистическая риторика как НБП, так и прочих правых организаций 90-х, оказывается выражением классовых претензий, а их политический стиль — способом придать этим претензиям зримую, выразительную форму, понятную даже тем, кто не читал их текстов. РНЕ обещало своим членам обратить их капиталы — армейские навыки, дисциплину, весь военный этос — в краеугольные камни нового социального устройства. Оно обещало также наделить их самих политическим капиталом, несмотря на недостаток тех ресурсов, которые чаще всего необходимы для проникновения в политическое поле в настоящее время — образования, связей, специфических компетентностей. Сходным образом, НБП обращалось к тем, кто обладал значительным культурным капиталом, полученным в результате самообразования, но не обладал ни сертификатами, ни знакомствами, необходимыми, чтобы сделать успешную карьеру в поле символического производства. Ее обещание переустроить общество так, что только талант будет иметь значение, безусловно, находило отклик среди тех, кто обладал культурными ресурсами для того, чтобы сделать карьеру интеллектуала, но не обладал социальными.

Однако само по себе сочувствие целям движения, как показывают многие исследования политической мобилизации, не обязательно влечет за собой активное участие³⁹. Для того, чтобы привлечь сторонников, организация — наряду с коллективными благами, которые протест может принести некой социальной группе в целом, — должна иметь возможность предложить своим членам определенные персональные блага. В частности, вера в возможность организации удачно конвертировать капиталы целого класса, безусловно, возрастает, если эта организация

³⁹ Olson Mancur. *The Logic of Collective Action*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965; Klandermans Bert. *Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory* // *American Sociological Review*. 1984. Vol. 49. P. 583–600; McAdam Doug, McCarthy John, and Zald Meyer. *Social Movements* // *Handbook of Sociology* / Ed. by Neil Smelser. Newbury Park: Sage, 1988.

доказывает, что способна провести аналогичные операции с капиталами своих сторонников здесь и сейчас.

Каждая из наиболее успешных правых организаций специализировалась на определенных типах подобных конвертаций. Организация была своего рода акционерным обществом, вкладывавшим исходные капиталы своих членов в борьбу, которая должна была улучшить положение всей группы держателей аналогичных капиталов в будущем, а пока приносила дивиденды непосредственным акционерам.

Состав участников каждой из групп определялся теми видами капиталов, которые они могли инвестировать, — скажем, РНЕ прежде всего осуществляло операции с силовыми, политическими и экономическими ресурсами. Как и большинство радикально-националистических организаций первой половины 90-х, оно владело охранными фирмами, в которых работали его соратники, а также всевозможными тренажерными залами и центрами изучения боевых искусств. Логика операций, которые при этом происходили, была такова. Организация аккумулировала небольшие капиталы способностей к насилию, которыми обладали ее члены, и частично инвестировала их в политической сфере (приобретая влияние), частично — в экономической (извлекая доходы из деятельности охранных фирм). Полученные от этих вложений прибыли использовались для привлечения новых сторонников.

При этом члены организации в обмен на лояльность получали, во-первых, возможность увеличить свои капиталы в поле насилия за счет инфраструктуры организации (в ходе тренировок в центрах изучения боевых искусств); во-вторых, часть доходов от инвестиций в экономической сфере (в виде заработной платы); в-третьих, шансы сделать политическую карьеру. Основная проблема, возникавшая при этом, состояла в том, чтобы удержать членов организации от того, чтобы раньше времени выйти из предприятия, использовав достигнутое положение на пользу только себе — но в ущерб организации. Так, локальный лидер в РНЕ всегда стоял перед искушением использовать свое положение руководителя группы вооруженных людей для быстрого обогащения (и часто поддавался ему). Коллективная стратегия политической организации, обещавшая большие блага для всех в отдаленном будущем, постоянно конкурировала с соблазном получить несколько меньшие выигрыши и только для себя, но немедленно.

Помимо абстрактных обещаний переустроить общество, праворадикальная организация предъявляла своим сторонникам живой пример того, чего они могли добиться в рядах движения. Этим примером была биография лидера, который, как правило, представлял собой ролевую

модель для новых участников — образец той карьеры, которую предлагал им организация. А. Баркашов был простым электриком, отслужившим в спецназе (по крайней мере, так утверждает его жизнеописание, имевшее широкое хождение), который стал влиятельным политиком путем участия в радикально-националистическом движении.

НБП тоже обещала своим членам карьеру, но в совершенно иной сфере. Биография лидера и здесь служила решающим примером. Лимонов посвятил несколько книг тому, как он, бедный провинциальный юноша без связей и образования, явился в Москву и сделал себя сам. Несмотря на то, что этим он не был обязан своей партии, Лимонов везде подчеркивал, что партия является сегодня единственным возможным путем для таких, как он. Мы видели, как репутация творца, автора многих известных книг и одной захватывающей судьбы использовалась им для того, чтобы обосновать свои претензии на политическое лидерство, однако Лимонов двигался и в обратном направлении, используя свою политическую карьеру как способ упрочения своего авторитета человека искусства.

Его книги, особенно — поздние, представляют собой скорее репортажи об интересной прожитой жизни, чем литературные произведения, если пользоваться обыденным пониманием литературы как сочинительства. Почти все произведения Лимонова посвящены ему самому, и даже те немногие, которые непосредственно ему не посвящены, полны отсылкой к биографии автора. Характерны приемы, которые Лимонов использует в критике своих конкурентов по писательскому ремеслу (претендующей на то, чтобы быть художественной критикой). Так, в «Книге мертвых» он, сравнивая себя с теми, кто обогнал его в литературной славе — с Иосифом Бродским или Венедиктом Ерофеевым, — часто ставит им в укор неяркость, скучность их судьбы⁴⁰. Разумеется, его жизнь в последние несколько лет дала ему много новых возможностей для подобных сравнений.

То же самое верно и в отношении самых известных его сторонников. Большинство лидеров партии на первых этапах ее существования — Лимонов, Дугин, Игорь («Егор») Летов, Алексей Цветков — получили известность за пределами политики и до прихода в организацию. Кроме них, в партии состояло еще несколько знаменитостей, в первую очередь, Сергей Курехин. Напротив, те, кто получил известность благодаря участию в организации — например, Андрей Гребнев и Анатолий Тишин, — вначале занимали в партии только второстепенные пози-

⁴⁰ Например, Ерофееву в «Книге мертвых» Лимонов выносит такой приговор: «Мне его судьба кажется неяркой и неудачливой. Никаких далеких земель, никакой экзотики...» (Лимонов Э. Книга мертвых. С. 116). Еще больше достается Бродскому.

ции. Все перечисленные знаменитости, как и Лимонов, использовали репутацию экстремистов для того, чтобы привлечь интерес к своей культурной продукции, а восхищение своей культурной продукцией — для того, чтобы получить политическое влияние⁴¹.

Заключение: несколько соображений об эволюции

Могут ли эти рассуждения пролить свет на вопрос, сформулированный выше: почему «крутой» стиль, воплощенный РНЕ, постепенно почти исчез с политической сцены, а «театральный» стиль НБП, напротив, продолжил развиваться? Легко показать, что трансформация российского общества после 1999 года сделала проведение некоторых видов демонстративных конвертаций весьма затруднительным предприятием. Тем самым основанные на них политические стили были поставлены на грань исчезновения.

Именно это произошло со стилем РНЕ, и, соответственно, с самой организацией, которая прочно с этим стилем ассоциировалась. Возникновение авторитарного политического режима, который не производил впечатления готового распасться самостоятельно и позволить группе радикалов захватить власть (на что надеялись соратники РНЕ на протяжении 90-х), явно снизило привлекательность военизированных политических организаций. Не менее важным оказалось то, что центральная власть стала гораздо менее терпимой к попыткам использовать насилие в частных политических целях (и даже намекам на возможность этого), и, соответственно, любимые формы коллективных действий РНЕ оказались под весьма действенным запретом. Наконец, многие из тех, кто раньше был очарован воинственной простотой РНЕ, теперь отдали свою любовь Путину, чья решительная политика по усилению государства и прошлое

⁴¹ Характерно, что биографии всех этих людей демонстрируют значительное сходство в изобилии карьерных изломов. Несмотря на то, что все они идентифицировали себя как интеллектуалов, никто не проделал обычную для советского интеллектуала карьерную траекторию с поступлением после школы в институт и получением работы по специальности после его завершения. Вместо этого почти все они прошли через периоды занятий низкоквалифицированным и малопrestижным трудом. Лимонов шил брюки, нарушая трудовое законодательство, и писал стихи. Тишин также писал стихи, работая балзамировщиком в морге. Дугин был дворником и изучал эзотерическую философию, и т.д. Все эти обстоятельства делали их тем более убедительной ролевой моделью для тех, кто мечтал сделать карьеру интеллектуалов, но не мог по каким-либо причинам проследовать по традиционному пути к этому статусу.

сотрудника спецслужб в значительной степени соответствовали их чаяниям. Как сказал автору один из них из них, «Путин круче Баркашова». Для РНЕ это стало приговором.

Национал-большевистская партия, вовремя отказавшаяся от операций с силовым капиталом, была задета всеми этими трансформациями значительно меньше. Более опасным для нее оказались не прямые угрозы, а соблазны для ее сторонников, которые несла в себе новая ситуация. Многие из бывших членов партии потеряли интерес к спекуляциям разными видами ресурсов просто потому, что приобрели достаточный для успешного существования объем какого-то одного из них. Приход Путина совпал с завершением метаморфоз в доминирующем политическом дискурсе, который за десять лет, прошедшие с 1991 года, изменился с преимущественно либерального на откровенно националистический. В идеологическом смысле режим сделал шаг навстречу правым радикалам, создав для них благоприятные условия для утверждения в «системной» политике, каких не было никогда с момента провозглашения независимой России. Многие из интеллектуалов националистического движения, обладавших достаточным образовательным уровнем и компетентностью, не замедлили воспользоваться этой возможностью, тем более что государственные рынки предъявляли значительно более платежеспособный спрос на их идеологическую продукцию. Раскол, который НБП пережила в 1998 году и в результате которого ее ряды покинули А. Дугин, А. Цветков, Аркадий Малер и другие, легче всего интерпретировать с этих позиций. Возглавивший раскол Дугин быстро нашел общий язык с чиновниками из президентской администрации, и, судя по апологетическим отзывам в адрес этого учреждения в статьях А. Малера⁴², последний тоже не отказался бы от такого сотрудничества.

К 2000 году из НБП вышли почти все те известные интеллектуалы, присутствие которых сделало ее знаменитой несколькими годами ранее. Присоединившиеся к Лимонову знаменитости извлекли из сотрудничества с партией все, что она могла им дать. Дальнейшее сотрудничество становилось опасным, поскольку выяснилось, что режим становится все менее терпимым к самым вызывающим видам политического самовыражения. С другой стороны, высокий образовательный уровень позволил многим из «новых правых» интеллектуалов, прежде всего Дугину, успешно удовлетворять спрос, возникший в госаппарате, на разработку нового русского национализма, распространять свои взгляды в роли авторов

⁴² Одна из которых, например, носит характерное название «Три подвига Администрации Президента» (http://www.apn-nn.ru/index.php?chapter=pub_s&id=40&sf=1).

учебников, лекторов государственных вузов и консультантов при органах власти. Так Дугин превратился из маргинального эзотерика в известного философа, который смог предложить свои услуги нескольким «системным» политическим группам. Его пример наиболее известен, но ни в коем случае не уникален. Так же, как многие члены РНЕ сделали с помощью своей организации карьеру в криминальном мире, многие члены НБП использовали культурный и социальный капиталы, приобретенные в ней, для получения различных позиций в поле символического производства — от академической науки до шоу-бизнеса⁴³.

И тем не менее НБП продолжила свое существование, пережив уход большинства своих отцов-основателей, тюремное заключение лидера, репрессии на местах и почти полное отсутствие финансирования. Чем можно объяснить такую устойчивость? Бурдые писал о том, что в сердце политики современных рыночных обществ лежит конфликт между обладателями двух видов ресурсов: с одной стороны, экономического капитала, с другой — культурного. Обладателями первого являются предприниматели и менеджеры, обладателями второго — люди искусства и науки. Чем больший вес в данном обществе принадлежит первым, тем меньше обладают вторые, и наоборот. Верховенство экономического капитала защищают правые партии, требующие свободы экономической деятельности и известного ограничения свободы культурных экспериментов. И, наоборот: современные западные левые выступают за централизованное управление экономическими ресурсами — и за полную автономию культурной сферы. Антибуржуазность и революционность, считающиеся необходимым атрибутом современного интеллектуала, являются следствием именно этого антагонизма.

Конфликт между экономическим и культурным капиталом был до известной степени подавлен в обществах советского типа, где номенклатура с ее административными ресурсами в одинаковой степени доминировала и над полулегальным частным предпринимательством, и над интеллигенцией. В эпоху «перестройки» обладатели экономических и культурных ресурсов совместно действовали против общего противника — государственной бюрократии. Радикальный либерализм 90-х,

⁴³ Сам Лимонов неоднократно перечислял тех, кто ушел из партии в разные отрасли культуры. Ударение, которое он делал на подобных событиях, заставляя предположить, что, в принципе, он не отвергал саму идею сделки «временная поддержка партии в обмен на возможность использовать участие в ней для будущей карьеры» (см., например, перечисление бывших «черных мальчиков», осевших на должностях пресс-секретарей и журналистов в глянцевах журналах, в «Анатомии героя»). Однако, в ситуации, когда отток стал массовым, его позиция по этому поводу, кажется, изменилась.

требовавшей максимальной свободы и открытости как для экономических, так и для культурных инициатив, был идеологическим отражением этого альянса. Вскоре, однако, пути обладателей экономического и культурного капиталов начали расходиться. Прежде всего, это происходило за счет изменения кадрового состава первых. Экономическая элита практически слилась с государственной бюрократией, следствием чего и стало формирование расплывчатой государственной идеологии, сочетающей веру в экономические механизмы рынка с убеждением в ценности сильного и всепроникающего государства. Судьба олигархов первой волны, не вписавшихся в этот поворот и пытавшихся сохранить лояльность не только экономическому, но и старомодному теперь политическому либерализму, оказалась в новых условиях незавидной.

Сходным образом тотальный либерализм 90-х начал терять сторонников и среди держателей культурного капитала. Старшие поколения интеллигенции в целом были больше подвержены инерции политического мышления, видевшего в частном бизнесе прежде всего союзника. Среди молодых интеллектуалов, однако, уже в середине 90-х преобладало довольно прохладное отношение к «буржуям». Значительность Лимонова состоит в том, что он одним из первых почувствовал антибуржуазный протестный потенциал молодой культурной элиты. Здесь, однако, с нацболами сыграла злую шутку инерция политического мышления, причем даже не их собственного, а мышления экономически доминирующего класса, которому они бросали вызов. В середине 90-х, когда НБП только возникала, обладатели экономического капитала все еще продолжали исповедывать — во всяком случае, публично — радикально-либеральные политические принципы. Вставая в оппозицию к ним, НБП не ограничилось экономическими требованиями, но и противопоставило их демонстративному демократизму свой авторитаризм. НБП в целом и Лимонов в особенности были чрезвычайно активны в работе по созданию создания «красно-коричневого» оппозиционного альянса.

Несмотря на весь синкретизм и расплывчатость первоначальной идеологии НБП, две вещи относительно нее можно было сказать с полной уверенностью: она была националистической, и она не была либеральной. Когда сама логика политического процесса подтолкнула партию к тому, чтобы «сменить идеологическую кожу», это оказалось непросто сделать. Теоретическая модель Бурдые, на которой основывались все предыдущие рассуждения, предполагает, что, в конечном счете, политические позиции отражают интересы, заданные распределением ресурсов. Однако позиции как таковые и риторика, используемая для того, чтобы дать этим позициям идеологическое оформление, — это разные вещи. В конечном

счете, позиции определяют, какого рода риторика будет воспринята, но, однажды усвоенная, риторика становится самостоятельной силой в политическом развитии — как индивида, так и организации. Связавшие себя на ранних этапах своего развития с авторитарной и националистической идеологией, члены НБП не могут расстаться с ней так просто.

Если все приведенные рассуждения верны, то существуют мощные силы, подталкивающие партию Лимонова к тому, чтобы постепенно эволюционировать в сторону «новой левой» — в западном смысле этого слова — идеологии, антирыночной, но одновременно антиавторитарной и антинационалистической. Сами нацболы, однако, в глубине души могут не признаваться в том, что переживают настолько радикальную идеологическую трансформацию. Союз с «буржуазными» партиями и отказ от реверансов в сторону национализма многими из них рассматриваются как тактическая мера. Однако то, что сами нацболы думают о смысле своих политических маневров, необязательно окажется верным в исторической перспективе. В утверждении, гласящем, что наши сегодняшние поступки определяют наши завтрашние мысли, куда больше правды, чем хотелось бы верить всем идущим на политические компромиссы. Последствия того, что задумывалось как тактическая уловка, часто оказываются более долговечными, чем цель, во имя которой эта уловка предпринималась. И это всегда происходит именно так, когда тактический маневр соответствует направлению масштабного исторического сдвига. Так может произойти и с НБП — и, весьма вероятно, произойдет.

Отслеживая появляющиеся в периодике партии тексты, сторонний читатель не может не заметить нарастающих изменений. Достаточно сравнить последние на момент написания статьи номера «Лимонки» (№ 304) с газетами десятилетней давности, чтобы обнаружить, как изменилось отношение авторов «Лимонки» к национализму. Десять лет назад, после заключения хасавюртовских соглашений, среди нацболов существовал консенсус по поводу их предательской сущности и необходимости бороться с чеченскими сепаратистами всеми существующими способами, не считаясь с жертвами среди мирного населения⁴⁴. Последние номера содержат столь же определенные требования признать независимость Ичкерии и почти сочувственную заметку о преследованиях вдовы Шамиля Басаева со стороны спецслужб. Чеченская тема — не единственная, отражающая подобную смену взглядов. Хотя время от времени в периодике партии всплывают старые ксенофобские темы, статистически они давно проиг-

⁴⁴ Фактически, выпуски газеты августа 1996 года (№№46 и 47) содержат множество намеков на то, что такие жертвы были бы даже желательны, учитывая предполагаемую врожденную порочность чеченцев.

рывают по частоте своих появлений новым и политически совершенно противоположным. В 1996 году первые вылазки скинхедов встречали среди нацболов дружное одобрение. Десять лет спустя скинхеды расцениваются партией как крайне тревожное явление, уродливое следствие неверной национальной политики режима. Сама НБП теперь описывается как «организация совершенно интернационалистическая, чуждая нацизму изначально и неправомерно». В 1996 году Лимонов писал о Баркашове и РНЕ как о своих единомышленниках. Сегодня авторы «Лимонки» обычно не вспоминают о том, что между ними было что-то общее.

На первый взгляд, политический авторитаризм не потерял в глазах членов НБП своей привлекательности настолько же, насколько ее потеряли национализм и расизм⁴⁵. Однако и здесь мы видим, как прославление тоталитарного прошлого вначале просто соседствует, а потом и вовсе вытесняется либеральным политическим дискурсом, апеллирующим к попраным гражданским правам и свободам⁴⁶. Вероятно, в значительной степени эти обращения в данный момент мотивированы тактическими соображениями, а не осознанной сменой убеждений (РНЕ в свой последний период также стремилось говорить на языке прав человека). Однако подобные тактические соображения будут актуальны до тех пор, пока политический режим, которому НБП противопоставляет себя, предоставляет благодатные возможности для критики с этой стороны. Вряд ли можно всерьез надеяться, что это время закончится скоро. И если справедливо, что людям свойственно начинать верить в слова, которые они постоянно произносят, то у нацболов будет возможность сжиться с взглядами, которые они уже научились озвучивать.

Было бы слишком поспешным заключить, что дальнейшая эволюция неизбежно приведет НБП к тому, чтобы стать важной частью возникающего левого (во вполне традиционном политологическом смысле) фланга нового российского политического спектра. Слишком многое в прошлом партии делает такое превращение затруднительным. Однако было бы столь же поспешным предсказывать, что ничего подобного не случится.

⁴⁵ Нельзя не отметить, однако, характерное семантическое изменение. Слово «авторитарный» превратилось в «Лимонке» за последнее время в устойчивый эпитет режима Путина, и используется этот термин определенно не для того, чтобы сказать последнему комплимент.

⁴⁶ Свою роль в этом, безусловно, сыграло и то, что апелляции к Сталину перестали быть монополией политической оппозиции, в чем сыграли свою роль бывшие единомышленники Лимонова типа Дугина, Малера и Егора Холмогорова.

Марлен Ларюэль

Александр Панарин и «цивилизационный национализм» в России

Уже в начале 1990-х годов неоевразийство перестало представлять собой единую идею и единую силу, превратившись в созвездие разнообразных противоборствующих личностей с противоположными устремлениями. Это течение выходит за рамки возникавших и исчезавших в его русле организационных структур — вследствие размытости используемой культурологической терминологии. Сила неоевразийства в том, что оно заявляет о себе как о новой идеологии для нового пост-биполярного мира, основанной на «цивилизационных» интерпретациях и на теории о скором возникновении так называемых постмодернистских ценностей (здесь постмодернизм понимается как историософское понятие, обозначающее поворот к консервативным ценностям, которые должны быть присущи постиндустриальной эпохе так же, как индустриальной были присущи скорее ценности леволиберальные). Глубинная связь неоевразийского дискурса с альтерглобалистскими теориями во многом обусловлена идеями одного из основных теоретиков и неоевразийства, и альтерглобализма — Александра Сергеевича Панарина (1940—2003).

Как и отцы-основатели евразийства 1920—1930-х годов, Панарин указывает на суть дискурса о России и объясняет политические реалии с помощью аргументов, касающихся «изначальной сущности» цивилизаций. Он стремится реабилитировать понятие империи, охарактеризовать эту форму правления как исторически predetermined для России и представить ее в качестве главной движущей силы любой из альтернатив американской глобализации. Панарин предполагает, что возрождение российского величия осуществится через отказ от западной модели развития. Таким образом, неоевразийство полностью вписывается в русскую традицию националистического мессианства (вне зависимости от религиозной или политической сути истоков последнего), модернизируя его и внедряя идею о многополярном мире.

От либерализма к консерватизму — жизненный путь интеллектуала

Панарин был одним из наиболее известных деятелей московского академического мира. Он возглавлял кафедру политических наук философского факультета МГУ, был автором множества эссе, славился своей эрудицией, аналитическими способностями и добился уважения в российской университетской среде. Среди его публикаций — множество университетских учебников и хрестоматий, например, «Философия политики» (1996) и «Политология: учебное пособие» (2002)¹. Его книга «Реванш истории», опубликованная в 1998 году, была задумана, как видно из ее названия, в качестве ответа на знаменитые слова Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории» и встретила в России весьма теплый прием². В 2002 году, всего за несколько месяцев до смерти, он стал лауреатом премии Солженицына за книгу «Православная цивилизация в глобальном мире», речь в которой шла о реванше России, отсталой в экономическом плане, но духовно опережающей Запад, который увяз в стремлении к технологическому прогрессу. Подобная эволюция весьма характерна для значительной части русской академической среды и вполне отражает эволюцию ее взглядов: после надежд, которые возлагались на «перестройку», и разочарования, пришедшего вследствие ельцинских политических и экономических реформ, многие интеллектуалы перешли в стан сторонников коммунистической и националистической идеологии, с которой они некогда боролись³.

В советскую эпоху Панарин был полудиссидентом. В студенческие годы за принадлежность к социал-демократическому кружку его исключали из комсомола и выгоняли из университета. В годы «перестройки» он поддержал движение к либерализации, начатое Михаилом Горбачевым, и призвал к проведению в СССР политической, экономической, социальной и культурной реформы. Являясь приверженцем западных ценностей, он стремился к постепенному введению социальной демократии, способной совместить такие достоинства рыночной экономики, как, например,

¹ Панарин А.С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996; Политология: учебное пособие. М.: Гардарики, 2002.

² См.: Bazhanov Valentin. A Note on A.S. Panarin's Revansh istorii // Europe-Asia Studies. Vol. 51. 1999. N 4. P. 705–708.

³ Более детальная биография описана в: Цыганков Андрей. Александр Панарин как зеркало русской революции // Вестник МГУ. Социология и политология. 2005. № 4. С. 166–177; 2006. № 1. С. 120–149; Он же. Национальный либерализм Александра Панарина // Свободная мысль-XXI. 2005. № 9. С. 100–117.

признание частной собственности и права на предпринимательство, с социальными завоеваниями, к примеру, с чувством равенства, характерным для советского общества. Тем не менее, Панарин очень быстро разочаровался в выборе ельцинской элиты, которая предпочла «шоковую терапию», и был поражен жесткостью социальных реформ, проводившихся правительствами, сменявшими друг друга в тот период. Вскоре, во второй половине 1992 года, он начал выступать с осуждением элитарного характера происходивших процессов, заявлял, что сторонники западных ценностей творят насилие над русским обществом и принижают престиж русской культуры, безгранично восхищаясь Западом, что они сводят понятие капитализма к коррупции, бесконтрольной приватизации и разграблению национального достояния.

В 1992–1995 годах Панарин задался целью разработать теоретическую базу особого пути России, который он определил как движение к «народному капитализму». Эта концепция была призвана учесть национальные особенности, сохранить достоинства предыдущего режима и, что особенно важно, стать настоящей *реформой*, а не *революцией*, о которой говорили члены ельцинской команды. Взяв на вооружение подобные концепции, Панарин приблизился к центристам, осудившим формирование олигархического класса и раздробление государственного имущества путем приватизации. Он решил, что надежды на приход «народного капитализма» могут реализоваться лишь через построение сильного государства, которое не спешит во имя культа свободного рынка распродать свои права на владение ресурсами страны. Именно разрабатывая эти идеи, Панарин заинтересовался консервативными политическими теориями, приверженцы которых противятся ослаблению роли российского государства как внутри страны, так и на международной арене. В конце 90-х он констатировал общность некоторых своих концепций с идеями Евгения Примакова — министра иностранных дел, а впоследствии премьер-министра, который в его глазах отличался в лучшую сторону тем, что строил зарубежную политику, направленную на сотрудничество с крупными азиатскими державами, не фокусируя внимание лишь на отношениях с Западом⁴.

Призывы Панарина к установлению «народного капитализма» стали еще более радикальными в конце 1990-х годов: бомбардировки НАТО в Югославии, отставка Примакова и критика Запада в связи с возобновлением войны в Чечне побудили Панарина к сближению с

⁴ По вопросу об отношениях между национализмом и зарубежной политикой см.: Tsygankov Andrei. Whose world order? Russia's Perception of American Ideas after the Cold War. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2004.

недавними идеологическими противниками из стана коммунистов и националистов. В начале первого десятилетия нового века, перед лицом событий, рассматривавшихся им как поражение русской парламентской демократии, Панарин заявил, что процветание страны возможно только при приверженности сильной президентской власти с некоторыми элементами авторитаризма и при возвращении к традиционным русским ценностям самодержавия. Некогда приверженец западных ценностей, Панарин теперь обвинял Запад в том, что тот ответствен за беды России и ведет человечество к исчезновению. Панарин заявил, что события 11 сентября 2001 года лишь подтверждают тот факт, что американская сверхдержава выбрала ошибочный путь развития. В своих работах, опубликованных в начале нового десятилетия, Панарин утверждает своевременность славянофильских идей и рассматривает их как один из элементов выражения русской идентичности. Такая радикализация политических идей отдаляет Панарина от идеологических основ власти Владимира Путина, которые еще недавно могли бы найти у него отклик, и побуждает проповедовать реставрацию православной духовности и сталинской государственности.

Роль Панарина внутри неоевразийского движения остается совершенно не типичной. Многие его статьи посвящены евразийству, в том числе публикации 1993 года в журналах «Знамя», «Восток» и «Вопросы философии», а также книга 1995 года «Россия в цивилизационном процессе». Между 1993 и 1996 годами Панарин вместе со своим другом, членом Российской академии естественных наук Борисом Ерасовым (умер в 2001 году) являлся редактором четырех сборников, посвященных отношениям России и Востока⁵. В первой половине 1990-х в попытке оппонировать Александру Дугину Панарин проповедовал так называемое цивилизованное евразийство⁶.

Тем не менее, Панарин редко упоминал отцов-основателей евразийства и даже впоследствии обрушивался с критикой на приписываемый им «географический детерминизм»⁷. Он также постоянно и многократно под-

⁵ Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М.: РАН, 1993; Россия и Восток: цивилизационные отношения I. М., РАН, 1994; Россия и Восток: цивилизационные отношения II. М.: РАН, 1995; Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения, М.: РАН, 1996.

⁶ Ларюэль Марлен. Александр Дугин, идеологический посредник // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М.: Центр «СОВА», 2005. С. 226–253.

⁷ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 311.

вергал критике биологизаторские рассуждения Льва Гумилева о народах в Российской империи⁸. Несмотря на свои критические высказывания, с интеллектуальной точки зрения Панарин все же близок к первым евразийцам, так как его интересует скорее историческая философия, нежели геополитика, и он никогда не оставлял интеллектуальную сферу в пользу занятий политикой, в чем и заключается одно из его отличий от Дугина. Панарин был скорее продолжателем и модернизатором русской панславистской традиции, основанной на идеях таких деятелей, как Николай Данилевский или Константин Леонтьев.

Несмотря на то, что в 1990-е годы Панарин резко критиковал Дугина, ему пришлось пойти на сближение с идеями этого идеолога геополитики, так как его собственные взгляды изменились и стали более консервативны. Панарин согласился публиковаться в дугинских изданиях, например в журнале «Евразийское обозрение»⁹, и даже позаимствовал геополитическую терминологию, касающуюся противоборства теллуократий и талассократий, а также идею «восстановления прерогатив континента как программы будущего»¹⁰. Казалось, Панарин благожелательно встретил книгу Дугина «Основы геополитики. Геополитическое будущее России» (1996). В 2002 году Панарин даже принял участие в учредительном съезде движения «Евразия» и стал членом его Центрального Комитета¹¹. Впоследствии Дугин заявлял, что Панарин выразил согласие написать предисловие к одной из его последних книг, «Философия войны» (2004), но болезнь и последовавшая за нею смерть помешали продолжению их парадоксального сотрудничества¹².

Однако творчество Панарина не ограничивается исключительно евразийством в прямом смысле. Он часто говорил о будущей России как о евразийской империи, а его евразийские концепции сформировались в основном в середине 1990-х годов. В последующий период философ

⁸ Там же. С. 224. См. также: Ерасов Б.С. Россия в центральноазиатском геокультурном комплексе // Восток-Ориент. 1993. № 6. С. 124–131.

⁹ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире // Евразийское обозрение. 2001. № 4. С. 4–5 (<http://eurasia.com.ru/eo/4-5.html>); Он же. Онтология террора // Геополитика террора: геополитические последствия террористических актов в США 11 сентября 2001 г. М.: Арктогея, 2002. С. 45–51; Он же. Русская православная церковь в пространстве Евразии // Материалы VI Всемирного русского народного собора. М.: Арктогея, 2002. С. 90–101.

¹⁰ Он же. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2002. С. 201.

¹¹ Умланд Андреас. Правый экстремизм в постсоветской России // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 71–84.

¹² Дугин Александр. Кончина евразийца // Портал «Евразия». 2003. 28 октября (<http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1508>).

обратился к более «классической» для русского национализма тематике, например, к роли православия в цивилизационной самобытности. Его основные труды — «Искушение глобализмом» или «Стратегическая нестабильность в XXI веке» — относятся скорее к сфере политической философии и анализа современных процессов глобализации. Тем не менее, тот факт, что Панарину удалось расширить поле обсуждения темы евразийства, обеспечил успех его идеям и распространению евразийских взглядов, связанных с более общими концепциями «православной цивилизации» или роли России в противодействии американской глобализации. Идеи «естественности» российского владычества в Азии и имперского характера режима правления являются теперь частью идеологической системы и риторики русских националистов «традиционного» толка и более не воспринимаются в качестве особой идеологии, которую можно принять или от которой можно отказаться.

«Цивилизационизм» и «постмодернизм»

Как и евразийство в его изначальной форме, интеллектуальная модель неоевразийства основана на отказе от западных ценностей. Европа неизменно предстает как синоним капитализма, ее коллективное сознание считается гедонистическим и потребительским, а ее технологическое развитие вызывает зависть и потоки критики, так как является признаком предпочтения абстрактной технорациональности в ущерб этическим и религиозным ценностям. Для Панарина предлагаемая Европой политическая модель отсылает к афинскому историческому опыту, так как ее успех зависит от порабощения остального мира: Европа выступает в качестве сторонника «демократического расизма»¹³, рассматривая демократию как идеологию белого человека, католика или протестанта. Выдвигаются также претензии, если можно так выразиться, методологического плана: универсальность может быть достигнута лишь путем гегемонии какой-либо одной, в данном случае западной, культуры, колонизирующей другие цивилизации изнутри, навязывающей им систему ценностей, характеризуемую Панариным как поддельная, поскольку она ориентирована на ценности европейские¹⁴.

С точки зрения Панарина как философа, культуры развиваются циклично и импульсивно. Однако считается, что особенностью Запада

¹³ Панарин А.С. Православная цивилизация. С. 16.

¹⁴ Он же. Славяно-тюркское единство. Конструкция российской государственности // Россия и мусульманский мир. 1996. № 1. С. 59.

является линейный характер мышления, что соответствует прогрессистскому видению истории, где только временной аспект, темпоральность («отсталость» или «опережение») объясняет различие цивилизаций, которые классифицируются по шкале от архаичности до современности. Панарин же, напротив, призывает к реабилитации пространственной категории, существование которой подтверждает право неевропейских цивилизаций на сохранение самобытности: культурные особенности не имеют темпоральности или вертикального характера, а являются скорее пространственными и горизонтальными. Таким образом, взгляды Панарина соответствуют изначальному евразийству, но не имеют особых связей с теориями географического плана, выдвинутыми Петром Савицким¹⁵. С точки зрения Панарина, цивилизации не могут подчиниться одна другой: они представляют собой закрытые структуры, которые не оказывают друг на друга принципиального влияния: различия не могут быть преодолены, так как являются не «отсталостью», а «сутью».

Неоевразийцы остались приверженцами идей Гердера, гласящих, что каждая цивилизация обладает возвышенной идеей и несет в себе частицу божественной истины, а исчезновение этой уникальности повлечет за собой обеднение всего человечества¹⁶. Но неоевразийский культурный релятивизм является крайней реинтерпретацией Гердера, так как предполагает, что одна нация не может даже понять оригинальность другой, не обладает концептуальными возможностями для этого, ибо ее коллективное сознание неизбежно этноцентрично. Понятие цивилизации оказывается подходящей теоретической основой для идей Панарина, поддержавшего как «*постулат о первичности культуры по отношению ко всем так называемым объективным детерминациям социального мира*», так и «*культурологический трансцендентализм*»¹⁷, переводящий культуру из сферы рационального познания в сферу постижимого лишь актом веры. Помимо связи с немецкой *натурфилософией* XIX века и с идеями Шеллинга, неоевразийство также относится к современной сфере культурологии. Эта дисциплина, недавно появившаяся в постсоветской университетской сфере, претендует на статус «науки о цивилизациях», которая предлагает глобальную точку зрения на мир, опираясь на модель диалектического материализма и замещая экономический детерминизм культурным¹⁸.

¹⁵ Подробнее см.: Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи / Пер. с франц. Т.Н. Григорьевой. М.: Наталис, 2004.

¹⁶ Ерасов Б.С. Цивилизация: слово, термин, смысл // Россия и Восток: цивилизационные отношения II. С. 25.

¹⁷ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. С. 45–46.

¹⁸ По этой теме см.: Laruelle M. The Discipline of Culturology: A New “Ready-made

Панарин признает, что культурология развивается в условиях распада философских систем XX века: у истоков ее появления стоит стремление заменить или придать новый смысл феноменам, связанным с глобализацией. Сам Панарин постоянно использует культурологическую риторику для освещения столь знакомой темы упадка западной цивилизации. Любая альтернатива глобализации, с его точки зрения, связана с пониманием того, что конфликты современного мира имеют не идеологический, а цивилизационный характер и что история человечества познала переход от социального неравенства к неравенству цивилизаций, основанному на презумпции неравноценности их исторического багажа¹⁹. Так как европейская цивилизационная модель не является приемлемой для всех, человечество не может находиться сегодня в конце процесса формирования новых моделей цивилизации, как об этом заявлял Фукуяма. Альтернативой западной модели может стать обновление «цивилизационного» сознания, то есть осознание присущего миру разнообразия. С точки зрения Панарина, возведенное в философский принцип право на самобытность необходимо, чтобы избежать такой ситуации, при которой упадок европейской цивилизации означал бы упадок всего человечества.

Таким образом, евразийская «наука» о цивилизациях является не отраслью научного знания, а скорее философией истории и нации.

Похожее смещение жанров научного анализа и политического эссе имеет место и в другой дисциплине, теоретические основы которой Панарин стремится разработать и которую он называет «Глобальное политическое прогнозирование». Предметом данной дисциплины является изучение процессов глобализации в их исторической динамике, а также возможностей «прогнозировать качественно иное будущее»²⁰. С его точки зрения, глобализация — это демократия, построенная для малого количества привилегированных внутритерриториальных лиц, в то время как остальное человечество погружено в пучину конфликтов малой интенсивности и в постоянное состояние «экоцида»²¹. В то время как геополитика занимается ролью пространственного фактора, панаринская наука о перспективах нацелена на исследование времени как предмета и относится таким образом к сфере «хронополитики». Понятие цивилизации, как его видит Панарин, включает в себя основной постулат неоевразийской

Thought? for Russia? // Diogenes. 2004. N 204. P. 21–36; Scherrer Jutta. Kulturologie. Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Göttingen: Wallstein Verlag, 2003.

¹⁹ Панарин А.С. Православная цивилизация. С. 13.

²⁰ Он же. Глобальное политическое прогнозирование. С. 8.

²¹ Он же. Православная цивилизация. С. 148.

школы — «многовариантность истории»²². Новая дисциплина нацелена на исследование исторической вероятности различных возможных сценариев, она исследует неопределенность будущего. Создается впечатление, что Панарин стремится к теоретической разработке возможных альтернатив современному процессу глобализации, который, с его точки зрения, является попыткой «присвоить» будущее всего мира²³ и отрицает принцип исторического детерминизма, лишая будущего другие модели развития. Таким образом, получается, что анализ глобализации и ее осуждение помещены в одну и ту же интеллектуальную плоскость.

Теории Панарина можно также сравнить с некоторыми течениями внутри движения «новых правых», которые стремятся присвоить темы, традиционно относящиеся к риторике «левых»; не случайно, что во многих своих работах он ссылается на Алена де Бенуа²⁴. Между нивелирующим универсализмом Запада и культом этнической самобытности неевропейских стран должна существовать золотая середина, третий путь, путь к цивилизации. «*Столкиваются идеи единого пространства, основанного на цивилизационном принципе суперэтнических общностей, непосредственно связывающих индивида с “большим миром”, и идея множества мелких обособленных “суверенитетов” регионально-этнического масштаба, основанных на презумпции единой коллективной судьбы, работой которой является отдельный человек*»²⁵. Панарин также считает необходимым провести разделение мира на культурные регионы, где Европейский Союз был бы лишь одним из многих.

Одновременно Панарин утверждает, что православная цивилизация не является «культурным типом» по Николаю Данилевскому или Сэмюэлю Хантингтону, так как ее возвышенный характер преобладает над культурными факторами²⁶. Его взгляды опираются на труды выдающихся русских философов и богословов начала века Владимира Соловьева, Василия Розанова, Сергея Булгакова, на которых Панарин часто ссылается, а также современных деятелей, таких как философ Сергей Хоружий и культуролог Сергей Аверинцев. Считая миф об изначальном единстве бессмысленным и устаревшим, Панарин выступает с осуждением любых реакционных идей,

²² Он же. Пределы фаустовской культуры и пути российской цивилизации // Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. С. 40.

²³ Он же. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 66.

²⁴ Например: Он же. Реванш истории: российская стратегическая инициатива. М.: Логос, 1998. С. 372.

²⁵ Панарин А.С., Ильин Б.Б. (ред.). Россия: опыт национально-государственной идеологии. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 139.

²⁶ Панарин А.С. Православная цивилизация. С. 188.

и предлагает более современный взгляд на понятие варвара. С его точки зрения, варварство является не пережитком доиндустриального общества, а скорее решением, выработанным в обществе эпохи постмодерна. Будущее принадлежит тем, кто еще находится позади, то есть «молодым» народам, по выражению Гегеля и Гердера. «Молодость» позволит им избежать ошибок индустриального общества и обогнать его в развитии²⁷. Консерватизм Панарина не имеет ничего общего с ностальгией по прошлому или с реакционностью, он скорее продолжает традицию первых евразийцев, которые никогда не стремились к восстановлению царской власти и высказывались в пользу современного им подхода, в основном тоталитарного.

Таким образом, по мнению Панарина, взгляды западного человека имеют скорее «фаустовский» характер, так как общество находится в упадке как в духовном, так и в технологическом плане, несмотря на то, что технологическая сфера должна оставаться подконтрольной обществу, а также вследствие нарушения связи между людьми, равно как и связи с природой. Коммунизм и присущий ему культ технического развития являются скорее признаком упадка Запада, нежели России. Пессимистический взгляд Панарина на будущее человечества объясняется эсхатологичностью, характерной для всех течений евразийства. Например, он регулярно напоминает об экологических проблемах, заявляет, что индустриальное общество является болезнью века, и для выхода из этого тупика человечество нуждается не в физических усилиях или в технологических достижениях, а в моральной силе. Консервативные ценности религии, семьи, уважения к власти и т.п. в процессе преодоления Модерна превращаются из «реакционных» в прогрессивные, постмодерные и постиндустриальные. *«Пост-индустриальная цивилизация — и в этом главный ее парадокс — одновременно является и наиболее почвенной, наиболее культуроцентричной — это соответствует духовным императивам постмодернизма — и в то же время наиболее экуменической, вселенской, основанной на диалоге мировых культур»*²⁸.

Реабилитация империи: «цивилизационный» плюрализм и вселенская теократия

Россия стремится к роли гаранта многополярности остального мира. Само ее существование рассматривается как отрицание роли Запада в качестве единственного двигателя развития. Чтобы избежать геополитической

²⁷ Он же. Россия в цивилизационном процессе. М.: ИФ РАН, 1995. С. 2.

²⁸ Там же. С. 113.

тической и культурной гибели, которая последовала бы за присоединением к западному миру, России не остается ничего другого, кроме как отвергнуть надуманные дилеммы «Север против Юга» и «глобализация против этничности» и восстановить то, что в евразийской традиции является изначальной дихотомией в рамках оси Запад—Восток, гласящей, согласно одному из учеников Панарина, что *«природу и сущность какой-либо культуры и цивилизации можно понять только посредством выяснения их места в этой глобальной двуединой системе Восток—Запад»*²⁹. При этом, заметим, суть этой дихотомии невозможно сформулировать, так как в силу отмеченной выше герметичности культур ни Запад, ни Восток невозможно понять извне.

С точки зрения Панарина, геополитика является противоположностью евразийской исторической философии, так как она проповедует зависимость человека от природы, поддерживая принцип слепого детерминизма и расистской интерпретации понятия «этнос». Философ считает, что сущность Евразии выражается не в некоей этнической взаимодополняемости, а скорее в общем прошлом ее народов, их общего государства и, в наибольшей степени, в имперской воле строго политического характера. Таким образом, из панаринского определения взаимоотношений между Россией, государством и территорией полностью исключается этнический аспект. Скорее напротив: *«Большое государство означает, во-первых, самоограничение и самоотречение от этноцентризма и ксенофобии, от культивирования на государственной уровне малой народной традиции»*³⁰. В качестве носителя национальной идеи рассматривается исключительно государство: евразийское единство выражается не в единстве культуры проживающих на данной территории народов, а в реалиях государства, доминирующего на данном пространстве. Таким образом, принадлежность к движению русских националистов означает приверженность идее сильного государства.

Панарин стремится искать объяснения не в политической, а в «цивилизационной» сфере, и именно в ней он находит выражение евразийской самобытности. Европа проповедует главенство прав личности в ущерб правам сообщества, независимо от того, имеет оно региональный, этнический или религиозный характер. Европа выступает за плюрализм, ограниченный правами личности, но выступает за унитаризм и гегемонию в отношениях между нациями. Евразия призвана стать полной противо-

²⁹ Югай Герасим. Евразийский путь российской цивилизации // Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. С. 145.

³⁰ Панарин А.С. Выбор России: между атлантизмом и евразийством // Россия и Восток: цивилизационные отношения II. С. 46.

положностью европейской модели: отсутствие политической демократии европейского типа будет означать предоставление права на автономию различным регионам и нациям империи, а также право народов культивировать разнообразие укладов жизни³¹. Эти два возможных варианта понятия плюрализма должны быть отражены в двух различных политических системах: в республике, которая предоставляет личности право на социально-политическую демократию, и в империи, предоставляющей народам право на «цивилизационную» демократию³².

Панарин рассматривает империю в качестве легитимной структуры по двум причинам. Во-первых, речь идет о единственной политической системе, способной ответить на вызовы современного общества эпохи «постмодерна»; она предоставляет возможность осознать существование цивилизации в мире, поделенном на регионы и этнические группы, и устанавливает идеологию порядка в хаосе современного мира. Во-вторых, империя способна закрепить «естественность» существования Евразии, отразив в политической сфере ее горизонтальный и пространственный характер. Так, Россия характеризуется темпоральной цикличностью, что обусловлено преобладанием территории над временем; Панарин называет это «*идиомой пространства*»³³. И наконец, империя является ответом на национальное и религиозное разнообразие Евразии «*как политической формы организации совместной жизни разнородного этнического и конфессионального конгломерата народов, не располагающих иной основой для утверждения всеобщей нормативности и правопорядка*»³⁴.

Эта имперская идея имеет под собой в основном религиозную основу, так как для Панарина лишь вера может стоять превыше национальных различий, предлагая структурированное видение мира, приемлемое для всех. Религиозный аспект лежит в основе стремления к формированию цивилизации: на религии основана система моральных ценностей, и именно она обеспечивает государству легитимный статус. Таким образом, Панарин в соответствии со своими политическими убеждениями проводит тонкое различие между тем, что он называет тоталитарным режимом (внерелигиозного или даже языческого характера), и авторитарным режимом (признающим религию, какой бы она ни была, в качестве основы своей идеологии), и предлагает постсоветской Евразии перейти от первой ко второй модели правления вместо намечавшегося в 90-е годы

³¹ Он же. Пределы фаустовской культуры и пути российской цивилизации. С. 49.

³² Он же. Россия в цивилизационном процессе. С. 197.

³³ Панарин А.С., Ильин Б.Б. Указ. соч. С. 128.

³⁴ Ерасов Б.С. О геополитическом и цивилизационном устройении Евразии // Евразия. 1996. № 1–2. С. 30.

перехода на западный путь секулярного либерализма. Именно потому, что религия является основой цивилизации, Россия готова войти в новый век, имея уникальные достоинства, обладая высокой духовностью, обеспечив Евразии статус одной из великих цивилизаций эпохи «постмодерна», движущим элементом которой вновь станет воздержание, аскетизм и отказ от индустриального мира.

Панарин не скрывает своей глубокой приверженности религиозным институтам, которые считает одним из основных элементов возврата к самосознанию (идентичности) в постсоветскую эпоху. Тем не менее, он рассматривает религиозный вопрос с позиций изначального евразийства, то есть в качестве дела общенационального, а не сугубо личного. Наиболее важным является не вопрос религиозной догмы и не возвышенный характер веры, а вопрос ритуальной религиозности, связанной с национальной принадлежностью. Панарин призывает к разделению темпоральной и духовной сфер, но эта кажущаяся секулярность государства противопоставляется развитию любых форм секуляризма внутри общества: практическое управление государством сохраняет нейтральный характер, но его идеологические основы призваны стать религиозными. «*Политическая, государственная власть в России в чрезвычайной степени зависит от духовной власти — власти над умами... В этом смысле государственная власть в России никогда не бывает по-настоящему светской*»³⁵.

Политическая власть должна быть идеократична, то есть опираться на идеологию, тесно связанную с «*эзотерикой высшего исторического знания*»³⁶. В середине 90-х Панарин призывал превратить Писание в этический свод цивилизации, который он называет Великой традицией³⁷, и поставить его на службу государству. Эта Великая традиция предстает в качестве некоей православной теократии. Однако и ислам весьма высоко ценится в качестве гаранта общественной стабильности, способного превозмочь национальные различия благодаря такому понятию, как *умма*. Таким образом, Великая традиция будущего евразийского государства не должна ограничиваться лишь восточным христианством — в ней должны слиться православие и ислам и выкристаллизоваться самое главное: почерпнутая из Библии и Корана евразийская идея будет единой и неделимой. «*Необходима новая мощная миропасительная идея, которая*

³⁵ Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе. С. 236–237.

³⁶ Он же. Россия в циклах мировой истории. С. 122.

³⁷ Панарин является единственным из евразийцев, использующим понятие «Великой традиции», не уточняя, идет ли речь об одноименной исламской концепции (что в принципе не исключено).

обеспечивала бы консенсус православной и мусульманской культур в рамках общей «сверхзадачи»³⁸.

Это стремление совместить религии Евразии напоминает принципы, провозглашенные отцами-основателями евразийства: религиозное единство евразийского пространства является ключевым элементом в упрочении двойственной сути континента. С момента возникновения изначальной концепции движения в 20-е годы идея третьего культурного континента подразумевает, пусть опосредованно, но довольно явно, что существует также третий экономический и социальный путь — ни восточный, ни западный, ни капиталистический, ни коммунистический, ни демократический, ни тоталитарный. В отличие от первых евразийцев, Панарин выступал не с точки зрения классического ориентализма, не сосредоточивался на экзотике, на прошлом и на варварстве, а видел скорее современный постиндустриальный Восток. Таким образом, он являлся единственным неоевразийцем, регулярно упоминавшим буддизм, конфуцианство и даосизм. По его мнению, Россия должна рассматривать «не экзотичный Восток теократий и мусульманского фундаментализма, а новый, тихоокеанский Восток, доказавший свою способность овладевать Просвещением, не впадая в декаданс»³⁹.

Все неоевразийцы довольно часто ссылаются на азиатский пример, так как, несмотря на экономический кризис 1998 года, «азиатские драконы», сочетающие экономический успех безудержного капитализма с авторитарным политическим режимом, по-прежнему кажутся им привлекательными. По мнению Панарина, именно в Азии проходит формирование и испытание новой модели мирового устройства, удачно сочетающей современные технологии с тем подходом, который Панарин интерпретирует как отказ от культурного «озападничивания». Таким образом, избегая реакционности, панаринская модель евразийского государства, тем не менее, призвана быть авторитарной и основанной на подчинении приказам, являясь выражением сильной цивилизационной идеи: «В области внутренней и внешней политики, он (евразийский сценарий — М.Л.) означает значительное усиление авторитарных тенденций, равно как и новое дистанцирование от Запада. Однако авторитарность только тогда не выглядит вымученной, ретроградной, когда опирается на «сильные идеи»⁴⁰. В последних своих статьях Панарин восхищается

³⁸ Панарин А.С. Россия на перепутье: расколы западничества и синтеза евразийства // Россия и мусульманский мир. 1995. № 8. С. 7.

³⁹ Он же. Парадоксы европеизма в современной России // Россия и мусульманский мир. 1997. № 3. С. 16.

⁴⁰ Панарин А.С., Ильин Б.Б. Указ. соч. С. 161.

Сталиным, о котором он говорит как о державнике-отце, не скрывает недовольства инициативами Хрущева по десталинизации, в которых он видит скрытый эдипов комплекс⁴¹.

Сближение Панарина на рубеже десятилетий с движением националистов и с коммунистами повлекло за собой и радикализацию высказываний о евреях. С точки зрения философа, евреи проявляют склонность к разрушению окружающих их культур, а нынешние процессы глобализации являются некоей формой «евреизации мира»⁴². Тем не менее, Панарин остается чувствительным к еврейской традиции мессианства (это заметно и у Дугина). В книге «Православная цивилизация» (2002) многие страницы посвящены сравнению между русскими, кочующими во времени, и евреями, кочевниками в пространстве⁴³. Эти народы, отличные от всего остального мира, соревнуются и друг с другом, так как оба являются носителями мессианской идеи и заявляют о своей избранности. Тем не менее, с точки зрения Панарина, мессианство евреев нормализовано, так как они приняли стиль жизни и мировоззрение Запада и располагают своим собственным государством⁴⁴. Лишь русский народ остается носителем надежды на иное устройство человечества: Россия не может стать обычным прагматично настроенным государством, которым движет национальный эгоизм, так как русский народ имеет более глубокий мессианский характер⁴⁵.

Религиозные взгляды Панарина с начала 1990-х годов также изменились. Он стал больше внимания уделять православию. Общая с исламом идея Великой традиции отошла на второй план, уступив место одному лишь восточному христианству, которое становится центральной темой книги «Православная цивилизация». Автор задается целью доказать, что роль России заключается в сохранении православной цивилизации, как он ее называет. Эта концепция предполагает пересмотр роли религии в русском самосознании, а также наличие глубинной связи между православными славянами: шок от бомбардировок НАТО в Сербии, находившейся тогда под властью Слободана Милошевича, сыграл свою роль в пересмотре его отношения к панславистским взглядам, являющимся по сути панправославными. Панарин видит самобытность православия в сравнении с двумя западными конфессиями в его отношениях с Космо-

⁴¹ Панарин А.С. О державнике-Отце и либеральных носителях эдипова комплекса. К 50-летию со дня смерти И.В. Сталина // Москва. 2003. № 3.

⁴² Он же. Испытание глобализмом. М.: Алгоритм, 2000. С. 72.

⁴³ Он же. Православная цивилизация. С. 406.

⁴⁴ Он же. Россия в циклах мировой истории. С. 173.

⁴⁵ Он же. Православная цивилизация. С. 404.

сом, в постоянном поиске священного и универсального. С точки зрения Панарина, католицизм и протестантизм сосредоточены на общественной и технической сферах, тогда как православие обращено одновременно и к Космосу, и к человеку, придавая при этом особую роль возвышенной связи человека с божественной сферой⁴⁶.

Однако современные институты православия не кажутся Панарину достаточными, и он призывает к масштабному реформированию Церкви, дабы она могла справиться с возникающими перед ней задачами. Одной из основных задач внутренней религиозной жизни России является преодоление раскола, произошедшего во время петровских реформ между элитой, приблизившейся к западному миру, и широкими массами, сохранившими «восточный» характер. В международном плане одна из задач данной реформы заключается в реабилитации христианской идеи Воскресения, и, по мнению Панарина, именно верное понимание Воскресения должно стать ключевым элементом спасительного решения, которое Россия могла бы предложить всему человечеству⁴⁷.

В то время как евразийцы 20-х годов без колебаний отвергали европейские ценности, Панарин сохраняет более взвешенный подход и стремится частично перенять европейскую традицию универсализма. Он также настаивает на роли России в качестве *посредника* между Европой и Азией, подразумевая, что она не только является Востоком, противостоящим Западу, но и сама является Западом, повернутым к своему Востоку. «*О двойственной социокультурной стратегии России: “евразийский лик” для запада, “атлантический” для «внутреннего Востока»... Россия может осуществить свои стратегические цели только в помощи геополитического парадокса... В отношениях с Западом она должна придерживаться европейской политики, всячески подчеркивая свою цивилизационную особенность... Совсем другую ситуацию мы имеем для России в ее отношениях с ближним зарубежьем. Здесь чаще всего именно Россия выступает в роли культуры-донора. Следовательно, ей выгодно “атлантическая” политика открытого социокультурного пространства и “деидеологизации”*»⁴⁸.

Куль разнообразия, выражающийся в политической сфере в форме концепции многополярного мира, противопоставляемой американскому владычеству, является для Панарина некоей формой «*новой сакрализации мира*»⁴⁹. Так, ожидаемое Панариным наступление эпохи «постмодерна» должно повлечь за собой обесценивание экономических критериев и

⁴⁶ Там же С. 491.

⁴⁷ Он же. Россия в циклах мировой истории. С. 275.

⁴⁸ Панарин А.С., Ильин Б.Б. Указ. соч. С. 198.

⁴⁹ Панарин А.С. Православная цивилизация. С. 426.

усиление роли культурных и религиозных факторов, что он характеризует как «*ревани естественного над искусственным*»⁵⁰. В рамках этого процесса России будет отведена ведущая роль, так как тоталитарный опыт, подкрепленный мессианскими традициями, позволит ей перейти «*от прогрессивного утопизма к эсхатологическому реализму*»⁵¹. Мессианская роль неоевразийства выражается в платоновском принципе двойной реальности: кажущееся отставание России является по сути признаком ее глубинной развитости. Таким образом, отмечаемое Панариным отставание России по сравнению с Западом не может рассматриваться как негативное явление, но напротив — как залог ее славного будущего: «*Территория России сегодня — это как раз то пространство, где решается вопрос о мировых судьбах модерна*»⁵².

Заключение

Панарину удалось в наиболее законченном виде представить политические постулаты, имеющие хождение не только в националистических кругах, но и в более широких слоях современного русского общества. Это, во-первых, вера в существование неизменных величин культурного плана, объясняющих глубинный смысл современных политических событий; во-вторых, естественность империи, исчезновение которой означает лишь кратковременную историческую «ошибку»; в-третьих, двойственное отношение России с внешним миром (непроницаемое отношение с Западом и более открытые связи с Азией) и подспудно, но постоянно проводимое сравнение между культурной осью Восток–Запад и политической биполярностью между восточными и западными странами. Таким образом, Панарин является продолжателем традиций евразийской школы 1920-х годов в сфере политической философии: он заимствует идеи у гегельянца Гердера, ссылается на платоновскую концепцию двойной реальности и разделяет принципы романтической натурфилософии в ее органическом стремлении рассматривать все через призму политической формы. Ссылаясь на западные идеи, Панарин, тем не менее, выступает в качестве продолжателя традиций консервативных панславистов, таких как Данилевский, и выдвигает некую современную вариацию славянофильских теорий. Он остается ближе к идеям таких отцов-основателей евразийства, как Петр Савицкий или князь Нико-

⁵⁰ Он же. Россия в циклах мировой истории. С. 19.

⁵¹ Он же. Православная цивилизация. С. 353.

⁵² Он же. Глобальное политическое прогнозирование. С. 133.

лай Трубецкой, чем приверженцы биологизаторских теорий Гумилева или же сторонники геополитики крайне правого толка, проповедуемой Дугиным (несмотря на сближение Дугина и Панарина в последние годы жизни последнего).

Создается впечатление, что мысли Панарина по поводу глобализации как явления имеют глубинную связь с поиском альтернативы и ведут к использованию научной риторики в сферах, где имеет место столкновение различных политических концепций. Эта связь неоевразийства с русской версией альтерглобализма отражает потребность достаточно широких русских интеллектуальных кругов в идеях всеобъемлющего и всеобъясняющего характера, позволяющих в то же время разработать научное обоснование российской самобытности. С точки зрения неоевразийцев, распад какого-либо режима, например «реального социализма», не означает распада страны: смена идеологии не является оправданием сужения границ Советского Союза, более или менее сознательно отождествляемого с Россией. Исчезновение СССР было, таким образом, воспринято как предательство со стороны правящей элиты и со стороны Запада, а также как отрицание элитами и Западом имперских реалий страны. Евразийские принципы, которые проповедовали сначала эмигрировавшие отцы-основатели, а затем, в советский период, Гумилев, обрели новый смысл. Это указывает на восстановление империи, хотя бы в риторике, даже если отсутствуют политические шаги в данном направлении. Таким образом, неоевразийство может рассматриваться как движение, имеющее глубоко *реставрационный* характер.

Виктор Шнирельман

«Несовместимость культур»: от научных концепций и школьного образования до реальной политики

Наследие советской науки

Рожденная в XIX веке в недрах германского национализма, «органическая теория» получила в последние советские десятилетия необычайную популярность в науке. Она вошла в советскую теорию этноса в виде «этносоциального организма». Последний шаг по реабилитации расового подхода сделал историк Лев Гумилев, наделивший этнос биологическим началом¹. Такой поворот стал побочным следствием оживленного обсуждения советскими учеными проблемы соотношения в человеке биологического и социального. Начало этому положили обществоведы, поставившие под сомнение тезис Сталина о «психическом складе» как признаке нации. Эта проблема вызвала во второй половине 1960-х — первой половине 1970-х годов нешуточные страсти. Если одни авторы предупреждали, что признание «психического типа» признаком нации сделало бы последнюю «природно-естественным явлением», то другие подчеркивали важность «психического склада», признавая при этом, что он с трудом поддается фиксации. В итоге «психический склад» нации был признан важным феноменом, однако все внимание исследователей предлагалось направить на тот его аспект, который был назван «национальным характером».

Тем временем к той же проблеме, но с другой стороны подошли юристы-криминологи, поставившие вопрос о психологических предпосылках преступного поведения. При этом одни из них отвергали идеи Ломброзо о генетической обусловленности преступного поведения, а другие, согласившись с отсутствием врожденной преступности, все же сочли возможным сделать акцент на важности биопсихологических факторов. Вторые указали на аномалии в психике некоторых людей и подчеркнули

¹ Шнирельман В.А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 8—21.

необходимость все же учитывать черты личности преступников. Ведь, по их мнению, некоторые врожденные задатки могут толкать человека к преступным действиям². Их поддержал философ Я. Иориш, прямо заявивший о биологической предрасположенности некоторых людей к криминалу³. Эта дискуссия происходила на страницах достаточно либеральной в 1960-х годах «Литературной газеты», редакторы которой в своем заключительном комментарии не только отметили расхождения между сторонами, но фактически поддержали сторонников биологического подхода, предложив ученым провести среди преступников специальные биохимические исследования.

По сути, эта дискуссия отражала умонастроения, порожденные противоречиями хрущевской «оттепели». С одной стороны, помня о гонениях на генетику и ряд других научных направлений, интеллектуалы были недовольны тем, что советская идеология ставила искусственные препоны развитию научной мысли. С другой стороны, принимая советскую идеологию о построении бесклассового общества, некоторые интеллектуалы полагали, что тем самым был положен конец социальной базе преступности, а, следовательно, причины последней приходилось искать уже не в социальной сфере, а в биологии⁴. Ведь заявляя о победе коммунистического общества и одновременно продолжая настаивать на

² Стручков Николай, Утевский Борис. Не так все просто // Литературная газета. 1967. № 48.

³ Иориш Я.С. Уступка буржуазной идеологии? Нет, и еще раз нет! // Литературная газета. 1968. № 10. Следует напомнить, что идею о связи преступности с биологической наследственностью более всего развивали в начале XX в. расистски настроенные члены Монистической лиги в Германии, требовавшие физического уничтожения преступников, алкоголиков, тяжелобольных, в частности, умственно отсталых. См.: Gasman Daniel. The scientific origins of National Socialism. New Brunswick – L.: Transaction Publishers, 2004. P. 93, 96. А позднее именно в нацистской Германии пытались покончить с преступностью, опираясь на представление о врожденных и унаследованных преступных качествах. В итоге такие «расово-биологические» установки привели к мерам по стерилизации людей с якобы «имманентно» присущими им преступными склонностями. Более всего это затронуло цыган. См.: Burleigh Michael, Wippermann Wolfgang. The racial state: Germany, 1933–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 48–49, 118–122, 167–168.

⁴ Любопытно, что аналогичное явление наблюдается и в США, где после отмены в конце 1960-х гг. дискриминационного законодательства большинство белых американцев полагают, что теперь уже ничто не мешает черным продвигаться по социальной лестнице и успешно конкурировать с белыми. Но так как этого часто не происходит, белые склонны обращаться к культурным или биологическим аргументам, отрицая продолжающуюся практику дискриминации. См.: Feagin Joe, Vera Hernan, Batur Pinar. White racism. The basics. N.Y.–L.: Routledge, 2001. P. 188–189.

социально-экономических корнях преступности, советская идеология сама себя загоняла в угол. Чтобы выбраться из этого тупика, ей приходилось объяснять преступность «буржуазными пережитками», но оставалось неясным, чем определялась живучесть таких пережитков.

Поэтому дискуссии 1960-х годов не поставили точку в споре, они лишь привлекли внимание ученых разного профиля к проблеме соотношения биологического и социального в человеке. Вскоре в спор вступили биологи и генетики. При этом акцент на биологическом начале стал рассматриваться как вызов советской ортодоксии, отдававшей пальму первенства социально-экономическим факторам. Однако если советские генетики имели в виду либо человечество в целом, либо индивидуальную вариативность, то у заинтересовавшихся этими дискуссиями философов возникло стремление распространить расхожие гипотезы и интерпретации на группы людей («этноты» и «нации»). Подспудно стало вызревать представление об определенном различии рас по своим способностям, о том, что судьбы народов могли определяться их генетическими особенностями, и один философ даже высказал мысль о том, что у чеченцев «черты национального характера закрепились на генетическом уровне»⁵.

Вместе с тем движение советской науки к расиализации окружающего социального мира имело свои особенности и нашло выражение прежде всего в представлении об этносах как «коллективных телах». Начало этому неумышленно положил известный советский философ Юрий Семенов, который в своем стремлении приспособить марксизм к изучению конкретной истории ввел в советскую науку категорию «социальный организм». Под этим он понимал отдельное конкретное общество, в рамках которого и проходила реальная жизнь людей⁶. В то же время он пытался разграничить понятия «социальный организм» и «государство», а его оговорка о том, что русские и чукчи представляют собой разные социальные организмы, позволила широко использовать введенный им термин для этнической общности. Действительно, вскоре советский этнограф Виктор Козлов объявил этническую общность «социальным организмом»⁷. Это представление в виде «этносоциального

⁵ Кессиди Феохарий. Философские и этнические проблемы генетики человека: анализ дискуссии. М.: Мартис, 1994. С. 61, 75–76, 96. Он же доказывал, что взлет греческой культуры в V в. до н. э. был обязан особой одаренности древних греков, связанной с их генетическим наследием. Там же. С. 99–108.

⁶ Семенов Ю.И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 88–106.

⁷ Козлов В.И. Динамика численности народов. М.: Наука, 1969. С. 56; Он же. Этническая демография. М.: Статистика, 1977. С. 21.

организма» стало одной из важнейших основ советской теории этноса, разработанной академиком Юлианом Бромлеем⁸, хотя тот неоднократно предостерегал против понимания социального организма в биологическом плане⁹. Все же и Бромлей подчеркивал неразработанность проблемы соотношения биологического и социального. В конце своей жизни он писал: «*Что же касается проблемы взаимодействия популяции и этнической общности, то на неразработанности той части проблемы, которая касается воздействия биологического на социальное, видимо, сказались опасения оказаться в объятиях расизма или в лучшем случае быть обвиненным в биологизаторстве*»¹⁰.

Делая такие оговорки, советские специалисты по теории этноса имели в виду прежде всего взгляды историка-маргинала Л. Гумилева, объявившего себя «отцом этнологии» и включившего в свою концепцию этногенеза положения, отождествлявшие этнос с биологической популяцией. Сегодня представляется, что эволюция Гумилева в этом направлении определялась отнюдь не только интеллектуальными поисками неординарного ума и не только стремлением осветить отмеченные выше научные проблемы. После выхода в свет глубокого исследования Николая Митрохина о русском национализме 1950–1980-х годов становится ясно, что Гумилев лишь дал псевдонаучное оформление тем идеям, которые его окружали в те или иные годы. Во-первых, антисемитские и нацистские настроения в ГУЛАГе не были редкостью среди заключенных, причем уголовники даже прибегали к «наглядной агитации», делая антисоветские татуировки с нацистской символикой¹¹. Во-вторых, к рубежу 1960–1970-х годов Гумилев был уже тесно связан с русскими националистами, среди которых были популярны расовые мифы. Ведь еще в середине 1970-х годов Михаил Агурский обратил внимание на то, что к тому времени в СССР имелись влиятельные круги, сделавшие ставку на неонацистскую расистскую идеологию в борьбе за власть¹². Правда,

⁸ Бромлей Ю.В. Этнос и этносоциальный организм // Вестник АН СССР. 1970. № 8. С. 48–54; Он же. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. С. 35–46; Он же. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 34–35, 63–82.

⁹ Он же. Этнос и этнография. С. 14; Он же. Очерки теории этноса. С. 33–34. См. также: Козлов В.И. Этническая демография. С. 21.

¹⁰ Бромлей Ю.В. Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 19.

¹¹ Балдаев Д.С. Татуировки заключенных. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. С. 108–124. См. также: Митрохин Н.А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР, 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 53–61.

¹² Агурский Михаил. Неонацистская опасность в Советском Союзе // Новый Журнал (Нью-Йорк), 1975. Кн. 118. С. 199–200.

как показал Митрохин, на рубеже 1960–1970-х годов они понесли серьезные потери и были удалены из реальной власти. Но зато их позиции укрепились в издательствах и художественных журналах, и они с успехом использовали как эти ресурсы, так и самиздат для пропаганды своих взглядов¹³. С этими идеями Гумилев знакомился, получая их издания, циркулировавшие в самиздате¹⁴.

Постсоветское общество и идея «конфликта цивилизаций»

В современной России отмеченные выше настроения эксплицитно или имплицитно присущи цивилизационному подходу, который, по инициативе Министерства образования РФ, уже преподается в общеобразовательной школе и играет большую роль в вузовском образовании¹⁵. К началу 1990-х годов вслед за дискредитацией официального марксизма-ленинизма риторика классово-борьбы исчезла из репертуара чиновников, деятелей образования и многих интеллектуалов, включая писателей и ученых. Вместе с ней упал интерес к социальной структуре и социальной стратификации, и на смену ему пришло жгучее желание искать причину едва ли не всех социальных катаклизмов в действии этнического фактора. Это, в частности, нашло выражение в риторике модного философа-эзотерика Александра Дугина, по словам которого, «*этническая (или расовая) интерпретация событий всегда была одной из самых действенных, самых гипнотических, самых захватывающих*»¹⁶.

Если в 1970–1980-е годы этническая проблематика была уделом исключительно советских этнографов, развивавших отдельные положения созданной Бромлеем теории этноса, то в новой России наблюдается безудержная экспансия этнической терминологии и риторики, выплеснувшихся далеко за пределы цеховых рамок научного сообщества. В то

¹³ Митрохин Н.А. Указ. соч.

¹⁴ Там же. С. 472, 487.

¹⁵ Шнирельман В.А. Цивилизационный подход, учебники истории и «новый расизм» // Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2002; Он же. Интеллектуальные лабиринты: очерки идеологий в современной России. М.: Academia, 2004. С. 324–337.

¹⁶ Дугин А.Г. Абсолютная Родина. М.: Арктогея-центр, 1999. С. 686. Любопытно, насколько эта фраза перекликается со сделанным сто лет назад заявлением известного расиста Хьюстона Чемберлена о том, что «ничто не выглядит столь убедительным как расовое сознание». Об этом см.: Field Geoffrey. Evangelist of race: the Germanic vision of Houston Stewart Chamberlain. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1981. P. 283.

же время, если в постсоветских условиях теория этноса подвергается учеными существенной ревизии или даже полностью отвергается¹⁷, то во вненаучном дискурсе она, напротив, встречает небывалый энтузиазм и с готовностью подхватывается в самых разных кругах — от чиновников до представителей творческой интеллигенции и от обычных граждан.

Это происходит потому, что открыто обсуждавшиеся в годы «перестройки» кровавые деяния большевиков заставили многих граждан отшатнуться от марксистского подхода, лежавшего в основе советского мировоззрения, и искать ему замену в столь же всеохватывающей концепции, способной сохранить целостное представление о происходящих вокруг событиях. Никакого иного столь же глубокого подхода ученые подготовить не сумели, зато происходившие вокруг катаклизмы представлялись тесно связанными с активностью этнонациональных движений. Десятилетиями жившие в условиях жесткого государственного контроля, выставлявшего себя единственной и безальтернативной «объективной реальностью», люди оказались не готовыми к пониманию социальных процессов, происходивших в обстановке его резкого ослабления. Не обладая глубокими знаниями о социальных, экономических и политических процессах, они видели вокруг одни лишь «этнические конфликты», и у них создавалось впечатление того, что именно этнический фактор служит главной движущей силой истории. Такому видению текущих событий способствовали труды упоминавшегося выше Л. Гумилева, которые, получив поддержку видного политического деятеля эпохи «перестройки» Анатолия Лукьянова, стали печататься невиданными тиражами и популяризировались как журналистами, так и деятелями сферы образования. Между тем сциентистская концепция Гумилева изымала «этнос» из гуманитарной сферы и делала его «органической общностью», награждая последнюю некими неумолимыми законами исторического развития, которым она якобы должна была беспрекословно следовать. И хотя концепция Гумилева оставалась слабо обоснованной и по сути представляла собой псевдонаучную конструкцию, основанную на подходах, давно отвергнутых современной наукой¹⁸, она давала общественности искомую простоту «объективной научной истины». Привыкшее мыслить

¹⁷ См., например: Тишков В.А. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003.

¹⁸ О критике взглядов Гумилева см.: Шнирельман В.А. Евразийцы и евреи // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 11. С. 4–45; Он же. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 8–21; Шнирельман В.А., Панарин С.А. Лев Николаевич Гумилев: отец этнологии? // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 5–37.

в позитивистских терминах общество находило в ней новую универсальную мировоззренческую отмычку, помогавшую обнаруживать тайные пружины текущих и прошлых событий. Но если прежде такой отмычкой служило учение о классовой борьбе, то теперь оно сменилось учением о борьбе этнической (или расовой).

Одним из выражений этого служит смена фразеологии: там, где раньше авторы учебников описывали конфликт в терминах «сопротивления захватчикам» или «национально-освободительной борьбы», сегодня нередко речь идет об «отстаивании культурной самобытности». Например, в одном из популярных учебников, основанном на цивилизационном подходе, суть исторического развития Восточной Европы в течение последних 1500 лет сводится к тому, что славяне якобы постоянно отстаивали свою самобытность и «культурно-национальную специфику» от давления «романо-германской цивилизации»¹⁹. В другом учебнике, который во всех иных отношениях можно назвать одним из лучших в современной России, Кавказская война 1817–1864 годов представляется «столкновением двух непохожих культур, традиций, образов жизни». Его авторы убеждают школьников в том, что горцев возмущали не потеря самостоятельности или диктат царских чиновников, а внедрение «новых культурных обычаев»²⁰. Наконец, эпоха Великих географических открытий и последующая европейская колонизация представляются некоторыми авторами учебников как «столкновение цивилизаций»²¹, тогда как другие вслед за Сэмюэлем Хантингтоном объявляют «столкновение цивилизаций» неизбежным ближайшим будущим современного мира²².

Между тем, как представляется, выстраивая непроходимые барьеры между «цивилизациями» и якобы присущими им особыми «ментальностями», этот подход вносит свою лепту в воспитание ксенофобии. Дело в том, что как этническая, так и цивилизационная общности выделяются учеными по культурным параметрам, причем культура в таком контексте понимается исключительно как закрытая, непроницаемая, самодостаточная, оригинальная, имеющая глубокие корни и четкие

¹⁹ Кулешов С.В., Медушевский А.Н. Россия в системе мировых цивилизаций. М.: Русский мир, 2001. С. 46.

²⁰ Данилов А.А., Косулина Л.Г. История государства и народов России. XIX в. Учебник для 8 класса общеобразовательных учебных заведений. М.: Новый учебник, 2001. С. 39, 93.

²¹ Жуковский С.Т., Жуковская И.Г. Россия в истории мировой цивилизации. IX–XX вв. М.: Школьная пресса, 2000. С. 105.

²² Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М.: Гардарики, 2000.

границы «самобытная культура»²³. Вот как это представляют авторы одного из современных учебников: «*Локальная цивилизация отражает прежде всего развитие различных национальных обществ. Такие общества, как правило, уникальны, обособлены, отличаются национально-культурной самобытностью*». Подобно многим другим, этот учебник представляет цивилизацию «*своеобразным способом бытия культуры*», тогда как культура связывается его авторами с «*национально-этническими, расово-специфическими характеристиками разных человеческих общественных групп*»²⁴. Это полностью исключает какие-либо представления о культурной гибридности, бикультурализме и аморфности культурных границ, не говоря уже о дискурсивном характере культуры. В свою очередь, такое видение реальности заставляет стремиться к «культурной чистоте» и настаивает на «экологии культуры».

Мало того, отмечая тенденцию цивилизации к унификации и пытаясь описать ее якобы единые культурные коды и ценности, сторонники цивилизационного подхода сплошь и рядом приходят к выводу о том, что «российская цивилизация» складывалась на основе русской культуры и русского православия. В итоге ее стержнем оказываются «русские ценности», и сколько бы авторы подобных учебников ни говорили о «славяно-тюркском диалоге» или включении в Россию фрагментов иных «цивилизационных систем», Россия в итоге оказывается не полиэтничным государством, а государством русского народа-этноса. Иной раз такой учебник даже ставит своей целью формирование русского «национального» (то есть этнического) самосознания. Все это свойственно, например, выдержавшему несколько изданий учебнику Игоря Ионова «Российская цивилизация», который вот уже десять лет используют для обучения старшеклассников²⁵. Того же эффекта добиваются учебники, выделяющие Россию в особый тип цивилизации, связанной с «*конкретным народом и его государством*»²⁶, и наделяющие «российскую цивилизацию» единым самосознанием — «*сознанием единства людей, принадлежности данному*

²³ Неретина С.С., Огурцов А.П. *Время культуры*. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000.

²⁴ Белозерова В.Г. и др. *История цивилизаций мира. Учебное пособие для 10–11 кл. общеобразовательных учреждений*. М.—Назрань: АСТ, 1998. С. 3–5.

²⁵ Ионов И.Н. *Российская цивилизация, IX — начало XX вв. Учебник по истории для 10–11 классов*. М.: Просвещение, 2003. Те же идеи пронизывают некоторые вузовские учебники. См., например: *Культурология / Г.В. Драч (ред.)*. Ростов н/Д.: Феникс, 1999; *Культурология / Под ред. Г.В. Драча*. М.: Альфа-М, 2003; Уткин А.И. *Россия и Запад: история цивилизаций*. М.: Гардарики, 2000.

²⁶ Рубан М.В. и др. *История России и мировые цивилизации*. М.: Российское педагогическое агентство, 1997. С. 6.

народу, нации»²⁷. В некоторых школьных и вузовских учебниках можно даже встретить формулу «наши предки славяне»²⁸, способную вызывать недоумение у учащихся неславянского происхождения.

Создавая упрощенное представление об окружающей действительности, незнакомой с какими-либо «чистыми культурами», такой подход коренится в симпатиях международного права к колониальным народам и этническим меньшинствам, обосновывающим свое право на существование апелляцией к «культурной самобытности». Между тем, как показывают упомянутые учебники, сегодня к тем же аргументам обращается и доминирующее большинство, и это резко меняет суть дискурса. Действительно, если этническому меньшинству акцент на самобытность помогает бороться с дискриминацией, то доминирующее большинство стремится тем самым сохранить свою гегемонию. Мало того, культуроцентризм имеет еще одну особенность, способную вызвать к жизни весьма опасную тенденцию, со всей очевидностью уже проявившую себя в XX веке в нацистской практике. Проявление этой опасности требует обратиться к сравнительному анализу нескольких разных подходов к окружающей действительности. Ведь если социально-классовый подход в силу допускаемой им социальной мобильности предоставляет человеку широкие рамки для маневров, а акцент на религиозную принадлежность, резко сужая эти рамки, все же оставляет путь к спасению путем смены религии, то расовый подход, настаивающий на «чистоте крови», полностью блокирует какую-либо возможность смены идентичности и тем самым в условиях государственного расизма ведет к безальтернативной дискриминации «низшей расы» или, в исключительном случае, даже к геноциду. Нетрудно понять, где в этой схеме находится место для так называемого культурологического подхода. Если этнические культуры представляются обособленными целостностями со своими собственными резко отличными ценностями и нормами, с железной последовательностью подчиняющими себе волю людей, не оставляя места для каких-либо отклонений, если каждая культура задает свой ритм и диктует свой особый «стереотип поведения» и если человек в течение всей своей жизни не

²⁷ Аяцков Д.Ф. и др. *История России: проблемы цивилизационного развития*. Саратов: СГСЭУ, 1999. С. 24.

²⁸ Быстренко В.И. и др. *История России X–XIX вв. Курс лекций*. Новосибирск: НГАЭиУ, 1996. С. 5; Черникова Т.В. *История России. IX–XVI века. 6 класс. Учебник для общеобразовательных учебных заведений*. М.: Дрофа, 2000. С. 5; Камкин А.В. *Истоки. Семь чудес России. Учебное пособие для 5 класса*. М.: Технологическая школа бизнеса, 2001. С. 113; *Россия в мировой истории / Под ред. В.С. Порохни*. М.: Логос, 2003. С. 28.

способен вырваться из этих жестких рамок, то такой подход оказывается сродни расовому. Вот почему сегодня практические следствия, вытекающие из этого подхода, принято называть культурным расизмом, лозунгом которого служит положение о «несовместимости культур»²⁹.

К сожалению, почву для рассмотренных здесь представлений создают некоторые идеологемы, получившие неоправданную популярность в российской науке (особенно в культурологии) в 1990-е годы, такие как «архетипы», «национальный характер», «этнопсихология», «цивилизационный фактор», «национально-психологический код», «экология культуры» и т.д. Еще печальнее тот факт, что в последние годы они начали широко использоваться в сфере образования. Например, автор вышедшего в 2002 году учебника «Этнология» знакомит студентов с «этнической психологией» и категорией «национальный характер», как будто эти понятия и подходы не вызывают у специалистов никаких сомнений³⁰. Мало того, он питает слабость к этногенетической теории Гумилева и в свой словарь по этнологии даже включает его псевдонаучное понятие «химера», определяя ее как «форму контакта несовместимых этносов»³¹. В данном случае мы имеем дело с весьма распространенным среди российских профессоров явлением, когда человек, открыто заявляющий о своей антирасистской позиции, сам, не сознавая того, допускает утверждения, присущие современному расизму.

Вариантом такого подхода и является модное ныне учение о цивилизациях. Его сторонники наделяют цивилизации, во-первых, необычайной устойчивостью к переменам, во-вторых, некими особыми нетленными культурными ценностями и кодами, в-третьих, практически непроходимыми культурными границами. В рамках этого подхода цивилизации могут лишь «сталкиваться» или, в лучшем случае, «вести диалог». Накладываться друг на друга или следовать каким-либо общим нормам поведения им не дозволяется, а перелив населения из одной цивилизации в другую воспринимается исключительно как нежелательный процесс, способный иметь лишь гибельные последствия.

²⁹ Подробно см.: Шнирельман В.А. Расизм: вчера и сегодня // Pro et Contra. 2005. Т. 9. № 2. С. 41–65.

³⁰ Тавадов Г.Т. Этнология. М.: Проект, 2002.

³¹ Он же. Этнология: словарь-справочник. М.: Социально-политический журнал, 1998. С. 548–549. Характерно, что, отрицая наличие в СССР государственного антисемитизма, этот автор не сознает, что тот развивался в форме антисюнизма. Действительно, в его словаре сионизм представлен идеологией «исключительности еврейского народа», его расового и культурного превосходства. См.: Там же. С. 26, 467. Именно так и трактовали сионизм советские идеологи. Не случайно в советские годы философ Тавадов был специалистом по «национальным отношениям».

Хотя цивилизационный подход стал излюбленным полем интеллектуальной активности бывших советских специалистов по строительству «новой исторической общности – советского народа», сегодня они явно переориентировались и предпочитают смотреть не столько вперед, сколько назад. В итоге, во-первых, ориентируя людей не на будущее, а на прошлое, цивилизационный подход стимулирует архаизацию, затрудняющую дальнейшее развитие. Во-вторых, он настраивает учащих на искусственную самоизоляцию от внешнего мира, что выглядит в современных условиях абсолютной утопией. Наконец, в-третьих, наделяя отдельные «цивилизации» несвойственной им необычайной устойчивостью (например, «непрогрессивной формой существования», по Любови Семенниковой), такой подход способен приписывать отдельным этническим группам якобы имманентное им вредоносное поведение, неразрывно связанное с их «самобытной культурой» (как мы увидим ниже, некоторые историки уже используют такую культурологическую фразеологию в отношении чеченцев и ингушей). В итоге учащимся навязывается культурный фундаментализм³², или культурный расизм.

Экспансия ксенофобии и отношение к мигрантам

Как такие установки воздействуют на современное общество и как они воплощаются в реальной политике? Еще в середине 1990-х годов некоторые аналитики с тревогой отмечали, что на смену коммунистической идеологии в России пришел «расово-этнический подход», окрашивающий взаимоотношения людей³³. Респонденты, участвовавшие в социологическом опросе 1995 года, указывали на завидную заинтересованность отдельных политиков в «чистоте крови», что выражалось, в частности, в подчеркивании своего славянского происхождения³⁴. Это проходило на фоне повышения у русских чувства самоуважения и этнической соли-

³² Под культурным фундаментализмом понимается представление о культуре как необычайно устойчивом, незыблемом феномене, наделенном якобы вечными и неизменными ценностями, не только формирующими личность, но и с железной последовательностью определяющими ее поведение и представления в течение всей жизни. Такое представление не признает взаимодействия культур, их взаимообмена, культурных изменений, а также явления бикультурализма и определенной условности культурных норм и ценностей, задающих лишь определенный вектор, от которого реальное поведение может так или иначе отклоняться.

³³ Рывкина Р.В. Евреи в постсоветской России – кто они? М.: УРСС, 1996. С. 131, 137; Она же. «Еврейский вопрос» в постсоветской России // Сегодня. 1996. 8 мая.

³⁴ Она же. Евреи в постсоветской России – кто они? С. 135.

дарности³⁵, причем, как показал всероссийский опрос, проведенный в октябре 1995 года Российским независимым институтом социальных и национальных проблем, около половины респондентов (48,6 %) верили в то, что «национальность дана человеку от природы или Бога» и менять ее нельзя³⁶. То же подтвердилось в ходе опроса, проведенного этим же институтом летом 1998 года: гораздо больше респондентов склонны были подчеркивать свою этническую принадлежность (45,4 %), чем определяли себя как «россияне» (27,8 %). Иными словами, этничность (национальность) представлялась им много важнее гражданской идентичности³⁷. Правда, массовому сознанию культурно-эмоциональный фактор представлялся много важнее «чистоты крови»³⁸: по результатам опроса ВЦИОМа, проведенного в 1996 году, лишь 12 % русских определяли «русскость» по наличию «русских предков», то есть по крови³⁹. Из этого следует, что не массовое сознание продуцирует представления о «чистоте крови», а они навязываются ему недобросовестными политиками, малоквалифицированными экспертами и некорректной журналистикой. Неслучайно еще в середине 1990-х годов Лев Гудков отметил *«идушее сращение ксенофобии и идеологического национализма»*, что он поставил в связь с деградацией «элиты»⁴⁰.

Делая акцент на непреходимых культурных границах и якобы антагонистическом характере отдельных культур, цивилизационный подход уже имеет воплощение в словах и действиях как федеральных политиков, так и местных чиновников. Так, руководитель Института проблем глобализации, депутат Государственной Думы и бывший председатель Идеологического совета партии «Родина» Михаил Делягин, обращаясь

³⁵ Гудков Л.Д. Динамика этнических стереотипов (сравнение замеров 1989 и 1994 гг.) // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения (ВЦИОМ). Информационный бюллетень, март-апрель 1995. С. 22–26.

³⁶ Шовинисты ли мы // Родина. 1996. № 9. С. 15–16; Россия на рубеже веков / Под ред. М.К. Горшкова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 16.

³⁷ Россия на рубеже веков. С. 192–195.

³⁸ Там же. С. 389.

³⁹ Левада Юрий. Человек в поисках идентичности: проблема социальных критериев // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения (ВЦИОМ). Информационный бюллетень, июль-август 1997. С. 7–12.

⁴⁰ Гудков Л.Д. Этнические стереотипы населения: сравнение двух замеров // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения (ВЦИОМ). Информационный бюллетень, май-июнь 1995. С. 15; Он же. Этнические фобии в структуре национальной идентификации // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения (ВЦИОМ). Информационный бюллетень, сентябрь-октябрь 1996. С. 24.

к концепции цивилизаций, выражает уверенность в том, что различные цивилизации как культурно-исторические области несовместимы друг с другом и обречены на конфликты. Поэтому вслед за Хантингтоном он полагает, что избежать столкновения цивилизаций невозможно⁴¹. Аналогичные чувства вызвала у корреспондента «Известий» Всемирная конференция ООН по проблемам расизма, происходившая в Дурбане (Южная Африка), где ряд делегатов из арабских стран и черной Африки открыто продемонстрировал свои расистские настроения⁴². О столкновении цивилизаций стало модно говорить после того, как в России был опубликован перевод нашумевшей статьи Хантингтона⁴³, а сам он посетил Москву и имел возможность выступить перед заинтересованной аудиторией. При этом в его риторике находил место и аргумент о культурной несовместимости, который в последние 20–25 лет активно используется в Европе новыми расистами. Подобно им, он упрекал иммигрантов в нежелании ассимилироваться и упрямой приверженности своим собственным культурам — будто бы это создает угрозу распаदा принимающих их стран, подрывая их христианские основы⁴⁴. После этого, как российские политики, так и журналисты начали захлеб говорить о грядущем столкновении цивилизаций⁴⁵.

Эта тенденция усилилась после 11 сентября 2001 года, когда некоторые эксперты начали называть Россию *«полем битвы цивилизаций»*⁴⁶ или заявлять о том, что «война цивилизаций» как война «с определенным типом культуры» (то есть война Запада против России) уже идет⁴⁷. В связи с терактом в Театральном центре на Дубровке в октябре 2002 года некоторые журналисты с еще большей страстью стали писать о том, что

⁴¹ Делягин Михаил. Глобальная миссия России // Наш современник. 2004. № 9. С. 207–210.

⁴² Бовт Георгий. Белые как черные // Известия. 2001. 5 сентября.

⁴³ Хантингтон Сэмюэль. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.

Политолог Хантингтон является директором Института стратегических исследований им. Джона М. Олина, то есть связан с корпорацией Олина, хорошо известной на Западе своей консервативной позицией.

⁴⁴ Huntington Samuel. The clash of civilizations. Remaking of the world order. New York: Simon and Schuster, 1996. P. 264, 305.

⁴⁵ Строкань Сергей. Грядет ли закат Евразии // Итоги. 1996. 22 октября. С. 38.

⁴⁶ Воробьев Владислав. Россия — поле битвы цивилизаций // Российская газета. 2001. 25 сентября.

⁴⁷ Кара-Мурза Сергей, Кожемяко Виктор. На советском пепелище // Советская Россия. 2002. 8 октября.

«война цивилизаций» уже началась⁴⁸. К этому хору тогда присоединился и известный российский писатель, в прошлом диссидент Василий Аксенов, который еще много раньше, будучи потрясен событиями 11 сентября, заявил, что *«ислам ведет войну с нами»*. Правда, он тогда делал оговорку о том, что в ней участвуют не все мусульмане, а лишь *«актив непримиримых»*⁴⁹. Другой комментатор происходящих в России событий называет рост ксенофобии якобы неизбежным результатом *«столкновения менталитетов»*⁵⁰.

Наконец, тогда же о проблеме терроризма поспешил высказаться и бывший советский философ, а ныне диакон Андрей Кураев. Он предпочел искать истоки терроризма в культуре и поднял вопрос «о корнях терроризма в самой национальной традиции тех или иных горских племен». Впрочем, на «горских племенах» его мысль долго не задержалась, и он поспешил усмотреть в современном терроризме проявление якобы векового «конфликта скотоводов и земледельцев», корни которого уходят в Шумер и Древний Египет. В итоге Кураев обнаруживал корень зла в «скотоводах» и провозглашал: *«Гиксосы среди нас»*. Под «гиксосами» он понимал «пришельцев», которые в Москве *«не стесняются демонстрировать свою силу, не скрывают презрения к нам, туземцам, не скрывают своих планов превратить Россию в Московский халифат»*. Из контекста статьи следовало, что речь шла о чеченцах, в отношении которых, по его мнению, России нужно было бы в открытую взвалить на себя «бремя белого человека» и продемонстрировать свою силу. Иными словами, этому православному священнослужителю не терпелось возродить практику сталинизма и обвинить в терроризме целый народ⁵¹. Голос Кураева был далеко не одиноким. Еще за год до него вопрос о возможности обвинения целого народа за терроризм поставил В. Аксенов⁵².

Любопытно, что все это мало чем отличается от высказываний правых радикалов. Например, после теракта на Дубровке глава неонацистской Народной национальной партии Александр Иванов (Сухаревский) заявил, что время борьбы с «жидо-масонским заговором» прошло

⁴⁸ Бовт Георгий, Новопрудский Семен. Страна-заложница // Известия. 2002. 25 октября; Осетинский Олег. За штурм // Известия. 2002. 30 октября.

⁴⁹ Аксенов Василий. Хватит вилять хвостом // Московские новости. 2001. № 40; Он же. Норд-Ост с юга // Московские новости. 2002. № 42.

⁵⁰ Фетисов Андрей. Ментальный конфликт с летальным исходом // Новая Политика. 2006. 5 апреля (<http://www.novopol.ru/article7165.html>).

⁵¹ Кураев Андрей. Как бороться с терроризмом без спецназа // Известия. 2002. 13 ноября.

⁵² Аксенов В. Хватит вилять хвостом.

и наступила пора «противодействовать исламской экспансии»: *«Война между постхристианским белым миром и исламом неизбежна, так как они ненавидят нас»*⁵³. Иными словами, сегодня верящих в «столкновение цивилизаций» можно найти среди как левых, так и правых, как либералов, так и радикалов, как представителей власти и священнослужителей, так и простых обывателей. Именно это и дает пищу беспрецедентной ксенофобии, охватившей российское общество.

В России такие настроения обращены прежде всего против иммигрантов. Их разделяют, например, некоторые губернаторы и казацкие атаманы, что отчетливо проявилось в 2002 году, когда в России активно обсуждалось новое иммиграционное законодательство. В октябре 2001 года все миграционные службы были переданы в подчинение МВД, и тем самым практическое воплощение миграционной политики стало делом правоохранительных органов. Однако там иммигрантов рассматривали прежде всего как негативный фактор, нарушающий порядок и угрожающий привычному укладу жизни. Их обвиняли в посягательстве на рабочие места и росте безработицы среди россиян, в уклонении от уплаты налогов, незаконном пользовании российскими социальными льготами и пенсиями, а также криминальном поведении (мошенничестве, наркоторговле, убийствах, терроризме). Весной 2002 года министр внутренних дел Борис Грызлов инструктировал своих подчиненных о том, что надо поставить жесткий заслон перед иммигрантами. На его взгляд, это решило бы проблему безработицы среди самих россиян и привело бы к росту рождаемости. В беженцах и вынужденных переселенцах он видел обузу для государства и хотел, чтобы те сами себя содержали. О том, что в подавляющем большинстве иммигранты получают занятость в тех сферах, куда местные жители не идут, он благополучно умалчивал⁵⁴.

Схожие суждения высказывали многие российские законодатели и ряд губернаторов. Например, губернатор Кемеровской области Аман Тулеев, называвший нелегальных иммигрантов «подпольной чужеземной армией», заявлял тогда: *«Нынешняя ксенофобия — крайняя реакция граждан на угрозу, которую, по их мнению, несут привычному образу жизни»*

⁵³ Бальбуров Дмитрий. Торжество «национальной идеи» // Московские новости. 2002. № 42. Похоже, такая переориентация охватила в течение 1990-х годов и других национал-патриотов. Об Иркутске см.: Дятлов Виктор. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? М.: Наталис, 2000. С. 159–160.

⁵⁴ Яков Валерий. Добро пожаловать вон! // Новые Известия. 2002. 25 апреля; Чесноков Владимир. Министр призвал утопающих спасать самих себя // Новые Известия. 2002. 25 апреля; Зятков Николай. Каких гостей ждет Россия // Аргументы и факты. 2002. № 15.

непрошенные пришельцы». О Кубани он рассуждал так: «Там власти недавно забили тревогу в связи с обвальным наплывом нехарактерных для региона этносов, которые расселяются, заметьте, в самых благодатных местах и выдавливают коренных жителей из наиболее прибыльных секторов местной экономики. Добавьте к этому пренебрежение гостей к местным обычаям, а то и попытки навязать хозяевам собственный образ жизни — и почва для конфликта готова»⁵⁵. Ставропольского губернатора Александра Черногова тоже беспокоили происходящие в связи с миграцией изменения в этническом составе подвластного ему региона. Его особенно тревожило то, что «приезжие не хотят жить по местным законам и обычаям» (при этом речь шла о мигрантах с Северного Кавказа, которые являются гражданами РФ!)⁵⁶. В свою очередь, выступая на областном совещании работников образования 24 августа 2004 года, видный российский политик, губернатор Орловской области Егор Строев заявил: «Нередки случаи, когда на исконно русских землях, в центре России появляются целые анклавов, населенные выходцами из других регионов, где они, пользуясь бездействием и попустительством местной власти, устанавливают свои криминальные порядки, всячески притесняют местное население»⁵⁷. Любопытно, что с такими взглядами полностью солидаризировался первый заместитель министра внутренних дел РФ, начальник Федеральной миграционной службы генерал-полковник Андрей Черненко, убежденный в том, что «внешняя миграция в ряде регионов зачастую несет угрозу базовым основам общероссийской культуры»⁵⁸. Он, в частности, полагал, что попытки турок-месхетинцев образовать свои компактные поселения в Краснодарском крае «ущемляли интересы других жителей Краснодарского края» и вели к появлению «этнических анклавов», что якобы могло иметь «непредсказуемые последствия»⁵⁹.

В этом хоре звучал и голос евразийца Дугина, который также счел необходимым высказаться о проблеме иммиграции в преддверии принятия нового российского законодательства. Он объяснял, что «мигранты

⁵⁵ Тулеев Аман. Зачем нам чужие отбросы? // Версия. 2002. № 22.

⁵⁶ Бондаренко Мария. Квот на курорты всем не хватает // Независимая газета. 2002. 14 октября.

⁵⁷ Образование — для государства и общества. Выступление губернатора Орловской области Е.С. Строева на областном совещании работников системы образования 24 августа 2004 года // Сайт «Образование и общество» (http://education.rekom.ru/5_2004/4.html).

⁵⁸ Макаров Дмитрий. Мигрант для России — напасть или благо // Аргументы и факты. 2002. № 27.

⁵⁹ Гликин Максим. Местные правоохранительные органы зачастую повязаны с «трудоустройством мафией» // Независимая газета. 2002. 16 августа.

по определению ведут себя в социальном контексте более безответственно, чем резиденты, и представляют группу риска с точки зрения всевозможных антисоциальных и криминальных процессов». Настаивая на дифференцированном отношении к мигрантам разной этнической принадлежности (поддерживая прежде всего русских), он предлагал «ввести индекс социальной опасности различных этнических и конфессиональных групп», а также принцип «коллективной ответственности этнических обществ»⁶⁰.

Одним из первых такие настроения еще в 1990-х годах начал озвучивать бывший губернатор Краснодарского края Николай Кондратенко, утверждавший, что «местные жители, в том числе и казаки, заявляют, что дальнейшее совместное проживание невозможно в силу глубоких социокультурных различий, несовпадения поведенческих стереотипов и экономических ориентаций»⁶¹. Однако никаких практических мер губернатор в связи с этим не предпринимал, хотя его воинственные речи и держали чиновников в нервном состоянии. Губернатор Александр Ткачев, сменивший Кондратенко в январе 2001 года, оказался более решительным и не ограничился одними лишь упреками в адрес турок-месхетинцев как «временных гостей» и «нелегальных мигрантов». Вначале он пугал местных жителей тем, что «экспансия турок-месхетинцев — это плацдарм для создания на территории Краснодарского края анклава Турции», и патетически восклицал: «Не дадим превратить нашу Кубань во второе Косово». При этом официальная кубанская пресса пестрела обвинениями турок-месхетинцев в том, что они якобы «травят кубанскую землю пестицидами», «дети турок-месхетинцев не хотят говорить по-русски», «турки-месхетинцы избивают казаков». Ходили безосновательные слухи о том, что турки-месхетинцы якобы насиловали стариков и мальчиков. Между тем страхи, назойливо культивировавшиеся губернатором и местной прессой, нервировали население и заставляли его с подозрением относиться к туркам-месхетинцам⁶².

Существенно, что для оправдания дискриминационной политики кубанских властей в отношении армян и турок-месхетинцев местные идеологи и конфликтологи прибегали, прежде всего, к «культурологическим» аргументам и говорили о «скрытой конфронтации различных социокультурных типов». Они писали о том, что «характерные этно-

⁶⁰ Дугин Александр. Мигранты ведут себя безответственно // Версия. 2002. № 22.

⁶¹ Кондратенко Н.И. Ходил казак в Кремль: размышления о былом и настоящем губернатора Краснодарского края. Краснодар: Советская Кубань, 2000. С. 37.

⁶² Бедеров Игорь. Незаконная фамилия // Новая газета. 2002. № 49; Осипов А.Г. Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 36.

культурные особенности (армян — В.Ш.) вызывают реакцию со стороны коренного населения края», а нетерпимость по отношению к туркам-месхетинцам объясняли «несовместимостью их форм хозяйствования и социально-культурного типа с традициями местного населения»⁶³. Любопытно, что в 1990-х годы живущие там же курды и езиды, отличающиеся не менее выраженными культурными особенностями, не вызывали, по мнению краевых властей, у местных русских такого же чувства отторжения, но после смены губернатора курды и езиды также стали объектом дискриминации и сопутствующей ей риторики. Следовательно, речь идет вовсе не о культурных особенностях и ценностях, а об этносоциальных взаимоотношениях, имеющих совершенно иные основания и связанных с дискриминацией, о чем многие местные «культурологи» предпочитали умалчивать. Ведь, как все же признают некоторые из них, отсутствие у турок-месхетинцев российского гражданства и введенный местными чиновниками запрет на их прописку не позволяли тем устраиваться на работу, приобретать недвижимость и даже оформлять законные браки, ставя их фактически в положение изгоев⁶⁴. Таким образом, в построениях местных аналитиков звучали идеологемы, типичные для «культурного расизма».

Весной 2002 года антииммигрантская идеология переросла в политику, и губернатор Ткачев объявил о программе депортации иммигрантов. Эта политика опиралась на поддержку местного политолога, писавшего о «пороге толерантности» и о том, что «агрессия может исходить от меньшинства, а большинство может нуждаться в защите своих прав»⁶⁵. Свою готовность бороться с «нелегальной миграцией» Ткачев вслед за Кондратенко аргументировал следующими доводами. Во-первых, Краснодарский край частично находится у государственной границы, что якобы требует ввести здесь статус приграничной зоны (но эта граница в основном проходит по Черному морю, и лишь небольшой

⁶³ Ротов В.С., Придиус П.Е. Кубань: один год с Батькой Кондратом и его дружиной. Краснодар: Советская Кубань, 1998. С. 274, 276.

⁶⁴ Крицкий Е.В., Савва М.В. Краснодарский край. Модель этнологического мониторинга. М.: ИЭА РАН, 1998. С. 36–37; Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Черный В.И. Мигранты в Краснодарском крае: проблемы адаптации и формирования толерантной культуры. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2002. С. 78. О дискриминации «мигрантов» в Краснодарском крае см.: Осипов А.Г. Идеология «миграционной политики»... С. 31–34.

⁶⁵ Савва М.В. Мифоидеологемы — знамена сепаратизма (на примере Северного Кавказа) // Вестник Евразии. 2001. № 3. С. 97. О критике этого подхода см.: Осипов А.Г. Идеология «миграционной политики»... С. 16; Он же. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. С. 46–50.

ее отрезок отделяет край от Абхазии, откуда России ничего не угрожает. Что же касается ваххабитов, которыми так обеспокоен губернатор, то они живут в российских республиках Северного Кавказа, а не за рубежом); во-вторых, якобы в силу неблагоприятных демографических тенденций у местных русских и адыгов миграция в скором будущем грозит кардинальными изменениями в этническом составе населения (но, как заявил сам губернатор, 80 % из 1 млн мигрантов, прибывших в край за последние десять лет, составляют русские. Поэтому значительный относительный прирост нерусского населения — 85 % у курдов, 64 % у ассирийцев и т.д. — касается небольших по численности групп и не ведет к радикальному изменению этнического состава населения края. Кстати, губернатор не упомянул, что речь идет о приросте после переписи 1989 года, то есть за 15 лет, и причислил к «мигрантам» внутренних мигрантов, то есть тех, кто сменил место жительства в пределах Краснодарского края); в-третьих, незаконная миграция ведет к росту преступности (но губернатор, во-первых, не сообщил о том, какую долю преступников составляют «коренные жители», а во-вторых, обошел вопрос о том, как, всячески затрудняя легализацию мигрантов, местные чиновники и правоохранительные органы сами способствуют росту преступности); в-четвертых, мигранты селятся компактными общинами, «живут замкнуто, остаются чужими» (но в условиях дискриминации мигрантов, поддерживаемой самим губернатором, им ничего не остается, как полагаться на родственные и этнические связи, помогающие им выжить); в-пятых, мигранты «вносят в размеренную жизнь региона нездоровые элементы соперничества, пытаются навязать свои нравы и порядки» (похоже, губернатор забыл, что современная Россия живет в условиях рыночной экономики, которая не может существовать без «соперничества»); в-шестых, «сплоченные по этническому признаку группировки захватывают местные рынки, приучают молодежь к наркотикам, втягивают молодых в криминальный бизнес» (остается загадкой, как мигрантам удастся влиять на местную молодежь, если, по словам губернатора, они «живут замкнуто» и «остаются чужими»); в-седьмых, «в миграционном беспределе заинтересованы влиятельные международные силы» (это самый загадочный тезис, ибо губернатор не поясняет, кого именно он имеет в виду).

Губернатор полностью раскрывает карты, когда заявляет о том, что мигранты не в состоянии поднять экономику России и что «Россию поднимут патриоты, а не мигранты». Обращает на себя внимание, что, во-первых, здесь речь идет уже не о «нелегальных иммигрантах», а о мигрантах вообще, а во-вторых, губернатор как будто не понимает, что

трудолюбивые мотивации в условиях рыночной экономики связаны вовсе не с чувством патриотизма, а с представлениями о выгоде и престижности труда. Наконец, губернатор дает понять, что он не против приезда «миллионов наших соотечественников», оставшихся за рубежом России, и именно у них не должно быть препятствий для получения российского гражданства. Создается впечатление, что армян, грузин, турок-месхетинцев, то есть бывших граждан СССР, губернатор «соотечественниками» не считает. Кто же тогда эти желанные «соотечественники»? Остается думать, что это — эвфемизм для славянского населения, которое губернатор готов пускать в край без всяких оговорок, изображая себя защитником интересов «коренных жителей Кубани», а попросту «права русского человека быть хозяином на своей земле» (характерно, что об адыгах, давних обитателях края, здесь речи уже нет)⁶⁶. Действительно, еще в 1996—1997 годы местная миграционная программа включала следующее положение: «Мигранты-неславяне нередко создают в социально-экономической системе края свои общинные структуры, пытаются монополизировать конкретные сферы общественной деятельности»⁶⁷. Поэтому остается согласиться с правозащитниками, обвиняющими кубанские власти в мигрантофобии, дискриминации иммигрантов и расизме⁶⁸, хотя губернатор всячески отвергает такие обвинения⁶⁹. Дело с турками-месхетинцами закончилось тем, что в феврале 2004 года американское правительство выразило желание решить их проблему, предоставив им возможность переселиться в США, и многие из них с радостью на это согласились.

Наконец, совсем недавно российский социолог, директор Центра демографических исследований Игорь Белобородов заявил, что «приток иммигрантов создает угрозу межэтническому балансу, провоцирует межэ-

⁶⁶ Панченко Николай. Александр Ткачев: мы сами наведем порядок в своем доме // Российская газета. 2003. 18 сентября. Ср.: Кондратенко Н. И. Ходил казак в Кремль... С. 32—41.

⁶⁷ Цит. по Осипов А. Г. Идеология «миграционной политики»... С. 17. Между тем «этнические ниши» в сфере занятости — это широко распространенное явление, характерное для малочисленных этнических групп. Они известны практически во всех странах, где имеются такие группы, и к «факторам риска» не относятся.

⁶⁸ Детально о критике рассмотренных высказываний Ткачева см.: Осипов А. Г. Идеология «миграционной политики»... С. 14—19, 22—27.

⁶⁹ Правда, в последнее время Ткачев, хотя и с неохотой, признает некорректность своих высказываний: «А высказывания не совсем удачные, прямо скажем, (у меня — В.Ш.) были». Между тем он по-прежнему верит, что «не совсем хорошо, когда той или иной национальности становится слишком много». См.: Турьялай Светлана, Витебская Татьяна. Чужие // Известия. 2005. 13 октября.

тнические конфликты и никак не решает демографическую проблему»⁷⁰. Здесь особенно обращает на себя тезис о «нарушении межэтнического баланса», сплошь и рядом звучащий в антииммигрантской риторике. Он отражает страхи по поводу якобы автоматического размывания культурных ценностей доминирующего населения. Это служит стержневой идеей культурного расизма, сторонники которого придерживаются эссенциалистского взгляда на культуру и считают, что, во-первых, человек едва ли не с молоком матери впитывает строго определенные культурные коды, во-вторых, те якобы в неизменном виде сопровождают его на протяжении всей его жизни и он не способен что-либо тут изменить, в-третьих, он является носителем одной и только одной строго определенной культуры. Такой подход игнорирует феномен бикультурализма и фактически отрицает культурную изменчивость. Он также не желает учитывать пластичность человеческой природы, позволяющую успешную адаптацию к самым разным условиям. При этом, делая акцент на неизменности «культурных кодов», он естественным образом приводит к идее о якобы неизбежном конфликте культур или цивилизаций. Отсюда и вытекает вывод о «пагубности» массовой иммиграции. В этой парадигме человек рассматривается прежде всего не как гражданин, а как носитель определенной культуры, то есть культурная идентичность оттесняет гражданскую на второй план. Такое представление о человеке типично для такого общественного устройства, где государство является приоритетным по отношению к человеческой личности и где личность в самых разных сферах жизнедеятельности поддается коллективом, отождествляющимся с культурной общностью.

Любопытно, что рассмотренные выше антииммигрантские настроения, разделяемые, как мы видели, даже некоторыми губернаторами, полностью соответствуют идеологии современных русских неонацистов и скинхедов. Вот как это формулирует уже упоминавшийся А. Иванов (Сухаревский): «Кавказцы заполнили Москву. Они контролируют рынки, не дают прохода русским крестьянам, привозящим товар. Они «держат» весь наркобизнес. Они развращают русских девушек и заставляют их заниматься проституцией»⁷¹. Однако если власти некоторых регионов реагируют на иммигрантов введением дискриминационного режима, то скинхеды прибегают к физическому насилию и погромам. Иными словами, разделяя сходную идеологию, каждый действует в меру своих сил и возможностей.

⁷⁰ Россияне за рождаемость и против иммигрантов // BBC Russian.com. 2006. 1 июня (http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_5037000/5037700.stm).

⁷¹ Пунанов Григорий. Скинхеды // Известия. 2002. 20 апреля.

Возвращение мифа о «дикарях-горцах»

Наряду с мифом о «трудовой экспансии» мигрантов, в 1990-е годы расцвел и укрепился миф о «военной экспансии» кавказцев, заставляющий вспомнить шовинистическую риторику времен Кавказской войны XIX века⁷². Вслед за осетино-ингушским конфликтом осени 1992 года Верховный Совет Северной Осетии принял в марте 1993 года расистское по своему духу постановление о «невозможности совместного проживания» осетин и ингушей⁷³. По свидетельству западного журналиста, в середине 1990-х годов эту позицию разделяли многие осетины⁷⁴.

Установка, данная лидерами республики, была тут же подхвачена одним из крупнейших республиканских общественно-политических движений «Хистарты ныхас» и растиражирована газетой «Северная Осетия», причем в осетинских СМИ вновь ожила сталинская ложь об измене всего ингушского народа в годы Великой Отечественной войны⁷⁵. 23 февраля 1994 года, то есть в день 50-летия депортации чеченцев и ингушей, официальная республиканская газета «Северная Осетия» не только вновь опубликовала данные НКВД о размахе бандитизма в Чечено-Ингушетии в годы Великой Отечественной войны, но и напомнила о выселении казаков в 1918 году и начале 1920-х годов. В этих публикациях ингуши были изображены патологическими разбойниками и грабителями, что вызвало у тех справедливое возмущение⁷⁶.

«Научной» основой этой антиингушской кампании послужила теория ведущего осетинского историка Марка Блиева, провозгласившего «набеговую систему», коварство и жестокость «этногенетическими» особенностями ингушей, связанными с «определенной формационной стадией»⁷⁷. Еще в 1983 году Блиев впервые заявил о том, что агрессив-

⁷² Подробно см.: Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. М.: НЛО, 2006. С. 159–170.

⁷³ См. в сборнике: Пригородный район: выбор цели. Владикавказ: Иристон, 1997. С. 25.

⁷⁴ Smith Sebastian. Allah's mountains: politics and war in the Russian Caucasus. L.: I.B. Tauris, 1998. P. 112.

⁷⁵ Обращение писателей к осетинскому народу // Северная Осетия. 1993. 1 апреля; Открытое письмо старейшинам ингушского народа // Северная Осетия, 9 апреля 1993; Тамарин Я., Земфилов В. Историческая справка о г. Владикавказе и Пригородном районе Северо-Осетинской ССР // В тумане над пропастью. Владикавказ: Ир, 1994. С. 30–31.

⁷⁶ Патиев Я.-С. Республике Ингушетия – 10 лет (1992–2002). Магас: Сердало, 2002. С. 33.

⁷⁷ Блиев М.М. «... Война есть грех и свидетельство о грехе...» // Северная Осетия. 1993. 13–14 апреля.

ность, свойственная, по его мнению, чеченцам и ингушам, была будто бы обусловлена формационной принадлежностью горских «вольных» обществ, лишь недавно расставшихся с родоплеменным строем. По его мнению, к началу XIX века горные жители только еще начали переходить от родового строя к феодализму, и это заставляло их лидеров организовывать грабительские набеги на русские поселения, что будто бы и понуждало царские власти к карательным акциям. Напротив, у обитателей равнин и предгорий историк находил сложившийся феодализм, который, на его взгляд, не только раскалывал общество, но и создавал у большей его части прорусскую ориентацию⁷⁸. По признанию одного из его коллег, тем самым Блиев снял вопрос об «антиколониальном» движении, и горцы оказались агрессорами, а Россия – оборонявшейся стороной⁷⁹ в соответствии с известным принципом, обвиняющем жертву в агрессивности. В течение последних пятнадцати лет Блиев регулярно воспроизводил эту концепцию в своих работах⁸⁰.

В 1990-е годы, говоря об осетино-ингушском территориальном споре, Блиев настаивал на том, что речь шла *«о возвращении небольшой части утерянной к XV веку исторической территории (предгорной равнины Северного Кавказа), которая позволила бы осетинам сбалансировать демографические процессы и открыть для себя новые возможности хозяйственного прогресса»*. В его выступлениях звучал и термин «жизненное пространство», которое, по его словам, осетины должны были сохранить во избежание деградации и исчезновения. Он даже убеждал, что эту задачу осетинам следовало возвести *«в ранг государственной идеологии»*⁸¹. Иными словами, высказывая опасение в отношении «русского фашизма»⁸² и

⁷⁸ Он же. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2; Он же. К проблеме общественного строя горских («вольных») обществ Северо-восточного и Северо-западного Кавказа XVIII – первой половины XIX века // История СССР. 1989. № 4.

⁷⁹ Дегоев В.В. Кавказская война XIX в. и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия XXI. 1997. № 11–12. С. 41–42.

⁸⁰ Блиев М.М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России // История СССР. 1991. № 6; Он же. Традиционная структура чеченского общества и феномен российско-чеченских конфликтов // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х.Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997; Он же. Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ: СОГУ, 1999. С. 90–106, 175–209; Он же. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004.

⁸¹ Он же. Осетия, Кавказ... С. 322.

⁸² Магомедов А.А. Самые чувствительные нервы (межнациональные отношения и интернациональное воспитание: история и современность). Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1998. С. 198–200.

справедливо упрекая президента Грузии Звиада Гамсахурдия в использовании нацистских лозунгов⁸³, Блиев и сам был не прочь воспользоваться сходной фразеологией⁸⁴.

В новых условиях М. Блиев продолжал настаивать на том, что различная степень феодализации северокавказских народов оказывала в первой половине XIX века существенное влияние на их внешнеполитические ориентации. На его взгляд, «демократическим» горским племенам был присущ «экспансионизм», делавший их противостояние с Россией непримиримым, тогда как «аристократические» равнинные общества якобы относились к ней более благосклонно⁸⁵. И хотя реакция северокавказских коллег на его построения обеспокоила Блиева⁸⁶, она несколько не поколебала его веры в правильность подхода. В новой книге, выпущенной в 2004 году, он снова воспроизвел свою любимую концепцию о «дикости» горцев и «грабительских набегах», якобы связанных с их «национальным характером». Вслед за французским автором конца XIX века Гюставом Лебоном, известным своими расовыми представлениями, Блиев снова пытается проводить прямую параллель между событиями XIX и XXI веков и объясняет их якобы «веками выработанными поведенческими особенностями» чеченского народа, полностью снимая какую-либо вину с действий российских властей. Это якобы и дает ему право писать о «неизменности неординарных волевых и поведенческих качеств чеченского народа», выражавшихся в набегах и похищениях людей равным образом как в XIX, так и в XXI веке⁸⁷. Делая основанием конфликта этнокуль-

⁸³ Блиев М.М. Осетия, Кавказ... С. 248, 251, 264–265, 327.

⁸⁴ Термин «жизненное пространство» был создан немецким географом Фридрихом Ратцелем и был с жаром воспринят германскими колонизаторами и расистами. Сегодня этот термин с благодарностью подхватили российские скинхеды. См.: Беликов Сергей. Бритоголовые. М.: Независимое издательство «Пик», 2003. С. 68.

⁸⁵ Блиев М.М. О некоторых проблемах... С. 72–75. На самом деле здесь следует различать две разные проблемы – уровень социального развития различных северокавказских народов, во-первых, и их отношение к России, во-вторых. По первому вопросу с Блиевым можно согласиться – действительно, в социальном плане разные северокавказские общества отличались друг от друга, хотя и не вполне так, как ему казалось. Однако это автоматически не определяло их внешнеполитические ориентации.

⁸⁶ Он писал: «Меня очень волнует, не обидел ли я народы, о которых пишу, – научная истина может вызвать всплеск отрицательных эмоций». См.: Блиев М.М., Гаджиев В.Г., Джендубаев А.Р. Перевернутый мир бесконечной войны // Родина. 1994. № 3–4. С. 22.

⁸⁷ Блиев М.М. Россия и горцы... С. 43–44. Между тем, противореча самому себе, далее Блиев взваливает весь груз ответственности на ислам, якобы втянувший дружелюбный чеченский народ в тяжелую многолетнюю войну. Он как будто бы забывает

турные особенности, эта концепция, по сути, привнесла в советскую, а затем и российскую науку элементы «культурного расизма», с позиций которого Блиев фактически и пытался анализировать роль чеченцев в Кавказской войне. В 1990-е годы такой подход, акцентирующий некие культурные инварианты, мешающие чеченцам строить нормальные отношения с Россией, получил широкое распространение, но не стал от этого более убедительным⁸⁸.

По замечанию его коллеги, одним из главных научных достижений Блиева считается изучение «набеговой системы» как важнейшего фактора Кавказской войны: «Лучшим объяснением чеченских событий оказалась описанная М. Блиевым Кавказская война»⁸⁹. Изучение «набеговой системы» признано в Северной Осетии выдающимся вкладом Блиева в конфликтологию и едва ли не ключом к объяснению многих межнациональных конфликтов в России⁹⁰.

Реификация конфликта и архаизация социальной структуры вайнахских народов стала центральной идеей практически всех работ Блиева последних двадцати лет. Так, в своей публицистической работе об осетино-ингушском конфликте Блиев писал, что «современный ингушский тайп еще недавно обладал всеми признаками классического ирокезского рода... и многое из происходящего сегодня в Ингушетии объяснимо именно этими признаками». Он убеждал читателя в том, что причиной конфликта была «стадиальность» ингушского общества, будто бы жившего по законам «военной демократии» и обладающего «особой агрессивностью». В

свою концепцию «набеговой системы», никак не связанной с исламом. Кроме того, делая акцент на «поведенческих особенностях народа», он не объясняет, почему часть чеченских тайпов (см. вопрос в тексте) перешла на сторону русских. Блиев также навязывает чеченцам XIX в. идеи этнической исключительности и мессианства, свойственные национализму, которого у чеченцев тогда не могло быть исходя из его же собственной оценки их уровня развития. См. там же. С. 32–33, 61–62, 796.

⁸⁸ Об этом см.: Гакаев З.Ж. Этнические стереотипы в прессе (на примере освещения конфликта в Чечне). Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: ИЭА РАН, 2003. С. 58, 99, 111–112, 127–130, 132, 150.

⁸⁹ Бзаров Р.С. Предисловие // Блиев М.М. Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ: СОГУ, 1999. С. 4–5.

⁹⁰ Магомедов А.А. Изучение прошлого и настоящего в интересах будущего // Национальные отношения и межнациональные конфликты. С. 12, 19; Бзаров Р.С. Предисловие. С. 5–6; Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX века: историографические итоги // Сборник Русского исторического общества, 2000. Т. 2 (150). С. 239. Владимир Дегоев даже настаивает на том, что Блиев стремился «вывести проблему Кавказской войны из сферы политико-идеологических спекуляций в пространство “чистой” науки». См.: Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. С. 256.

подтверждение своих слов он ссылаясь на набеги ингушей на казачьи станицы в конце XIX — начале XX века, ни слова не говоря о том, что казаки силой заняли земли, ранее принадлежавшие ингушам⁹¹. Все это должно было продемонстрировать, что кровавое осетино-ингушское столкновение осени 1992 года было лишь следствием очередного ингушского «набега»⁹².

Зато в своих теоретических рассуждениях Блиев ограничился только чеченцами, продолжая настаивать на том, что именно «набеговая система», жестко связанная с тейповой структурой, приводила к неизбежным войнам с соседями. Он даже пытался сослаться на этот «архетип» для объяснения событий в Чечне в 1990-е годы⁹³. При этом он, во-первых, умалчивал о том, что накануне и в период русской колонизации набеги столь же часто совершались ингушами и осетинами, и не объяснял, почему эти народы остались в основном в стороне от участия в Кавказской войне. Впрочем, его концепция не объясняла и того, почему ряд известных знатных осетин, например, братья Кундуховы, воевали на стороне имама Шамиля против России⁹⁴. Во-вторых, противореча своим утверждениям о связи «набеговой системы» с традиционными тейпами, он возлагал всю вину за ее расцвет на ислам, ибо, по его утверждению, «язычество осуждало жестокости»⁹⁵. В-третьих, он видел в «набеговой системе» некий архетип, неизвестно каким образом сохранившийся в период советской модернизации и в неизменном виде доживший до конца XX века. Однако, как справедливо пишет Валерий Тишков, только культурный фундаментализм низводит современный народ до уровня общества «военной демократии». Тишков напоминает,

⁹¹ Этот факт признает даже российский военный историк. См.: Петрович Алексей. Казаки и Северный Кавказ // Независимая газета. 1994. 4 июня.

⁹² Блиев М.М. «... Война есть грех...»

⁹³ Он же. Традиционная структура чеченского общества...; Он же. Россия и горцы...; Атаев А. (полное имя не могу установить, интернета нет). Сегодняшние события — продолжение Кавказской войны // Независимая газета. 2002. 23 мая.

⁹⁴ См. об этом: «Кавказ — дело тонкое»: осетины и имам Шамиль // Общекавказская газета. 1999. № 28. В конце 1930-х гг. осетинские историки не скрывали этот факт, но позднее говорить о нем стало опасно. См.: Шнирельман В.А. Быть аланами. С. 96.

⁹⁵ Известные факты о роли и характере войны в традиционных «языческих» обществах говорят об обратном. См., например: Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. Т. 1—2. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. Владимир Бобровников также приводит примеры жестокости адатов домусульманского времени в Дагестане. См.: Бобровников В.О. Мусульмане на Северном Кавказе: обычай, право, насилие. М.: Восточная литература, 2002. С. 132.

что американские ученые при изучении современных ирокезов и их интеграции в американское общество вовсе не апеллируют к трудам известного американского этнолога второй половины XIX века Льюиса Моргана⁹⁶. В 1991 году мне довелось проводить полевые исследования у индейцев-тлингитов на Аляске. В XIX веке они были известны как один из самых воинственных народов в Северной Америке и пережили период военной демократии. Они до сих пор сохранили свою клановую систему, играющую важную роль в их современном развитии. Однако в XX веке они ни разу не поднимали восстаний против американских властей и не занимались никакими набегами. Борьбу за свои гражданские права они вели вполне легальными способами. Поэтому объяснение различий в поведении чеченцев и тлингитов следует искать не в каких-то присущих им культурных архетипах, а в государственном устройстве и государственной политике — с одной стороны, России и СССР, а с другой — США.

Наконец, Блиев полностью обошел вопрос о том, почему, если «набеговая система» была имманентна чеченскому обществу, она не заставила генерала Джохара Дудаева вмешаться в осетино-ингушский конфликт. Концепция Блиева также не объясняет, какими чувствами руководствовались московские чеченцы, когда во время теракта в Театральном центре на Дубровке в октябре 2002 года предлагали себя в заложники в обмен на задержанных террористами женщин и детей.

Между тем вслед за Блиевым среди осетинских интеллектуалов стало популярным представление об «избыточной пассионарности чеченцев (и ингушей — В.Ш.) с их реликтовым менталитетом, законсервировавшим уровень сознания эпохи “военной демократии”»⁹⁷. Похоже, что эту концепцию усвоили российские военные и журналисты, усматривающие причину Кавказской войны в столкновении державных российских интересов с традиционным укладом жизни горцев (абречество, похищение людей, работорговля, заложничество), которые якобы «терроризировали

⁹⁶ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001. С. 504—506; Он же. Слова и образы в постконфликтной реконструкции // Чечня: от конфликта к стабильности / Под ред. Д.Д. Гакаева, А.Д. Яндарова. М.: ИЭА, 2001. С. 64—65.

⁹⁷ Гагагова Л.С. Северный Кавказ: метаморфозы исторического сознания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / По ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1999. С. 260; она же. Кавказ после Кавказской войны: этноконфликтный аспект // Россия и Кавказ сквозь два столетия / Под ред. Г.Г. Лисицыной, Я.А. Гордина. СПб.: Журнал «Звезда», 2001. С. 49; Тамарин Я., Земфилов В. Историческая справка... С. 37—38; Тотоев Ф.В. Размышления об ингушском вторжении // В тумане над пропастью. Владикавказ: Ир, 1994. С. 84.

*все прилегающие области»*⁹⁸. Подхватили ее и некоторые московские и кубанские ученые⁹⁹. К этому хору, как мы видели, присоединился и бывший референт патриарха Алексия II диакон А. Кураев. Даже такой видный демократ, как один из «прорабов перестройки» Гавриил Попов, попытался объяснить Кавказскую войну XIX века тем, что Россия начала наводить порядок и бороться с «рэкeтoм» горцев, лишив их доходов. Это будто бы и привело к восстанию¹⁰⁰. Последняя книга Блиева, вновь излагающая концепцию «набеговой системы» и ставящая ее в прямую связь с современными событиями на Северном Кавказе, удостоилась положительных рецензий в ведущих российских исторических журналах¹⁰¹. Вслед за Блиевым, историк Людмила Гагагова провела параллель между осетино-ингушским конфликтом 1992 года и ингушскими набегами в XIX веке¹⁰². Эта концепция находит место даже в новых федеральных учебниках истории России, где главным виновником Кавказской войны объявляется «набеговая система», а захватническая политика Российской

⁹⁸ Азаров Виталий, Марущенко Владимир. Кавказ в составе России // Красная звезда. 2001. 19 января; Ротарь Игорь. Под зеленым знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. М.: АИРО-XX, 2001. С. 25.

⁹⁹ Гагагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И., Котов В.И., Некрасов А.М., Трепавлов В.В. Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? // Отечественная история. 1998. № 5. С. 124–125; Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны / Под ред. В.В. Трепавлова. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 10–12, 36, прим. 14; Война и ислам на Северном Кавказе. XIX–XX вв. / В.В. Трепавлов (ред.). М.: ИРИ РАН, 2000. С. 12; Скаков А.Ю. Выступление на круглом столе «Проблемы истории черкесского народа в свете обращения президента РФ Ельцина к народам Кавказа в связи с 130-летием окончания Кавказской войны» // Жизнь национальностей. 1999. № 2–3; Авраменко А., Матвеев О., Матющенко П., Ратушняк В. Кавказская война: уроки истории и современность // Кубанские новости. 1994. 26 мая; Матвеев В.А. Исторические особенности утверждения геополитических позиций России на Северном Кавказе: дискуссионные аспекты проблемы и реалии эпохи // Россия XXI. 2002. № 6; Он же. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства. Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т, 2006; Виноградов Б.В. Об историческом предназначении строительства Кавказской линии // Некоторые черты и особенности обретения и обустройства северокавказской окраины России / Под ред. Н.Н. Великой, В.Б. Виноградова. Армавир, 2005.

¹⁰⁰ Попов Г.Х. Разделение Чечни // Независимая газета. 2001. 17 января.

¹⁰¹ Трепавлов В.В. Рец.: Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004 // Вопросы истории. 2004. № 9; Бзаров Р.С. Рец.: Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004 // Отечественная история. 2005. № 2.

¹⁰² Гагагова Л.С. Кавказ после Кавказской войны. С. 53–54.

империи и исключительная жестокость ряда российских генералов в отношении горцев остается за скобками¹⁰³.

Мало того, идею Блиева о «горской экспансии» и «набеговой системе» с благодарностью подхватывают авторы шовинистических произведений, изображающие чеченцев «варварами» и доказывающие, что русским якобы «свойственно чувство принципиальной несовместимости с чеченцами»¹⁰⁴. В Москве разбойничья политика Российской империи и Советского Союза на Кавказе получает индульгенцию у депутата Госдумы от блока «Родина», историка Наталии Нарочницкой. В духе сталинской историографии она полностью реабилитирует царских генералов и возлагает ответственность за Кавказскую войну на Англию, Персию, Турцию и даже Польшу, а также, разумеется, на «разбойников-чеченцев». Что же касается более близкой к нам эпохи, то Нарочницкая объявляет чеченцев «союзниками фашистов»¹⁰⁵. Подобного рода исторические построения убеждают казаков в том, что их предки когда-то заселили пустынные земли, а Кавказскую войну спровоцировали горцы¹⁰⁶.

В популистских терминах это отношение к чеченцам выразил вначале президент РФ Борис Ельцин, объявивший чеченцев «профессиональными бандитами»¹⁰⁷, а вслед за ним — бывший директор ФСБ, генерал Михаил Барсуков, представивший всех их «либо убийцами, либо бандитами, либо ворами»¹⁰⁸. Та же логика нашла свое отражение в откровенно

¹⁰³ Буганов В.И., Зырянов П.Н. История России. Конец XVII–XIX вв. Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 1995. С. 158; Зырянов П.Н. История России. XIX — начала XX вв. Учебная книга для 8–9 классов средней школы. М.: Антиква, 1999. С. 66–68; Боханов А. Н. История России. XIX — начало XX в. Учебник для 8–9 классов. М.: Русское слово, 1998. С. 105–107; Он же. История России XIX вв. Учебник для 8 класса средних общеобразовательных учебных заведений. М.: Русское слово, 2003. С. 89–95; Сахаров А.Н., Боханов А.Н. История России. XVII–XIX века. Учебник для 10 класса общеобразовательных учебных заведений. М.: Русское слово, 2003. С. 319–320. Об этом см.: Шнирельман В.А. «Патриотическое воспитание»: этнические конфликты и школьные учебники истории. Доклад на междисциплинарном семинаре «Расистский дискурс в российском образовании», организованном Центром независимых социологических исследований в Петербурге 10–11 апреля 2004.

¹⁰⁴ Кольев (Савельев) Андрей. Чеченский капкан. М.: Конгресс русских общин, 1997. С. 260–267, 280–281, 285–286.

¹⁰⁵ Нарочницкая Н.А. Правда о Чечне. М., 2003.

¹⁰⁶ Хануху Р.А., Цветков О.М. Исторический феномен в современном преломлении // Социс. 1995. № 11. С. 61.

¹⁰⁷ Табисов Б. Парадокс «новых демократов» // Ингушетия. 1997. 5 марта.

¹⁰⁸ Минкин Александр. Особо опасный государственный преступник, особо глупый государственный деятель // Московский комсомолец. 1996. 23 января; Рывкина Р. Евреи в постсоветской России. С. 131.

расистских справках российского МВД, где заявлялось, что «чеченцы по своим национальным особенностям есть прирожденные партизаны, диверсанты»¹⁰⁹.

Этот стереотип подхватил и московский писатель Владимир Логинов, побывавший в Северной Осетии вскоре после осетино-ингушского столкновения. Фактически он воспроизводил осетинскую версию событий и называл ингушей «одним из наиболее диких чеченских племен», «более всех горских племен преуспевающим в воровстве, грабежах, разбоях, убийствах»¹¹⁰. Такое отношение к чеченцам и ингушам Логинов популяризировал в своем журнале «Шпион», где вдобавок обвинял ингушскую культуру в моральном оправдании преступности и бандитизма¹¹¹. Его рассуждения об ингушах с благодарностью перепечатала газета «Северная Осетия» (17–18 июня 1993 года).

Во второй половине 1990-х годов такие взгляды нередко воспроизводились российскими СМИ¹¹² и популярной литературой¹¹³. Представление о чеченцах, как о дикарях, недавно спустившихся с гор, стало особенно популярным с осени 2002 года после теракта на Дубровке¹¹⁴. А после бесчеловечного захвата террористами школы в Беслане 1 сентября 2004 года провокаторы начали возбуждать народ против ингушей, хотя, по признанию спланировавшего теракт Шамиля Басаева, группа террористов была полиэтничной и включала даже двух осетин. В результате взаимоотношения между осетинами и ингушами вновь накалились. В Беслане на стенах домов появились надписи «Смерть ингушам», и вновь стали популярны воспоминания о сталинской депортации¹¹⁵. Лишь вме-

¹⁰⁹ Об этом см.: Арутюнов С.А. Историческая память Чечни // Новое время. 1995. № 12. С. 14; Гакаев Д.Д. Очерки политической истории Чечни (XX век). М.: Чеченский культурный центр, 1997. С. 196.

¹¹⁰ Логинов В.М. Ад криминала. М.: Мистикос, 1993. С. 406.

¹¹¹ Погребнов Г. Война // Шпион. 1993. № 1. С. 3–15; Документы из Назрани и Владикавказа // Шпион, 1994. № 2. С. 26–27.

¹¹² Об этом см.: Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М.: Славянский диалог, 2000. С. 300; Тишков В.А. Общество... С. 186–189; Дзидзоев В.Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития. Владикавказ: Северо-Осетинский научный центр, 2000. С. 257.

¹¹³ Зверева Г.И. Чеченская война в дискурсах массовой культуры России // Образ врага / Сост Л.Д. Гудков. М.: О.Г.И., 2005. С. 307–310.

¹¹⁴ См., например: Ольшанский Дмитрий. Мы все – агенты спецслужб // Известия-Наука. 2002. 1 ноября; Померанц Григорий. Пусть займутся бизнесом // Московские новости. 2002. № 42.

¹¹⁵ Можно вспомнить, что в Беслане находился один из немногих в Северной Осетии бюст Сталину. По справедливому замечанию Андрея Здравомыслова, осетины сами оказались «духовной жертвой сталинизма», что выражалось, в частности, в их

шатательство республиканской власти и сил правопорядка смогло предупредить акты возмездия со стороны осетин. Любопытно, что, выступив в январе 2005 года против ксенофобии и терроризма, бывший президент Северной Осетии-Алании Александр Дзасохов ни словом не обмолвился о расизме. Совершенно очевидно, что российские чиновники еще не осознают этой угрозы. Молчит об этом и ростовский автор, который в своем анализе ксенофобии на юге России не обнаруживает никаких антикавказских настроений¹¹⁶.

Похоже, что эвфемизм «ксенофобия» с его аморфным значением хорошо усвоен общественным мнением и используется в самых разных контекстах, ибо этот недавно вошедший в русский язык термин не вызывает столь бурных эмоций, как гораздо более жесткий и определенный термин «расизм». Ведь в общественном мнении звание «ксенофоба» не накладывает той суровой ответственности, которую в силу известных исторических причин несет клеймо «расиста». Вот почему сегодня так трудно открыто обсуждать проблему расизма в современной России – ведь подавляющему большинству населения и, в особенности, многим «духовным лидерам», политикам и чиновникам очень не хочется признавать наличие в своем мировоззрении расистских установок.

Тем временем, развивая идеи Блиева, его близкий коллега и соавтор Руслан Бзаров перенес его концепцию на ингушей, архаизировал их социальное устройство в 1920–1930-е годы и на этом основании заявил, что «ингушское общество не смогло найти своего места в Отечественной войне» и это будто бы привело к катастрофическому развитию событий и депортации¹¹⁷. Правильно отмечая наличие дискриминации в отношении ингушей в течение последних советских десятилетий, Бзаров делает обескураживающий и бездоказательный вывод о том, что якобы объективной основой осетино-ингушского конфликта послужило «резкое социально-

склонности оправдывать депортацию. См.: Здравомыслов А.Г. Осетино-ингушский конфликт. М.: РОССПЭН, 1998. С. 38–39. Действительно, в декабре 2005 году к поставленному несколько лет назад в Беслане бюсту Сталина прибавился новый – на этот раз в Дигоре. По словам корреспондента «Газеты», свой памятник Сталину есть в каждом ущелье Северной Осетии. См.: Джанаева Дина. Памятник осетину Дзугаеву // Газета. 2005. 22 декабря.

¹¹⁶ Черноус В.В. Социально-политический процесс на юге России: от вспышки ксенофобии к регенерации этнокультурного взаимодействия и осознанного единого гражданства // Ксенофобия на юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления / Под ред. В.В. Черноуса. Ростов-н/Д.: Изд. СКНЦ ВШ, 2002.

¹¹⁷ Бзаров Р.С. Социально-исторические и политические истоки межэтнических отношений в Северной Осетии // Национальные отношения и межнациональные конфликты. С. 135.

историческое несоответствие ингушского социума тем процессам, которые определяют политическую и социально-экономическую жизнь окружающих народов и государства (СССР, а затем РФ) в целом»¹¹⁸. Сходных взглядов, похоже, придерживается и Людмила Гатагова, убежденная в «стойком взаимном антагонизме» между осетинами и ингушами¹¹⁹.

Такое суждение мало соответствовало данным, полученным осетинскими социологами, о том, что осетины и ингуши разделяли идентичные этнокультурные ценности¹²⁰. Этот вывод вряд ли может считаться неожиданным, ибо осетины и ингуши столетиями жили рядом, часто вступали в браки друг с другом и обменивались культурными достижениями. О какой-либо перманентной вражде или ненависти между ними говорить не приходилось¹²¹. Кроме того, сама по себе культурная дистанция не объясняет враждебности¹²². Поэтому речь должна идти не об этнокультурных ценностях, а о кардинально различном историческом и политическом опыте в XX веке у осетин, с одной стороны, и у чеченцев и ингушей — с другой¹²³.

Местные ученые подчеркивали как научную несостоятельность концепции Блиева, так и ее бестактность. Они убедительно демонстрировали, что он архаизировал социальный строй горцев, искусственно делил северокавказцев на «мирных» (равнинных) и «экспансивных» (горных), неверно представлял участие их различных групп в движении Шамиля и фактически обвинял самих горцев в развязывании Кавказской войны. Они выступали против основных постулатов концепции Блиева, характеризуя ее как оправдание царской захватнической политики на Кавказе¹²⁴. Академик Гаджи Гамзатов справедливо усмотрел

¹¹⁸ Там же. С. 137.

¹¹⁹ Гатагова Л.С. Кавказ после Кавказской войны. С. 53–54.

¹²⁰ Декинова Т.В. Этностереотипы в полиэтнической среде // Тезисы докладов на международной научной конференции по осетиноведению, посвященной 200-летию со дня рождения А.М. Шегрена. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1994; Она же. Этнические стереотипы в системе межнациональных отношений в полиэтническом регионе // Национальные отношения и межнациональные конфликты. С. 204; Хадиков Х.Х., Декинова Т.В. К вопросу о психологическом анализе осетино-ингушских отношений // Национальные отношения и межнациональные конфликты. С. 452–454.

¹²¹ Магомедов А.Х. Этнические и культурно-исторические связи алан-осетин и ингушей. Орджоникидзе: Ир, 1982.

¹²² Horigowitz Donald. The deadly ethnic riot. Berkeley: University of California Press, 2001. P. 190–191.

¹²³ Хадиков Х.Х., Декинова Т.В. К вопросу... С. 455.

¹²⁴ Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана / Под ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала: Институт ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1990; Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х

в этой концепции благоприятную почву для весьма сомнительных и опасных рассуждений о «генетической несовместимости горцев и русских»¹²⁵. О том же говорилось и на круглом столе «Проблемы истории черкесского народа в свете обращения президента РФ Ельцина к народам Кавказа в связи с 130-летием окончания Кавказской войны», организованном 11 марта 1999 года Международной черкесской ассоциацией в Министерстве национальной политики РФ, где было снова подчеркнуто, что концепция «набеговой системы» фактически оправдывает агрессора¹²⁶.

Чеченские авторы совершенно справедливо квалифицировали приведенные выше представления о «народе-дикаре» как расизм¹²⁷, а ингушские парламентарии призывали российские власти призвать клеветников к ответу¹²⁸.

Современные российские ученые показывают, что концепция Блиева имела существенные недостатки, в том числе — слабо учитывала некоторые общекавказские культурные особенности и игнорировала их динамику в течение последних 150–200 лет¹²⁹. В частности, критиками

годах XIX в. / Под ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка, литературы и искусства, 1994; Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар: Книжное издательство, 1993. С. 43, 209–228; Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию — следствие Кавказской войны. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 4–5; Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ: Ир, 1995. С. 34–35, 43.

¹²⁵ Гамзатов Г.Г. Восстановить правду истории // Дагестанская правда. 1989. 19 мая; Он же. Воссоздать правдивую историю Кавказской войны // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в. / Под ред. Г.Г. Гамзатова. Махачкала: Дагестанское книгоиздательство, 1990. С. 53–54. См. также: Акаев В.Х., Хусаинов С.А. К вопросу о методологической несостоятельности версии о «горском экспансионизме» и «так называемой Кавказской войне» // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в. / Под ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка, литературы и искусства, 1994. С. 127–128.

¹²⁶ Выступления Х.Х. Бокова и И.Я. Куценко на круглом столе «Проблемы истории черкесского народа в свете обращения президента РФ Ельцина к народам Кавказа в связи с 130-летием окончания Кавказской войны» // Жизнь национальностей. 1999. № 2–3.

¹²⁷ Усманов Лема. Непокоренная Чечня. М.: Парус, 1997. С. 58, 193–196; Умалатов Умалат. Чечня глазами чеченца. М.: Единство, 2001. С. 132–133.

¹²⁸ Клеветников к ответу // Ингушетия. 1998. 17 февраля.

¹²⁹ Керашев А.Т. Адыгское наездничество и вопрос о природе Кавказской войны // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в.; Бобровников В.О. Мусульмане на Северном Кавказе: обычай, право, насилие. М.: Восточная литература, 2002. С. 25–95.

было показано, что Блиев неверно характеризовал особенности воинской культуры северокавказских народов («наездничество»), не имевшие прямого отношения к Кавказской войне — достаточно сказать, что мюриды Шамиля выступали против войны, ибо она противоречила шариату. Грабительские набеги, характерные для традиционных горских обществ, невозможно характеризовать как «экспансионистские», ибо за редкими исключениями они не ставили своей целью захват территории¹³⁰. Кроме того, «наездничество» было характерно и для адыгских «аристократических» народов, проявлявших, по мнению Блиева, прорусскую ориентацию¹³¹. Не упоминал Блиев и того, что в прошлом «наездничество» было известно у осетин¹³². Кроме того, критики упрекают Блиева в искаженном изображении ислама¹³³. Между тем, как мы видели, сегодня концепция Блиева получила большую популярность и иной раз даже включается в школьные учебники.

Таким образом, в 1990-х — начале 2000-х годов в риторике некоторых осетинских авторов появились элементы «культурного расизма», и конфликт фактически переводился из области политики в область культуры. Образцом «культурного расизма» служат следующие слова осетинского публициста: *«Этническая психология — это образ и уровень мышления, складывающиеся у того или иного народа тысячами и определяющие нормы его поведения, категории нравственности, отношение к общественным процессам, его способность и желание давать критическую оценку прошлому и настоящему во имя собственного становления как народа (нации), уважаемого другими и способного к сосуществованию с окружающими его народами... Но когда народ, нация игнорирует общепринятые в цивилизованном мире нормы поведения, но не делает выводов и оценок своему преступному поведению, когда таковое поощряется и становится символом нравственного воспитания сменяющихся поколений нации, то такие нормы поведения рано или поздно переходят на ее генетический уровень и коррекции внешними факторами воздействия не поддаются»*. В соответствии с плат-

¹³⁰ Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973. С. 47–53.

¹³¹ Детально о наездничестве см.: Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии обшения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 79–86; Мирзоев А.С. Институт наездничества «Зекіуэ» у адыгов (черкесов) в XVIII — первой половине XIX веков. Автореф. канд. дисс. М., 1998.

¹³² Об этом см.: Калоев Б.А. Записки кавказоведа. Владикавказ: Зонд, 2002. С. 406.

¹³³ См., например: Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. М.: ИЭА РАН (Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 127). 1999. С. 21. Ср.: Gammer Moshe. Muslim resistance to the tsar. L.: Frank Cass, 1994. P. 43–45.

формой «культурного расизма» автор этих рассуждений убеждал читателя в том, что ингушам не сможет помочь и рост образования¹³⁴.

Такие идеологемы не ограничивались сферой элитарного дискурса. Социологические опросы показали, что, если в последние советские десятилетия источник национальных обид и националистических настроений общественное сознание объясняло политическими факторами, то к середине 1990-х годов люди начали видеть в агрессивности едва ли не генетическое свойство отдельных этнических групп¹³⁵.

Фактически речь идет о *«стереотипах, приписывающих нам добродетели, которые отрицаются у других: мы цивилизованы и уравновешены; они — варвары и фанатики или примитивны и слепы»*¹³⁶. Такие стереотипы нередко составляют важный компонент идентичности, требующей противопоставления себя другим. Однако описанные выше взгляды на «варварство» чеченцев и ингушей содержат в себе нечто большее и вполне совместимы с расовыми установками, развивавшимися, например, в ЮАР¹³⁷. Действительно, в постсоветской России распространились представления о «биоэтногенетическом основании» отдельных народов, об их «этнопсихологической совместимости» или «несовместимости»¹³⁸, что создало благодатную почву для культурного расизма.

На этом фоне лозунг «невозможности совместного проживания» получает в России все большую популярность. В 1990-е годы среди балкарцев, разочарованных крушением своих политических надежд на паритетное представительство, зрело недовольство властью доминирующего большинства, представленного кабардинцами, и складывалось представление о невозможности совместного обитания с кабардинцами

¹³⁴ Цариев А. Слово документам или кто есть кто // В тумане над пропастью. Владикавказ: Ир, 1994. С. 58. См. также: Логинов В.М. Ад криминала. С. 406.

¹³⁵ Бугаева С.П. Национально-этнические отношения в массовом сознании россиян (региональный аспект) // Национальные отношения и межнациональные конфликты. С. 189–190.

¹³⁶ Lowenthal David. Identity, heritage and history // Commemorations. The politics of national identity / Ed. by John Gillis. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994. P. 46; Brown Rupert. Prejudice: its social psychology. Oxford and Cambridge: Blackwell, 1995. P. 98–99.

¹³⁷ Spiegel Andrew. Struggling with tradition in South Africa: the multivocality of images of the past // Social construction of the past: representation as power / Ed. by George C. Bond, Angela Gilliam. L.: Routledge, 1994.

¹³⁸ Эфендиев С.И. Культурно-исторические традиции горских народов и проблема стабилизации межнациональных отношений // Национальные отношения и межнациональные конфликты. С. 159–160.

и черкесами¹³⁹. В декабре 1994 года по инициативе черкесских радикалов собрался I Съезд черкесского народа, заявивший о невозможности оставаться вместе с карачаевцами в одной республике и необходимости воссоздания Черкесской АО в составе Ставропольского края. Тогда же свои претензии на автономию вновь высказали абазины и ногайцы. К лету 1995 года эти настроения резко пошли на убыль¹⁴⁰, однако пять лет спустя черкесы и абазины снова заявили о невозможности совместного проживания с карачаевцами¹⁴¹. Наконец, в конце 1990-х годов в Ростовской области был проведен митинг, участники которого говорили о невозможности совместного проживания с чеченцами¹⁴².

Похоже, что в современной России к этой формуле прибегают все чаще и чаще. Определенную лепту в это вносят, как мы видели, определенные сомнительные культурологические концепции, не получающие, к сожалению, должной критической оценки со стороны специалистов.

Ксенофобия как общественное состояние

Сегодня лозунг «Россия для русских» все еще принято связывать с маргиналами-экстремистами. Между тем динамика последних лет показывает, что речь идет о несравненно более широком явлении. В первой половине 2000-х годов мотивация ксенофобии стала более эмоциональной и иррациональной. По данным ВЦИОМа, теперь люди начали объяснять свои негативные чувства главным образом культурными факторами: инородцы «не считаются с обычаями и нормами поведения России», «не умеют себя вести», они просто «чужие» (46 %). При этом существенных различий между крупными и малыми городами, урбанизированными центрами и селом не наблюдалось. Угроза терроризма и экономические причины назывались много реже — соответственно 15–22 % и 20–22 %¹⁴³.

¹³⁹ Червоная С.М. Карачаево-балкарский мир Северного Кавказа: современная этно-политическая ситуация // Ас-Алан. 1999. № 1. С. 93–95.

¹⁴⁰ Музаев Тимур. Этнический сепаратизм в России. М.: Панорама, 1999. С. 138–139; Лайпанов Б.А., Кечеруков А.-А. А., Чомаев К.И. Заявление // Ас-Алан. 2001. № 1. С. 181.

¹⁴¹ Фагуллаев Милрад. Черкесы подают на развод // Независимая газета. 2001. 25 декабря.

¹⁴² Хоперская Л.Л. Факторы социально-политической стабильности и стратегии безопасности на Северном Кавказе. Ростов-н/Д.: Изд. Северо-Кавказской академии государственной службы, 2000. С. 14.

¹⁴³ Россияне и «инородцы»: толерантность или ксенофобия? // ИА Маркетинг и консалтинг. 2004. 16 ноября (<http://www.iamik.ru/18772.html>); За кулисами национализма и ксенофобии // ИА Маркетинг и консалтинг. 2005. 12 августа (<http://www.iamik.ru/?op=full&what=content&ident=22946>); Поликанов Д.В. Сработает ли новая миграционная политика? // РИА Новости. 2005. 26 мая.

Опросы Левада-Центра отчасти подтверждают эти выводы: по мнению пятой части респондентов (20 % в 2004 году и 22 % в 2005 году), именно поведение приезжих провоцировало русский национализм, хотя, правда, гораздо больше людей беспокоил терроризм (32 % в 2004 году и 33 % в 2005 году)¹⁴⁴. В любом случае все эти опросы показывают, что от 20 % до 46 % тех, кто имеет по этому поводу твердую позицию (51 % участников опроса ВЦИОМа затруднились с ответом), объясняют свою неприязнь к приезжим культурными факторами, и это создает питательную почву для развития культурного расизма.

Социологические опросы 1995–2005 годов выявили и другие новые тенденции в развитии ксенофобии. Если ранее этническим негативизмом отличались прежде всего люди старших возрастных категорий (старше 40 лет), то теперь на первый план вышли молодые люди (до 24 лет). Кроме того, из всех социальных групп наиболее подверженными антикавказским фобиям оказались госслужащие и руководители, чутко улавливающие настроения властей. Не остались в стороне и наиболее политизированные группы населения, проявлявшие повышенную враждебность к чеченцам, армянам, азербайджанцам и цыганам практически вне зависимости от своих политических установок — консервативных или демократических.

Эта тенденция подтверждается результатами ежегодных опросов Левада-Центра: лозунг «Россия для русских» в 2000 году полностью поддерживали 15 % респондентов, в 2001–2004 годах — 16 %, а в 2005 году — 19 %. Иными словами, число жестких сторонников лозунга «Россия для русских» резко возросло именно в 1999–2000 годах¹⁴⁵. Еще больше находилось «мягких националистов», согласных осуществить этот лозунг «в разумных пределах»: их доля между 2000 и 2005 годами колебалась от 34 до 42 %, достигнув максимума в 2001 году и остановившись в 2005 году на отметке 39 %. Таким образом, в течение последних пяти лет люди, готовые к внедрению этого лозунга в жизнь в той или иной форме, составляли более половины населения страны (до 58 % в 2001 и 2005 годы)¹⁴⁶. Правда, Леонтий Бызов из ВЦИОМа оспаривает эти 58 % в пользу 16 %¹⁴⁷. Однако последняя цифра относится к «жестким националистам». Если

¹⁴⁴ Голов Александр. Массовое восприятие национальных меньшинств: перемены за год // Левада-центр. 2005. 14 декабря (<http://levada.ru/press/2005121400.html>).

¹⁴⁵ Паин Э.А. Этнополитический маятник. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 185.

¹⁴⁶ Гудков Лев. Ксенофобия как проблема: вчера и сегодня // Независимая газета. 2005. 26 декабря.

¹⁴⁷ Бызов Леонтий. Национализм остается уделом маргиналов // Известия. 2005. 20 сентября.

же объединить их с «мягкими», то и опрос ВЦИОМа дает внушительную цифру в 43 %, хотя это и несколько меньше, чем у Левада-Центра.

Недавнее пилотажное обследование московской учащейся молодежи также показало, что в этой среде лозунг «Россия для русских» достаточно популярен¹⁴⁸. А по данным ВЦИОМа, среди сторонников таких взглядов преобладали люди среднего возраста (30–40 лет), имевшие хорошее образование¹⁴⁹. Фактически речь идет о том, что сегодня в активную социальную жизнь входит новое поколение, социализация которого приходилась на бурные годы «перестройки» и, в особенности, эпоху трудного становления постсоветской России, когда советскую идеологию «дружбы народов» сменила жесткая конкуренция в экономической, социальной и политической сферах, понимаемая в этнических терминах, и когда школа начала целенаправленно вырабатывать у учащихся национальную (этническую) идентичность¹⁵⁰. В чем-то это находит аналогию в Германии второй половины XIX века, где агрессивный германский национализм стал следствием смены поколений от демократически ориентированной когорты 1848 года до поколения, воспитанного в шовинистическом духе после франко-прусской войны 1871 года.

Приведенный выше анализ позволяет понять, что стоит за сухими социологическими цифрами. В течение двух последних десятилетий в общественном мировоззрении социально-классовая парадигма сменилась на этнокультурную. В этом контексте историческая динамика получила новое объяснение, и главными действующими лицами на исторической сцене оказались не рабочие и крестьяне, а этносы и культуры. Необычайная популярность паранаучных произведений Л. Гумилева, чьи построения показали себя соблазнительными как для некоторых ученых, так и для деятелей образования и авторов учебных пособий, убеждала людей в реальности «этнической некомплементарности» и «культурной несовместимости». Расхожими стали весьма сомнительные рассуждения о «национальном характере» и якобы имманентных ему особенностях, не подверженных никаким изменениям — ни путем социально-экономической модернизации, ни в ходе школьного образования. Ослабление требований к научным построениям и падение уровня научной ком-

¹⁴⁸ Любовь Борусяк: Молодые москвичи перестают стыдиться лозунга «Россия для русских!» // ИАЦ «СОВА». Раздел «Национализм и ксенофобия». 2005. 7 апреля (<http://xeno.sova-center.ru/45A2A39/53CFE71>).

¹⁴⁹ Бызов Л. «Русская тема» — дополнение к идее порядка и справедливости // Новая газета. 2004. № 75.

¹⁵⁰ Гудков Лев, Дубин Борис. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005. Т. 9. № 2. С. 18.

петенции привели к необычайной популярности такого рода взглядов прежде всего среди новых российских культурологов, увлеченных «цивилизационными» построениями. В этих условиях и расцвели мифы о «народах-дикарях» и «столкновении цивилизаций».

Одновременно школьные и вузовские учебники, представляющие Россию «российской (русской) цивилизацией» и наделяющие ее исключительно русскими духовными ценностями, фактически превращают Россию в государство этнических русских. Это происходит даже в тех случаях, когда авторы учебников уделяют несколько параграфов описанию других народов России, ибо на книжных страницах последние либо остаются пассивными и безгласными, либо даже выступают враждебными агентами (как татары или чеченцы), якобы мешающими нормальному развитию русского государства. Особое место занимают евреи, история которых в рамках Российского государства сопровождается в учебниках красноречивым молчанием, превращающим их в абсолютных чужаков и вызывающим недоверие или даже неприязнь. Этому способствует тот факт, что даже в тех учебниках, где говорится о гонениях на евреев и антисемитизме, причины этого не обсуждаются. Равным образом, не обсуждаются и причины депортации «наказанных народов». Установка на поиск «позитивного» в российской истории пока что приводит к тому, что многие злодеяния царского и сталинского режимов не получают ни моральной оценки, ни тем более глубокого анализа. Некоторые авторы федеральных учебников вообще избегают обсуждать такие проблемы, полагая, что это повредило бы патриотическому воспитанию.

Иными словами, делая акцент на «российской (русской) цивилизации», школа фактически воспитывает сторонников лозунга «Россия для русских». То же самое несут идеологемы типа «Россия и Татарстан», «Россия и Чечня», противопоставляющие «Россию» отдельным республикам и тем самым создавая ей образ «русской территории»¹⁵¹. Новая экспозиция, развернутая в Государственном Историческом музее в Москве, фактически почти полностью хранит молчание об иных народах России¹⁵², тем самым также представляя последнюю государством русских.

¹⁵¹ Это объясняет, почему в общественном сознании нерусские народы России начинают в последнее время попадать в разряд «иностранцев». См. об этом: Шнирельман В.А. Ксенофобия, новый расизм и пути их преодоления // Гуманитарная мысль юга России. 2005. № 1. С. 16; Кожевникова Г. Российские СМИ как инструмент поощрения ксенофобных настроений // Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России / Сост. Ю. Башинова, Н. Таубина. М.: Фонд «За гражданское общество», 2006. С. 60–61.

¹⁵² Сегодня посетители не видят там, в частности, ни одного экспоната, говорящего

В том же направлении действует пропаганда, ведущаяся некоторыми популярными политическими партиями, представленными в Государственной Думе. На удивление близкие настроения разделяют многие чиновники и ряд российских губернаторов, сетующие на то, что мигранты якобы подрывают культуру «коренного населения». По сути, такие установки опираются на все то же паранаучное представление о «несовместимости культур». Детальные сопоставления такого рода взглядов, разделяемых российской элитой и значительной частью российского общества, с представлениями, бытующими у скинхедов, показывает, что все различия между ними определяются лишь степенью агрессивности риторики, тогда как базисные мировоззренческие установки оказываются весьма сходными. В этом отношении вопрос известного борца с «международным сионизмом» депутата Николая Кондратенко о том, подпадает ли «критика сионизма» под новую трактовку понятия «экстремизм»¹⁵³, раздавшийся 28 июня 2006 года на заседании Государственной Думы, посвященном обсуждению проекта нового закона об экстремизме, является весьма показательным.

Иными словами, многочисленные многолетние социологические и культурологические исследования показывают ошибочность трактовки радикальных умонастроений как маргинального явления в современном российском обществе. Выясняется, что значительные сегменты нашего общества заражены вирусом ксенофобии, или нового (культурного) расизма. Поэтому все надежды на самодостаточность каких-либо уточнений в законах по борьбе с «экстремизмом» кажутся наивными. Гораздо более действенными были бы кардинальная смена парадигм в российской гуманитарной науке, изменение образовательной стратегии (в особенности в сферах истории и культурологии), радикальный перелом в умонастроениях журналистов и творческой интеллигенции, а также широкая гуманизация российского общества в целом. Все это было бы возможным, если бы центром мировоззрения и государственной политики стала человеческая личность, а не какие-либо коллективные общности типа национальной, этнической, религиозной и пр.

о Казанском ханстве. Нет там и ничего, связанного с популярным в прошлом сюжетом «воссоединения России с Украиной».

¹⁵³ Веретенникова Ксения. Экстремизм без границ // Время новостей. 2006. 29 июня.

Андреас Уmland

Три разновидности постсоветского фашизма Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультранационализма*

«Фашисты в каждой стране должны сделать фашизм собственным национальным движением, принимая символы и тактику, которые соответствуют традициям, психологии и вкусам их собственной земли».

*Джеймс Барнс,
английский проповедник
«универсального фашизма», 1928 г.¹*

Введение

В этой статье коротко описаны и проанализированы некоторые аспекты идеологий трех радикально-националистических организаций Российской Федерации 1990-х годов. Одновременно предпринята попытка классифицировать и терминологически

* Автор благодарен Фондам им. Фрица Тиссена, Роберта Боша и Конрада Аденауэра, так же, как и колледжу Св. Антония в Оксфорде за поддержку во время написания этой статьи в 2002–2004 гг. Рашид Капланов, Николай Митрохин, Александр Верховский и Александр Иванов сделали ряд полезных замечаний. Ранняя немецкая версия этой статьи была частью более подробного доклада «Новые идеологические слияния в современном русском антидемократизме: западные концепции, антизападные политические доктрины и постсоветский партийный спектр», опубликованного в сборнике *Gefährdungen der Freiheit. Extremistische Ideologien im Vergleich (= Schriften des Hannah-Arendt-Instituts für Totalitarismusforschung. Vol. 29) / Ed. by Uwe Backes, Eckhard Jesse. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. P. 371–406.* Перевод печатается с любезного разрешения издательства «Ванденхек унд Рупрехт», г. Геттинген. Часть представленной здесь русской версии будет опубликована в журнале «Вопросы философии».

¹ Цит. по: Griffin Roger. Introduction // *Fascism. Volume IV: The “Fascist Epoch” / Ed. by Roger Griffin, Matthew Feldman. L.: Routledge, 2004. P. 1.*

обозначить эти идеологии. Хотя соответствующие организации рассматриваются в специфическом контексте постсоветских условий, для характеристики их идеологий используются, насколько это возможно, понятия и дефиниции, разработанные скорее в нероссийских, то есть в основном в западных, общественных науках. Чтобы избежать таких специфических для России конструкций, как, например, «национал-патриотизм»² или «неонационал-большевизм»³, попытаемся дать классификацию этих групп исходя из их сравнительного анализа.

Таким образом, статья продолжает обсуждение основных научных терминов, используемых в компаративистском изучении современного западного и российского антидемократизма, начатое десять лет тому на страницах «Политических исследований»⁴, продолженное затем в некоторых других русскоязычных журналах⁵ и недавно возобновленное в «Вопросах философии», где подверглось критике словосочетание

² Parland Thomas. *The Rejection in Russia of Totalitarian Socialism and Liberal Democracy. A Study of the Russian New Right*. Helsinki: Finnish Society of Sciences and Letters, 1993; Slater Wendy. *Imagining Russia. The Ideology of Russia's National Patriotic Opposition*. Unpublished Ph.D. dissertation. University of Cambridge, 1998.

³ Mathyl Markus. *Der "unaufhaltsame Aufstieg" des Aleksandr Dugin. Neo-Nationalbolschewismus und Neue Rechte in Russland // Osteuropa*. 2002. Vol. 52. P. 885–900; Gabowitsch Mischa. *Der russische "Nationalpatriotismus" der Gegenwart und sein Verhältnis zum Kommunismus // Rechtsextreme Ideologien in Geschichte und Gegenwart (=Schriften des Hannah-Arendt-Instituts für Totalitarismusforschung. Vol. 23) / Ed. by Uwe Backes*. Köln: Böhlau, 2003. P. 311–338.

⁴ Уmland Андреас. Старый вопрос, заданный заново: что такое фашизм? (Теория фашизма Роджера Гриффина) // ПОЛИС / Политические исследования. 1996. № 1. С. 175–176; Он же. Сравнительный анализ новых крайне правых групп на Западе // ПОЛИС / Политические исследования. 2001. № 3. С. 174–179.

⁵ Уmland А. Теоретическая интерпретация фашизма и тоталитаризма в работах В. Виппермана // Социологический журнал. 2000. № 1–2. С. 205–210; Он же. Правый экстремизм в постсоветской России // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 71–84; Он же. Был ли «красный холокост»? Критика «Черной книги коммунизма» в Германии // Свободная мысль — XXI. 2001. № 11. С. 78–81; Он же. Официальный советский антисемитизм послесталинского периода // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 2. С. 158–168; Он же. Формирование фашистского «неоевразийского» интеллектуального движения в России. Путь Александра Дугина от маргинального экстремиста до идеолога постсоветской академической и политической элиты, 1989–2001 гг. // Ab Imperio. 2003. № 3. С. 289–304; Он же. Современные понятия фашизма в России и на Западе // Неприкосновенный запас. 2003. № 5. С. 116–122; Он же. «Негражданское общество» в России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2005. Т. 2. № 2 (<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/Umland%20richtig.pdf>).

«консервативная революция»⁶. Целью проекта является рассмотрение постсоветского русского антидемократизма в контексте международных исследований правого экстремизма и приложение к российской политической обстановке понятийного аппарата, созданного в мировых общественных науках. При этом, с одной стороны, не должна быть утрачена, несомненно существующая специфика постсоветского антидемократизма, а с другой стороны, не следует излишне расширять общие понятия, изначально созданные для западного контекста. То, насколько это удастся, определит успех данного исследования.

В статье рассмотрены три организации в следующие временные периоды:

- Русское национальное единство (далее РНЕ) под руководством Александра Баркашова в период с 1990 по 2000 год;
- Либерально-демократическая партия России (далее ЛДПР) под руководством Владимира Жириновского в период с 1990 по 1993 год;
- Историко-религиозное объединение «Арктогея» и Общероссийское политическое общественное движение «Евразия» под руководством Александра Дугина в период с 1991 по 2001 год.

Все эти три организации в большей или меньшей степени несут на себе отпечаток личностей своих лидеров, которые одновременно являются или являлись их главными идеологами. Это обуславливает переходы от анализа организации к анализу руководителя, встречающиеся в данной статье.

Использованный понятийный аппарат в значительной степени определен интерпретацией фашизма британского историка политических идей Роджера Д. Гриффина⁷ — как с методологической, так и с прагматической

⁶ Уmland А. «Консервативная революция»: имя собственное или родовое понятие? // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 116–126, перепечатано в: Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2006. Т. 3. № 1 (<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forumruss.html>). См. также информативное обсуждение некоторых концептуально-компаративистских вопросов в статье: Люкс Леонид. Большевик, фашизм, национал-социализм — родственные феномены? // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 48–57.

⁷ Griffin R. *The Nature of Fascism*. 2nd edn. L.: Routledge, 1993; *Fascism* / Ed. by Roger Griffin. Oxford: Oxford University Press, 1995; Idem. *Interregnum or Endgame? Radical Right Thought in the Post-fascist Era* // *Journal of Political Ideologies*. 2000. Vol. 5. N 2. P. 163–178; Idem. *Plus ça change! The Fascist Mindset behind the Nouvelle Droite's Struggle for Cultural Renewal* // *The Development of the Radical Right in France 1890–1995* / Ed. by Edward Arnold. L.: Arnold, 2000. P. 237–252; Idem. *The Palingenetic Political Community. Rethinking the Legitimation of Totalitarian Regimes in Inter-War Europe* // *Totalitarian*

точек зрения. Предложенная Гриффином таксономия различных типов правого экстремизма не только более внятная и менее противоречивая, чем другие подобные понятийные построения. Конструкции и метафоры, разработанные или доработанные им самостоятельно или в сотрудничестве с другими авторами, очень точны и пригодны для использования в эмпирическом исследовании лучше, нежели большинство более ранних, часто слишком громоздких дефиниций фашизма и правого экстремизма или радикализма⁸. Поэтому интерпретация фашизма Гриффина не зря заслужила немало похвал⁹.

К тому же термин «фашизм» как общее понятие в России популярен (возможно, даже излишне), и попытка избежать употребления этого понятия не отвечала бы реалиям российского общественного и научного дискурса¹⁰. Можно добавить, что гриффиновская интерпретация уже

Movements and Political Religions. 2000. Vol. 3. N 3. P. 24–43; Idem. The Primacy of Culture. The Current Growth (or Manufacture) of Consensus within Fascist Studies // Journal of Contemporary History. 2002. Vol. 37. N 1. P. 21–43.

⁸ Umland Andreas. Konzeptionelle Grundfragen vergleichender Rechtsextremismusforschung. Der Beitrag der Faschismustheorie Roger Griffins // Erwägen Wissen Ethik. 2004. Vol. 15. P. 355–357; Idem. Einige Beispiele für die forschungspraktische Relevanz der Griffinschen Taxonomie // Erwägen Wissen Ethik. 2004. Vol. 15. P. 418–420.

⁹ См., например, цитаты таких авторитетных исследователей фашизма, как Джордж Мосс, Стэнли Пэйн или Ричард Турло на обложках книг Гриффина «The Nature of Fascism» и «Fascism». Даже критики гриффиновского понимания фашизма признавали значимость его концепции. См., например: Pearce Robert. Fascism and Nazism. L.: Hodder & Stoughton, 1997. P. 127: книга Гриффина «Сущность фашизма» – «сложное, но стоящее внимательного чтения исследование»; Blinkhorn Martin. Fascism and the Right in Europe, 1919–1945. Harlow: Longman, 2000. P. 102: новый идеальный тип фашизма, представленный Гриффином, «бесспорно, способствовал новому повороту в наших взглядах на фашизм и в его понимании».

¹⁰ См., например, в хронологическом порядке: Самойлов Эдуард. Общая теория фашизма. В 3-х тт. Обнинск: СЭЛС, 1992; Мороз Евгений. Вездизм и фашизм // Барьер. 1993. № 3. С. 4–8; Лакер Уолтер. Черная сотня. Происхождение фашизма в России. М.: Текст, 1994; Современный фашизм, национализм, ксенофобия, и антисемитизм в печати России. Информационно-аналитические материалы / Под ред. Фонда «Гражданское общество». М.: Фонд «Гражданское общество», 1995; Зудин Алексей. Фашизм в России: образы и реальности новой опасности // ПОЛИС / Политические исследования. 1995. № 2; О предупреждении проявлений фашистской опасности в Российской Федерации. Материалы парламентских слушаний 14 февраля 1995 года. М., 1995; Соловей Валерий. Россия не обречена на фашизм, но уже и не застрахована от него // Независимая газета. 1995. 29 марта; Он же. Реальна ли угроза «русского фашизма» в новой России? // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Материалы международного симпозиума 18–20 апреля 1994 г. Ч. 1 / Под ред. Андрея Здравомыслова. М.: РНИСиНП, 1994; Galkin Alexander et al. Der russische Faschismus im Widerstreit // Utopie kreativ.

приобрела определенную известность в России¹¹, и некоторые тексты

Diskussion sozialistischer Alternativen. 1995. N 52. P. 65–72; Указ Президента РФ «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации», 23 марта 1995 г. (<http://www.ostfront.ru/Bibliotek/U310.html>); О сущности и признаках фашизма. Записка, подготовленная группой экспертов РАН // Московские новости. 1995. № 39; Угрожает ли России фашизм? Материалы «круглых столов» (1994–1995 гг.) / Под ред. Центра социальных исследований безопасности. М.: ИСПИРАН, 1996; Нужен ли Гитлер России? По материалам Международного форума «Фашизм в тоталитарном и посттоталитарном обществе: идейные основы, социальная база, политическая активность». Москва, 20–22 января 1995 г. / Под ред. Владимира Илюшенко. М.: ПИК, 1996; Туз Галина. Провинциальный фашизм. М.: ПИК, 1997; Заявление Комиссии по правам человека при Президенте РФ «Об угрозе фашизма и расизма», 7 июля 1998 г. (<http://www.mshr-ngo.ru/docs/hrc-z0707.htm>); Антифашистское движение в регионах России. Проблемы и перспективы. М.: АМД, 1998; Илюшенко Владимир. Русский фашизм и религия // Диа-Логос. 1998–1999. Вып. II. С. 160–172; Schützler Horst. Faschismus – ein Thema in der russischen Historiographie der 90er Jahre? // Rassismus, Faschismus, Antifaschismus. Forschungen und Betrachtungen gewidmet Kurt Pätzold zum 70. Geburtstag / Ed. by Manfred Weißbecker/Reinhardt Kühnl / Erika Schwarz. Köln: PapyRossa, 2000. P. 231–242; Хлюпин Виталий. Русский фашизм как осознанная необходимость // Континент. 2000. № 6 (<http://www.continent.kz/2000/06/22.html>); Веснин В. Угрожает ли России фашизм? // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 5. С. 294–304; Ковалев В. Что же такое «фашизм»? От этимологии – к законодательному определению // Российская юстиция. 2002. № 10. С. 52–54; Дадиани Лионель. Фашизм в России. Мифы и реалии // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 103–111; Волков В. Фашизм в России. Что завтра? // Права человека в России. 2003. 4 декабря (http://www.hrgo.org/editions/karta/nr2829/jewich_3.php); Дадиани Лионель. Факты и мысли о русском фашизме. Дискурс // Социальное согласие против правого экстремизма. Вып. 3–4 / Под ред. Л.Я. Дадиани и Г.М. Денисовского. М.: Институт социологии РАН, 2005. С. 145–215; Umland A. Concepts of Fascism in Contemporary Russia and the West // Political Studies Review. 2005. Vol. 3. N 1. P. 34–49; Верлин Евгений. Фашизм в России больше чем фашизм // Ex libris. 2003. 27 марта (http://exlibris.ng.ru/konsep/2003-03-27/5_fascism.html); Маслов Олег, Прудник Александр. Заметки по истории становления «русского фашизма» в России // Еженедельное независимое аналитическое обозрение. 2006. 28 апреля, 11 мая (<http://www.polit.nnov.ru/2006/04/28/fascism/>); <http://www.polit.nnov.ru/2006/05/11/fascism/>); Фашизм снова угрожает России. Обращение участников конференции «Фашизм – угроза будущему России» к гражданам России. Москва, 14 мая 2006 г. // Права человека в России. 2006. 15 мая (<http://www.hrgo.org/actions/nazi/2006/05/15.php>); Трофимов Евгений. Экстремизм и фашизм в России не пройдут // Парламентарная газета. 2006. № 87. 5 июня (<http://www.pnp.ru/archive/19370112.html>).

¹¹ Рахшмир Павел. Фашизм: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 10. С. 153–157; Туз Галина. Возражение на иск Ставропольской организации партии РНЕ // Дело № 6 – РНЕ против Г. Туз и «Ставропольской правды» / Под ред. Фонда защиты гласности. М.: Фонд защиты

Гриффина переведены на русский язык¹². Весь его понятийный аппарат недавно подробно обсуждался ведущими немецкими и англоязычными специалистами по международному правому экстремизму в 15-м и 16-м томах немецкого журнала «Erwägen Wissen Ethik» (2004. №№ 3 и 4; 2005. № 4). Впоследствии эта дискуссия была перепечатана в виде 500-страничного сборника статей¹³. Поэтому далее термины и дефиниции Гриффина будут представлены лишь вкратце.

Основой для статьи послужила уже существующая литература¹⁴. Автором предпринята попытка пойти дальше предыдущих исследова-

гласности, 2000 (<http://www.gdf.ru/books/books/delo6/020.html>); Ядов Владимир. Заключение политологической экспертизы // Дела № 7, 8, 9 – Русское Национальное Единство против журналистов. Судебные процессы по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. Фонда защиты гласности. М.: Фонд защиты гласности, 2000 (<http://www.gdf.ru/books/books/rnc/85.html>); Поляков Л. В., Федотова В. Г. и др. Россия в зеркале политологии. М.: РГГУ, 2000. С. 127 (http://www.i-u.ru/biblio/archive/noname_ruzerp/ec100.aspx); Савельев Андрей. Мы мечтаем о том, что они ненавидят (антифашизм как модная болезнь) // Официальный сайт депутата Государственной Думы РФ Андрея Савельева (<http://savelev.ru/article/show/?id=65&t=1>); Тамаш Г. М. О постфашизме // Сравнительное конституционное обозрение. 2000. № 3 (<http://www.ilpp.ru/3709210910>); Уmland А. Концепции и теории фашизма и тоталитаризма // Институты «прямой» и представительной демократии. Генезис политических режимов в XX веке / Под ред. Александра Нестерова. Екатеринбург: УрГУ, 2000. С. 54–60; Совастеев Виталий. Новые тенденции в изучении новейшей истории Японии // Япония сегодня (http://www.jarantoday.ru/znakjap/histori/028_03.shtml); Габолич Михаил. Рецензия на книгу Paxton Robert. The Anatomy of Fascism // Неприкосновенный запас. 2004. № 6 (<http://www.nz-online.ru/index.phtml?aid=25011269>).

¹² Например: Гриффин Роджер. Революция правых: фашизм / Пер. Константина Метлова (<http://galaxy.fzu.cz/~metlov/griffin.html>); Гриффин Роджер. Палингенетическое политическое сообщество. Переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе / Пер. Антона Шеховцова // Вопросы философии. 2006. № 11.

¹³ Fascism Past and Present, West and East. An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right / Ed. by Roger Griffin, Werner Loh, Andreas Umland (=Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 35). Stuttgart: ibidem-Verlag, 2006. Об этой книге см.: Сурприан Бламирес. Review of “Fascism Past and Present, West and East” // Центр «СОВА». English page. News releases. 2006. 24 July (<http://xeno.sova-center.ru/6BA2468/6BB41EE/7AC86DA?print=on>).

¹⁴ Некоторые обзорные изложения в хронологическом порядке: Соловей Валерий. Современный русский национализм: идейно-политическая классификация // Общественные науки и современность. 1992. № 2. С. 119–129; Orttung Robert. The Russian Right and the Dilemmas of Party Organisation // Soviet Studies. 1992. Vol. 44. N 3. P. 445–478; Laqueur Walter. Black Hundred. The Rise of the Extreme Right in Russia. N.Y.: HarperCollins, 1993; Dunlop John. The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. 2nd edn. Princeton: Princeton University Press, 1995; Yanov Alexander. Weimar

ний путем применения западных общих понятий для концептуализации идеологий трех вышеупомянутых организаций. Таким образом, здесь не будет повторно даваться описание этих формирований; вместо этого будут затронуты некоторые концептуально-терминологические и дискурсно-аналитические проблемы толкования русского ультранационализма.

Похожая, более подробная, попытка классификации русского ультранационализма, предпринятая Стивенем Шенфильдом в 2001 году, представляется очень удачной в части, касающейся эмпирического обоснования сравнительного изучения правого экстремизма в России¹⁵. Однако эта книга, ценная с фактологической точки зрения,

Russia – And What We Can Do About It. N.Y.: Slovo, 1995; Ivanov Leonid. Rußland nach Gorbatschow. Wurzeln – Hintergründe – Trends der sich formierenden Gruppierungen: Perspektiven für die Zukunft. Passau: Wissenschaftsverlag Rothe, 1996; Верховский Александр, Папп Анатолий, Прибыловский Владимир. Политический экстремизм в России. М.: Центр «Панорама», 1996; Tolz Vera. The Radical Right in Post-Communist Russian Politics // The Revival of Right-Wing Extremism in the Nineties / Ed. by Peter H. Merkl, Leon Weinberg. L.: Frank Cass, 1997. P. 177–202; Allensworth Wayne. The Russian Question. Nationalism, Modernization, and Post-Communist Russia. Lanham: Rowman & Littlefield, 1998; Верховский А., Прибыловский В., Михайловская Екатерина. Национализм и ксенофобия в российском обществе. М., 1998; Они же. Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления лидеров. Роль церкви. М.: Центр «Панорама», 1999; Devlin Judith. Slavophiles and Commissars. Enemies of Democracy in Modern Russia. Basingstoke: Macmillan, 1999; Williams Christopher, Hanson Stephen. National-Socialism, Left Patriotism, or Superimperialism? The Radical Right in Russia // The Radical Right in Central and Eastern Europe Since 1989. With an afterword by Roger Griffin / Ed. by Sabrina Ramet. University Park: Pennsylvania State University Press, 1999. P. 257–278; Verkhovsky Alexander. Ultra-Nationalists in Russia at the Onset of Putin’s Rule // Nationalities Papers. 2000. Vol. 28. P. 707–726; Vujačić Vojko. Serving Mother Russia. The Communist Left and Nationalist Right in the Struggle for Power, 1991–1998 // Russia in the New Century. Stability and Disorder? / Ed. by Victoria E. Bonnell, George W. Breslauer. Boulder: Westview, 2001. P. 290–325; Rossman Vadim. Russian Intellectual Antisemitism in the Post-Communist Era. Lincoln–L.: University of Nebraska Press, 2002; Umland A. Der russische Rechtsextremismus nach den Wahlen 2003–2004. Bestandsaufnahme und Perspektiven // Russlandanalysen. 2004. N 23 (http://www.forschungstelle.uni-bremen.de/10_dokument/1001_pdf/pub/russlandanalysen/Russlandanalysen23.pdf); Parland Thomas. The Extreme Nationalist Threat in Russia. The Growing Influence of Western Rightist Ideas (=Contemporary Russia and Eastern Europe Series. Vol. 3). L.–N.Y.: RoutledgeCurzon, 2005; Umland A. Russia // World Fascism. A Historical Encyclopedia / Ed. by Сурприан Бламирес. Santa Barbara: ABC Clío, 2006. В печати. Обзор книг, вышедших до 1996 г., см. в моей рецензии: Umland A. The Post-Soviet Russian Extreme Right // Problems of Post-Communism. 1997. Vol. 44. N 4. P. 53–61.

¹⁵ Shenfield Stephen. Russian Fascism. Traditions, Tendencies, Movements. Armonk: M.E. Sharpe, 2001.

вследствие ее отчасти расплывчатого, отчасти противоречивого определения фашизма, в конечном счете оставила открытым вопрос, по каким именно причинам некоторые националистические организации России следует называть «фашистскими», а другие — не следует, а также каким образом интерпретировать ряд специфических черт русского интегрального антидемократизма¹⁶.

Приведенная в данной работе классификация ряда современных политических идеологий РФ как «фашистских» не имеет цели заклеить членов соответствующих организаций. Термин «фашизм» — как общее понятие, а не как имя собственное итальянской идеологии¹⁷ — здесь употребляется как политологическая категория для адекватной научной категоризации идей лидеров данных организаций с компаративистской точки зрения. Ненаучные коннотации этого слова («зло», «бесчеловечность» и т.д.) не играют роли.

Гриффиновская дефиниция фашизма

Употребляемое в этой статье понятие фашизма Роджера Гриффина — известная формула «палингенетический (то есть стремящийся скорее к новорождению, чем к возрождению)¹⁸ ультранационализм» — во

¹⁶ См. мою рецензию на эту книгу в журнале «Europe-Asia Studies» (2002. Vol. 54. N 3. P. 488—490) и на сайте Electronic Newsletter of the ECPR-SG on Extremism & Democracy. 2002. Vol. 3. N 1. Spring (http://www.bath.ac.uk/esml/ecpr/newsletter/News3_1.htm).

¹⁷ Эта специфическая методологическая проблема привела к следующему правилу в использовании слова «фашизм» в англоязычных компаративистских исследованиях: когда «F» заглавная, «Fascism» означает имя собственное и относится к итальянскому прототипу; в тех же случаях, когда «fascism» пишется с малой буквы «f», имеется в виду абстрактная концепция идеального типа родового фашизма. Подобное различие нельзя передать на немецком языке, где все существительные начинаются с большой буквы. Те немецкие ученые, которые вообще признают фашизм как общее понятие, поэтому делают иногда различие между «Faschismus» и «ItaloFaschismus». К тому же стоит отметить, что сами немецкие нацисты не признавали определение «фашизм» как подходящее для нацистской идеологии. Об отношении раннего Третьего Рейха к режиму Муссолини см.: Сиянова С.В. Образ фашистской Италии в национал-социалистической пропаганде, 1933 год // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2005. № 2. С. 28—49.

¹⁸ Палингенезис, палингенез м. (от греч. pálin — снова, обратно и génesis — происхождение, рождение): преобразование или новое рождение. В геологии: преобразование, возрождение изверженных горных пород путем переплавления гранитов, гнейсов и сланцев в глубоких зонах земной коры. В биологии: появление у зародыша признаков, свойственных взрослым формам отдаленных предков. (<http://www.rubricon.com/partner.asp?aid={529C90E9-8B97-44F1-B24D-204DCBC6EF07}&ext=6>, <http://p.uportal.ru/show/66309/>). В истории идей: воз-/новорождение, воскрешение, революция. Kleines

многих отношениях отличается от марксистской попытки определения фашизма¹⁹ и схоже с трактовкой фашизма у таких англосаксонских компаративистов, как Джордж Мосс, Стенли Пейн и Роджер Итвелл²⁰. В Германии гриффиновская теория фашизма наиболее близка к известной в России интерпретации фашизма Вольфганга Випперманна²¹, которая также основана на сравнительном подходе и рассматривает идеологию как решающий фактор²². Тем не менее, гриффиновская теория до недавнего времени была сравнительно мало известна в Германии и использовалась лишь немногими исследователями, в том числе Михаэлем Минкенбергом

Fremdwörterbuch. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1974. P. 263. В этом контексте «палингенезис» подразумевает рождение нации (или же более широкого сообщества с определенной культурой, специфическими традициями и т.д.) заново, а не возрождение в смысле полного возврата к какому-то старому или древнему состоянию, которое, тем не менее, может играть роль «золотого века» в историческом воображении фашистов.

¹⁹ Недавнюю критику марксистского понимания фашизма можно найти в следующей работе: Pfeiler Wolfgang. Der Begriff Faschismus als politisches Instrument und als wissenschaftliche Kategorie // Demokratie und Diktatur in Europa. Geschichte und Wechsel der politischen Systeme des 20. Jahrhunderts / Ed. by Heiner Timmermann, Wolf D. Gruner. Berlin: Duncker & Humblot, 2001. P. 97—106.

²⁰ International Fascism. New Thoughts and Approaches / Ed. by George L. Mosse. N.Y.: Sage, 2000; Idem. The Fascist Revolution. Toward a General Theory of Fascism. N.Y.: Howard Fertig, 2000; Payne Stanley. Fascism. Comparison and Definition. Madison: University of Wisconsin Press, 1980; Idem. A History of Fascism, 1914—1945. Madison: University of Wisconsin Press, 1996. Недавно эта важная монография вышла на немецком языке: Idem. Geschichte des Faschismus. Aufstieg und Fall einer europäischen Bewegung. München: Propyläen, 2001 (см. рецензию Армина Нольцена в интернет-журнале «H-Soz-u-Kult» 4 февраля 2002 года — <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/NG-2002-009>); Eatwell Roger. Towards a New Model of Generic Fascism // Journal of Theoretical Politics. 1992. Vol. 4. N 2. P. 161—194; Idem. Fascism. A History. L.: Viking, 1995; Idem. On Defining the “Fascist Minimum”. The Centrality of Ideology // Journal of Political Ideologies. 1996. Vol. 1. N 3. P. 303—319; Idem. Zur Natur des “generischen Faschismus” — Das “faschistische Minimum” und die “faschistische Matrix” // Rechtsextreme Ideologien. P. 93—122.

²¹ Wippermann Wolfgang. Faschismustheorien. Zum Stand der gegenwärtigen Diskussion. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972; Idem, Thamer Hans-Ulrich. Faschistische und neofaschistische Bewegungen. Probleme empirischer Faschismusforschung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1977; Idem. Europäischer Faschismus im Vergleich 1922—1982. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1983; Idem. Faschismustheorien. Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute. 7. Aufl. Darmstadt: Primus, 1997; “Faschismus” — kontrovers (=Erwägungskultur in Forschung, Lehre und Praxis. Vol. 3) / Ed. by Werner Loh, Wolfgang Wippermann. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2002.

²² Випперман Вольфганг. Европейский фашизм в сравнении 1922—1982 / Пер. А. Федорова. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2000 (<http://lib.ru/POLITOLOG/fascio.txt>; <http://www.new-russia.org/library/history/wipperman.htm>); Умланд А. Теоретическая интерпретация фашизма и тоталитаризма в работах В. Виппермана.

и Свенем Рейхардтом²³. В российском контексте гриффиновский подход пожалуй наиболее близок для теории фашизма ведущего специалиста по теме Александра Галкина²⁴.

Гриффин определяет фашизм как разновидность крайнего национализма и, таким образом, как форму правого экстремизма. При этом у Гриффина под «ультранационализмом» подразумевается широкий спектр этноцентристских, расистских, культуралистических и даже супранационалистических идеологий — но при этом исключается религиозный фундаментализм²⁵. Фашизм как общее понятие, согласно Гриффину, отличается от других ультранационализмов своим не только социальным и политическим, но и культурным и антропологическим революционаризмом. Ядром фашизма является миф о всестороннем новорождении (омоложении, очищении, воскрешении и т.д.) нации, как бы она ни определялась, или супранациональной общности, как бы она ни ограничивалась.

Миметический фашизм: баркашовский неонацизм

РНЕ в российском и западном видении постсоветской России

РНЕ, несомненно, является той фашистской российской организацией, которая в 90-х годах привлекала наибольшее внимание российских и западных исследователей, интересующихся русским фашизмом; здесь

²³ Minkenberg Michael. Die neue radikale Rechte im Vergleich. USA, Frankreich, Deutschland. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1998; Reichardt Sven. Faschistische Kampfbünde. Gewalt und Gemeinschaft im italienischen Squadristum und in der deutschen SA. Köln: Böhlau, 2002.

²⁴ Галкин Александр. О фашизме — всерьез // Свободная мысль. 1992. № 5. С. 13–23; Он же. Российский фашизм? // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 17–27 (<http://knowledge.isras.ru/sj/sj/94-2-2.html>); Он же. Фашизм: корни, признаки, формы проявления // ПОЛИС / Политические исследования. 1995. № 2. С. 6–15; Галкин Александр, Красин Юрий. О правом радикализме в советском обществе // Обозреватель. 1995. № 12. С. 52–58; Галкин А. Западня. Рассказ о том, что принес рабочим национал-социализм. М.: Горбачев-Фонд, 1995; Он же. Размышления о фашизме // Нужен ли Гитлер России? С. 88–105; Он же. Фашизм как болезнь общества // Polit.ru. 2006. 8 мая (<http://www.polit.ru/lectures/2006/05/08/galkin.html>).

²⁵ Griffin R. The Primacy of Culture. См. для сравнения трактовку религиозного фундаментализма как разновидность фашизма у Уолтера Лакера: Laqueur W. Faschismus. Gestern, Heute, Morgen. München: Propyläen, 1997.

ее нет смысла детально описывать²⁶. Более того, РНЕ служило для разных комментаторов общеполитических тенденций в России самым ярким примером русского фашизма. В некоторых комментариях русский фашизм отождествляется с РНЕ и ему подобными группировками. Кроме того, многие российские патриотически настроенные обозреватели (не симпатизирующие РНЕ) указывали на баркашовскую организацию как на феномен, не только воплощающий русский фашизм вообще, но и символизирующий его общественную маргинальность. Иногда упоминания об изолированности и сомнительном характере РНЕ использовались российскими публицистами для того, чтобы проиллюстрировать некий иммунитет большинства этнических русских к фашизму. Поскольку в последние годы РНЕ разделилось на шесть мелких группировок (а другие похожие «партии» вообще не смогли преодолеть свою полную политическую несостоятельность), то в свете указанных интерпретаций создается впечатление, что фашизм потерял всякую значимость как общероссийский политический фактор. Как будет показано, такая оценка сегодняшнего политического потенциала революционно-ультранационалистических тенденций в РФ со ссылкой лишь на РНЕ и ему подобные группы, представляется преждевременной.

РНЕ как подражание иностранным фашизмам

РНЕ, с его слегка модифицированной свастикой, римским салютом, черной формой, военизированной организационной структурой, расистской идеологией и евгеническими планами можно легко идентифицировать как одну из многих международных разновидностей неонацизма. С первого взгляда РНЕ, демонстративно копирующее нацизм и, в меньшей степени, движение Муссолини или румынскую «Железную

²⁶ Некоторые важные работы в хронологическом порядке: Richter Elisabeth. Faschistische Parteien und Bewegungen in der Russischen Föderation am Beispiel der RNE (Russische Nationale Einheit). Unpublished M.A. thesis. Universität zu Köln, 1996; Dunlop John. Alexander Barkashov and the Rise of National Socialism in Russia // Demokratizatsiya. 1996. Vol. 4. P. 519–530; Simonsen Sven. Aleksandr Barkashov and Russian National Unity. Blackshirt Friends of the Nation // Nationalities Papers. 1996. Vol. 24. P. 625–639; Jackson William. Fascism, Vigilantism, and the State. The Russian National Unity Movement // Problems of Post-Communism. 1999. Vol. 46. N 1. P. 34–42; Нацистские игры. М.: ПИК, 2000; Dunlop J. Barkashov and the Russian Power Ministries, 1994–2000 // Demokratizatsiya. 2001. Vol. 9. N 1. P. 60–74; Shenfield S. Russian Fascism. P. 113–189, 264–266; Лихачев Вячеслав. Нацизм в России. М., 2002; Русское Национальное Единство. В 2-х тт. / Под ред. В. Лихачева и В. Прибыловского (=Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 10). Stuttgart: ibidem-Verlag, 2005.

гвардию», может послужить основанием для того, чтобы отказаться от всякого сравнения постсоветской России с Веймарской республикой уже ввиду очевидно неравного веса НСДАП и РНЕ в соответствующих обществах.

На самом же деле РНЕ является, как будет показано, социальным феноменом, который все еще ждет адекватной интерпретации. Внешний вид и заметное время от времени присутствие РНЕ в ряде российских областных центров (например, в Воронеже, Краснодаре, Орле, Владивостоке) в 90-х способствовало тому, чтобы запутать и российское, и западное обсуждение политического потенциала русского фашизма. Эта путаница связана с тем, что РНЕ, несмотря на внешнее сходство, не является историческим феноменом, аналогичным НСДАП. Более того, РНЕ не представляет собой политически полноценную разновидность неонацизма.

Во-первых, РНЕ можно сравнить с НСДАП только условно, так как оно принадлежит к другому подвиду фашизма как общей категории. В то время как идеология и символика НСДАП позволяет вести речь о специфически немецком виде фашизма и тем самым — о разновидности автохтонного палингенетического ультранационализма, РНЕ следует причислять к классу миметических фашизмов. Мировоззрение, программа и внешний вид РНЕ находятся в значительной мере за пределами националистических традиций России и представляют собой очевидное имитирование иностранных фашизмов — прежде всего немецкого нацизма — не являясь подлинно русским выражением палингенетического ультранационализма (что, конечно, РНЕ отрицало). С этой точки зрения, РНЕ можно в чем-то сравнить с Британским союзом фашистов и национал-социалистов сэра Освальда Мосли. Именно потому, что оно настолько явно повторяет идеи и стилистику НСДАП и, в меньшей мере, итальянской Национальной фашистской партии и румынской «Железной гвардии», РНЕ не может быть включено в их категорию идейно и исторически подлинных ультранационализмов. Конечно, «прототипы» РНЕ тоже делали определенные «заимствования» за границей. Эти трансферты, однако, касались скорее политической риторики, стратегии, тактики или политического стиля, чем основных черт мировоззрения, программ или символики.

Таким образом, при сравнении постсоветской России с Веймарской республикой РНЕ оказывается «ложным другом» компаративиста²⁷. РНЕ

²⁷ Shenfield S. The Weimar/Russia Comparison. Reflections on Hanson and Kopstein // *Post-Soviet Affairs*. 1998. Vol. 14. N 4. P. 355–368; Idem. Russian Fascism. P. 113–189, 264–266.

только кажется очевидным соединительным звеном между межвоенной Германией и сегодняшней Россией²⁸. В случае РНЕ речь идет о политическом парадоксе, общественная роль которого подобна некоторым неудачным и поэтому не получившим широкой известности попыткам скопировать движение Муссолини в межвоенной Германии. В лучшем случае можно говорить о некоем сходстве между РНЕ и межвоенными фашистскими группировками русской эмиграции в Маньчжурии, США и Западной Европе²⁹. Эти эфемерные партии также были результатом далеко зашедшей имитации итальянской, германской и других нерусских моделей, не сыграли сколько-нибудь значимой роли и только недавно стали относительно известны в самой России³⁰.

²⁸ Rohrmoser Günter. Menetekel Weimar über Jelzin? Das russische Volk kämpft geistig um das eigene Überleben // *Die Welt*. 1993. 30 Oktober; Jawlinskij Grigorij. Gedemütigt, wie Deutschland nach dem Versailler Frieden // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 1994. 9 Dezember; Breslauer George, Feldman Gerald, James Harold, Melville Andrei. Weimar and Russia. Is There an Analogy? // *Institute of International Studies*. UC Berkeley (<http://globetrotter.berkeley.edu/pubs/breslauer.html>, <http://globetrotter.berkeley.edu/pubs/feldman.html>, <http://globetrotter.berkeley.edu/pubs/james.html>, <http://globetrotter.berkeley.edu/pubs/melville.html>); Starovoitova Galina. Modern Russia and the Ghost of Weimar Germany // *Remaking Russia* / Ed. by Heyward Isham. Armonk: M.E. Sharpe, 1995. P. 129–145; Yanov Alexander. Weimar Russia; Brubaker Rogers. Nationalism Reframed. Nationhood and National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 107–147; Beichelt Tim. Konsolidierungschancen des russischen Regierungssystems // *Osteuropa*. 1996. Vol. 46. N 6. P. 597–609; Hanson Stephen, Kopstein Jeffrey. The Weimar/Russia Comparison // *Post-Soviet Affairs*. 1997. Vol. 13. N 3. P. 252–283; Мисухин Глеб. Россия в веймарском зеркале, или Соблазн легкого узнавания // *Pro et Contra*. 1998. № 3. С. 111–123; Caryl Christian. Is this Weimar Russia? Eerie Parallels to Germany during Hitler's Rise to Power // *US News and World Report*. 1998. 16 November; Ferguson Niall. Look back at Weimar and start to worry about Russia // *The Daily Telegraph*. 2004. 1 January.

²⁹ Oberländer Erwin. The All-Russian Fascist Party // *Journal of Contemporary History*. 1966. Vol. 1. N 1. P. 158–173; Stephan John. The Russian Fascists. Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945. N.Y.: Harper & Row, 1978.

³⁰ В хронологическом порядке: Мельников Юрий. Русские фашисты в Маньчжурии (К.В. Родзаевский: трагедия личности) // *Проблемы Дальнего Востока*. 1991. № 2. С. 109–121; № 3. С. 156–164; Левинская Ирина. Русские фашисты на Дальнем Востоке и в США // *Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Часть 1: Россия и русское зарубежье* / Под ред. Р. Ганелина и др. СПб.: Институт социологии РАН, 1992. С. 151–171; Стефан Джон. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции, 1925–1945. М.: Слово, 1992; Онегина Светлана. Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину // *Отечественная история*. 1992. № 3. С. 92–100; Максимова Татьяна. Русские фашисты. Беседа с историком С.В. Онегиной // *Родина*. 1992. № 11–12. С. 10–13; Онегина Светлана. Русский фашизм в 30-е годы // *Кентавр*. 1993. № 5. С. 105–121; Звезда и свастика. Большевик и русский фашизм. М.: ТЕРРА, 1994; Лазарева С.И. «Союз русских женщин» со свастикой // *Проблемы Дальнего Востока*.

РНЕ как карикатура фашизма

РНЕ невозможно сравнивать с политической ролью НСДАП в межвоенной Германии, но и с упомянутым Британским союзом фашистов и национал-социалистов, предвоенными имитационными партиями русской эмиграции, неонацизмом в послевоенной Германии, с другими миметическими фашизмами его можно сравнить лишь условно. Этот вывод легко сделать на основании разного исторического контекста: Британский союз фашистов и национал-социалистов и предвоенные русские подражатели Муссолини и Гитлера могли (а сегодняшние немецкие неонацисты могут) с определенной долей легитимности указывать в своих высказываниях на некие «позитивные» аспекты Regime Fascista и Drittes Reich. Такого рода упоминания не только немецкой ориентированности, но и якобы вневременной позитивной роли нацистских идей представляются в послевоенном российском контексте, мягко говоря, проблематичными. Роль или наследие Третьего Рейха для сегодняшней России очевидно отличаются от значения, которое межвоенный нацизм мог иметь для английских националистов-революционеров и русских эмигрантов того времени или которое можно ему приписать в сегодняшней ФРГ (конечно, тоже не без определенных затруднений)³¹.

По этим причинам адекватная интерпретация относительно высокого организационного потенциала РНЕ в 90-е годы сложнее, чем ин-

1994. № 3. С. 151–154; Онегина С. Крах расчетов и иллюзий («Внутрисоюзная» работа Всероссийской фашистской партии в Маньчжурии) // Кентавр. 1995. № 5. С. 48–59; Она же. Российский фашистский союз в Маньчжурии и его зарубежные связи // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 150–160; Жданов Д.Н. Русские национал-социалисты в Германии (1933–1939 гг.) // Россия и современный мир. 1998. № 3. (<http://www.inion.ru/product/russia/zdanov.htm>); Аблова Надежда. Российская фашистская партия в Маньчжурии // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 2. (<http://beljournal.by.ru/1999/2/9.shtml>, <http://www.nationalism.org/rodina/history/rusfas.htm>, <http://newrussia.by.ru/materials/fascism/russian-fascists.htm>); Недбаевский В. Духовные и организационные проявления фашизма в среде российской эмиграции в Германии // Новый исторический вестник. 2000. № 2. (http://www.nivestnik.ru/2000_2/2.shtml); Родзаевский Константин. Завещание русского фашиста. М., 2001; Огороков А. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945). М.: ФЭРИ-В, 2002; Косик В.И. «Молодая Россия» (К вопросу о русском фашизме) // Славяноведение. 2002. № 4. С. 21–31; Аблова Н. Российская фашистская партия в Маньчжурии (1920–1940 гг.) // Россия XXI. 2004. № 2. С. 126–145.

³¹ Umland A. The Pseudo-Threat of Russian Neo-Nazism. Symbolic and Ideological Handicaps of the RNE. Доклад представлен на 33-м ежегодном заседании American Association for the Advancement of Slavic Studies, Arlington, Virginia, 15–18 November 2001.

терпретации, существующие во многих исследованиях русского правого экстремизма. Здесь я не могу предложить окончательное решение этой проблемы, но лишь упомяну несколько возможных направлений будущих исследований русского неонацизма.

Контркультура, мужской клуб, работодатель, группускул...?

Продуктивный подход к постсоветскому русскому правому экстремизму, хотя и относящийся в первую очередь не к РНЕ, был предложен Маркусом Матyleм в 2000 году³². В своей статье в берлинском «Ежегоднике по изучению антисемитизма» Матyleм описывает возникновение специфически постсоветского контркультурного движения, которое:

- радикально отрицает и советскую, и западную модели;
- носит выражено антисистемный и частично антиполитический характер;
- связывает между собой отчужденные от общества элементы молодежной, музыкальной, литературной, художественной и интеллектуальной сцены.

Включение РНЕ в контекст российской постсоветской контркультуры представляется оправданным, поскольку баркашовское употребление символов Третьего Рейха являлось особенно наглым вызовом российской политической корректности. С этой точки зрения РНЕ можно рассматривать скорее в ряду неконформистских движений и течений в молодежной культуре, нежели как полноценную часть идеологического и партийного ландшафта РФ.

³² Mathyl M. Das Entstehen einer nationalistischen Gegenkultur im Nachperestroika-Rußland // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. Vol. 9 / Ed. by Wolfgang Benz. Frankfurt am Main: Campus, 2000. P. 68–107. См. также: Тарасов Александр. Порождение реформ – бритоголовые, они же скинхеды // Свободная мысль. 2000. № 5. С. 39–56; Mathyl M. Die größte weiße Nation Europas – Geburt des Nationalismus aus dem Geist der Pop-Kultur. Wie der russische Schriftsteller und Politiker Eduard Limonow die Herzen der Jugendlichen erobert // Süddeutsche Zeitung. 2002. 30 September; Idem. Helden-Krieger. Wie Alina Wituchnowskaja die deutschen Medien blendet // Süddeutsche Zeitung. 2002. 26 November; Tarasov Alexander. Offspring of Reforms – Shaven Heads Are Skinheads. The New Fascist Youth Subculture in Russia // Russian Politics and Law. 2001. Vol. 39. N 1. P. 43–89; Heilwagen Otto. Böse Onkel Wanjas. Rußlands faschistische Punks // Welt am Sonntag. 2002. 31 Juli (<http://www.welt.de/daten/2002/07/31/0731kmu347665.htm>); Tarasov Aleksandr. Die Skinhead-Bewegung in Rußland. Hintergründe ihres Aufschwungs // Berliner Debatte Initial. 2003. Vol. 14. N 3. P. 93–100.

Таким образом, устанавливается связь с другими понятиями, относящимися к правому экстремизму, такими как «негражданское общество» и «группускул». Хотя РНЕ несколько раз пыталось участвовать как в федеральных и региональных выборах, так и в коалициях и избирательных блоках русских правых экстремистов, все эти попытки интеграции в националистический спектр ограничились отдельными случаями, вроде участия РНЕ в вооруженном конфликте октября 1993 года на стороне ультранационалистических противников Ельцина (Владислав Ачалов, Альберт Макашов и т.д.). В целом же РНЕ осталось относительно изолировано и было исключено из значимых политических процессов, таких как выборы на федеральном уровне или большие съезды националистов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что РНЕ представляет собой феномен в большей степени гражданского или, точнее, «негражданского» общества, нежели политического общества РФ в узком смысле³³. Временно высокая привлекательность РНЕ, особенно для мужской половины русской молодежи с низким уровнем образования, по-видимому, только частично основывалась на политических планах РНЕ на время после его прихода к власти. Сила притягательности РНЕ в большей мере, чем в случае автохтонных форм русского национализма, определялась неполитическими аспектами, такими как предоставление:

- среды для общения с ровесниками;
- тренировочных курсов (рукопашный бой, стрельба);
- различных возможностей заработка (охрана, инкассирование, рэкет, разбой и т.д.);
- возможности социального роста внутри организации.

³³ К понятию «негражданское общество» см.: Pedahzur Ami, Weinberg Leonard. *Modern European Democracies and Its Enemies. The Threat of the Extreme Right // Totalitarian Movements and Political Religions*. 2001. Vol. 2. N 1. P. 52–72; *Uncivil Society? Contentious Politics in Post-Communist Europe* / Ed. by Cas Mudde, Petr Kopecky (=Studies in Extremism and Democracy. Vol. 1). L.: Routledge, 2002; Umland A. *Toward an Uncivil Society? Contextualizing the Recent Decline of Extremely Right-Wing Parties in Russia* // Weatherhead Center for International Affairs Working Paper Series. 2002. N 3 (http://www.wcfia.harvard.edu/papers/555__Toward_An_Uncivil_Society.pdf); Idem. *Die rechtsextremistische APO im heutigen Russland. Ultranationalistische Denkfabriken als Bestandteil der postsowjetischen "unzivilen Gesellschaft"* // *Rußland. Ein starker Staat?* (=Europäisches Denken. Vol. 3) / Ed. by Vera Haney, Michael Wegner, Andrea Jahn. Jena: Thüringer Forum für Bildung und Wissenschaft, 2003. P. 123–143; Уmland А. «Негражданское общество» в России // *Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям* / Под ред. Александра Верховского. М.: Центр «СОВА», 2005. С. 142–165.

Поскольку в вышеупомянутых источниках эти аспекты деятельности РНЕ подробно описаны (хотя еще недостаточно интерпретированы), мы не будем здесь на них останавливаться.

Можно ли, тем не менее, понимать РНЕ как хотя бы частично политический феномен в широком смысле, то есть, например, как компонент не партийных, а, в гриффиновском понимании, группускулярных правых³⁴? Окончательный ответ на это дать невозможно. РНЕ присущи несколько характерных черт группускула: интровертность, общественная отчужденность и крайняя идеологизация. Однако в 90-е годы РНЕ, с одной стороны, было слишком большим, чтобы его можно было назвать «группкой», а с другой стороны, слишком оторванным (за редкими исключениями), как от российской, так и от международной правоэкстремистской сцены, чтобы можно было считать его составной частью российской или европейской группускулярной сети.

Вывод: РНЕ как парapolитический феномен

В противоположность приведенным выше единодушным оценкам РНЕ мы приходим к выводу, что однозначная классификация РНЕ как полноценной русской фашистской партии проблематична. Данная организация в 90-е не отвечала критериям, по которым ее можно было бы убедительно классифицировать как значительный партийно-политический феномен. Идеология РНЕ не отвечает необходимым условиям для категоризации ее как исторически основательной русской разновидности палингенетического ультранационализма. Таким образом, многократно повторяемое утверждение лидера РНЕ Баркашова, что его организация не воплощает собой русский фашизм, представляется частично верным:

³⁴ Griffin R. *From Slime Mould to Rhizome. An Introduction to the Groupuscular Right // Patterns of Prejudice*. 2002. Vol. 36. N 3. P. 27–50. Там Гриффин объясняет: «Термин “группускул” употребляется для обозначения такой политической организации, которая по стандартам общенациональной партийной политики имеет крошечное активное членство и, возможно, предельно низкое или несуществующее общественное признание, но является полностью созревшим фруктом в собственном идеологическом саду. ... Его маленький размер, маргинальность и относительная незначительность придают ему качества, которые соответствуют интересам его организаторов». См. также первую фактологически богатую, но концептуально не совсем удачную попытку использовать понятие «группускулярной правый» в отношении российского контекста у Маркуса Матэля: Mathyl M. *The National-Bolshevik Party and Arctogaia. Two Neo-Fascist Groupuscules in the Post-Soviet Political Space // Fascism. Vol. V: Post-war Fascisms (=Critical Concepts in Political Science)* / Ed. by Roger Griffin, Matthew Feldman. L.–N.Y.: Routledge, 2004. P. 185–200.

программа и символика РНЕ действительно не являются выражениями радикализованной русской идеологии. Тем не менее, не только антрополога, культуролога или социолога, но и политолога заставляет обращать внимание на РНЕ неожиданно высокая привлекательность движения для юношей 90-х годов и периодические проникновения отдельных бывших баркашовцев в уважаемые политические партии (например, временное вхождение бывшего ведущего РНЕшника Юрия Васина в партию «Народная воля» нынешнего заместителя председателя Государственной Думы Сергея Бабурина).

Биологизаторские расистские и антисемитские идеи немецких нацистов можно трактовать как патологии донацистской германской политической культуры, доведенные до крайности. Идеология НСДАП была крайне извращенным, но все же последовательным продолжением определенных, специфически немецких историко-политических и духовных традиций³⁵. Напротив, идеология РНЕ, явно копирующая нацизм, так же как и расистские фантазии других русских ультра националистов, кажутся странными, поскольку их приложение к русской истории приводит к курьезам. Например, царская семья и аристократия на протяжении столетий включали в себя многих представителей татарского, балтийского и западноевропейского происхождения. Обожествляемый русскими националистами великий русский поэт и творец современного русского литературного языка Александр Пушкин³⁶ был, как известно,

³⁵ Наиболее однозначные тезисы в этом отношении у Goldhagen Daniel. *Hitler's Willing Executioners. Ordinary Germans and the Holocaust*. Boston: Knopf, 1996. О дискуссии об этой нашумевшей книге, важной для понимания немецкого нацизма, см.: Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / Ed. by Julius Schoeps. Hamburg: Hoffmann & Campe, 1996; North David. *Anti-Semitism, Fascism and the Holocaust. A Critical Review of Daniel Goldhagen's Hitler's Willing Executioners*. Oak Park: Labor Publications, 1997; *Hyping the Holocaust. Scholars Answer Goldhagen* / Ed. by Franklin Hamlin Littell. East Rockaway: Cummings & Hathaway, 1997; Wippermann W. *Wessen Schuld? Vom Historikerstreit zur Goldhagen-Kontroverse*. Berlin: Elefant Press, 1998; Kautz Fred. *Gold-Hagen und die "Hürnen Sewfriede"*. Die Holocaust-Forschung im Sperfeuer der Flakhelfer. Hamburg: Argument-Verlag, 1998; *Unwilling Germans? The Goldhagen Debate* / Ed. by Robert R. Shandley. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998; Birn Ruth, Finkelstein Norman. *A Nation on Trial. The Goldhagen Thesis and Historical Truth*. N.Y.: Owl Books, 1998; *The "Goldhagen Effect". History, Memory, Nazism-Facing the German Past (=Social History, Popular Culture, and Politics in Germany)* / Ed. by Geoff Ely. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000.

³⁶ Brooks Jeffrey. *Russian Nationalism and Russian Literature. The Canonization of the Classics* // *Nation and Ideology. Essays in Honor of Wayne S. Vucinich* / Ed. by Ivo Banac, John Ackermann, Roman Szporluk. Boulder: East European Monographs, 1981. P. 315–334; Slater Wendy. *The Patriots' Pushkin* // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. P. 407–427.

частично африканского происхождения — факт, который вполне заметно сказывался на его фенотипе, столь важном для расистов³⁷.

РНЕ представляет интерес с точки зрения политической психологии в связи со своей значительной притягательной силой для русской молодежи. В 90-е годы тысячи юношей и взрослых мужчин прошли через ряды РНЕ. Недавно начатое Михаилом Соколовым систематическое изучение этой организации³⁸, на первый взгляд казавшейся всего лишь примитивной бандой, которая не требует внимания серьезного обществоведа, призвано заполнить эту лакуну в исследовании общественной жизни постсоветской России.

Революционный империализм: «Последний бросок на юг» Жириновского

В предыдущей главе была предпринята попытка оспорить преобладающую сегодня трактовку РНЕ как важнейшей фашистской партии постсоветской России. Далее ставится под вопрос другое общее место в исследованиях русского правого экстремизма, а именно — популярное мнение об идеологии Жириновского как об однозначно нефашистской.

Жириновский до и после 12 декабря 1993 года

Без сомнения, важнейшим эпизодом в истории ЛДПР были выборы в Государственную Думу в декабре 1993 года. С 22,92 % голосов в федеральном избирательном округе партия Жириновского неожиданно и с большим отрывом выиграла первые постсоветские многопартийные парламентские выборы (занявший второе место блок «Выбор России» получил 15,5 % голосов). Вступление Жириновского вслед за этим в

³⁷ Эта «проблема» русских неонацистов затрагивается в журналистском исследовании: Zarakhovitch Yuri. *From Russia with Hate* // *Time Europe*. 2004. Vol. 164. N 5. P. 2 (<http://www.time.com/time/europe/magazine/article/0,13005,901040809-674718-2,00.html>).

³⁸ Соколов Михаил. *Театр превращений. Анализ трансформации русского радикально националистического движения* // *Актуальные проблемы трансформации социального пространства* / Под ред. С. Васильева. СПб.: ГП МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2003. С. 295–322; Он же. *Классовое как этническое. Риторика русского радикально-националистического движения* // *ПОЛИС / Политические исследования*. 2005. № 2. С. 127–138; Он же. *Русское Национальное Единство. Анализ политического стиля радикально-националистической организации* // *ПОЛИС / Политические исследования*. 2006. № 1. С. 67–77.

федеральный политический истеблишмент повлияло не только на организационную структуру и влияние, но и на повседневное поведение его партии. Взлет ЛДПР, начавшийся в декабре 1993 года, вызвал существенное изменение акцента в официальном самоопределении и дискурсе Жириновского. Если становление ЛДПР в 1990–1993 годах сопровождалось постепенной радикализацией и унификацией как ее внутрипартийного дискурса, так и имиджа³⁹, то после вступления в Государственную Думу в 1994 году профиль ЛДПР становится более популистским, а ее официально объявленные цели — расплывчатыми⁴⁰.

Во-первых, изменилась позиция ЛДПР по отношению к правительству, в особенности в связи с введением федеральных войск в Чечню в декабре 1994 года. ЛДПР, единственная думская партия, безоговорочно поддержавшая эту акцию, превращается из «непримиримо» оппозиционной партии в частично «конструктивную» часть парламентской оппозиции. Партия продолжала резко критиковать прозападный курс Бориса Ельцина; однако в то же время она не только поддерживала неоимпериалистические тенденции в ельцинской администрации, но и одобряла реформы, которые сводились к рационализации и повышению эффективности государственного аппарата и экономической системы, в частности ВПК. С приходом Владимира Путина фракция ЛДПР перестала быть антиправительственной и превратилась в крайне правый фланг пропрезидентского блока в Думе.

Во-вторых, Жириновский, после приобретения им постов лидера фракции и позже — вице-спикера Госдумы, должен был приспособиться к возросшему вниманию к его высказываниям и их неожиданно приобретенной внешнеполитической релевантности. Если до появления в парламенте Жириновского политические планы сводились к разжиганию Третьей мировой войны (между Россией и «югом», см. ниже), то после 1993 года его «размахивание саблей» ограничилось громкими реакциями

³⁹ Здесь я следую различию между back-stage (закулисной) программой и front-stage (официальной) программой политической группировки, как оно представлено, например, в: Mudde Cas. *The Ideology of the Extreme Right*. Manchester: Manchester University Press, 2000.

⁴⁰ О раннем развитии ЛДПР см.: Березовский Владимир. Владимир Жириновский как феномен российской политики // Свободная мысль. 1994. № 4. С. 96–109; Олешук Юрий. Жириновский — попытка понять // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 10. С. 77–86; Неганов Сергей. ЛДПР на Урале // Социально-культурные процессы в отечественной и зарубежной цивилизациях. Тезисы докладов и сообщений XX юбилейной научно-практической конференции, посвященной 20-летию ПГИИК (секции общественных наук) / Под ред. З. Воробьевой. Пермь: ПГИИК, 1995. С. 48–52.

на такие события, как расширение НАТО на восток, интервенция Запада на Балканах или европейская критика поддерживаемой им кремлевской политики в Чечне в 1994–1996 годах и с 1999 года до сегодняшнего дня. В результате его внешнеполитическая доктрина, кратко изложенная ниже, превратилась, как будет показано, из революционного в скорее реставрационный экспансионизм⁴¹.

Экстремист в большой политике

Основное предположение, положенное в основу следующего короткого идеологического анализа, заключается в том, что изменение публичного имиджа ЛДПР от фашистской до «всего лишь» ультранационалистической партии с декабря 1993 года, то есть с момента вхождения ее руководства в политический истеблишмент, возможно, не было результатом изменения в мировоззрении Жириновского или идеологической трансформации ЛДПР. Скорее, относительная дерадикализация официальной программы ЛДПР представляет собой — наблюдаемое также у других российских партий и политиков, радикальных в том или ином отношении, — приспособление к условиям:

- а) возросшего участия в полуплюралистическом российском дискурсе на федеральном уровне;
- б) частичного инкорпорирования в федеральные и региональные органы государственной власти;
- в) ежедневных выступлений и упоминаний в центральных средствах массовой информации;
- г) увеличивающегося участия в официальных международных встречах, конференциях и переговорах.

Поэтому заявления Жириновского и других политиков, которые они делают, когда не принимают участия в публичных дебатах на федеральном уровне, имеют большее значение для раскрытия и адекватной интерпретации сущности их доктрин, чем выступления и действия, которые следуют после их вхождения или возвращения в политический истеблишмент. Действующие в России правила политической корректности официального дискурса и необходимость повседневного поиска компромисса в ходе парламентской работы выступают в качестве ограничителей для неприкрытой пропаганды геноцидальных и/или беллицистских (то есть призывающих к войне) идей. Сказывается и значительно более высо-

⁴¹ Tsygankov Andrei. From Internationalism to Revolutionary Expansionism. *The Foreign Policy Discourse of Contemporary Russia* // *Mershon International Studies Review*. 1997. Vol. 41. N 2. P. 247–268.

кий, чем в западных странах, потенциал манипуляций политическими процессами со стороны исполнительной власти (ярко демонстрируемый путинскими мерами последних лет: он действует как своеобразный буфер для российского экстремизма⁴². До тех пор, пока громкая пропаганда агрессивных идей не является желательной для Кремля, убежденные фашисты, заинтересованные в интеграции в политическую систему, если и будут выражать свои политические взгляды вслух, то только в узком кругу. Видимо, это правило действует несмотря на то, что иногда смысл риторики этих ультранационалистов принципиально не отличается от фундаментальных направлений путинской внутренней и внешней политики (как, например, в отношении Чечни или «реформы» федерализма), и лишь радикализирует их⁴³.

Такое положение вещей иллюстрируется не только примером Жириновского и, как будет изложено ниже, политической биографией Александра Дугина. Подобный образ поведения проявляется также в недавних падениях и взлетах авторитетного русского националиста и заместителя председателя Государственной Думы Сергея Бабурина. Бабурин, доктор юридических наук и ректор Российского государственного торгово-экономического университета, с 1990 по 1999 год был видным деятелем различных националистических фракций и группировок в Верховном Совете и Государственной Думе⁴⁴. Известный как «непримиримый» оппозиционер, Бабурин, тем не менее, в этот период входил в политический истеблишмент. Однако с 1999 до 2003 год Бабурин не был депутатом парламента и, таким образом, был отрезан от основных

⁴² Wilson Andrew. *Virtual Politics. Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven: Yale University Press, 2005.

⁴³ В некотором отношении сегодняшний противоречивый подход путинской администрации к пропутинской части крайне националистического спектра российской партийной системы напоминает амбивалентные взаимоотношения между поздним царским режимом и зародившимися ультрамонархическими группировками конца XIX и начала XX веков. См. Rogger Hans. *The Formation of the Russian Right // California Slavic Studies*. 1964. Vol. 3. P. 66–94; Idem. *Russia // The European Right. A Historical Profile* / Ed. by Hans Rogger, Eugene Weber. Berkeley—Los Angeles: University of California Press, 1965. P. 449–500; Степанов Сергей. *Черная сотня в России (1905–1917)*. М.: Изд-во ВЗПИ Росвузнаука, 1992; Podbolotov Sergei. *Monarchists against their Monarch. The Rightists' Criticism of the Tsar Nicholas II // Russian History*. 2004. Vol. 31. P. 105–120.

⁴⁴ Simonsen Sven. *Politics and Personalities. Key Actors in the Russian Opposition (=PRIO Report. No. 2/96)*. Oslo: PRIO, 1996. P. 18–27; Belin Laura. *Sergey Baburin. Leftist Looking for a Home // Radio Free Europe / Radio Liberty. Russian Election Special* (<http://www.rferl.org/specials/russianelection/bio/baburin.asp>).

политических процессов на федеральном уровне; его политическое будущее в то время было под вопросом. Видимо, в связи с этим его риторика приобрела остроту, и он также, в рамках создания своей новой партии «Народная воля», начал сотрудничать с явно неонацистскими активистами, известными ранее участием в руководстве РНЕ и его предвыборном блоке «Спас» (Юрий Васин, Дмитрий Демушкин, Владимир Давиденко). Правда, в ходе парламентской кампании 2003 года Бабурин прекратил эти контакты — и с успехом вернулся в Госдуму как один из руководителей блока «Родина»⁴⁵.

Довольно радикальные высказывания Бабурина в период его отсутствия в политическом истеблишменте в 1999–2003 годы ввиду вышеуказанных обстоятельств требуют более тщательного исследования. Здесь не может быть дан ответ на вопрос, стоит ли классифицировать идеологию Бабурина как палингенетический ультранационализм (несмотря на его временные связи с неонацистами, возможно, нет). Напротив, суть некоторых хорошо известных текстов Жириновского, написанных им до вступления в Государственную Думу, позволяет нам охарактеризовать его тогдашнюю идеологию как одновременно и палингенетическую, и ультранационалистическую — и, таким образом, как фашистскую.

«Последний бросок» Жириновского

Основная идея Жириновского перед его избранием в Госдуму состояла в завоевании Россией того, что он называет «югом». В 1990–1993 годах он сначала намекал на такую идею, а потом откровенно излагал детальный план военного нападения на «юг» в первом официальном органе ЛДПР — нерегулярно выходившей газете «Либерал» (М., 1990–1993)⁴⁶. Затем, в сентябре 1993 года он подробно изложил свой проект в первом издании автобиографического произведения

⁴⁵ Ларюэль Марлен. *Идеология блока «Родина» // Пути несвободы / Под ред. Александра Верховского*. М.: Центр «СОБА», 2005. С. 34–47; Титков Алексей. *Партия номер четыре. «Родина» и окрестности / Под ред. Екатерины Михайловской*. М.: Центр «Панорама», 2006.

⁴⁶ Umland A. *Vladimir Zhirinovskii in Russian Politics. Three Approaches to the Emergence of the Liberal-Democratic Party of Russia, 1990–1993*. Phil. Diss. Freie Universität Berlin, 1998; Idem. *Zhirinovskii Enters Politics. A Chronology of the Emergence of the Liberal-Democratic Party of Russia 1990–1991 // The Journal of Slavic Military Studies*. 2005. Vol. 18. N 1. P. 15–30; Idem. *Zhirinovskii in the First Russian Republic. A Chronology of the Development of the Liberal-Democratic Party of Russia 1991–1993 // The Journal of Slavic Military Studies*. 2006. Vol. 19. N 2. P. 192–241.

«Последний бросок на юг»⁴⁷. Здесь Жириновский утверждает, что источником основных бед в истории России являются ее южные соседи; при этом он, как тюрколог по образованию, особенно сильно атакует Турцию. По его мнению, отсталость, дикость и нестабильность «юга» требуют внешней гегемонии. Россия должна аннексировать не только территории бывшего Советского Союза, но и Афганистан, Иран и Турцию, чтобы:

⁴⁷ Жириновский Владимир. Последний бросок на юг. М.: ТОО «Буквица», ТОО «Писатель», 1993. Здесь важно учитывать именно это первое издание, которое вышло при содействии Алексея Митрофанова в сентябре 1993 года. Более поздние издания книги, осуществленные самой ЛДПР, в части которых годом выпуска также указан 1993 год, хотя и имеют то же самое название, но иногда менее агрессивны, чем текст первого издания (равно как и статьи Жириновского для партийной газеты «Либерал» в 1993 году). Об этой книге в хронологическом порядке: Quinn-Judge Paul. Zhirinovsky vs. the Turks // Middle East Quarterly. 1994. Vol. 1. N 2. P. 87–91; Рябов Андрей. Об эклектичной идеологии (заметки на полях одной шумевшей книги) // Кентавр. 1994. № 2. С. 133–139; Dunlop John. Zhirinovsky's World // Journal of Democracy. 1994. Vol. 5. N 2. P. 27–32; Янов Александр. Веймарская Россия. Часть вторая – лидеры // Нева. 1994. № 4. С. 215–259; Motyl Alexander. Vladimir Zhirinovsky. A Man of His Times // The Harriman Review. 1994. Vol. 7. N 7–9. P. 11–18; Umland A. Wladimir Shirinowskij in der russischen Politik. Einige Hintergründe des Aufstiegs der Liberal-Demokratischen Partei Russlands // Osteuropa. 1994. Vol. 44. P. 1117–1131; Ignatow Assen. Das “geistige Universum” des Wladimir Shirinowskij // Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Aktuelle Analysen. 1994. N 3; Idem. Shirinowskij’s “Sprünge”. Eine ideologische Zwischenbilanz // Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Aktuelle Analysen. 1994. N 33; Morrison James W. Vladimir Zhirinovskiy. An Assessment of a Russian Ultra-Nationalist (=McNair Paper. N 30). Washington: National Defense University, 1994 (<http://www.ndu.edu/inss/McNair/mcnair30/mcnair30.pdf>); Koman Alan J. The Last Surge to the South. The New Enemies of Russia in the Rhetoric of Zhirinovsky // Studies in Conflict & Terrorism. 1996. Vol. 19. P. 279–327; Umland A. Russischer Rechtsextremismus im Lichte der jüngeren empirischen und theoretischen Faschismusforschung // Osteuropa. 2002. Vol. 52. P. 901–913. Существует также видоизмененная английская версия книги: Zhirinovsky Vladimir. My Struggle. The Explosive Views of Russia's Most Controversial Political Figure. N.Y.: Barricade Books, 1996. О других текстах Жириновского см.: Timtschenko Viktor. Ich erwecke Rußland mit Blut – Wladimir Wolfowitsch Shirinowski. Berlin: Aufbau, 1994; Oschlies Wolf. Wladimir Schirinowski. Der häßliche Russe und das post-kommunistische Osteuropa. Köln: Böhlau, 1995; Алтунян Александр. О собирателях земли русской. Жириновский как публицист (Анализ политической статьи) // Вопросы литературы. 1996. № 2. С. 59–86; Stadler Wolfgang. Macht – Sprache – Gewalt. Rechtspopulistische Sprache am Beispiel V.V. Žirinovskij vor dem Hintergrund der Wandlungen politischer Sprache in Rußland (=Slavica Aenipontana. Vol. 5). Innsbruck: Universität Innsbruck, 1997; Eatwell Roger. The Rebirth of Right-Wing Charisma? The Cases of Jean-Marie Le Pen and Vladimir Zhirinovsky // Totalitarian Movements and Political Religions. 2002. Vol. 3. N 3. P. 1–23.

- а) укрепить свои южные границы;
- б) «успокоить» тамошние воинственные народности («успокоение» – слово, часто используемое Жириновским в своей книге);
- в) получить доступ к теплым морям;
- г) вновь обрести статус великой державы.

В августе 1993 года, незадолго до появления первого издания его книги, в беседе со мной Жириновский заявил, что он также интересуется сотрудничеством с Западом исходя из того, что западные государства вознаградят Россию за «успокоение юга»⁴⁸.

В своей книге Жириновский утверждает, что «последний бросок на юг» России был бы не только составной частью нового мирового передела сфер влияния северных государств (причем Африка, например, отошла бы к Западной Европе). Эта операция указала бы путь для возрождения российской армии, да и всего российского народа. «Последний бросок на юг» восстановил бы преемственность с российской исторической моделью имперской экспансии как способа решения внутренних проблем, привел бы к чудесному оздоровлению нации и положил бы конец подрывной деятельности «южан» в России, ведущейся веками. Эта и ряд других похожих мер создали бы «новую», «счастливую» Россию.

Фантастический характер этого плана, как и многочисленные скандальные выступления лидера ЛДПР, заставили многих западных и российских наблюдателей рассматривать Жириновского как политического клоуна. Такой подход неадекватен не только потому, что Жириновский до сих пор присутствует в высших эшелонах российской власти. Широко распространенная скептическая оценка серьезности Жириновского и его идей казалась неуместной уже в 1993 году. Проницательные наблюдатели уже тогда замечали относительную устойчивость феномена Жириновского и предчувствовали неожиданную живучесть его партии. Алан Коман, например, указал на поразительное сходство между оценкой Жириновским центрально-азиатского и ближневосточного регионов, с одной стороны, и

⁴⁸ Umland A. Ein Gespräch mit Wladimir Shirinowskij // Die Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte. 1994. Vol. 41. N 2. P. 114–117, перепечатано в: Schirinowskij – Politiker, Populist, Nationalist? Berichte und Kommentare der deutschen und internationalen Publizistik / Ed. by Monica Forbes, Willibald Fink. München: Hans-Seidel-Stiftung, 1994. P. 48–49; Umland A. The Zhirinovsky Interview // Woodstock Road Editorial. An Oxford Magazine of International Affairs. 1994. N 16. P. 3–5.

взглядами влиятельного американского политолога Збигнева Бжезинского — с другой⁴⁹.

Еще более значимо то, что Жириновский здесь всего лишь развил радикальную версию идефикс русской внешнеполитической мысли XIX и XX столетий, которая встречается в том числе и у Федора Достоевского⁵⁰. Мысль о том, что Россия должна расширить свои границы на юг и восток для решения назревших внутренних проблем, можно было найти во многих более или менее серьезных текстах о будущем России. Вопреки тому, что планы Жириновского являются очевидно «нереалистичными», они, таким образом, находятся хотя и на периферии, но — в отличие от идей РНЕ — все же внутри русских идейно-исторических традиций. Исходя из этого, программа Жириновского, несмотря на ее очевидную абсурдность, является более интересным случаем, нежели идеология РНЕ, в значительной мере импортированная из Германии. Неожиданный для многих наблюдателей (включая автора) успех Жириновского на выборах в Государственную Думу в 2003 году — возможно, есть, среди прочего, следствие того, что план «последнего броска на юг» звучит для некоторых русских националистов менее комично, чем для посторонних наблюдателей. Как подтверждение своей идеи о необходимости расширения России на юг для его «успокоения» Жириновский интерпретировал не только ввод российских федеральных войск в Чечню в 1994 и 1999 годах, но и интервенцию США в Афганистан в 2001 году.

Фашистское ядро плана Жириновского

Идея нового более или менее существенного расширения сегодняшней территории России находит отражение в программах большинства русских правых экстремистов, а иногда и в высказываниях националистов, имеющих репутацию умеренных⁵¹. Особенность «революционного экспансионизма»⁵² Жириновского заключается в том,

⁴⁹ Koman A. The Last Surge. P. 320; Brzezinski Zbigniew. Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the 21st Century. N.Y.: Easton Press, 1993. P. 155, 163, 164, 195.

⁵⁰ Kohn Hans. Dostoevsky's Nationalism // Journal of the History of Ideas. 1945. Vol. 6. N 4. P. 385–414.

⁵¹ Mazo Eugene, Umland A. A Chance to End the Russian Neo-Imperialist Dream // Financial Times. 2004. 30 November, русский перевод: Мазо Юджин, Умланд А. Есть шанс покончить с российской неоимпериалистической мечтой // ИноСМИ.Ru. 2004. 30 ноября (<http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/215191.html>).

⁵² Tsygankov A. From Internationalism to Revolutionary Expansionism.

что руководитель ЛДПР в своей книге и своих статьях в «Либерале» подразумевает не просто восстановление царской или советской империи, а нечто большее: спасение России и всего мира от подрывной деятельности «южан» и всеобъемлющее новорождение унитарного и авторитарного российского государства в совершенно новых границах, как на юге, так и на западе (где должна появиться новая российско-германская граница⁵³). Покорение Россией «южан» за пределами прежних границ Российской империи и проведение военных операций как таковых полагат начало новой эре в российской истории, очистят российский народ, сделают россиян счастливым. *«Это будет способ выживания нации в целом, это будет основанием для возрождения российской армии»*⁵⁴. Россия Жириновского будет не *«плачущей, бердяевской»*, а *«новой Россией»*, *«без “бесов”»*, *«с самой сильной в мире армии»*, с *«новым политическим руководством»*, с *«новой концепцией в основу всех направлений нашей внутренней и внешней политики»* и с новыми зонами отдыха на юге⁵⁵. Россияне выйдут из войны *«самой закаленной нацией»*. Они *«должны стать национально думающими, должны стать русскими наконец»*⁵⁶.

Жириновский не только приписывает осуществлению своего плана важную функцию внутреннего обновления России, он также представляет его как способ устойчивого «успокоения» всего мира, как своего рода «Endlösung» («окончательное решение») южного вопроса и как путь к новому мировому порядку великих империй, которыми должны стать «цивилизованные» северные государства (Россия, США, ЕС, Япония). В своей автобиографии он пишет, что «последний бросок» — *«это, наверное, будет последний передел мира, и его нужно совершить в состоянии шоковой терапии, внезапно, быстро, эффективно. Это сразу решает все проблемы, потому что мы обретаем спокойствие»*⁵⁷.

Следовательно, его план не является выражением ревизионизма или реставрационизма. Его идея оккупации «юга» не базируется на простом расчете выгод и затрат такого рода акции. Скорее, высказывания Жириновского говорят о том, что он, по крайней мере в 1993 году, верил в то, что посредством актуализации поведения российского государства вековой давности — решения внутренних проблем через внешнюю экс-

⁵³ Либерал. 1993. № 1, № 2; Жириновский В. Последний бросок на юг.

⁵⁴ Там же. С. 70.

⁵⁵ Там же. С. 101, 110–113.

⁵⁶ Там же. С. 118.

⁵⁷ Там же. С. 64.

пансию⁵⁸ — Россия будет воскрешена в новом качестве — властелина того, что Жириновский называет «югом».

Ввиду многочисленных заявлений Жириновского, с одной стороны, о миссиях и достоинствах россиян, и, с другой стороны, коварности и неполноценности «южан» и особенно турок⁵⁹, о том, что в новой, расширенной Российской империи будет введен «русский язык, русский рубль, ... одна русская армия»⁶⁰, об окружающих Россию «варварах»⁶¹, о ненужности Турции, Ирана, Афганистана⁶², о том что «часть населения (юга), к сожалению, погибнет»⁶³ и т.д., радикально-националистические взгляды Жириновского, вопреки его частой «критике» национализма (в основном нерусского), не нуждаются в отдельном обсуждении. Пожалуй, самый показательный текст в этом отношении — интервью лидера ЛДПР неизвестному в Германии немецкому националистическому публицисту и редактору нефашистского журнала «Нация и Европа» Вольфгангу Штрауссу⁶⁴. Там Жириновский, среди прочего, утверждает: «Последнюю национальную революцию могут осуществить только русские, не немцы. Национализм — единственный путь к свободе, и я уверен, что победа русского национализма вызовет и возрождение Германии»⁶⁵.

Эта, изложенная здесь лишь вкратце, идеология является как ультра-националистической, так и палингенетической — и в результате может характеризоваться как фашистская⁶⁶. Хотя с 1993 года Жириновский

⁵⁸ Структура этого мышления, кстати, напоминает идею немецкого «консервативного революционера» Веймарской республики Артура Меллера ван ден Брука, что Германии необходимо «Wiederanknüpfung nach vorwärts» (воссоединение вперед). См.: Griffin R. Roots (or Rhizomes?) of “Rootedness”. Notes towards an intellectual history of the palingenetic right’s revolt against the disembedding processes of Western modernity // International Institute of Social History (Amsterdam) (<http://www.iisg.nl/research/griffin.doc>).

⁵⁹ Жириновский В. Последний бросок на юг. С. 130.

⁶⁰ Он же. О политике внутренней и внешней // Либерал. 1993. № 2

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Он же. Последний бросок на юг. С. 71.

⁶⁴ Он же. Борьба за белую Европу // Либерал. 1993. № 1.

⁶⁵ Там же. С. 8. См. также: Он же. Крах четвертого интернационала // Известия. 1993. 28 августа.

⁶⁶ Я надеюсь в будущем опубликовать более подробное изложение этих тезисов на русском языке: Umland A. Zhirinovskii as a Fascist. Palingenetic Ultrnationalism in the Ideology of the Liberal-Democratic Party of Russia, 1990–1993. Paper presented at the 97th Annual Convention of the American Political Science Association. San Francisco, 2001. См. также: Гурвич Владимир. Русский марш к фашизму // Кентавр. 1994. № 2. С. 128–132;

больше не пропагандировал публично свой план во всем его объеме⁶⁷, по вышеобозначенным причинам и ввиду его продолжающегося пристального внимания к «югу», нельзя исключить, что эта идея и дальше определяла и, возможно, все еще определяет его мировоззрение⁶⁸. В свете этого неудивительно, что Жириновский временно сотрудничал или до сих пор сотрудничает с такими одиозными часто тяготеющими к язычеству и иногда откровенно симпатизирующими нацизму фигурами, как Виктор Якушев⁶⁹, Андрей Архипов, Сергей Жариков⁷⁰, Михаил Иванов, Юрий

Ядов Владимир. Нацистская идеология в работах Жириновского // Известия. 1994. 23 апреля; Гайдар Егор. Ставка на негодяев // Известия. 1994. 17 мая; Kipp Jacob W. The Zhirinovskiy Threat // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73. N 3. P. 72–86; Klepikova Elena, Solovoyov Vladimir. Zhirinovskiy. The Paradoxes of Russian Fascism / Transl. by Catherine Fitzpatrick. Harmondsworth: Viking-Penguin, 1995.

⁶⁷ Иногда Жириновский и после своего избрания в парламент не стеснялся представлять этот план, как и связанные с ним военные акции. См., например: Брюно Патрик, Жириновский Владимир. Беседы начистоту. М.: ЛДПР, 1995. С. 53–73.

⁶⁸ Ввиду этих рассуждений некоторые публикации Жириновского звучат иронично. См., например: Жириновский В. Победа над фашизмом — гордость и достоинство России // Наш современник. 2005. № 5. С. 246–247.

⁶⁹ О биографии и взглядах В. Якушева см.: Чарный Семен. Нацистские группы в СССР в 1950–1980-е годы // Неприкосновенный запас. 2004. № 5 (<http://www.nz-online.ru/index.phtml?cid=5010351>); Luchterhandt Galina. Die politischen Parteien im neuen Rußland. Dokumente und Kommentare (=Dokumentation zur Kultur und Gesellschaft im östlichen Europa. Vol. 1). Bremen: Edition Temmen, 1993. P. 206, 228, 235–238. О его связях с ЛДПСС: Верховский А. Владимир Жириновский и Либерально-демократическая партия. Информационный пакет. М.: Центр «Панорама», 1994; Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. С. 311–312.

⁷⁰ См.: Сокол Жириновского. 1992. №№ 1–4; Sloane Wendy. Who’s Afraid of Vladimir Wolf? // Moscow-Magazine. 1992. April-May. P. 40–47; Сегодня. 1993. 22 декабря; Лимонов Эдуард. Лимонов против Жириновского. М.: Конец века, 1994; Альбац Евгения. Еврейский вопрос. М.: ПИК, 1995; Crouch Dave. The Crisis in Russia and the Rise of the Right // International Socialism Journal. 1995. N 66 (<http://pubs.socialistreviewindex.org.uk/isj66/crouch.htm>); К топору // Официальный сайт группы «ДК» (<http://www.letov.ru/DK/ktoporu.html>); Атака // Там же (<http://www.letov.ru/DK/ataka.html>).

Кузнецов⁷¹, Алексей Батогов⁷² или Николай Курьянович⁷³, или с такими западными ультра националистами, как Герхард Фрей (Германия)⁷⁴ или Жан-Мари Ле Пен (Франция).

«Евразия» Александра Дугина: неопрямая метаполитика à la Russe

Если Баркашов и Жириновский имеют одиозную репутацию за пределами и внутри России и, соответственно, ограниченное влияние на мышление российского политического мейнстрима, то эзотерик Александр Дугин сумел в последние годы обосноваться в центре политического, академического и интеллектуального истеблишмента РФ и обзавестись значительными международными связями⁷⁵. Поскольку

⁷¹ См.: Слово Жириновского. 1995–1997. №№ 14–23; Кузнецов Юрий. «Русский национализм» // Либерал. 1993. № 2. С. 2; Он же. Кто боится нашей державности? // Пресса России. 1994. №№ 5–6. С. 4; Он же. Конституционный принцип русского национального движения // Славянин. 1995. № 1. С. 37–41. № 2. С. 46–49; Он же. Россия в глобальном историческом процессе. СПб.: ЛДПР, 1995; Иванов Михаил. Новая элита концептуальной власти // Сокол Жириновского. 1992. № 3. С. 10–12; Russischer Kurier. 1993. N 20. P. 5; Внутренний Предиктор СССР. Мертвая вода. В 3-х тт. СПб., 1992; Внутренний Предиктор России. Краткий курс... // Бизнес и учет в России. Специальный выпуск. 1994. № 5–6. С. 3–65; Рабочая группа Внутреннего Предиктора России. Спираль истории: куда ведут «дороги на Москву». Параграф из рукописи, подготовленной Внутренним Предиктором России, «Разгерметизация» (1990 г.) // Россиянин. Специальный выпуск Санкт-Петербургского отделения РНС / Под ред. А.В. Рогаткина и Е.Г. Кузнецова. СПб., 1993; Либерально-демократическая партия. Теоретическая платформа партии – концепция общественной безопасности России в глобальном историческом процессе / Под ред. Михаила Иванова, Юрия Кузнецова и др. СПб.: ЛДПР, 1992; Hoppe Grit, Genzer Andreas. Nationale Tendenzen im heutigen Rußland // Osteuropa. 1994. Vol. 44. N 5. P. A237–A238; Мороз Евгений. История «мертвой воды» – от страшной сказки к большой политике. Политическое неоязычество в постсоветской России (=Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 17). Stuttgart: ibidem-Verlag, 2005.

⁷² Русское воскресенье. 1992. № 7, № 8 (<http://www.panorama.ru/gazeta/1-30/p30rvs.html>); Прокуратура и проблемы разжигания межнациональной розни. 1990–1994. Сб. док-в. Б.м., б.г. С. 67–75.

⁷³ См.: ЛДПР и национал-социалисты // Компромат. Ру. 2005. 18 октября (<http://www.compromat.ru/main/zhirinovskiy/demushkin.htm>).

⁷⁴ Hirscher Gerhard. Schirinowskij und der deutsche Rechtsextremismus // Jahrbuch Extremismus und Demokratie. 1994. Vol. 6. P. 162–179.

⁷⁵ См., например, о его связях в Украине: Umland A. Vitrenko's Fascist Friend. The Strange Alliance between Ukrainian "Progressive Socialism" and Russian "Neo-Eurasianism" // УНЭАН. 2006. 17 April (<http://www.unian.net/eng/news/news-152563.html>).

в нескольких недавних статьях детально рассмотрены как содержание идеологии, так и растущее влияние Дугина⁷⁶, то здесь мы сконцентрируемся на концептуальных вопросах в интерпретации и классификации дугинских идей.

Дугин – современный евразиец?

Если до своего вступления в политический истеблишмент на рубеже нынешнего десятилетия Дугин для описания своей собственной идеологии обычно применял такие понятия, как «национал-большевизм» и «консервативная революция», то в последние годы он сместил акценты на такие понятия, как «евразийство» и «неоевразийство»⁷⁷. Замена первых двух радикально звучащих понятий агитацией в пользу «евразийски» ориентированной политики России, вероятно, следует вышеупомянутому образцу, по которому риторика правых экстремистов, вступающих в истеблишмент, в той или иной степени приспосабливается к дискурсу мейнстрима. Как уже сказано, предполагается, что такое поведение следует понимать скорее не как изменение сущности идеологии этих деятелей; оно лишь сигнализирует об их желании быть воспринятыми в правящих кругах. В случае Дугина на такую смену вывески можно не обращать внимания.

Причиной, по которой мы все же коротко остановимся на понятии «неоевразийство», служит тот факт, что это самонаименование дугинского движения воспринимается как более или менее адекватное научное определение для идей Дугина и его окружения как большинством российских,

⁷⁶ Allensworth Wayne. The Russian Question; Shenfield S. Russian Fascism; Mathyl M. Der "unaufhaltsame" Aufstieg Aleksandr Dugins; Idem. Grenzenloses Eurasien // Jungle World. 2002. N 45 (http://www.nadir.org/nadir/periodika/jungle_world/_2002/45/29a.htm); Ingram Alan. Alexander Dugin. Geopolitics and Neo-Fascism in Post-Soviet Russia // Political Geography. 2001. Vol. 20. P. 1029–1051; Yasmann Victor. The Rise of the Eurasians // The Eurasian Politician. 2001. N 4 (<http://www.cc.iyu.fi/~aphamala/pe/issue4/yasmann.htm>); Hahn Gordon. The Rebirth of Eurasianism // CDI Russia Weekly. 2002. N 215 (<http://www.cdi.org/russia/215-14-pr.cfm>); Rossman Vadim. Russian Intellectual Antisemitism; Umland A. Toward an Uncivil Society?; Idem. Die rechtsextremistische APO; Dunlop J. Aleksandr Dugin's "Neo-Eurasian" Textbook and Dmitrii Trenin's Ambivalent Response // Harvard Ukrainian Studies. 2001. Vol. 24. N 1–2. P. 91–127.

⁷⁷ Уmland А. Формирование фашистского «неоевразийского» интеллектуального движения в России.

так и многими западными наблюдателями⁷⁸. Мы уже писали⁷⁹ о том, что это досадно, потому что таким образом не только затушевываются другие, более значительные источники дугинской идеологии, но и искажается наследство классического евразийства. Вопреки недавнему утверждению Джеймса Грегора относительно Дугина, самонаименования последнего не могут и не должны полностью игнорироваться⁸⁰, но все же не всегда следует принимать за чистую монету самоопределения экстремистов (и, вероятно, политиков вообще), особенно если эти самоопределения в специфическом национальном дискурсе несут скорее позитивный заряд.

В случае «неоевразийства» речь идет о термине, обладающем в русском контексте скорее положительной коннотацией. Это понятие подходит Дугину не только для того, чтобы установить связь с

⁷⁸ В хронологической последовательности: Hielscher Karla. Der Eurasismus. Die neoimperialistische Ideologie der russischen "Neuen Rechten" // Die Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte. 1993. Vol. 40. N 5. P. 465–469; Idem. Die Eurasien-Ideologie. Geschichtsmymen der russischen "Neuen Rechten" // Glaube in der 2. Welt. 1993. N 7–8. P. 25–30; Gebhard Paula. Eine Brücke zwischen Europa und Asien. Die Lehre der Eurasier in der gegenwärtigen Diskussion um die russische Identität. Unpublished M.A. thesis. Johannes Gutenberg-Universität Mainz, 1994; Tsygankov A. Hard-line Eurasianism and Russia's Contending Geopolitical Perspectives // East European Quarterly. 1998. Vol. 32. P. 315–324; Kleineberg Michael, Kaiser Markus. "Eurasien" – Phantom oder reales Entwicklungsmodell für Rußland? (=Fakultät für Soziologie. Forschungsschwerpunkt Entwicklungssoziologie – Working Paper. N 338). Bielefeld: Universität Bielefeld, 2001; Ларюэль Марлен. Переосмысление империи в постсоветском пространстве. Новая евразийская идеология // Вестник Евразии – Acta Eurasica. 2000. № 1. С. 5–18; Laruelle Marlène. The Two Faces of Contemporary Eurasianism. An Imperial Version of Russian Nationalism // Nationalities Papers. 2004. Vol. 32. N 1. P. 116–136; Idem. Aleksandr Dugin. A Russian Version of the European Radical Right? / Transl. by Mischa Gabowitsch // Kennan Institute Occasional Papers. 2006. N 294 (<http://www.wilsoncenter.org/news/docs/OP294.pdf>).

⁷⁹ Umland A. Kulturhegemoniale Strategien der russischen extremen Rechten. Die Verbindung von faschistischer Ideologie und metapolitischer Taktik im "Neoeurasismus" des Aleksandr Dugin // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2004. Vol. 33. N 4. P. 437–454; Idem. Alexander Dugin, die Faschismusfrage und der russische politische Diskurs // Russlandanalysen. 2006. N 105. P. 2–5 (<http://www.russlandanalysen.de/content/media/Russlandanalysen105.pdf>); Idem. The Philosophy Behind the Nationalism // The Moscow Times. 2006. 1 June; Idem. Intellektueller Rechtsextremismus im postsowjetischen Rußland. Der Fall Aleksandr Dugin // Berliner Debatte Initial. 2006. Vol. 17. N 6. P. 131–141; Idem. Postsowjetische Gegeneliten und ihr wachsender Einfluss auf Jugendkultur und Intellektuellendiskurs in Russland. Der Fall Aleksandr Dugin (1991–2004) // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2006. Vol. 10. В печати.

⁸⁰ Gregor James. Andreas Umland and the "Fascism" of Alexander Dugin // Erwägen Wissen Ethik. 2004. Vol. 15. P. 426–428.

традицией авторитетнейшей группы российских эмигрантов 20–30-х годов, но и чтобы подчеркнуть отказ от этноцентристского партикуляризма. Однако применение обоих определений – и «евразийства», и «неоевразийства» – к дугинской идеологии вводит в заблуждение. Следует предположить, что Дугин намеренно подводит к подобным ошибочным интерпретациям и что именно это является основной причиной его громких похвал в адрес классических евразийцев. Обозначая связь с последними, Дугин, видимо, стремится повысить значимость собственных памфлетов, так как к кругу евразийцев принадлежали некоторые обществоведы, лингвисты и другие ученые международного значения, которые и сегодня цитируются в серьезных (в том числе западных) научных исследованиях. Кроме того, Дугин явно стремится выдать свою идеологию за результат развития идей хотя и эмигрантской, но все же исконно *русской* философско-исторической школы.

Фактически же сходство между трудами классических евразийцев и сочинениями Дугина ограничивается фрагментами, вернее, несколькими терминами, трактовки которых, помимо прочего, у евразийцев и у Дугина часто отличаются. Это не в последнюю очередь касается и самого понятия «Евразия», которое у Дугина обладает как географически, так и культурно не только более широким, но и по существу другим значением, чем в дискурсе одноименного русского интеллектуального движения межвоенного времени⁸¹.

Правда, классическое евразийство тоже носило выраженный характер антидемократичности и было радикально антизападным. Более того, некоторые высказывания евразийцев (например, об «идеократии») носили черты протофашистской идеологии⁸². И все же для наблюдателей,

⁸¹ Vinkovetsky Ilya. Eurasianism in Its Time. A Bibliography // Exodus to the East. Forebodings and Events. An Affirmation of the Eurasians / Ed. by Ilya Vinkovetsky, Charles Schlacks. Jr. Idyllwild: Charles Schlacks, 1996. P. 143–155; Wiederkehr Stefan. "Kontinent Evrasija" – Klassischer Eurasismus und Geopolitik in der Lesart Alexander Dugins // Auf der Suche nach Eurasien. Politik, Religion und Alltagskultur zwischen Russland und Europa (=Bibliotheca Eurasica. Vol. 1) / Ed. by Markus Kaiser. Bielefeld: transcript-Verlag, 2004. P. 25–138.

⁸² См., в частности: Luks Leonid. Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1986. Vol. 34. P. 374–395; Люкс Леонид. Евразийство // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 105–114; он же. Евразийство и консервативная революция. Соблазн антизападничества в России и Германии // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 57–69; Laruelle M. L'idéologie eurasiiste russe ou comment penser l'empire. P.: L'Harmattan, 1999; Ларюэль М. Идеология русского евразийства или Мысли о величии империи. М.: Наталис, 2004; Байсвенгер Мартин. «Консервативная революция» в Германии и движение «евразийцев» – точки соприкос-

знакомых с историей международной правой мысли, очевидно тесное родство «дугинизма» с мировым оккультизмом⁸³, западным «традиционализмом»⁸⁴ и разновидностями европейского фашизма меж- и послевоенного времени, в первую очередь, по Штефану Бройеру, с «новым национализмом», возникшим в Германии после Первой мировой войны внутри и за пределами НСДАП⁸⁵ и с «новыми правыми» Италии и Франции периода «холодной войны»⁸⁶.

Западные источники дугинской идеологии

В своих сочинениях Дугин рисует картину древнего противостояния между атлантическими морскими державами («талассократии»), которые уходят корнями к затонувшей Атлантиде и сегодня возглавляются монди-

новения // Консерватизм в России и в мире. Т. 3 / Под ред. А.Ю. Минакова. Воронеж: ВОРГУ, 2004. С. 49–73. (http://www.nd.edu/~mbeisswe/Martin%20Beisswenger_'Konservativnaia%20revoliutsiia'%20v%20Germanii%20i%20dvizhenie%20'Evraziitsev'.doc).

⁸³ Rosenthal Bernice. Political Implications of the Early Twentieth-Century Occult Revival // The Occult in Russian and Soviet Culture. Ithaca: Cornell University Press, 1997. P. 379–418.

⁸⁴ Sedgwick Mark. Against the Modern World. Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century. N.Y.: Oxford University Press, 2004; Gregor J. Andreas Umland and the “Fascism” of Alexander Dugin (перепечатано в сборнике: Fascism Past and Present, West and East. P. 466–473).

⁸⁵ Breuer Stefan. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993; Idem. Der Neue Nationalismus in Weimar und seine Wurzeln // Mythos und Nation / Ed. by Helmut Berding. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1996. P. 257–274; Idem. Gab es eine “konservative Revolution” in Weimar? // Internationale Zeitschrift für Philosophie. 2000. N 2. P. 145–156; Idem. Ordnungen der Ungleichheit – die deutsche Rechte im Widerstreit ihrer Ideen 1871–1945. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001; Idem. Neuer Nationalismus in Deutschland // Rechtsextreme Ideologien. P. 53–72; Idem. Nationalismus und Faschismus. Frankreich, Italien und Deutschland im Vergleich. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005. P. 26–39, 162–177.

⁸⁶ Weber Iris. Nation, Staat, Elite. Die Ideologie der Neuen Rechten (=Hochschulschriften. Vol. 15). Köln: PapyRossa, 1997; Rechtsextremismus und Neue Rechte in Deutschland. Neuermessung eines politisch-ideologischen Raumes? / Ed. by Wolfgang Gessenharter, Helmut Fröchling. Opladen: Leske+Budrich, 1998; Pfahl-Traughber Armin. Konservative Revolution und Neue Rechte. Rechtsextremistische Intellektuelle gegen den demokratischen Verfassungsstaat. Opladen: Leske+Budrich, 1998; Woods Roger. Nation ohne Selbstbewußtsein. Von der Konservativen Revolution zur Neuen Rechten (=Extremismus und Demokratie. Vol. 2). Baden-Baden: Nomos, 2001; Spektorowski Alberto. The New Right. Ethno-regionalism, Ethno-pluralism and the Emergence of a Neo-fascist “Third Way” // Journal of Political Ideologies. 2003. Vol. 8. N 1. P. 111–130. Информативный обзор на русском языке: Шнирельман Виктор. Этничность, цивилизационный подход, «право на самобытность» и «новый расизм» // Социальное согласие против правого экстремизма. С. 216–244.

алистскими США⁸⁷, с одной стороны, и евразийскими континентальными державами («теллуократии»), корни которых находятся в мифической стране «Гиперборее», а Россия представляет сегодня важнейший компонент среди них – с другой. Согласно Дугину, тайные ордена этих двух антагонистических цивилизаций пребывали в многовековой борьбе, которая сегодня близится к развязке. Это требует от России национального возрождения путем «консервативной» и «перманентной» революции. Направлять эту революцию должна идеология «национал-большевизма», и ее должен характеризовать «геополитический» подход к международным отношениям. В результате, по Дугину, возникнет «новый социализм» и произойдет территориальное расширение России, а также и создание «евразийского» блока фундаменталистских континентальных держав (включая, возможно, «традиционалистский» Израиль!) в противовес тлетворному, индивидуалистскому, англосаксонскому империализму⁸⁸.

В то время как, например, Леонид Люкс демонстрируют тесную связь идей Дугина с германским правоэкстремистским мышлением Веймарской республики, в частности, с так называемой консервативной революцией⁸⁹, то у Чарльза Кловера, Андрея Цыганкова, Алена Инграма

⁸⁷ О растущем антиамериканизме среди российской элиты: Gudkov Lev. “Ich hasse, also bin ich”. Zur Funktion der Amerika-Bilder und des Antiamerikanismus in Rußland // Osteuropa. 2002. Vol. 52. P. 997–1014; Shlapentokh Vladimir. Russian Attitudes toward America. A Split between the Ruling Class and the Masses // World Affairs. 2001. Vol. 164. N 1. P. 17–23; Umland A. The Rise of Integral Anti-Americanism in Russian Mass Media and Intellectual Life // e-Extreme. 2006. Vol. 7. N 2 (http://webhost.ua.ac.be/extremismanddemocracy/newsletter/News7_2.htm).

⁸⁸ Дугин Александр. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997; Он же. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М.: Арктогея, 2001. См. по этому же вопросу, в частности: Dunlop J. Aleksandr Dugin’s “Neo-Eurasian” Textbook. Важным является также пользующееся меньшим вниманием исследователей программное сочинение Александра Дугина «Цели и задачи нашей Революции». М.: Арктогея, 1995.

⁸⁹ Luks L. Der “Dritte Weg” der “neo-eurasischen” Zeitschrift “Elementy” – zurück ins Dritte Reich? // Studies in East European Thought. 2000. Vol. 52. N 1–2. P. 49–71; Люкс Л. «Третий путь», или назад в Третий рейх? // Вопросы философии. 2000. № 5. С. 33–44; Он же. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М.: Московский Философский фонд, 2002; Luks L. Zum “geopolitischen” Programm Aleksandr Dugins und der Zeitschrift Elementy – eine manichäische Versuchung // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2002. Vol. 6. N 1. P. 43–58; Idem. Eurasien aus neototalitärer Sicht – Zur Renaissance einer Ideologie im heutigen Rußland // Totalitarismus und Demokratie. 2004. Vol. 1. N 1. P. 63–76; Idem. Der russische “Sonderweg”? Aufsätze zur neuesten Geschichte Rußlands im europäischen Kontext (=Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 16). Stuttgart: ibidem-Verlag, 2005. См. Также: Umland A. Die Sprachrohre des russischen Revanchismus // Die Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte.

и Ассена Игнатова в той или иной форме подчеркивается связь дугинских теории с геополитикой Фридриха Ратцеля, Рудольфа Челлена, Хэлфорда Макиндера, Альфреда Мэхена и Карла Хаусхофера⁹⁰. В свою очередь, Вадим Цымбурский, Жан Кремет и Марлен Ларюэль, среди прочего, отмечают влияние вышеупомянутых западноевропейских «новых правых»⁹¹. А Джеймс Грегор настойчиво указывает на сходство теорий Дугина с идеями Юлиуса Эвола, что подтверждается глубокими исследованиями ведущего специалиста по геноновскому «традиционализму» Марка Седжвика⁹². Как недавно выяснилось в дискуссии по этому поводу в журнале «Erwägen Wissen Ethik»⁹³, Грегор сделал это указание с намерением поставить под

1995. Vol. 42. P. 916–921; Френкин Анатолий. Правое политическое сознание // Вопросы философии. 2000. № 5. С. 10–13; Уmland А. «Консервативная революция».

⁹⁰ Clover Charles. Dreams of the Eurasian Heartland // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78. N 2. P. 9–13; Ignatow Assen. Geopolitische Theorien in Rußland heute // Berichte des Bundesinstituts für internationale und ostwissenschaftliche Studien. 1998. N 17; Ingram A. Alexander Dugin; Tsygankov A. Hard-line Eurasianism; Idem. Mastering Space in Eurasia. Russia's Geopolitical Thinking after the Soviet Break-up // Communist and Post-Communist Studies. 2003. Vol. 36. N 1. P. 101–127. См. также Solovyev Eduard. Geopolitics in Russia – science or vocation? // New Directions in Russian International Studies / Ed. by Andrei Tsygankov, Pavel Tsygankov (=Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 6). Stuttgart: ibidem-Verlag, 2005. P. 127–142.

⁹¹ Цымбурский Вадим. «Новые правые» в России. Национальные предпосылки заимствования идеологии // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Т. 2 / Под ред. Татьяны Заславской. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 472–482; Cremet Jean. Für eine Allianz der “Roten” und der “Weißen”. Zwischen Metapolitik und Geopolitik – zur Durchdringung Osteuropas durch die “Neue” Rechte // Jenseits des Nationalismus. Ideologische Grenzgänge der “Neuen Rechten”. Ein Zwischenbericht / Ed. by Jean Cremet, Felix Krebs, Andreas Speit. Hamburg–Münster: Unrast, 1999. P. 91–120; Laruelle M. The Two Faces. P. 128; Ларюэль М. Александр Дугин, идеологический посредник // Цена ненависти. С. 226–253.

⁹² Gregor J. Review of: Shenfield. Russian Fascism // Slavic Review. 2001. Vol. 60. P. 868–869. См. также: Эвола Юлиус. Языческий империализм / Под ред. А. Дугина. М.: Арктогея, 1994; Sedgwick Mark. Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century. NY: Oxford University Press, 2004.

⁹³ Gregor J. Roger Griffin, Social Science, “Fascism”, and the “Extreme Right” // Erwägen Wissen Ethik. 2004. Vol. 15. P. 316–321, перепечатано в: Fascism Past and Present, West and East. P. 115–122; Idem. Once again on Roger Griffin and the study of “fascism” // Fascism Past and Present, West and East. P. 311–318; Umland A. Dugin kein Faschist? Eine Erwiderung an Professor A. James Gregor // Erwägen Wissen Ethik. 2004. Vol. 15. P. 424–426, перепечатано в: Fascism Past and Present, West and East. P. 459–465; Gregor J. Andreas Umland and the “Fascism” of Alexander Dugin, перепечатано в: Fascism Past and Present, West and East. P. 466–473; Umland A. Some Addenda on the Relevance of Extremely Right-Wing Ideas in Putin's New Russia // Erwägen Wissen Ethik. 2004. Vol. 15. P. 591–593, перепечатано в: Fascism Past and Present, West and East. P. 474–480; Gregor J. Response to Dr. Andreas

сомнение фашистский характер дугинской идеологии, поскольку идеи Эвола, согласно своеобразному определению фашизма у Грегора, не являются фашистскими⁹⁴. Следует предположить, что многие знатоки трудов Эвола, напротив, будут рассматривать аргументацию Грегора в качестве весомого довода в пользу того, что идеология Дугина является фашистской⁹⁵.

Суть «дугинизма»

С определенной уверенностью можно говорить, что у идей Дугина скорее западные и другие иностранные, нежели российские источники. При этом точное определение его идеологии представляет собой значительный вызов, что очевидно, например, из некоторых докладов и статей ведущего немецкого знатока творений Дугина Маркуса Матьяля⁹⁶. Хотя

Umland // Erwägen Wissen Ethik. 2004. Vol. 15. P. 594–595, перепечатано в: Fascism Past and Present, West and East. P. 481–485; Umland A. Classification, Julius Evola and the nature of Dugin's ideology // Fascism Past and Present, West and East. P. 486–494; Gregor J. Once again on fascism, classification, and Aleksandr Dugin // Fascism Past and Present, West and East. P. 495–499.

⁹⁴ Gregor J. The Problem // Fascism. Vol. I: The Nature of Fascism (=Critical Concepts in Political Science) / Ed. by Roger Griffin, Matthew Feldmann. L.–N.Y.: Routledge, 2004. P. 339–340. Стоит добавить, что своеобразное грегоровское понимание родового фашизма как включающего, среди прочих режимов, и сталинский Советский Союз, и Китай Мао, но исключая Третий Рейх, не нашло широкого отклика в международном академическом сообществе. Грегор, несмотря на большое количество публикаций и профессорский пост в престижном департаменте политических наук Калифорнийского университета в Беркли, остался в изоляции, наверное, и потому, что его ранняя интеллектуальная биография запятнана некоей близостью к «научному расизму» и публикациями в таких одиозных журналах, как, например, «The European» вышеупомянутого сэра Освальда Мосли. См.: A. James Gregor // Bibliographies. Institute for the Study of Academic Racism (<http://www.ferris.edu/isar/bibliography/gregrbib.htm>); A. James Gregor // Wikipedia. The Free Encyclopedia (http://en.wikipedia.org/wiki/A._James_Gregor).

⁹⁵ Sheehan Thomas. Myth and Violence. The Fascism of Julius Evola and Alain de Benoist // Social Research. 1981. Vol. 48. N 1. P. 45–73; Drake Richard. The Revolutionary Mystique and Terrorism in Contemporary Italy. Bloomington: Indiana University Press, 1989. P. 114–134; Griffin R. Between Metapolitics and Apoliteia. The Nouvelle Droite's Strategy for Conserving the Fascist Vision in the “Interregnum” // Modern and Contemporary France. 2000. Vol. 8. N 1. P. 35–53; Idem. Grey cats, blue cows, and wide awake groundhogs. Notes towards the development of a “deliberative ethos” in fascist studies // Erwägen Wissen Ethik. 2004. Vol. 15. P. 429–448, перепечатано в: Fascism Past and Present, West and East. P. 411–458; Weinberg Leonard. Evola, Julius Caesar (1898–1974) // World Fascism.

⁹⁶ Mathyl M. Der “unaufhaltsame Aufstieg” Alexander Dugins; idem. Alexander Dugin and the National-Bolshevik Party. Between the Search for a “Russian Socialism” and International Fascism. Доклад представлен на 33-м ежегодном заседании American

эзотерические размышления Дугина — вопреки его собственным притязаниям — имеют мало отношения к науке, а многие из его трудов носят отпечаток мистицизма, все же следует признать начитанность Дугина и отдать должное его попыткам (правда, часто курьезным) синтезировать множество философских и политических идей. Все это позволяет определить понятие «евразийство» в лучшем случае как недостаточное для адекватной характеристики его идей. Поиск наиболее точного понятия для охвата его эклектичных идей (если это вообще возможно) выходит за рамки данного исследования.

Тем не менее, очевидно, что идеология Дугина проникнута мыслью о новом рождении (а не реставрации старой, советской или досоветской) России и может рассматриваться как крайняя форма специфически русского супранационализма в том смысле, что несомненно существующий этноцентризм Дугина сочетается с апелляцией к более широкому сообществу, чем русская нация, а именно — к «евразийской» цивилизации, состоящей из многих культур. Стоит отметить, что такая неоднозначность присуща многим фашизмам и, например, находила свое выражение в надгерманском нордическом расизме межвоенного нацизма или «этноплюралистской» языческой еврофилии послевоенных «новых правых». Таким образом, идеология Дугина, несмотря на псевдотолерантность некоторых его высказываний, представляет собой, согласно определению Гриффина, форму фашизма. Следует добавить, что Дугин сам в нескольких своих трудах, наиболее ярко — в электронной версии своей книги «Тамплиеры Пролетариата»⁹⁷, представлял разного рода положительные оценки фашизма и повторно выражал свою близость к нему⁹⁸.

Association for the Advancement of Slavic Studies, Arlington, Virginia, 15–18 November 2001; Idem. Grenzenloses Eurasien; Idem. Die Konstruktion eines Feindes. Antisemitismus und Antiamerikanismus in Aleksandr Dugins Neo-Nationalbolschewismus. Доклад представлен на ежегодном заседании Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde e.V. “Vorurteile als politische Barrieren”, Göttingen, 7–8 März 2002.

⁹⁷ Дугин А. Фашизм — безграничный и красный // Арктогея (<http://my.arcto.ru/public/templars/arbeiter.htm#fash>). Об этой статье: Краснов Михаил. Бурлаки, казаки и демократы // Российская газета. 1999. 11 декабря; Mathyl M. The National-Bolshevik Party and Arctogaia. P. 190–191; Umland A. Dugin kein Faschist?; Fascism Past and Present, West and East. P. 459–510. Интересно, что эта поразительная статья отсутствует в печатной версии книги: Дугин А. Тамплиеры Пролетариата. Национал-большевизм и инициация. М.: Арктогея, 1997.

⁹⁸ См., например: Дугин А. Левый национализм // Архив «Арктогеи». 1992 (<http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1225>); Он же. Конспирология (наука о заговорах, тайных обществах и оккультной войне). М.: Арктогея, 1993; Он же. Гиперборейская Теория (опыт ариософского исследования). М.: Арктогея, 1993; Он же. Консервативная Революция. М.: Арктогея, 1994; Он же. Тамплиеры Пролетариата.

Кроме того, здесь уже можно обозначить «неоевразийство» Дугина как специфически российскую разновидность идеологии еврофашизма⁹⁹ и увязать его манеру поведения за последние годы с метаполитической стратегией и тактикой «политической мимикрии» европейских «новых правых»¹⁰⁰.

⁹⁹ Neulen Hans Werner. Eurofaschismus und der Zweite Weltkrieg. Europas verratene Söhne. München: Universitas, 1980; Hafeneeger Benno. Die “extreme Rechte” und Europa. Herausforderungen für die multikulturelle Gesellschaft. Frankfurt am Main: VAS, 1990; Idem. Das Europabild der “extremen Rechten” // Europa gegen den Rest der Welt? Flüchtlingsbewegungen, Einwanderung, Asylpolitik / Ed. by Christoph Butterwege, Siegfried Jäger. Köln: Bund-Verlag, 1993. P. 162–173; Griffin R. Europe for the Europeans. Fascist Myths of the European New Order. Oxford Brookes University School of Business Occasional Paper 1994 (<http://www.brookes.ac.uk/schools/humanities/staff/europ.txt>); Umland A. Kulturhegemoniale Strategien.

¹⁰⁰ Feit Margret. Die “Neue Rechte” in der Bundesrepublik. Organisation — Ideologie — Strategie. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1987; Demirovic Alex. Kulturelle Hegemonie von rechts. Antonio Gramsci — gesehen von der “nouvelle droite” // Die neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte. 1990. Vol. 37. N 4. P. 352–357; Pfahl-Traughber Armin. “Gramscismus von rechts”? Zur Gramsci-Rezeption der Neuen Rechten in Frankreich und Deutschland // Blick nach rechts. 1992. N 21. P. 3–5; Gessenharter Wolfgang. Kippt die Republik? Die Neue Rechte und ihre Unterstützung durch Politik und Medien. München: Droemer Knauer, 1994; Herzinger Richard, Stein Hannes. Endzeit-Propheten oder die Offensive der Antiweltler. Fundamentalismus, Antiamerikanismus und Neue Rechte. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt, 1995; Gärtner Reinhold. Rechtsextremismus und Neue Rechte // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 1995. Vol. 24. N 3. P. 253–262; Terkessidis Mark. Kulturkampf. Volk, Nation, der Westen und die Neue Rechte. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1995; Wehler Hans-Ulrich. Angst vor der Macht? Die Machtlust der Neuen Rechten. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung, 1995; Benthin Rainer. Die Neue Rechte in Deutschland und ihr Einfluß auf den politischen Diskurs der Gegenwart. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1996; Weber. Nation, Staat und Elite; Minkenberg Michael, Stephan Ina. Intellektualisierung von rechts? Die französische Neue Rechte und ihr Einfluß auf die Politik // Frankreich Jahrbuch 1998. Opladen: Leske+Budrich, 1998. P. 151–167; Minkenberg M. Context and Consequence. The Impact of the New Radical Right on the Political Process in France and Germany // German Politics and Society. 1998. Vol. 16. N 3. P. 1–23; Pfahl-Traughber Armin. Konservative Revolution und Neue Rechte; Rechtsextremismus und Neue Rechte in Deutschland; Brauner-Orthen Alice. Die Neue Rechte in Deutschland. Antidemokratische und rassistische Tendenzen. Opladen: Leske+Budrich, 2001; Schmidt Friedemann. Die Neue Rechte und die Berliner Republik. Parallel laufende Wege im Normalisierungsdiskurs. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2001; Die Neue Rechte — eine Gefahr für die Demokratie? / Ed. by Wolfgang Gessenharter, Thomas Pfeiffer. Wiesbaden: VS-Verlag, 2004.

Заключение

В случае некоторых идей, изложенных в основополагающих документах РНЕ, дугинских организаций и ЛДПР, мы однозначно имеем дело с разновидностями палингенетического ультранационализма. Правда, возникают проблемы интерпретации в силу риторических метаморфоз Жириновского и Дугина после их вхождения в политический истеблишмент в 1993 и 1998 годах соответственно, а также по причине слишком заметной имитации РНЕ зарубежных фашизмов, в особенности немецкого нацизма. Тем не менее, эти проблемы не кажутся непреодолимыми. Являются ли вышеупомянутые предложения по разрешению противоречий в развитии этих группировок удовлетворительными или нет, несомненно, что центральные идеологемы в некоторых наиболее значительных трудах Баркашова, Дугина и Жириновского и в определенных документах их организаций носят как явно ультранационалистические, так и однозначно палингенетические черты. Следовательно, к ним применимо название «фашистские» (в гриффиновском понимании) — по крайней мере, в период разработки и публикации этих документов их авторами. В противоположность многочисленным случаям эволюционирования крайне левых в социал-, либерал- и национал-демократы или же в правые антидемократы (например Муссолини), в мировой истории существует меньше примеров подобной глубокой трансформации бывших фашистов в леваков, консерваторов или демократов различных мастей. Поэтому возникает подозрение, что категория «фашизм» подходит не только для характеристики отдельных документов РНЕ, дугинских организаций и ЛДПР, но, возможно, и для характеристики сегодняшних мировоззрений Баркашова, Дугина и Жириновского, а вместе с этим — и для определения основных доктрин их организаций.

*Перевод с немецкого
Елены Сивуды и Натальи Куленко*

Есть ли перспектива у русского национализма?

Беседа со Львом Гудковым
и Борисом Дубиным

В журнале «Pro et Contra», в номере, посвященном национализму и расизму в России, ведущие сотрудники Аналитического центра Юрия Левады опубликовали статью с развернутым анализом особенностей современного русского национализма¹. Основной тезис статьи крайне неутешителен для националистов: аналитики нашего ведущего социологического центра не видят для них никакой перспективы. Если западнее границ СССР национализм когда-то имел эмансипаторный потенциал, а позже его растерял, то русский национализм его не имел изначально, так как является продуктом разложения имперской культуры. С момента своего зарождения во второй половине XIX века он являлся компенсаторной реакцией на последовательные этапы модернизации общества и никогда не порождал новых идей, лишь эпигонски наследуя другим течениям в русской культуре.

Именно в неспособности «задать новые политические цели, обозначить идеальные смысловые ориентиры общественного движения» в направлении модернизации, усвоении современных социальных форм и «повышения качества человеческого существования» авторы видят причину бесперспективности русского национализма.

С другой стороны, авторы, основываясь на многолетних социологических исследованиях, говорят о росте этнической ксенофобии. Более того, эта ксенофобия уже превратилась в основной фактор консолидации для большинства наших граждан. Показательно, что ксенофобные эмоции и оценки растут не только при ухудшении положения респондента, но при любом изменении его положения. Такой тип консолидации можно назвать консолидацией против модернизации (он включает и этнические фобии, и имперскую мифологию одновременно).

Мобилизационного потенциала авторы в этой консолидации не усматривают — скорее защитную, пассивную реакцию. Но при этом они показывают механизм распространения ксенофобных идей от радикальных

¹ Гудков Лев, Дубин Борис. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005. № 2. С. 6–24.

групп в политический истеблишмент, включая и демократические партии². Не стоит говорить об идеологическом националистическом консенсусе, но можно говорить об определенном консенсусе общественных настроений.

Прокомментировать некоторые положения этой статьи попросил авторов Александр Верховский.

Александр Верховский: Вы говорили и не раз, что наблюдается устойчивый рост этнической ксенофобии.

Борис Дубин: Да, доля тех, кто принимает, целиком или частично, лозунг «Россия для русских» достигла почти 60 процентов в этом году³.

Лев Гудков: Если точнее — 55 процентов. Пик пришелся на весну 2005 года — 58 процентов. Но важна не только поддержка этого лозунга как таковая, но и снижение числа тех, кто резко не согласен с ним, кто негативно оценивает его, кто называет это «фашизмом», — с 1998 года число несогласных упало с 32 до 18 процентов.

То есть после прихода Путина к власти на волне истерических ожиданий авторитарного лидера — если не спасителя, то избавителя от непреходящего чувства национального унижения и неполноценности, в обществе заметно понизился иммунитет к собственной этнонациональной агрессии и расовой нетерпимости. Но по мере понимания, что этот президент мало чего добился из того, чего от него ждали, надежды начинают гаснуть, приходит некоторое отрезвление, и, соответственно, начинает восстанавливаться показатель сопротивления идее «русские превыше всего»: сегодня удельный вес подобных ответов составляет уже 27 процентов. Разумеется, это не большинство, но все-таки это индикатор спада негативной мобилизации.

Вообще, уровень общественного согласия в 60–70 процентов свидетельствует о болезненном состоянии общества, когда исчезают групповые

² Применяемый Левада-центром «суммарный индекс ксенофобии» дает очень примечательную картину: лидером ксенофобии был в 1996 году и остается в 2003 году электорат КПРФ (198 и 203 балла), аутсайдером в 2003 г. был электорат «Единой России» (у «партии власти» он всегда минимален), имея тот же балл, который электорат ЛДПР имел в 1996 году (170), а вот балл электората «Яблока» вырос за то же время со 135 (лишь чуть больше тогдашней «партии власти», НДР — 130) до почти рекордных 202. — Здесь и далее прим. А. Верховского.

³ Последние данные можно видеть в: «Россия для русских — ?» // Сайт Левада-центра. 2006. 25 августа (<http://levada.ru/press/2006082500.html>).

Рекордной цифрой поддержки этого лозунга были 58 % в ноябре 2001 и в июне 2005 гг. В августе 2006 года поддержка составила 54 %.

различия или закрываются сами каналы выражения групповых мнений. У нас в опросах почти никогда не бывает солидарности (по любой проблеме) свыше 70 процентов.

Б.Д.: И это уже почти ненормально. Под 70 процентов — это был пик мобилизации в начале второй войны в Чечне. Это предел.

Л.Г.: Ну, а 80 процентов и более — это ситуация войны. Вот сегодня, по некоторым данным, в Израиле поддерживает военные действия 85–90 процентов всего населения⁴.

Но вообще говоря, нельзя брать какой-то один показатель в качестве характеристики массовых, а потому всегда очень противоречивых и неоднозначных процессов. Надо брать контекст, в котором происходит та или иная динамика, а также структуру, расклад социальных сил, определяющих эту динамику. Если уж мы затрагиваем тему динамики ксенофобии или ее структуры, то можно посмотреть данные наших исследований — они опубликованы в книге «Нужны ли мигранты российскому обществу?», выпущенной только что «Либеральной миссией». Там показано, что значат (и для кого) ксенофобские лозунги, кому адресуются скрытые в них требования, как растет поддержка идеи депортации иммигрантов. Ксенофобия этого рода предполагает не мобилизацию против чужих, а, напротив, апелляцию к власти для защиты ощущающего себя очень слабым в социальном плане населения, для сохранения самой этноиерархической организации социума, деградирующего и неконкурентного. Но там есть и таблицы, показывающие, какие этнические группы наиболее «неприятны», — от кавказцев и китайцев и ниже. И видно, что данные 2005 года выше, чем во все предыдущие годы⁵.

⁴ Разговор записывался в начале августа 2006 года, то есть в разгар военных действий между Израилем и «Хизбаллой» в Ливане.

⁵ Гудков Лев. «Россия для русских»: ксенофобия и антимигрантские настроения в России // Нужны ли иммигранты российскому обществу / Под. ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 31–78.

Сравнительные таблицы за 2004, 2005 и 2006 гг. доступны также в: «Россия для русских — ?»; Отношение россиян к людям других национальностей // Сайт Левада-центра. 2005. 11 ноября (<http://levada.ru/press/2005111101.html>).

В этих таблицах можно отметить две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, от 2004 к 2005 годам росла готовность дискриминировать многие этнические группы, понимаемые как иммигрантские, все больше людей призывало ограничить иммиграцию (причем эта идея носит почти всеобщий характер: антимигрантские настроения в электоратах, например, СПС и КПРФ почти не отличаются), но показатели 2006 года оказались ниже, чем в предыдущем году, а то и ниже, чем в 2004 году. С

Б.Д.: Есть устойчивая тенденция к росту этнической ксенофобии.

А.В.: Но был, если я правильно понимаю ваши данные, какой-то ее пик еще в первый путинский срок, а потом было некоторое снижение.

Л.Г.: Это несущественные колебания.

Здесь важно учитывать крайне тяжелое влияние, которое кризис 1998 года оказал на тонус общества, на его моральное состояние, надежды на будущее и т.п. Именно после него становятся особенно заметными процессы моральной деградации, начинаются резкие изменения в массовом сознании: ожидание авторитарного лидера, общий рост компенсаторного шовинизма. Но я не стал бы называть это национализмом, это именно ксенофобия, негативная интеграция от противного, резкий рост спрос на «чужого», который помог бы удержать в массовом сознании собственную распадающуюся идентичность, поиски врага, жажда реванша, компенсации.

Потом следует 1999 год — всплеск антиамериканизма в феврале-марте, очень резкий, но неустойчивый. Затем — волна реваншизма, связанная с началом второй Чеченской войны, с «мочить в сортире», и далее — общий рост ксенофобии и агрессивного компенсаторного шовинизма.

Б.Д.: И любые события на Кавказе, в Америке или связанные с отношениями Америки и России вызывают всплеск в этом смысле, как это было в последний раз после заявлений Дика Чейни⁶.

Л.Г.: Плюс подогретая силами официальной пропаганды волна неприязни к ближайшим соседям. Власть разыгрывает эту тему, и она ложится на очень хорошо подготовленную мутную волну, идущую снизу..

Б.Д.: Данные по Украине, кстати, сейчас самые плохие за все последнее время.

Л.Г.: Плюс официальные враги — страны Балтии: Латвия и Литва, Эстония.

другой стороны, постепенно уменьшается поддержка ксенофобных идей как таковых: о засилье «нерусских», об их вине «во всех бедах России»; также снизилось ощущение этнической враждебности — собственной или по отношению к себе.

⁶ Русский перевод этой речи, произнесенной 4 мая 2006 г. в Вильнюсе: Чейни Дик. Россия должна вернуться на путь демократических реформ // ИноПресса. 2006. 6 мая (<http://www.inopressa.ru/whitehouse/2006/05/06/14:27:31/chenev>).

А.В.: Литва?

Б.Д.: Латвия прежде всего, но отношение к ним различается всего на 3–4 процента.

Л.Г.: Грузия, Украина...

Б.Д.: Даже Молдавия.

Л.Г.: И вся Восточная Европа, которая в 2004 году вступила в ЕС, и соответственно, это вызвало некоторый подогрев негативных эмоций.

А.В.: Но если есть столько событий, которые могут подогреть внутреннее беспокойство у человека впечатлительного и с определенными предрассудками, то, наверное, должны быть и события, которые его успокаивают. Были ли какие-нибудь события, которые приводили к снижению ксенофобии, хотя бы локальному?

Л.Г.: Это не подогрев, это индикаторы более общего процесса. И это не изолированные события. Сами по себе парад нескольких десятков бывших эстонских или латвийских эсесовцев или примирение ветеранов Красной армии и УНА-УНСО на Украине — это незначительные события, и они, вообще говоря, попадают в поле внимания очень небольшой части населения. Но важна тональность сообщений, многократно повторяемых официальными телевизионными каналами, собственно, и придающих им смысл и значение, задающих рамки восприятия и понимания происходящего. Как, если помните, в «Золотом теленке»: Шура не знал, что такое статус-кво, но он ориентировался на интонацию.

А конкретные события рационализируются задним числом.

Б.Д.: Мы постоянно подчеркиваем: эти настроения носят реактивный и негативный характер. Это не самостоятельная сила и не конструктивная сила. Это негативный ответ на события во внешнем мире, самого разного типа и масштабности события в самых разных местах, но все они задевают болезненную тему российской государственной идентичности, места и статуса России среди других стран, а значит — поскольку внешнюю политику население считает практически единственной областью успехов президента Путина — вызывают тенденцию к изоляционизму и антиамериканизму, к противопоставлению себя и других, ностальгию по Советскому Союзу и так далее.

А.В.: И вы настаиваете на том, что этот реактивный национализм, том числе современный русский национализм, не может быть самостоятельной силой?

Л.Г.: Вы моделируете национализм на примерах масштабного движения предыдущих исторических этапов. Это значит: появление новых групп или поднимающихся сословий, выдающих, как говорил Маркс о буржуазии, собственные интересы и представления за всеобщие, тем самым создающие новые универсальные конструкции и социума, и человека. Универсализация здесь предполагает не только расширение, распространение каких-то представлений о нормах, ценностях, идеях, бывших ресурсами одной группы, на всю общность территории или подданных короны, но и вменение им общей природы, верований, привычек, «здорового смысла» только по одной причине — веры в общность их происхождения и судьбы.

Иными словами, начинается процесс не только горизонтальной, но и вертикальной, межсословной интеграции. Появление таких представлений возможно, только если есть символический противник — аристократия, подчеркивающая свою почти кастовую особость, чуть ли не другое этническое состояние (как это было со шляхтой в Польше), или — что проще и нагляднее — империя, подчиняющая своему военно-бюрократическому универсализму этнический и трайбалистский партикуляризм населения колонизируемых провинций. Но и в том, и в другом случае национализм возникает как идеология поднимающихся социальных движений, ставящих цели эмансипации, модернизации, устранения казавшихся архаичными институтов — своих или привнесенных чужими.

Взять ситуацию между двумя войнами в Прибалтике. Там было внезапно массовизирующееся общество, испытывавшее социальный кризис; крах старого режима; появившаяся группа, которая предъявляла новые образцы национальной консолидации, вводила новые правила, оформляла это идеологически, давала некую программу для целого. Потом оказывается, естественно, что не все эти лозунги реализуются, что-то уходит как мечта, как романтическая утопия, но часть воплощается в новые институты. Тем самым оформляется новое общество.

Там возникают национальное государство, национальная школа, национальный университет, формируется национальная культура, литература, искусство, много новых символических фигур и прочее.

А здесь, в России, мы имеем дело с принципиально другими процессами.

Б.Д.: Здесь такое рождение национализма было невозможно до 1917 года, поскольку четыре пятых страны было просто неграмотно, это даже непохоже было на «третий мир». В этом смысле не было — как, впрочем, и нет — национальной школы, национальной библиотеки, национального просвещения, национального пантеона.

Л.Г.: Соответственно, нет и партий, нет интеграции элит, национального стержня.

Б.Д.: Достаточно посмотреть на ситуацию XIX века по всей Европе — и мы увидим точки, где диагностируется рождение национализма.

Л.Г.: Поэтому не случайно, что проблематика национализма впервые ставится по существу, в том числе и теоретически, именно в Австро-Венгрии. Это уже совершенно другая ситуация, это уже принципиально другая ситуация по сравнению с постреволюционной Францией, первой выдвинувшей образец национального государства как важнейшую составляющую модернизационного движения. Австро-Венгрия — это культурное многообразие в условиях распадающейся империи. И интеграция здесь уже приобретает вид деятельности политических партий. Национализм оформляется как политическое движение, но это в условиях, когда есть национальные элиты — разные: немецкое меньшинство в рамках, например, Чехии и чешского национализма, венгерский национализм и многие другие. И есть сильный сосед — Германия.

И внутри этого котла, очень слабо интегрированного (чисто монархически), начинает возникать острый и болезненный процесс самоидентификации элит (прежде всего), требующих политических прав, разграничений статусов, национальной школы, национального языка, вплоть до национального государства.

Б.Д.: Плюс тут еще и антисемитизм в 70–80-х годах XIX века, поскольку евреи занимают ведущие позиции.

Л.Г.: Или кажется, что занимают...

Б.Д.: Причем значимые позиции в культуре, в бизнесе, в финансах, и в этом смысле очень лояльны по отношению к империи. Они, как писала Ханна Арендт, большие империалисты, чем сами австрийцы... И вот возникает такая специфическая констелляция, которая во многом предопределила и распад империи, и всю судьбу XX века.

А.В.: И чем это так уж радикально отличается от нашего Советского Союза и его распада?

Б.Д.: Следует различать разные фазы национализма и разные типы национализма. Есть классическая модель французского и, позже, американского национализма.

А.В.: Ну, это преимущественно не этнический национализм, а гражданский.

Б.Д.: А внутри империи возникают совершенно другие типы национального движения, эмансипационные движения, связывающие эмансипационный подъем, включающий и процесс массовизации, и формирование новых институтов, с этническими моментами — в первую очередь с освобождением или с обеспечением привилегий для собственного национально-этнического меньшинства, когда оно еще не имеет государственности. Этот момент разложения империи чрезвычайно важен.

А.В.: И чем все-таки это отличается от распада СССР?

Б.Д.: Любая ситуация распада больших тотальных образований (кроме, может быть, Британской империи, хотя и там нужно внимательно посмотреть, в частности, среди интеллектуалов первой трети XX века) на выходе дает этот самый национализм ущербного типа, защитный, компенсаторный. Но не для меньшинства, в котором, в принципе, он сохраняет эмансипаторную составляющую: скажем, в случае СССР — на Западной Украине, в Грузии...

В Австрии после распада империи, в Германии после поражения, да и во всех случаях распада тоталитаризма возникает точно такой же компенсаторный национализм. Но он ничего не дает, в отличие от раннего типа национализма, где была идеологическая элита, был проект национального государства, проект создания новых институтов — от политических до образовательных.

Л.Г.: Это другой тип национализма, защитный по отношению к реформаторским или инновационным группам, компенсаторный, утешительный, поскольку он нуждается в подслащении мифами героического прошлого, изоляционистский по отношению к внешнему миру как источнику раздражающих свидетельств успеха, процветания и прогресса. Он не

соединен с элитой, не соединен с программой национального строительства, не предусматривает институциализации своих ценностей в структуре ведущих институтов общества. Этот национализм питается вчерашними иллюзиями величия, мифами периода коллективной мобилизации, сегодня уже невозможной. Причем для него актуальны мифологемы, давно ставшие рутинными компонентами массового, периферийного сознания, а не являющиеся политическими целями элиты.

Он — это не совсем точно — ретроориентированный. И в этом смысле он непродуктивен.

А.В.: Возьмем самый известный случай такого ностальгического национализма — немецкий после поражения в Первой мировой войне. Нельзя сказать, что он не породил новой модели общества, — еще какую породил! Третий Рейх стал качественно новой моделью общества, и для многих привлекательной. И этот тоталитарный строй вырос в первую очередь именно из того самого компенсаторного национализма.

Б.Д.: Да, здесь была отсылка, причем частичная, среди прочего, к чувствам побежденных, но ведь не это же было основой, на которой был построен «новый порядок», институциональный строй.

Л.Г.: Это совершенно другой вид национализма. Национал-социализм использует архаические или племенные мифы (чаще всего — уже прошедшие обработку в национальной школе и литературе, а потому предельно банализированные) для дополнительной легитимации совершенно новых утопий и политических проектов.

Б.Д.: В этом смысле там был «экшн», там была не идея возвращения, а идея «нового порядка».

Л.Г.: Когда мы говорим «ретро» — про обращение к советскому или еще какому-то прошлому — важно помнить, что сама эта конструкция в каком-то смысле фиктивна. Она специально построена, это не отсылка к реальности. Многие даже уже и не знают, в чем та реальность заключалась.

А.В.: Ну, всегда со временем, даже уже через 10 лет, начинают идеализировать старый порядок, какой бы он ни был.

Да и было ли в Германии сильное движение именно за возвращение к довоенной жизни? В Веймарской республике были совсем другие конку-

рирующие силы, чем до Первой мировой войны. Это были устремленные в новое будущее коммунизм и нацизм.

Б.Д.: Сильны были тенденции к консервативной революции...

А.В.: Консервативная революция — это не возвращение к дореволюционному состоянию.

Б.Д.: Конечно. Но еще важнее другое: заметьте, что и в Италии, и в Германии, и в Испании люди, которые возглавляли такие движения, не вошли ни в какие фашистские и нацистские структуры — политические, военные, управленческие. Это чрезвычайно важная вещь. Как бы они этого сами ни хотели, как бы ни стремились использовать свой авторитет, войти через парламентские структуры или как-то еще, ничего не выходило. Они не были нужны при новом порядке.

В России же национализм, и мы об этом писали, возникает как номенклатурный, но — определенных фракций номенклатуры: людей, которые уже есть во власти, но чувствуют, что им ее мало и больше не будет, что ее отнимают или угрожают отнять. И вот сознание этого толкает их использовать националистическую, ксенофобскую, шовинистическую карту.

Л.Г.: Здесь национализм возникал, я имею в виду советское время, дважды — при смене системы. Первый раз — когда Сталин вычищал революционизм.

Б.Д.: Еще в 27-м писали (Луначарский, в частности): «Мы — интернационалисты», а в 34-м было уже совершенно по-другому...

Л.Г.: Была выбрана опора совершенно на другие социальные силы, на другой круг институтов, аппарата, поэтому менялась и легитимация режима. Было ясно, что сталинская программа построения социализма в одной стране предполагала уже не интернациональное движение, не опору на мировую революцию (это было записано за Троцким), а именно национальное строительство («победу социализма в одной отдельно взятой стране»), но в качестве универсального и почти обязательного для всех образца.

Она переносилась даже на сообщества, еще в той или иной степени застрявшие в традиционных социальных системах, на бесписьменные народы. Она предполагала, в этом смысле, наднациональное существо-

вание. Строго говоря, это был не национализм, а что-то вроде державной или неодержавной идеологии и соответствующей системы институтов. Система управления строилась как наднациональная, школа строилась как наднациональная.

Вторая фаза обострения национализма — это послевоенная реакция. Здесь национализм использовался, чтобы подавить реакцию народа-победителя, увидевшего возможность свободы, с тем чтобы не повторить ситуацию 1812 года.

Б.Д.: Удар по евреям, удар по национальным движениям. Несколько позже — удар по религиозным и «сектантским» движениям, которые поднимались на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике и т.д. Посмотрите состав «сидельцев» у Людмилы Алексеевой⁷.

Л.Г.: И третья волна — это начало 70-х годов, уже брежневское время. Отказ от реформ, даже от таких едва различимых, как косыгинские, опора уже не на идеологическую составляющую, что было ощутимо даже у Хрущева, а на исполнителей, функционеров, технократов, циников и приспособленцев. Это уже были не «солдаты партии» или идеологи, а партийные функционеры.

Слабые остатки идеологии или попытки, так скажем, быстро ее «напылить», включали такие конструкции, как «советский народ», «развитой социализм», «общенародное государство» и т.п.

Б.Д.: Этот пришедший при Брежневе второй эшелон номенклатуры, менее образованный в идеологическом смысле, да и куда меньше озабоченный проблемами идеологии, все-таки нуждался в опоре на «русскую идею» против романтических реформаторов-вестернизаторов.

Л.Г.: Отчасти это то, что Митрохин описывает как «русскую партию» номенклатуры⁸.

Б.Д.: Она, конечно, не получила оформленные черты партии, но как настроение, как веяние, как система внутренних отсылок, конечно, действовала.

⁷ Алексеева Людмила. История инакомыслия в СССР: новейший период. М.: Зацепя, 2001.

⁸ Митрохин Николай. Русская партия: Движение русских националистов в СССР 1953–1985 годы. М.: НЛО, 2003.

Л.Г.: Она была связана и с новой волной государственного антисемитизма, и, кстати, с реакцией на эмиграцию евреев в 70-х годах...

Б.Д.: Связана, опять-таки, с изменением роли структур государственной безопасности (фигура Шелепина), с их стремлением влиять на политику — и внешнюю, и внутреннюю. Другое дело, что из этого получилось, но тенденция явно была.

А.В.: То есть вы описываете каждую попытку создания русского национализма либо как действие самой правящей группы, либо как действие какой-то части номенклатуры, которая пытается сыграть свою игру?

Л.Г.: Не совсем. Вы рассматриваете национализм прежде всего с точки зрения идей, которые могут привлечь людей, стать источником каких-то идеологических движений или групп, вне контекста, институционального каркаса общества. Мы же в первую очередь обращаем внимание именно на институциональную структуру общества, на механизмы репродукции социальных отношений, на групповые интересы, активизирующие или, напротив, подавляющие те или иные символические ресурсы. Важно не просто отмечать наличие идей, а учитывать, какие это идеи, из какого котла вынуты, какие интересы включаются в этот процесс, под влиянием каких интересов активизируется тот или иной идеологический ресурс. Во всех трех фазах, о которых идет речь — начало 30-х годов, послевоенные годы и начало брежневского «застоя», — вообще нет собственно идеологов. Интеллектуальные ресурсы здесь предельно тривиальные, отработанные и используются они эпигонами, а не идеологами, нет здесь никаких новых проектов. Речь идет о легитимации новой группировки, которая пришла к власти. Как правило — группировки-рутинизатора. Эпигоны не задают новые идеологические проекты, они лишь оформляют уже сложившиеся системы режима власти, кадрового контроля и прочее.

Б.Д.: В определенной, но уже очень ослабленной степени, этот механизм мы имеем и сегодня. Это и остатки национализма, функция которого, конечно — легитимация сложившегося режима. Не какая-то конструктивная программа, не ориентация на достижения, не движение вперед, не вписывание в более широкий контекст европейской и мировой политики, экономики, правовых институтов и норм.

Первична не идея, не идеалы, не программы, а место внутри номенклатурной структуры. А дальше могут быть подтянуты для публичных

выступлений, для масс-медиа те или иные типы риторики, это уже не так важно. У нынешних аппаратчиков они могут соединяться бог знает как. Невозможно даже себе представить, как это может соседствовать в одних и тех же головах.

Л.Г.: Нынешний украинский национализм, скажем, в нем есть идеи — сближение с Европой, установление демократического правового общества, устранение коррумпированной властной верхушки, создание парламентской республики, разделение властей и все прочее. Национальная идея должна обеспечить эти институты и консолидировать все общество. Это проект национального сообщества, эмансипированного, свободного от империи.

Б.Д.: Очень характерно, что этот проект идет рука об руку с идеей подконтрольности властей, сознанием, что власть, если будет нужно, можно поставить на место или даже переизбрать. У нас эта система идей уже с середины правления Ельцина вытеснена из риторики, будь то интеллигентской, будь то политической, будь то масс-медиаальной.

Л.Г.: Украинский проект, конечно, использует какую-то старую символику, казацкую, запорожскую, карпатскую, гуцульскую, не знаю, наверное, еще какую-то, но в основном это конечно — перспективная идеология, обращенная в будущее, на построение национального сообщества и национального государства.

Б.Д.: Важны именно направленность идеологии и ее соединение со структурой социума, с системой управления.

Л.Г.: Здешний же, русский, национализм весь опирается на ретро-события, прежде всего на Победу и, соответственно, на авторитарные основания власти, на руководящую и направляющую силу верхушки.

Б.Д.: Точней говоря, это даже не «ретро», а что-то вроде фантомных болей. Да, они вроде бы отсылают к прошлому, но этого прошлого уже нет, оно само только в этом сознании потери и конструируется. Но при этом ощущение утраты по остроте несколько не уступает реальному.

А.В.: Итак, вы указываете на украинский национализм, цели которого связаны с дальнейшей модернизацией общества. Посмотрим теперь на русских националистов в России. Они, конечно, имеют разные цели. Возь-

мам для примера не столь значительный круг людей, которые выступают за возвращение к православной монархии образца Александра III, а то и Алексея Михайловича. Их цель, во-первых, фантастическая, во-вторых, в ней явно ничего модернизационного нет, а ровно наоборот. Но тем не менее это ведь тоже цель, и нельзя отрицать, что некое демодернизационное развитие общества возможно. Почему вы сбрасываете их со счетов?

Л.Г.: Вы сами сказали, что это не цель, а лозунг. У него совершенно другая функция.

Б.Д.: Достижение этой цели не подразумевается. Ее функции — репрезентация, в том числе воображаемому врагу или себе для сплочения, но это не функция целедостижения. Это функция защиты, функция символического представления, функция вакцинации от нового.

В этом смысле это не программа. А программа — это же важная вещь для политики, партии, политического движения.

А.В.: Ну, в этом смысле можно сказать, что ни у одной российской партии нет никакой цели, потому что нет ни одной партии, у которой есть достижимая цель, кроме «Единой России», у которой цель в каком-то смысле уже достигнута, и она на ней сидит.

Б.Д.: Да у нас и нет сейчас партийной системы — есть только заказная номенклатурная возня по партстроительству.

Л.Г.: Ну, у СПС и у «Яблока» были какие-то мутные представления о либеральном варианте модернизации, о правах человека, о деэтизации общества. У «Яблока» чуть-чуть больше было от социал-демократических моделей, но в принципе, и там, и здесь гораздо важнее был образец номенклатурной модернизации, модернизации сверху.

Б.Д.: В конце концов, были же у них практические программы. Другое дело, что не удалось их развить, не удалось соединить с массовыми движениями, с институциональными структурами, но момент практического целеполагания присутствовал несомненно.

Л.Г.: В разлагающемся социуме, а мы имеем дело именно с ним, есть некоторые мелкие партийные или околополитические фракции, не пользующиеся массовой поддержкой. Их функция — обозначить края спектра идей, но не консолидировать своих немногочисленных сторонников.

Б.Д.: Согласитесь, они все-таки по большей части, если не полностью, реактивны по отношению к уже существующим государственным структурам и их действиям. Нет независимых источников ни идей, ни финансов, ни других ресурсов, нет планов и механизмов достижения цели.

Л.Г.: Вот смотрите: пришли в Польшу к власти братья Качиньские, Лех и Ярослав. Они пришли, конечно, на волне националистической риторики, консервативной по своему характеру. Это была реакция на ускоренное изменение институционального порядка в польском обществе и на вхождение Польши в ЕС. Это вполне понятные вещи. Но это — целевое движение, у него есть определенная программа. Они представляют группы наименее образованного крестьянского, сельского населения, которое впервые в такой форме включается в политическую и общественную деятельность.

По сути, это очень важный момент: это последняя из начальных фаз интеграции страны в ЕС. Они втягивают эту неполитическую часть населения в политическую жизнь, представляют его и реализуют некоторые его интересы, не отменяя общего курса — модернизации страны и европеизации.

Б.Д.: Проблемы «европейцы мы или нет», а значит, проблемы, куда идти, для Польши, ни для одной польской политической партии не было.

Л.Г.: Они не возвращаются в прошлое и не ставят фантастические задачи — например, реставрации польско-литовского королевства.

Б.Д.: Они не выкидывают лозунгов особого пути, не «расчесывают» проблематику империи, не ведут войн на собственных границах (не кладут под пули и бомбы свое молодое поколение) — а это чрезвычайно важные моменты для нынешней российской ситуации, которые в значительной степени парализуют возможности возникновения здесь конструктивного собственного национализма. Национализм в каком-то смысле подавлен, подавлен тем, что происходит сейчас.

Л.Г.: Давайте выделим группы, которые выступают с какими-то идеями. Есть ли такие группы?

А.В.: Речь идет о группах, которые должны противостоять модернизации или, например, европейской интеграции. Они за особый путь, за свой банальный консерватизм.

Л.Г.: Ну, «Россия для русских», новый «железный занавес», ближе зарубежье как «зона особых интересов» России...

А.В.: Или «Польша для поляков», тут — каждому свое. Понятно, что степень изолированности у Польши и у России разная. Но здесь же тоже есть социальные группы, которые видят свой интерес в том, чтобы противостоять модернизации и интеграции России куда бы то ни было. Не в смысле антиглобализма, в идейном смысле он — экзотика, а именно в смысле ретроградного консерватизма.

Б.Д.: На уровне сколько-нибудь видных политиков, похоже, что нет таких групп. Даже «красные губернаторы», самые отъявленные, отказались уже от этой риторики.

Л.Г.: Никаких у нас идеологических дискуссий, столкновений, коллизий нет.

А.В.: Нет, я не о политиках. Вы же сами говорите: заинтересованные социальные группы, которые продвинули этих братьев к власти в Польше. А у нас их почему-то нет. У нас меньше социальных групп, которые противостоят модернизации?

Л.Г.: У нас меньше социальных групп.

Б.Д.: У нас процессы группообразования почти что не пошли.

Л.Г.: Мы имеем дело с эдакой кашей.

Б.Д.: Вспомните, мы говорим о Польше. В Польше были костел, три века шляхетства, «Солидарность» на протяжении нескольких десятилетий. Потом, такие гиганты имперские под боком, как Россия с одной стороны и Германия с другой. Для них национализм как «Польша для поляков» был актуален только на короткий период.

Л.Г.: У нас общество «еще не возникло» или «уже не возникнет». В этом проблема и заключается: в России нет «общества» как типа социальной организации. Когда у нас говорят «общество», подразумевают прежде всего массу населения, а общество — это определенная система солидарности, основанная на интересах, общих идеях, отношениях и связях, не предполагающих участия власти. У нас этого не происходит до сих пор.

И это драма России, которая скорее всего и погубит ее, — не происходит дифференциации общества и государства. Это все пока слито воедино. Поэтому никаких особых, автономных от государства, социальных групп и институтов не возникает и возникнуть в обозримое время не может. Есть очень небольшие группы, крошечные, я бы сказал, которые выступают с претензиями на свое участие во власти, обозначая тем самым скорее свое присутствие, чем деятельность, — поднимают флажки.

Б.Д.: Или проявляют свое недовольство властью — вроде прошлогодних «ситцевых» революций, когда бабушки и дедушки вышли против монетизации. И посмотрите, сколько по времени это движение занимало и каково оно было по географическому охвату.

Л.Г.: Если посмотреть на нашу партийную систему, на эти квазипартии, то трудно не увидеть, что все это — осколки прежней номенклатуры, ее фракции, распавшиеся части единой ранее правящей бюрократической системы. Никто из этих партий не берется представлять какие-нибудь социальные группы — только всю Россию разом, а значит, никого по существу. Это причина поражения правых, демократов вообще — то, что они не смогли артикулировать проблемы и социальные интересы основной части населения. Отсюда произошло отчуждение от политики, разочарование в демократах. Этим объясняется и успех этого монстра административного ресурса — «Единой России». На самом деле, она — чисто бюрократическая организация управления кадровыми ресурсами власти.

Б.Д.: Она не выражает взгляды и интересы, она делает то же, что делала КПСС, то есть она формирует номенклатуру, определяет кадровую политику, расставляет людей по различным местам, подбирает более молодые слои, с тем чтобы готовить из них будущих функционеров. Но по сути это же не партия: она не выражает социальных интересов, не ищет поддержки, не имеет программы, не готова к дискуссиям и борьбе...

А.В.: Какая-то странная асимметрия получается. Демократические партии какие-то интересы выражали или хотя бы декларировали, но плохо это делали...

Б.Д.: И во многом выражали скорее протест против того, что было раньше, чем реальную программу на будущее. Ситуация, скажем, с тем же самым Союзом кинематографистов между 1986 и 1991–1992 годами это ясно показывает. Люди, которые пришли в 1986-м, в 1991-м и 1992-

м, были либо оттуда вычищены полностью, либо вместе с остальными поклонились царю-батюшке или царевичу, с тем чтобы он приходил и ими правил «так, как он хочет», только лишь бы он обеспечил им — особенно близким к пенсионному возрасту — некоторый порядок льгот, стабильность, предсказуемость и все прочее. Какое будущее? Какие достижения? Ничего этого не надо совершенно.

Только потом более новые фракции в этом сообществе стали говорить: ну не-е-т, надо нам сделать так, «как у них», не хуже, а то, понимаешь, иранское кино есть, а российского нету. Мы, брат, сейчас такой хит сделаем, что Голливуд закачается.

А.В.: Пусть так. Но демократическая часть спектра, хотя и не очень удачно выступала, все-таки представляла собой заметную силу и некоторое время была довольно близка к правящей группе. А вот то, что можно назвать, с какой-то степенью приближения, националистическим движением, выступало плохо. До последних лет. Что изменилось? Почему у тех получалось, а у этих нет, а теперь все наоборот?

Л.Г.: Я не согласен с Вами, что демократы не представляли никаких националистических идей. Это было вполне заметно.

А.В.: Ну, я этого и не говорил.

Л.Г.: Они были такими же государственниками, как и коммунисты или патриоты, или ЛДПРовцы.

Б.Д.: В большей или меньшей степени... Про Гайдара это можно твердо сказать, про Явлинского — в меньшей степени, но про Гайдара — вполне твердо, про Чубайса — вполне.

Л.Г.: Помню наш давний разговор с Алексеем Улюкаевым, когда он был еще в гайдаровском институте, кажется, перед выборами 1999 года. Мы его спросили: а Вы что, хотите великую державу? И он говорит: да, конечно, я государственник. Для либералов этого рода рынок и демократия важны не сами по себе, это не ценности, а лишь инструмент для восстановления обветшавшего супергосударства.

Примерно такая же идея и у КПрФ, но там акценты немножко по-другому расставлены. В этом смысле спектра нет. Сильных, принципиальных различий нет. Их программа — это программа прихода во власть и проведение сверху опять-таки более или менее схожей политики.

Государственной, номенклатурной политики. Никакой реальной опоры на социальные силы, на общество в подлинном смысле.

Все эти партии — это партии так называемой электоральной демократии. Их основные усилия сосредоточены не на социальной работе, не на собственно политической деятельности, то есть на выдвижении политических целей, стратегий развития или социальных программ, их обсуждении в парламенте, контроле за правительством, а на технике массовой мобилизации для прихода во власть.

Б.Д.: Поэтому на авансцену потом, после выборов 1995—1996-го, и выходят политтехнологи, люди умеющие организовать такого рода поддержку.

А.В.: Но что-то не у всех получалось по части мобилизации. Где наши братья Качинские? Казалось бы, антимодернизационное движение сегодня в России возможно уж никак не меньше, чем движение промодернизационное.

Л.Г.: Люди, с одной стороны, конечно, не любят Запад и очень не любят Америку, в особенности американское правительство, американскую армию и т.д. Но если спросить, хотите ли жить, как на Западе, то 40 и выше процентов говорят, что да. Что, они хотят, чтобы все исчезло опять с полок магазинов?

Б.Д.: Половина населения не прочь (не «хотела бы», а именно «не прочь») жить так, как на Западе, но совершенно не хочет понимать, чем это там обеспечено и чего это потребует от них в социальном плане, в политическом плане и т.д. И это соединяется с более или менее резким антивестернизационным настроением.

Л.Г.: Почему не удавалось побеждать русским радикал-националистам?

Власть не поддерживает эти крошечные радикальные шовинистические группировки, но и не преследует. Их роль заключается в том, что они вбрасывают какие-то идеи, которые более крупные партии принимают, но в ослабленном, несколько более приличном, виде и пускают уже в публичный оборот. Скажем, «Россия для русских» — вещь неприличная, но «Единая Россия», прислушиваясь к этим голосам, начинает акцентировать в своей риторике некоторые похожие моменты — мол, надо обеспечивать развитие культуры основного большинства, поддерживать,

стимулировать, ограничивать приток криминальных мигрантов. А это примерно то же самое.

Б.Д.: Зато Жириновский может себе позволить такого рода нелегальные речи. Он прививки в этом смысле на себе делает.

Л.Г. Жириновский — не просто провокатор, он генератор этих лозунгов, которые, будучи переинтерпретированы, принимаются основной партией. Роль наших националистов в этом и заключается. Поэтому власть не видит в них для себя опасности, и это важнейший момент в их существовании.

Б.Д.: Интуитивно понятны границы того, что им будет дозволено сделать. Вот в таких рамках они допущены и терпимы.

Это во-первых. А во-вторых, они не слишком сильно поддерживаются снизу. Посмотрите на наши данные за много лет.

А.В.: Не поддерживается кто? Не поддерживаются, понятно, радикалы. Но я имею в виду совершенно не условного Баркашова. Баркашов и другие радикальные группы, какие-нибудь монархисты, они действительно служат как катализатор. Но есть же перспективные популистские движения типа «Родины». Я не говорю о ближайших политических перспективах: сгинет «Родина», через год может появиться точно такая же, потому что у них-то действительно есть поддержка, что можно было видеть на выборах и в декабре 2003 года и позже по регионам.

Л.Г.: Не у них. Это же не партия. Это специально созданная Кремлем чисто политтехнологическая операция, для того чтобы расколоть КПРФ. Сегодня за «Родину» готовы проголосовать 2 процента.

А.В.: Это я понимаю, но люди же проголосовали за определенные идеи в определенной упаковке. И эти люди никуда не делись, просто им не нравится нынешняя «Родина».

Б.Д.: Но в ходе этой политтехнологической операции произошла еще одна важная вещь. Те идеологические, риторические элементы, которые ассоциировались с «Родиной», они теперь — в языке большой партии, номенклатурной власти, первых лиц государства.

А.В.: Это тоже результат.

Б.Д.: Что и говорить. А это значит, что они, партия власти, перетянут к себе в этом смысле большую часть тех, кто вчера готов был голосовать за «Родину». Почему? Потому что у «Родины» как не было власти, так и нет, а у Путина она уже есть. Люди будут голосовать за партию власти, потому что там, помимо знаковых слов, уже есть власть, а это принципиально.

Л.Г.: Люди голосовали не за идеи, а за начальство или за тех, кто мог критиковать начальство. И у «Родины» нет самостоятельных идей. «Очистим наш город от мусора» — это не идеи, не цели политического или государственного строительства.

А.В.: А у Путина есть идеи?

Л.Г.: Феномен Путина держится на том, что он — воображаемая фигура, на которую массы проецируют свои ожидания и представления. Он, в некотором смысле — геометрическое место точек, куда сходятся линии массовых иллюзий, но как человек, как политик — пустота. Благодаря этому и держится.

Б.Д.: Ставрогин такой. Место пересечения ожиданий и страхов всех остальных ...

Л.Г.: Самые прочные конструкции основаны не на принуждении, а на согласии. У нас все проецируют на него надежды и иллюзии, а эти надежды и иллюзии лишены прагматической оценки, поэтому что бы он ни делал, все равно.

Б.Д.: «Народ устал ждать». Устали, говорят 60 процентов, устали ждать чего-то от Путина, но все равно ничего другого не предложено. И потому за него — 72 процента.

Л.Г.: Поэтому он вынужден (естественно, не лично Путин, а конструкция эта) быть принципиально эклектичен, в этом смысле он безыдеен. Он должен вбирать любые идеи и допускать любые их сочетания. Люди должны слышать от него то, что хотели бы услышать, вычитывая у него, что он в свое время сказал или мог бы сказать.

Вы говорите, монархисты? Пожалуйста. Вот вам конный концерт — развод и экзерсисы конногвардейцев на Соборной площади из Кремлевского полка или еще что-то в этом роде стилизованное...

А.В.: Меч Ильи Муромца.

Л.Г.: Или имитация царского убранства кремлевских палат. Проход будет на инаугурации — почти точно как царский.

Б.Д.: Появиться в церкви, проявить внимание к армии, и в том числе к ее молодым наборам, озаботиться женщинами и их фертильностью и т.д., и т.д.

Л.Г.: Если Вы помните, первый об этом начал Жириновский говорить...

Б.Д.: Это у него обычно было про фертильность русских женщин, это была его карта.

Л.Г.: Конечно, Жириновский — самая интересная фигура, он самый талантливый, самый умный из всех этих, самый циничный из всех наших политиков — и поэтому наиболее яркий.

Б.Д.: Самый верткий: с тех времен кто еще удержался?

Л.Г.: Если мы посмотрим на наши регулярные замеры, чьи выступления больше всего запомнились, то он бьет здесь Путина или, как минимум, равен ему. При том, конечно, что он воспринимается негативно.

Б.Д.: Но у него возможности подняться наверх отрезаны начисто.

А.В.: Но я сейчас говорю не про сегодняшние политические реалии. Вы пишете в этой статье в «Pro et Contra»: *«Ксенофобия становится решающим фактором массовой этнонациональной идентификации в тех случаях и в тех средах, когда и где образ “мы” не включает в себя ценностных компонентов универсализма»*⁹. То есть мы говорим, что вокруг — разлагающаяся среда, в которой возможны только простые реактивные эмоции, но не может быть никакого проекта.

Л.Г.: Под универсализмом в данном случае понимаются некоторые универсальные моральные основания. Мораль, в отличие от племенной этики, всегда универсальна. Это чрезвычайно важное общественное

⁹ Гудков Л., Дубин Б. Указ. соч. С. 13.

согласие, в том числе согласие в основаниях власти, в признании государственного суверенитета, права. Право строится на универсализме.

Мы же не дожили еще даже до европейской конструкции *Everyman, Jedermann* (всеобщего, любого человека), до «здорового смысла» как универсальной конструкции.

Б.Д.: Она как будто начинала формироваться где-то в русском Просвещении в XVIII веке, но была очень быстро похоронена, и дальше дело не пошло. Возник персонаж-резонер, но не возникло идеи права (уж не говорю — системы).

Л.Г.: Работают прямо противоположные механизмы и стимулы, подавляющие универсалистское, открытое сознание. Нет, скажем, представления о деньгах как о средстве соизмерения ценностей, независимом от власти. Мы не хотим быть открытой, то есть европейской страной, мы не хотим вестернизации.

Б.Д.: Гражданский, конституционный патриотизм (то, о чем пишет Хабермас) или патриотизм институтов, как в Америке — ничего этого нет. Сравните: наш милиционер — и их полицейский, там очень высокая степень массового доверия полицейскому. Обычное у нас мнение: «Кто ж полицейских любит?» А вот и неправда — к ним высокая степень доверия в США, в Британии, в Германии... Доверие к судебным институтам очень велико.

Л.Г.: Это предполагает какие-то позитивные идеалы, гордость за реализацию этих идеалов, национального в том числе — американского, французского, отчасти даже немецкого, британского. Это связано и с институциональной реализацией этих идеалов. Отсюда и основания для национальной гордости и национального чувства. Оно, кстати говоря, не обязательно ксенофобское. В России же, где ничего этого нет, самоопределение происходит за счет установления границ между «чужими» и «своими», создания соответствующей защиты, изоляции от чужого.

Б.Д.: В социологическом смысле это архаичные вещи. Социолог, исторический социолог не может не понимать архаичности такого самоопределения. Оно не открыто будущему.

А.В.: Такая архаика существует везде. В 90-е годы и в нынешнем десятилетии мы видим в Европе большие успехи ксенофобских движений, причем во многих странах.

Л.Г.: Вне всякого сомнения, да.

Б.Д.: Но важнее то, на чем построены главные институты социума, что надстроено над племенными вещами. Конечно, канадцы тоже вычисляются, сколько у них там французской и английской крови, а бельгийцы — сколько валлонской и фламандской. Но структура основных институтов, система образования, право, финансовая система и т.д. — вот эти вещи, которые воспроизводят структуру общества и воспроизводят ее поверх поколенческих и этнических различий, они работают так, как надо.

Вспомните голосование за Хайдера или за Ле Пена. Второй тур, все поняли граждане — и никакого Ле Пена, а Хайдер — на местном уровне¹⁰.

А.В.: Тем не менее, налицо большой прогресс у европейских националистов, и не только во Франции и Австрии.

Б.Д.: Конечно, а кто сказал, что нет? Все это есть. Демократия от проблем и напряженности не освобождает.

Л.Г.: Но заметьте, это в первую очередь ксенофобия по отношению к совершенно определенным группам и угрозам, которые они несут. Это, скажем, антимусульманские настроения. То есть это ксенофобия по отношению к угрозе, которая грозит разрушить именно универсалистские институты, именно систему универсалистских ценностей.

Б.Д.: И что противостоит этой ксенофобии? Вы включаете телевизор во Франкфурте, и там будет минимум два турецких канала, один греческий, один польский...

Наша ксенофобия похожа на ту, но это разные животные.

А.В.: По-моему, наши становятся постепенно больше похожи на тех. В частности, сейчас мы видим концентрацию не на мифическом жидомасонском заговоре, а на иммигранте как враге и тому подобных вещах, имеющих все-таки отношение к реальности.

¹⁰ Партия свободы Йорга Хайдера все-таки входила некоторое время в правительство, но сам Хайдер ради достижения компромисса в него не вошел. См.: Тэвдой-Бурмули А.И. Европейский правый радикализм на рубеже веков: формы и тенденции эволюции // Социальное согласие против правого экстремизма / Отв. ред. Л.Я. Дадани, Г.М. Денисовский. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2005. С. 394–401.

Б.Д.: А как же «вычистить евреев из структур власти и масс-медиа»?

А.В.: Нет, это все остается, но согласитесь, что акцент сместился радикально.

Б.Д.: Отчасти, отчасти...

Л.Г.: Потому что евреев стало мало, основная масса населения никогда с ними не встречалась в жизни. А потом, евреи перестали быть образом «носителей модернизации» в традиционно аграрном социуме, социума такого уже нет, нет и государственного антисемитизма, характерного для тоталитарных режимов.

А.В.: Евреи, строго говоря, антисемитам и не нужны.

Б.Д.: А кавказцы приобрели другое лицо, они стали соединяться с экономическим успехом.

А.В.: Так вот, не делают ли эти изменения национализм более перспективной вещью и здесь? У него появляется более реальный враг.

Л.Г.: Нет, не делают. Что мы хотели сказать в своей статье? Что есть разные типы национализма, не надо называть разные социальные формы одним и тем же словом.

Например, экономический успех турок в Германии никакой ксенофобной реакции не вызывал среди немцев. Община растет, богатеет — и ради Бога.

Реакция ведь на что пошла? Не на самих турок, а на то, что появляются антихристианские мотивы, антизападные, что вводятся элементы неуниверсалистского права.

Б.Д.: Как учиться детям в школах?

Л.Г.: Вводятся элементы, противоречащие тому, что условно можно назвать европейской культурой — новообразованию, универсалистскому по определению. В европейских странах, конечно, были проявления и чисто фашистские, чисто расистские реакции местной молодежи, скажем, в восточных землях Германии (характерно, что чаще именно в бывшей ГДР, где до сих пор влияние западных ценностей, западной политической и гражданской культуры заметно слабее), но они оставались эксцессами

маргиналов, сколько-нибудь значимой поддержки населения эти выступления против чужих, мигрантов, не было. А когда мусульманское присутствие начало восприниматься как угроза основаниям европейской культуры и европейской социальной системе, ксенофобные реакции стали приобретать популярность. Ведь когда началась реакция в Голландии? После убийства Тео Ван Гога.

Наша и их ксенофобия — это принципиально разные вещи, поймите.

А.В.: Но и в этом, в защите европейской культуры, наши националисты стараются походить на европейских.

Б.Д.: Заимствуют их формы... Возможно, есть некоторое движение в эту сторону. Имитационное, как и во всех остальных случаях.

Л.Г.: Когда Ле Пен выступал просто против «чужих», он имел свои 4–5 процентов. Когда он начал говорить про угрозу нашей цивилизации, он получил гораздо большую поддержку. Но ему на это понадобилось больше четверти века.

Где Вы видите, что националистическая пропаганда в России строится на этом?

А.В.: Я вижу. Наши копируют как раз западноевропейских крайне правых, потому что это позволяет расширить аудиторию с тех, кто просто ненавидит всех «инородцев», до тех, кто озабочен российской цивилизацией, или русской, или даже европейской. У нас же вполне успешно используются идеологемы типа «Белый Север против Юга» и прочие в этом роде.

Л.Г.: В каком смысле они говорят «европейская цивилизация»?

А.В.: Это неважно. Призывать защищать можно и то, что реально не существует.

Б.Д.: Нет, для нас это важно.

Л.Г.: Народ наш ведь не считает себя принадлежащим к Европе.

Б.Д.: Ну и потом, лепеновский успех — это еще и большая слабость административных и государственных официальных структур этого периода. Падение доверия к Шираку, к парижскому мэру и т.д., и т.д. Вот это ощущение слабости государственных структур, отторжение от

основных представительских фигур (не от государства как такового, а от конкретной команды, которая его воплощает) во многом помогли Ле Пену в первом туре. Это было протестное голосование.

Л.Г.: Там было много партикуляристских оснований, например, тема защиты местного производителя. Плюс — тема защиты национальных институтов культуры: системы образования, языка и прочего. Плюс — реакция на брюссельскую бюрократию.

А.В.: Ну и здесь какие-то частные причины найдутся.

Б.Д.: Мы за то, чтобы все-таки рассматривать историческую констелляцию, как она сложилась в каждом конкретном случае, и сравнивать уже не отдельные вещи, а системные вещи. А основой системы — политической, экономической, культурной — все-таки являются институты данного общества. И за этим мы следим. Не упуская из виду настроения, веяния и т.д., но все-таки нельзя забывать, на чем все это основано и какие формы принимает, какие из них устойчиво воспроизводятся.

Л.Г.: На что опирается та или другая программа иммиграции? Это чрезвычайно важно для различения и понимания интенций того или иного социума. Европа решает эту проблему через разработку мощных программ адаптации иммигрантов, вписывания их в социум. А в России если и обсуждается что-то, то исключительно меры полицейского характера. Там воспроизводится основная институциональная матрица европейского сообщества, здесь — полицейского государства. Даже если, допустим, мы имеем дело там и здесь со схожими явлениями ксенофобии, семантика их контекстов разная. Здесь это будет реакция «запретить и не пущать» или «выкинуть их всех».

Б.Д.: Во многом поддержанная населением. Пусть полиция, государственная власть придет и наведет порядок.

Там же модернизационная структура уже встроена в адаптационные программы. Там нет идеологии модернизации, это не нужно, поскольку процесс модернизации уже завершился, но зато модернизация встроена в социально-инструментальные действия.

Л.Г.: Полтора десятилетия реформ в России показали, что традиции административного произвола последовательно стерилизуют потенциал социальной и культурной модернизации. Если и возникал время от времени

какой-то намек на консолидацию автономных сил или групп, независимых от самодержавной власти, пусть даже националистически озабоченных и мотивированных общими интересами страны, то за исключением периодов острых кризисов безвластия или исторических катаклизмов власть не терпела рядом с собой каких-либо конкурентов, могущих претендовать на то, чтобы определять политические цели страны. Поэтому стимулов модернизации, усилий «окультурить» страну, идущих от «общества» без участия государства, по сути, никогда и не было, если не считать тех отдельных сегментов, которые были связаны с системой государственного управления, военной технологией, целями имперского господства. Модернизация в России всегда носила военно-бюрократический характер, что и предопределяло периодические катастрофы в истории страны. Как ни обидно, но прав был Витаутас Ландсбергис, не без злорадства утверждавший, что «не получилась демократия в России»...

Б.Д.: Вся конструкция социума держит ситуацию в таком положении. Она **его** воспроизводит, а не идейные веяния, не симпатии конкретно к Жириновскому и т.д.

Л.Г.: Как Вы представляете себе модель нормального русского национализма — по типу французского или немецкого?

А.В.: По типу — определенно немецкого. Я себе представляю движение типа «Родины», которое является популистским, активно эксплуатирует этническую ксенофобную риторику и имеет шанс при определенном стечении обстоятельств прийти к власти.

Л.Г.: Ну, приходит оно к власти, и дальше?

А.В.: Дальше оно переходит к каким-то полицейским мерам, потому что что еще оно может? И фактически отличается от предыдущей власти только большим полицейским давлением на «инородцев».

Л.Г.: Ну вот, Вы сами сказали то, что мы написали. К новой модели общественного устройства это не имеет ни малейшего отношения.

А.В.: Нет, популистское движение, конечно, не может создать новую модель, с чего бы?

Б.Д.: И тогда стагнация неизбежна. Скорее всего, кризис, и тяжелейший. Не дай Бог, совпадет еще с нефтегазовым «сужением трубы».

Л.Г.: Мы начали-то с того, что национализм возникает и как социальное движение, и как идеология некоего идеального проекта. Отцы-основатели в Америке видели американскую конституцию как последний и единственный в своем роде шанс (и опыт) построения общества нового типа — не деспотического, основанного не на насилии, а на изобилии, производимом торговлей и ремеслами. Не на войне, вот что принципиально важно. То есть в основу была положена коммуникативная система, основанная не на насилии, а на кооперации, возможности обмена. Тут особая роль рынка, но речь идет не только об экономической системе, но и о культурной, включающей установки на коммуникацию, согласование, терпимость, то, что собственно и входит в понятие «социальность».

А.В.: Это была хорошая модель, в частности, и в том смысле хорошая, что она оказалась более или менее реализуемой. Бывают модели менее реализуемые, например, построение светлого социалистического завтра во всем мире. Результат со временем достигается вроде бы совсем не тот, зато мобилизационный потенциал велик и удается добиться многого другого. Модели, конечно, меняются. И я подозреваю, что эдакий романтический этнонационализм, который больше похож на немецкий второй половины XIX века, а не на американский и не на французский, он у нас еще вполне себя может показать.

Б.Д.: Для страны, считающей себя великой?

А.В.: А в Германии разве себя великими не считали?

Б.Д.: Так вспомните, кто был враг? А здесь враг — Латвия!

А.В.: Нет, Америка — куда ж больше?

Б.Д.: До нее не достанешь... нет.

Л.Г.: В России основные достижения, то чем могут гордиться люди, что составляет позитивную основу для национальной идентичности, уже в прошлом. В будущем абсолютно нет ничего. Ну, может быть, то же, что и сегодня, но чуть лучше или полегче, поспокойнее. По нашим исследованиям, российское общество пессимистично, у него нет представлений о будущем.

А.В.: То есть мобилизация невозможна потому, что люди вообще не готовы ни на что мобилизовываться?

Л.Г.: Она возможна как негативная мобилизация. Вот напугать людей вы можете.

Б.Д.: Мобилизация отторжения.

А.В.: Например: «Так давайте мы выгоним наконец всех таджиков».

Л.Г.: Сказать «Давайте их выгоним» — да, но ни на какие позитивные действия, требующие коллективной солидарности, реализации общих проектов, наше нынешнее общество не способно. Можно на это посмотреть по-другому. Очень грубо: тоталитаризм начал разваливаться тогда, когда люди устали от утопии, от принудительного аскетизма, потеряли веру или идею «нового общества», когда «новый человек» стал карикатурой, «совком», предметом всеобщего стеба и самопоношения. Никакой новой энтузиастической программы сегодня не может быть, тем более что в империи «государствообразующему» народу, этносу не от кого освобождаться. Страна внутренне еще может сохранять какую-то форму, с антипатией и завистью относясь к работающему и богатому Западу и с глубокой обидой и нарочитым равнодушием к «младшим братьям», бежавшим из «лагеря социализма» и из «братства народов» СССР. Но это чувство национального единства абсолютно непродуктивно и бесперспективно. Точно так же ненависть к кавказцам или страх перед чеченцами на национальную идею не тянут, как бы ни старались кремлевские «шестерки» представить дело иначе.

Б.Д.: Общество все-таки отбитое, контужены в этом смысле все. Видимо, это цена выхода из десятилетий тоталитарного режима — утрачена способность ставить позитивные цели, жертвовать, мыслить на перспективу, накапливать и инвестировать в долгие вещи...

Л.Г.: Образованное сообщество (а интересно говорить о нем, потому что масса никакой продуктивной активности в этом смысле вести не может) темно и развращено, в том числе и умственно, своей готовностью обслуживать власть и помыслить себе, после конца коммунистического проекта, еще какое-то другое состояние оно не хочет и не может.

Б.Д.: Поэтому так хватается за чужую риторику: постмодерн, конец больших нарративов, хватит уже всяких там программ... Но там-то, откуда пришла эта риторика, эти программы реализованы.

Л.Г.: Если в какой-нибудь части нынешней культуры, в среде «высоколобых» (хотя, честно говоря, я такой не знаю), в массовой ли культуре, в сериалах или в живописи, в философии, в поэзии, хоть где-нибудь Вы обнаружите не плач и стенания и не бандитский шик, а увидите хоть какой-нибудь проблеск идеалистичности, пусть даже в зародыше, я тут же с Вами соглашусь, что возможен русский национализм.

А.В.: Идеалистичность в зародыше не может не существовать.

Вот, скажем, православная общественность носится теперь с Кинчевым — вот он скачет по сцене, весь такой идеалистический. Куда уж идеалистичнее? Что-то там про Русь поет.

Л.Г. и Б.Д.: Ну раз про Русь, тогда уж Газманова...

А.В.: Газманов — для другой аудитории.

Л.Г.: Это не позитив.

А.В.: Ну как? В эмоциональном смысле это позитив. Кинчев — как раз энтузиастический персонаж. Именно — не плач, а героический призыв. Проблема в том, что непонятно, как реализовывать героический призыв.

Б.Д.: Вы имеете в виду обозначение места героизма.

Л.Г.: Это ритуалы героического, если хотите, или, еще чаще, имитация прежней энергетики.

Б.Д.: Пожалуйста — энергетика фильмов «9-я рота» или «Дневной дозор», когда тебя раздавливают как зрителя стереозвуком и клиповым изображением так, что ты полностью парализован, будто тебя на иголку посадили. А с экрана излучается гигантская энергия, но это конечно имитация места героического. Потому что — к чему это, на что мобилизовываться, что делать?

Как Смеляков еще в 60-е годы писал: «Должны быть все-таки святые в любой значительной стране». Сознание этого есть, но тут

главное даже не то, что святые должны быть, а то, что страна значительная.

А.В.: Вы пишете в самом конце этой статьи: «...тем, кто исполняет роль «победителей» и стремится к полному контролю над политической жизнью, не нужны плохо сдерживаемые фобии и этнические антипатии. Они могут понадобиться, если ситуация изменится». Как следует понимать последнюю фразу?

Л.Г.: Ксенофобия может использоваться властью почти исключительно в очень конкретных случаях: например, для создания локальной атмосферы нетерпимости к этническим чужим (цыганам, чеченцам, азербайджанцам, китайцам) и поддержки каких-то определенных действий местной администрации (оправдания дискриминации турок-месхетинцев или армян в Краснодарском крае), давления на суд с целью оправдания Ульмана или Буданова и т.п. Но в стратегическом плане ксенофобия не нужна, власть боится неконтролируемых акций населения, в том числе протестов, беспорядков, погромов, и не знает, что с этим делать¹¹.

А.В.: То есть речь не идет о том, что может измениться сам подход власти к тому, как пользоваться ксенофобией? Потому что сейчас они ею пользуются утилитарно: попользовались и отложили, попользовались и отложили.

Б.Д.: Эта наша фраза — отчасти ответ на страхи наших читателей и редакторов: а вдруг власть воспользуется фашистами? И вот такой ответ: да, это козырь, он есть в рукаве. Возможность его использовать есть, ну, если что-то будет неладно, типа этих самых массовых выступлений старушек, тогда можно попробовать эту штуку как оттягивающую напряжение с другого края. Это реально, но скорее как угроза, как блеф, потому что следующий-то шаг какой — поджог рейхстага?

Л.Г.: «Борьба с фашизмом», которой заняты нынешняя администрация или политики «Единой России», — это чистое шулерство. Пугание фашизмом, на мой взгляд, — это полная подмена понятий. Справедливо было бы говорить о «русском нацизме» или «русском расизме» скинхедов

¹¹ Как это сегодня происходит в Кондопоге. — Прим. Л. Гудкова, добавленное в начале сентября.

или других молодежных люмпенизированных группировок, но не о фашизме. Фашизм (слово, которое совершенно спокойно можно переводить как «единство») — одна из разновидностей тоталитарных режимов. Наше государство представляет собой полуразвалившуюся систему тоталитарных институтов, и никаких других, оно в этом смысле не перестало быть «фашистским». Поэтому, собственно, «фашистов», «чекистов» или «коммунистов», по-моему, искать надо не там, где их пытаются найти, а в этой самой «вертикали власти»¹².

Именно там мы имеем дело с сохраняющимися чертами того, что называется «тоталитарным синдромом»: это взаимосвязь «госпартии» и бесконтрольного аппарата исполнительной власти, монополия на пропаганду и средства физического принуждения, репрессивная и неконституционная политическая полиция и т.п. Это именно тоталитарные структуры, частью распадающиеся, частью неплохо сохранившиеся с советского времени, а местами и восстанавливающиеся. Это хорошо видно на изменениях в системе высшего образования, а они отражаются на характере воспроизводства элиты. Сейчас явно усиливается государственный контроль за вузами.

Б.Д.: Система хоть полуразваленная, но она себя в полуразваленном виде воспроизводит, и механизмы работают, очень важные механизмы.

Л.Г.: Нынешняя кадровая политика, включая образовательную, это, по своим последствиям — прямая кастрация любой инновационной деятельности, в том числе националистической.

А.В.: Мы все видим, как власть использует массовый ксенофобный потенциал в различных целях. Видим, что использует характерные им-

¹² В политической науке понятие «фашизм» можно применять к устройству государства и общества и к политическому или общественному движению. Соответственно, в многообразии определений фашизма можно выделить те, которые пытаются охватить оба эти разнородных объекта (как, например, определение, данное Российской академией наук по запросу президента Ельцина), и те, которые подходят только к государству или только к движению. Когда сейчас в России говорят о «русском фашизме», чаще имеют в виду движение.

Фашистские движения определяют в науке тоже очень по-разному, в частности в настоящем сборнике приводится очень удачное гриффиновское определение фашизма (см. в статье А. Умланд). Но ко всему спектру националистических течений это понятие применять, действительно, некорректно: следует говорить скорее о разных формах национализма и расизма, от крайне жестких до относительно мягких (см. статью В. Шнирельмана).

перские, ностальгические и антимодернизационные символы. Все вроде согласны, что здесь есть явная положительная динамика. И как далеко эта динамика может пойти? Ведь есть какой-то предел, когда происходят уже качественные изменения.

Л.Г.: Не совсем. Когда мы говорим, что уровень ксенофобии — около 60 процентов, мы говорим именно о распространении идей, образцов, об отсутствии других идей, подходов, представлений, ценностей. Но мы не говорим об интенсивности поддержки.

А это важно, потому что для того, чтобы мобилизовать поддержку, нужна определенная ее интенсивность.

Большинство населения, которое говорит «Выкинуть всех черных из городов», говорит это, поскольку в голове почти ничего другого нет. Но сами они не будут этого делать.

А.В.: Означает ли это, что у власти нет мотива усиливать националистические настроения, поскольку это не увеличивает поддержку власти?

Б.Д.: А куда больше?

А.В.: Тем не менее, импорт властью националистических идей и образцов из общественного движения — националистического, в данном случае — происходил и происходит, и почему можно считать, что он не будет продолжаться? А если экстраполировать этот процесс на 50 лет...

Б.Д.: Нет, я думаю, этот процесс втягивания ксенофобии во власть завершается, достигнуто состояние равновесия. Вряд ли будет продолжение, потому что в нем нет необходимости.

Л.Г.: Опираясь только на одну ксенофобию или радикальные формы националистической ненависти, вы потеряете массовую поддержку. Никакая монополия на информацию и пропаганду уже не спасет. Это не спасло казавшуюся вечной систему брежневских времен, когда был полный контроль над информацией, если не считать самиздата, тем более мало что даст нынешняя зачистка медийного поля. Как только предлагаемый властями образец становится единственным, безальтернативным и тотальным, официоз теряет всякую силу убедительности.

А.В.: Ну, до этого все-таки еще далеко.

Л.Г.: Далеко, потому что общество в очень большой степени утратило свои мобилизационные способности, это усталое общество.

Оно, как показывают наши многолетние наблюдения, все более вяло реагирует на раздражители или сигналы угрозы, даже на Чечню, даже на угрозу терроризма. Реакция — апатия. Это классическая картина депрессии.

А ведь именно благодаря эксплуатации этих тем у нас произошла ликвидация многопартийности, парламент потерял свои функции, чекисты установили контроль над всем абсолютно — от библиотеки до нефти.

Ну, вот и все. Уже и на этом ресурсе поднять ничего...

А.В.: Пусть «партия власти» — наименее ксенофобская среди всех. Но эта многопартийная конструкция может целиком сдвигаться в сторону большей ксенофобии.

Л.Г.: Да, может, но недалеко.

Б.Д.: Публичный отказ первых лиц от сотрудничества с Западом — вещь невозможная. Взбрыкнуть ножкой — это можно. А без этого банка открыта и достичь в ней такого давления, чтобы можно было на национализме построить всю политику, — это нереально.

Л.Г.: Тут еще один момент есть. Эта власть больше всего заинтересована в стабильности. Это временщики, им не нужно колебание ситуации ради достижения какой-то стратегической цели, поэтому слишком сильное акцентирование ксенофобии не приветствуется. Они ее дозируют.

Б.Д.: Они хотели бы, чтобы им как можно меньше мешали, кто бы то ни было — Запад, националисты, радикалы...

Л.Г.: Рост национализма во власти в последние годы шел пропорционально замещению реформаторов чекистами, третьими-четвертыми рядами номенклатуры. Подтягивался отработанный, в общем-то, человеческий материал и он приносил представления не инновационного, а защитного характера. Этот процесс замещения кадров завершается. Это раз. А во-вторых, мобилизационный потенциал все время падает.

Б.Д.: Нам кажется, что некое осмотическое равновесие практически достигнуто. Но при прочих равных: при очень слабой самоорганизации социума, при тяжелой растерянности и апатии, при нефтегазовом, если не благополучии, то хотя бы какой-то ровности в этом смысле по сравнению с 98-м годом.

Сведения об авторах

Верховский Александр Маркович (р. 1962) — директор Информационно-аналитического центра «СОВА». До 2002 года — вице-президент Центра «Панорама». Автор книг «Государство против радикального национализма» (2002), «Политическое православие» (2003), соавтор ряда книг, включая «Политический экстремизм в России» (1996), «Национал-патриотические организации в России» (1996), «Национализм и ксенофобия в российском обществе» (1998), «Политическая ксенофобия» (1999), «Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России» (2002), «Цена ненависти» (2005) и др., ряда научных публикаций в России и за рубежом.

Гудков Лев Дмитриевич (р. 1946) — социолог, доктор философских наук, руководитель Отдела социально-политических исследований Аналитического центра Юрия Левады, заместитель главного редактора журнала «Вестник общественного мнения». Преподаватель социологии в Институте европейских культур при РГГУ и Московской высшей школе социальных и экономических наук. Автор и соавтор книг по теории и методологии социологии, по социологии культуры и литературы, этнонациональным проблемам, трансформации постсоветского общества, в том числе: «Простой советский человек» (1993), «Attitudes Toward Jews in the Commonwealth of Independent States» (1994, в соавторстве с А.Левинсоном), «Метафора и рациональность как проблемы социальной эпистемологии» (1994), «Литература как социальный институт» (1994), «Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. (1995, обе — в соавторстве с Б. Дубинным), «Негативная идентичность» (2004), «La Russia postcommunista. Da Gorbaciov a Putin» (2005, в соавторстве с В.Заславским) и др.

Дубин Борис Владимирович (р. 1946) — социолог, ведущий научный сотрудник Аналитического центра Юрия Левады. (Левада-Центр, до сентября 2003 г. — ВЦИОМ). Автор работ о современном российском обществе, социологии межпоколенческих отношений, религии, культуры и массовых коммуникаций, включая книги «Литература как социальный институт» (1994), «Интеллигенция» (1995, обе — в соавторстве с Л. Гудковым), «Слово — письмо — литература» (2001), «Интеллектуальные группы и символические формы» (2004). Переводчик европейской и американской словесности.

Дубровский Дмитрий Викторович (р.1970) — этнолог, магистр этнологии, зав. отделом современной этнографии, межнациональных отношений Российского этнографического музея. Сотрудник Европейского университета в СПб, преподаватель Смольного института свободных искусств и наук. Соавтор монографии «Язык вражды в русскоязычном Интернете» (2004), ряда статей по проблемам ксенофобии и языка вражды.

Кожевникова Галина Владимировна (р. 1974) — историк, кандидат исторических наук. Специалист по истории российской государственности. Заместитель директора Информационно-аналитического центра «СОВА», до этого — сотрудник Центра «Панорама». Автор ряда публикаций по проблемам национализма и ксенофобии в современной России, включая «Язык вражды в предвыборной агитации и вне ее» (2004) и все кварталные и ежегодные доклады Центра «СОВА» по преступлениям на почве ненависти и противодействию им.

Козлов Алексей Юрьевич (р. 1975) — активист и политолог, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, директор программ Фонда «За экологическую и социальную справедливость». Автор более двух десятков публикаций по проблеме ксенофобии и расизма, автор-составитель ежегодного специального доклада «Ксенофобия и расизм в Воронежской области». Активный участник российского антифашистского движения с 1996 года.

Ларюэль Марлен (р. 1972) — историк и политолог, доктор исторических наук, специалист по национализму и националистическим идеологиям в России и в Средней Азии. Автор монографии «Идеология русского евразийства» (2004), монографий на французском языке о русских в Казахстане и об арийском мифе в России в XIX веке, ряда статей по различным идеологическим течениям современного русского национализма. Работает в Международном центре Вудро Вильсона в Вашингтоне.

Прибыловский Владимир Валерианович (р. 1956) — историк, президент Центра «Панорама». Автор ряда книг по постсоветской политике, начиная со «Словаря новых политических партий и организаций России» (четыре издания 1991-93). Соавтор ряда книг, в том числе: «Кто есть кто в российской политике» (1994), «Политический экстремизм в России» (1996), «Национал-патриотические организации в России» (1996), «Национализм и ксенофобия в российском обществе» (1998), «Политическая

ксенофобия» (1999) и др. Перевел на русский язык «Animal Farm» Джорджа Орвелла (в 1986 в США, трижды в 1989–1990 в СССР).

Соколов Михаил Михайлович (р. 1977) — социолог, кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург), доцент факультета политических наук и социологии Европейского университета в Петербурге. Автор ряда статей, посвященных русскому радикально-националистическому движению.

Умланд Андреас (р. 1967) — историк и политолог, доктор философии по истории, специалист по сравнительной политологии и правоэкстремистским политическим партиям в России. Редактор книжной серии «Soviet and Post-Soviet Politics and Society» и автор ряда статей по различным течениям современного русского ультранационализма. Лектор Немецкой службы академического обмена в Киевском национальном университете им. Тараса Шевченко.

Шнирельман Виктор Александрович (р. 1949) — этнолог, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, специалист по этничности, национализму и расизму. Автор книг «Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia» (1996), «The Value of the Past. Myths, Identity and Politics in Transcaucasia» (2001), «The Myth of the Khazars and Intellectual Antisemitism in Russia, 1970s — 1990s» (2002), «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье» (2003), «Интеллектуальные лабиринты. Очерки идеологий в современной России» (2004), «Лица ненависти (антисемиты и расисты на марше)» (2005), «Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке» (2006) и др.

Для заметок

Для заметок

Для заметок
